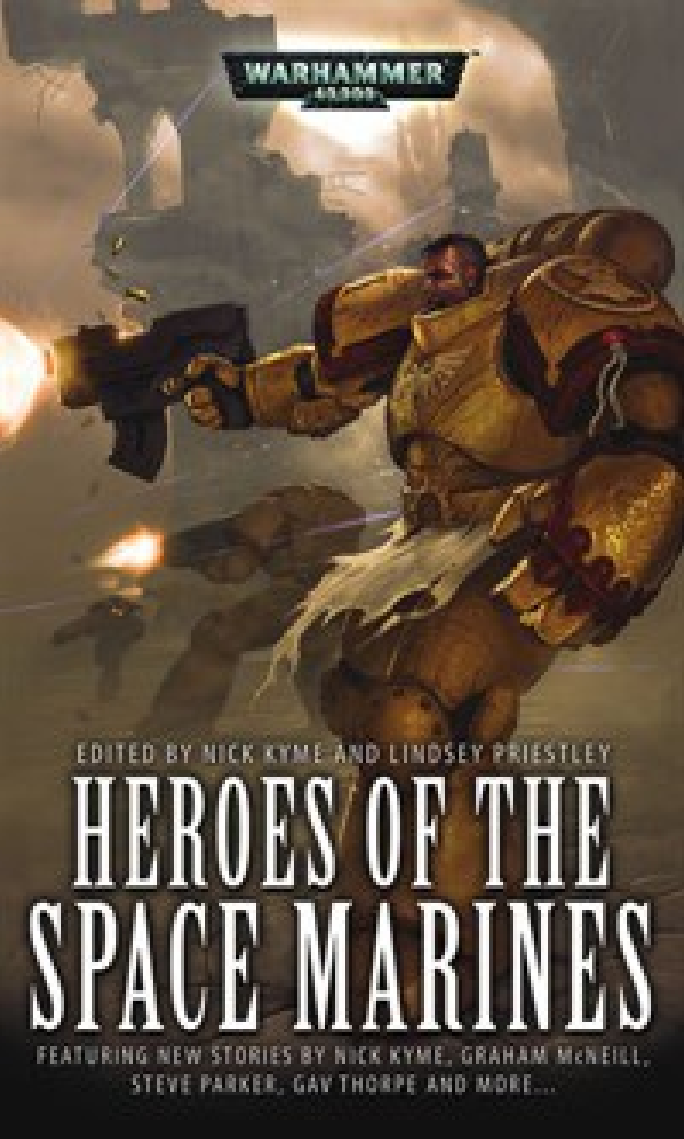

The background of the cover is a dramatic, high-contrast illustration of a Space Marine in full golden armor. The Marine is shown from the waist up, angled towards the left, holding a large, black, futuristic power fist. A bright orange and yellow flame or energy burst emanates from the fist. The Marine's armor is highly detailed with rivets, plates, and a white feathered skirt. The background is a dark, cloudy sky with a bright, glowing light source, possibly a sun or a distant planet, creating a silhouette effect on the Marine's armor. The overall tone is gritty and heroic.

WARHAMMER

40,000

EDITED BY NICK KYME AND LINDSEY PRIESTLEY

HEROES OF THE SPACE MARINES

FEATURING NEW STORIES BY NICK KYME, GRAHAM McNEILL,
STEVE PARKER, GAV THORPE AND MORE...

Annotation

Во мраке вселенной Warhammer 40000, в Галактике, охваченной войной, человечеству угрожают бесчисленные враги. Единственной надежной защитой от них являются космические десантники, воины сверхчеловеческой силы и выносливости, венец генетических экспериментов Императора. Антология «Герои Космодесанта» собрала под своей обложкой рассказы об этих храбрых бойцах и их темных братьях — космических десантниках Хаоса.

В сборник вошли произведения, относящиеся к следующим циклам: «Ультрамарины» Грэма Макнилла, «Саламандры» Ника Кайта, «Имперские Кулаки» Криса Робертсона, а также рассказы о «Карауле Смерти» и «Повелителях Ночи», чья ненависть пылает ярче звезд.

- [АНТОЛОГИЯ](#)

- - [Грэм Макнилл](#)
 - [Крис Робертсон](#)
 - [Гэв Торн](#)
 - [Дилан Оуэн](#)
 - [Ник Кайл](#)
 - [Ричард Форд](#)
 - [Стив Паркер](#)
 - [Даррен Кокс](#)
 - [Нитер Фехервари](#)
 - [Аарон Дембски-Богден](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
-

АНТОЛОГИЯ ГЕРОУ КОСМОДЕСАНТА под редакцией Ника Кайта и Лунси Нристли

Сорок первое тысячелетие. Уже более ста веков Император недвижит на Золотом Троне Терры. Он -- Повелитель Человечества и властелин триадов планет, завоеванных могуществом Его неисчислимых армий. Он -- полутруп, неупловитую искру жизни в котором поддерживают древние технологии, ради

чего ежедневно приносится в жертву тысяча душ. И поэтому Владыка Империи никогда не умирает по настоящему.

Даже в своем нынешнем состоянии Император продолжает миссию, для которой появился на свет. Могучие боевые флоты пересекают кишачий демонати Варн, единственный путь между далекими звездами, и путь этот освещен Астрономиком, зримым проявлением духовной воли Императора. Огромные армии сражаются во имя Его на бесчисленных мирах. Величайшие среди его солдат — Агентус Астартес, костические десантники, генетически улучшенные супервоины.

У них много товарищей по оружию: Имперская Гвардия и бесчисленные Силы Планетарной Обороны, вечно бдительная Инквизиция и техножрецы Агентус Механикус. Но, несмотря на все старания, их сил едва хватает, чтобы сдерживать извечную угрозу со стороны ксеносов, еретиков, мутантов и других, более опасных врагов.

Быть человеком в такое время --- значит быть одним из миллиардов. Это значит жить при самом жестоком и кровавом режиме, который только можно представить.

Забудьте о достижениях науки и технологии, ибо многое забыто и никогда не будет открыто заново.

Забудьте о перспективах, обещанных прогрессом, о взаимопонимании, ибо во мраке будущего есть только война. Нет мира среди звезд, лишь вечная бойня и кровопролитие да слез жаждущих богов.

Грэм Макнилл

ЖАТВА ЧЕРЕНОВ

Прокатившись по полу, голова остановилась, и остекленевшие глаза мертво уставились на посетителей бара. Один быстрый удар ребром ладони, смертоносный, как клинок, — и голова воина слетела с плеч, прежде чем он успел прорычать до конца свой вызов.

Однако тело продолжало стоять. Убийца сжимал край заляпанного алым нагрудника в сером тосластом кулаке. Под головой скопилась лужа крови. Кровь была и из обрубка шеи. Неожиданно ноги трупа задержались, словно он все еще пытался ускользнуть от судьбы. Отпустив нагрудник, убийца отвернулся, и тело с грохотом обрушилось на покрытый слоем золы и пыли пол.

Убедившись, что больше ничего интересного не будет, завсегдаги баравернулись к своей выпивке и козням — ибо в подобных местах собирались лишь те, кто вынашивал планы мести, убийства, грабежа и насилия.

Хонсю из Железных Воинов не был исключением. Кровавая демонстрация, только что устроенная его чемпионом, ознаменовала первую ступень грандиозного замысла.

Воздух в зале сгустился от вони горелого масла и интриг. Клубы дыма возносились к тяжелым стропилам, которые, судя по их виду, некогда были частью костячатого корабля. Неровные кирпичные стены поддерживали крышу из гофрированного железа. Сквозь щели и пулевые отверстия пробивались острые и резкие, как ослепительно-белое небо Медренгарда, световые лучи.

Убийца слизнул с ладони кровь. Хонсю ухмыльнулся: он успел изучить это существо достаточно хорошо, чтобы заметить в блеклых глазах и напряженной позе желание продолжить бойню. Оно

называло себя Новорожденным и носило потрепанную броню тускло-серого цвета. Его наплечники окаймляли желтые и черные полосы, а на широкие плечи наброшена была мантия цвета охры из грубой ткани. Существо походило на Железного Воина во всем, кроме одного: лицо ему заменяла кожаная маска, в точности повторявшая черты человека, которого Хонсю собирался однажды убить. Сшитое из кожи умерщвленных пленников, лицо Новорожденного было ликом полночного убийцы, ужаса, крадущегося во тьме и отражающего сны боязливых.

Существо обернулось к Хонсю, и тот при взгляде на валявшийся на полу труп почувствовал отзвук восхитительного возбуждения.

— Отличная работа, — осклабился Хонсю. — Бедный ублюдок даже не успел договорить свое оскорбление.

Пожав плечами, Новорожденный уселся за стол напротив него:

— Он был никем. Просто воин-невольник.

— Верно, но кровь из него хлестала не

хуже, чем из любого другого.

--- Как бы после этого убийства ты не стал «любимым другом» для его хозяина, --- откликнулся Новорожденный.

--- Хорошо, что ублюдок сдох сейчас, а не после того, как мы его завербовали и он повел нас в бой, --- прокричал Кагарас Грендель с другого конца стола, опрокинув в себя кружку ядовитого пойла. --- Если в ближайшие дни нам предстоит серьезная грабежа, не хочу, чтобы под ногами путалась всякая шваль.

Грендель был жестокой скотиной, закованным в броню убийцей, которого интересовали лишь кровь и страдания ближних. Когда-то он сражался на стороне одного из враждебных Хонсю Кузнецов Войны, но после поражения быстро сменил хозяина. Несмотря на это, Хонсю прекрасно осознавал, что Гренделя удерживает у него на службе лишь обещание грядущей резни и что преданности от негодая стоит ждать не больше, чем от сидящего на цепи волка. Рубцы и рытвины шрамов изуродовали его и без того грубую физиономию. Короткий

прокез довершал картину.

--- Можете мне поверить, --- сказал воин, сидевший рядом с Гренделем, --- Жамба Черенов быстро отсеет всю шваль. Только самые сильные и жестокие доживут до конца.

Хонсю согласно кивнул:

--- Тебе ли не знать, Ваанес. Ты ведь уже бывал здесь.

Аргарик Ваанес, гибкий и элегантный красавец в черной как сталь броне Гвардии Ворона, был полной противоположностью Гренделя. Темные волосы Ваанес собирал в тугой узел на затылке, а глаза, полуприкрытые тяжелыми веками, смотрели с орлиного лица. На щеках воина проступали ритуальные шрамы.

С тех пор как Хонсю нанял его тренировать Новорожденного, бывший костодесантник сильно изменился. Хонсю никогда бы не поверил, что воин, некогда преданный Ложному Императору, сможет полностью отбросить заветы своего прежнего властелина, однако, судя по словам Гренделя о поведении Ваанеса на

орбитальной батарее Тарсис Ультры, для подозрений не было оснований.

--- Это так, --- согласился Ваанес. --- У меня не могу сказать, что я рад возвращению. Сюда не стоит являться, если ты не подготовился к худшему. Особенно во время Жатвы Черепов.

--- Мы готовы к худшему, --- ответил Хонсю.

Нагнувшись, он поднял оторванную голову и водрузил на стол. На мертвом лице застыло удивленное выражение. Хонсю задался вопросом, хватило ли удивителю времени увидеть, как закружился бар, когда его башка покатила по полу. Кожа покойника была восково-бледной и влажной, а на лбу, над татуировкой восьмиконечной звезды, проступала ритуальная метка --- красный череп.

--- Поэтому мы здесь и собрались, и поэтому я велел Новорожденному его прикончить.

Подобно своим воинам, Хонсю сильно изменился с тех пор, как на Тигре Кордатус началось его восхождение к власти. Руку ему заменял новый

серебряный протез. Болтерный снаряд разнес левую часть лица воина, превратив ее в кровавую кашу, а левый глаз вытек. Теперь вместо глаза красовался бионический имплантат. Но сколь бы сильно Хонсю ни изменился физически, он знал, что внутренние перемены зашли куда глубже.

Баанес перегнулся через стол и взял голову в руки, держа ее так, чтобы кровь стекала по перчаткам. Хонсю заметил, как при этом расширились глаза Баанеса, как затрепетали его ноздри, вдыхая запах смерти, как пальцы ласкали мертвую плоть.

--- Он был одним из людей Наштока Улүвента, --- заключил Баанес.

--- Кого?

--- Агента Бога Крови, --- ответил Баанес, перевернув голову и указав на метку на лбу. --- Это его знак.

--- Влиятельная персона? --- поинтересовался Грендель.

--- И даже очень. Он много раз участвовал в Жатве Черепов, чтобы завербовать бойцов в свой отряд.

--- Он побеждал?

--- Те, кто не побеждает в Жамбе, становятся покойниками, --- отозвался Ваанес.

--- Убийство одного из людей Улүвента должно привлечь его внимание, --- сказал Хонсю.

--- По-моему, только что привлекло, --- сообщил Трендель, с широкой ухмылкой кивнув в сторону двери.

К их столу направлялся высоченный воин в доспехах, которые некогда были черно-желтым, а теперь настолько пропитались кровью, что приобрели винно-ржавый оттенок бургундского.

Трендель потянулся к оружию, но Хонсю покачал головой.

Шлем вошедшего украшали рога, а из-под визора торчали два кабаньих клыка. Хонсю не мог сказать наверняка, являлись ли клыки элементом доспехов или частью тела воина. На нагруднике гиганта был выгравирован тот же символ, что и на лбу мертвеца, а дыхание вырывалось из его груди с хрипом, напоминавшим ворчание голодного зверя. В руке гость сжимал

бронзовый топор с запятым кровью
лезвиет, по которому пробежали огненные
блики.

Воин поставил топор на пол древком
вверх и стукнул кулаком по нагруднику.

--- Я --- Возок Дол, слуга Трона
Черепов, и я пришел за твоей жизнью.

Хонсю быстро оценил
потенциального противника.

Возок Дол был из костогесантников.
Судя по двум скрещенным косам на его
наплечнике, в свое время он принадлежал к
ордену Императорских Кос, но сейчас
сражался во имя кровожадного бога,
который упивался лишь войной и
убийством. Он наверняка силен и искусен, а
в жажде славы и боевых почестей не
уступит даже тем, кто все еще верен
Империи.

--- Я думал, твой орден мертв, ---
заметил Хонсю, поднимаясь на ноги. ---
Разве флоты-ульи не превратили твой
мир в безжизненную скалу?

--- Ты говоришь о том, что тебя не
касается, червь! --- рывнул Дол. --- Я здесь,
чтобы убить тебя, так что берись за

оружие.

--- Вот видишь, --- ответил Хонсю, покачивая головой, --- каждый раз одна и та же ошибка. Вы, агенты Кровавого Бога, слишком много болтаете.

--- Тогда хватит разговоров, --- выкрикнул Дол. --- Дерись!

Не тратя времени на ответ, Хонсю выхватил из-под стола свой топор. Черное лезвие отливало глянцем и, казалось, впитывало каждый квант света, илевший неосторожность его коснуться.

Хонсю был быстр, но Дол оказался быстрее и сумел заблокировать удар. Воин Кровавого Бога взмахнул топором, готовый рассечь врага надвое. Хонсю пригнулся и вогнал рукоять своего оружия в живот противника, а затем отскочил, избегая ответного удара. Лезвие прошло в миллиметре от его головы, и воина обдало жаром порожденного в варне оружия.

Он взялся за рукоять двуручным хватом и пошире расставил ноги, встречая атакующего Дола. Воин Кровавого Бога был проворен, а от его яростного рева тряслись даже стены, но

Хонсю пришлось биться и с противниками пострашнее Возока Дола --- и выжить.

Хонсю шагнул вперед и вскинул руку, чтобы заблокировать удар. Лезвие топора обрушилось вниз и крепко застряло в предплечье Хонсю. Подобно Новорожденному и Кагарасу Гренделю, воин был облачен в тускло-стальные доспехи Железных Воинов, но рука, попавшая под удар топора Возока, сверкала чистым серебром.

Дол удивленно рыкнул --- он явно ожидал, что любой сраженный его топором упадет и больше не встанет.

Удивление стоило ему жизни.

Воин Бога Крови потянул за рукоять, но оружие засело намертво. Хонсю занес топор над головой и ударил по наклонной дуге, вознав глянцевито-черное лезвие в такую же точку противника. Топор разрубил шлем Дола, череп и шею, прежде чем застрять в его груди.

Возок Дол упал на колени и завалился на бок, увлекая за собой противника. Грузное тело мучительно согнулось,

когда заключенный в оружии Хонсю демон Варна добрался до души побежденного и потехи ради разорвал ее на куски.

Из разрубленного черепа бил алый фонтан --- однако и после того, как дух воина сгинул, хватка Дола на рукояти топора не ослабла.

Вдоль края засевишего в предплечье Хонсю лезвия вспыхнула ярко-оранжевая полоска, похожая на пламя ацетиленовой горелки. Секунду спустя топор отделился от серебряной руки и грохнулся на пол. В лезвии виднелась большая полукруглая выемка. Горевший в топоре Возока свирепый огонь угасал по мере того, как его сила переходила к оружию победителя. На руке Хонсю не осталось и вмятины --- конечность вновь стала идеально гладкой, словно только что вышла из кузницы серебряных дел мастера. Хонсю не знал и не задавался вопросом, откуда берется эта способность к регенерации, --- достаточно, что магическая конечность вновь его спасла.

Победитель встал в полный рост над трупом поверженного Возока Дола.

позволяя завсегдатаям бара хорошенько себя рассмотреть.

--- Я Хонсю из Железных Воинов! ---
прооревел он, поднимая над головой топор. ---
Я пришел на Жатву Черепов, и я никого не
боюсь! Каждый, кто считает, что достоин
присоединиться ко мне, может явиться в
мой лагерь. Ущите зная Железного
Черепа на северном гребне.

Хонсю уже направлялся к двери, когда
из-за стола поднялся человек в
потрепанном бронежилете. За плечом его
висела глинная винтовка, черты лица
были грубы, а на лоб сползал старый
гвардейский шлем.

--- Каждый военачальник заявляется
сюда с грандиозными планами, --- произнес
человек. --- Что такого особенного в твоём?
Большинство никогда не возвращается,
так с чего я должен граться за тебя?

--- Как тебя зовут?

--- Неттар. Хайн Неттар.

--- Потому, что победа достанется
мне, Хайн Неттар.

--- Все вы так говорите, --- возразил
Неттар.

Хонсю взвалил топор на плечо и ответил:

--- Все говорят, а я делаю.

--- И с кем же ты намерен воевать, если уцелеешь в Жамбе?

Хонсю широко улыбнулся:

--- В пламени моего крестового похода сгорят миры Ультратара.

--- Ультратар? --- повторил Петтар. ---

--- Теперь я знаю, что ты чокнутый; это не война, а самоубийство.

--- Возможно, --- откликнулся Хонсю. ---

А может, и нет. Но если это не достойная битва, то ради чего остается жить?

Напряженность и предчувствие опасности захлестнули горный городок. Воины всех мастей заполнили улицы, площади и узкие переулки, извивавшиеся между кособокими постройками из кирпичей и мусора. В преддверии близящейся Жамбы горожане нервничали, готовые при малейшей провокации схватиться за пистолет или меч. Хонсю чувствовал эти грозные течения не менее ясно, чем агент Цицерин, преобразенный

магос, читал потоки варна, и понимал, что взрыв возможен в любую секунду. Что, впрочем, и предполагалось.

Небо пылало всеми цветами северного сияния, переливаясь неестественными оттенками, уместными лишь в галлюцинациях безумца. Между воронками вихрей проскочил зигзаг молнии, и Хонсю отвернулся от волнующего спектакля. Только беснущиеся отваживались смотреть в грозную бездну этого неба. Воитель хмыкнул, вспоминая, как одно из населяющих разноцветные вихри созданий на время одолжило его тело.

Немощные, кишащие людьми улицы спускались вниз по склону. Хонсю пристально вглядывался в толпу, выскивая старых врагов, новых соперников или просто стельчака, который пожелал бы добыть себе славу в сражении с равным.

Вдоль обочин выстроились лоточники и шарлатаны. Их товары источали странные запахи, а зазывные крики сулили небывалые удовольствия и диковинки, которые можно было отыскать лишь в самом сердце Мальстрема: сосуды

с кошмарами, клинки из демонической стали, плотские утехи с куртизанками, преображенными варпом, наркотическую вытяжку из созданий, населяющих империум, и средства вечной молодости.

Вдобавок к самодовольно расхаживающим пиратским шайкам, кланам наемников и случайным бродягам на перекрестках улиц стояли одинокие воины, похвалявшиеся мастерством и охотно демонстрировавшие свои навыки. Серокожий локсатль взбирался на башню по стенке из темного кирпича; при этом оружие, закрепленное на его панцире, двигалось и наводилось на цель без помощи рук. Облаченный в мантию скиф без ущерба для себя бил яд перед глазами аудитории, а рядом группа тяжелооруженных мужчин и женщин развлекала собравшихся фехтованием на мечех и топорах. Другие поражали зевак ловкостью в обращении с огнестрельным оружием, стреляя по летящим мишеням и показывая прочие чудеса меткости.

— Кто-нибудь из них тебе

приглянулся? — спросил Кадарас Грендель, кивнув на участников показательных боев.

Хонсю покачал головой:

— Нет, это просто клоуны. По-настоящему искусные воины не станут так рано раскрывать карты.

— Разве не это мы только что сделали? — невинно поинтересовался Ваанес.

— Мы здесь новички, — объяснил Хонсю. — Надо было создать себе имя, но, думаю, Папшток Улувент выполнит эту работу за нас, когда попытается на нас напасть.

— Ты заставил меня убить того человека, чтобы спровоцировать нападение? — спросил Новорожденный.

— Точно, — ответил Хонсю. — Надо было, чтобы собравшиеся здесь воины знали меня и уважали, но я не собирался расхаживать по улицам, как эти придурки, и объяснять всем встречным, какой я могущественный. Теперь это сделают за меня другие.

— При условии, что Улувент нас не прикончит.

— Это да, — согласился Хонсю, — но я никогда не говорил, что наше предприятие обойдется без риска.

Они шли по городским улицам, из темной ночи попадая в палящий солнечный свет и в беззвучные и безжизненные пустоты, где каждый шаг, казалось, занимал вечность. Медренгард, родной мир Хонсю, находился в глубинах Ока Ужаса, так что воин был не понаслышке знаком с хаотичной пляской затронутых варпом миров, — однако изменчивость окружающего горю ландшафта нервировала.

Он взглянул на вершину горы, где, подобно гигантской черной короне, раскинулась величественная цитадель местного властителя. Крепость была высечена прямо в скале — в центральном пике выдолбили внутренние помещения, а внешний слой породы превратили в неприступную твердыню, из которой ее хозяин мог руководить истреблением целого сектора.

Закругленные редуты и

стратегически расположенные бастионы
врезались в камень, отсекая подходы к
верхней части горы, а снизу бесконечные
кольца колючей проволоки, словно
терновые поля, покрывали каждую пядь
вплоть до огромной, утыканной шипами
нагвратной башни.

При виде столь неприступной
твердыни душа Хонсю затрепетала от
восторга, понятного каждому Железному
Воину.

Мощные защитные башни цитадели
ощетинились орудиями, способными
разнести в клочки самый
тяжеловооруженный костяк корабля
и стереть с лица земли любую армаду,
остелившуюся выступить против хозяина
крепости.

Даже во времена расцвета Халан-Гол
не мог похвастаться столь внушительным
вооружением.

Аргарик Ваанес склонился к Хонсю и
указал на ближайшее нацеленное в небеса
орудие:

--- «Большие пушки не знают
усталости» --- разве это не то, что он

всегда говорит?

--- Но слыхал, так и есть, ---
согласился Хонсю, --- но если случившееся
на Медренгарде чему-то меня научило,
так это тому, что крепость с места не
сдвинешь и атака на нее --- лишь вопрос
времени. Эта цитадель впечатляет, не
спору, но больше я крепостей не строю.

--- Никак не ожидал услышать от
Железного Воина, что он устал от
крепостей.

--- Я не устал от крепостей, Ваанес, ---
с утешкой возразил Хонсю, --- я лишь
решил перенаправить силы на их
разрушение.

Хонсю устроил лагерь на северном
отроге горы, в месте, защищенном самой
природой. С трех сторон площадка отвесно
обрывалась в пропасть, туда, где тысячей
метров ниже распростерлась равнина. В
обычных обстоятельствах позиция не
подходила для постройки укреплений ---
слишком легко было заблокировать
единственный выход. Однако Хонсю не
собирался задерживаться здесь надолго.

Его бойцы в жесткой перестрелке очистили местность от прежних обитателей. Уцелевших принесли в жертву богам, скинув в пропасть.

Зная с Железным Черепом, разведывалось над временной крепостью Хонсю — неприглядным сооружением из обтянутых проволокой сеткой мешков, набитых песком, землей, камнями и щебнем. Сплошной ряд этих импровизированных туров тянулся вдоль склона, а из оставшихся построили башни для установки орудий.

Но правде, это была скорее защитная стена, чем форт. Конструкция не шла ни в какое сравнение даже с самой захудалой из цитаделей Кузнецов Войны на Медренгарде, но Хонсю укрепил ее как мог, и на время Жатвы Черепов этого должно было хватить.

Когда Хонсю и его воины приблизились к воротам, адамантиевые створки распахнулись. Орудия, установленные на приземистых башнях по обе стороны от ворот, держали людей на прицеле, пока те не прошли внутрь. На

стене дежурили две дюжины Железных Воинов в пыльных и изрядно потрепанных местным непредсказуемым климатом доспехах. Прочие бойцы рассыпались по лагерю или остались на борту «Отрогья войны» — старого и заслуженного корабля, который доставил их сюда и теперь беспокойно кружил по орбите среди чужих флотилий.

Хонсю направился пряником к сложенному из железных листов шатру, расположенному в центре лагеря. Шатер окружала дополнительная стена из массивных, наполненных землей туров. Поднятое над крышей знамя хлопнуло и забило на ветру, демонстрируя презрительный оскал Железного Черепя, как будто бросающего вызов всему миру. Трендель, Ваанес и Новорожденный последовали за командиром мимо двух рослых воинов, охранявших вход в шатер. Облаченные в терминаторскую броню и вооруженные глиняными пиками с серповидными наконечниками, гигантские преторианцы стахивали на две металлические статуи, и тела их

казались столь же незаблестимы, как и их сердца.

Стены внутри шатра покрывали карты с изображениями рукавов галактики, планетарных орбит и диаграмм звездных систем, а также разнообразные мистические символы, запечатленные на кусках человеческой и нечеловеческой кожи. В центре стояла кровать с железной рамой, ее окружали металлические ящики с книгами и свитками. Аромат курений, струившийся из трех тлеющих жаровен, должен был привлечь благосклонное внимание богов.

Хонсю поставил топор на стойку с оружием и наполнил кубок водой из медного кувшина. Своим спутникам командир напиться не предложил. Прежде чем обернуться к ним, Хонсю сделал долгий глоток.

--- Итак, --- начал он, --- что думаете о нашей первой вылазке?

Трендель налил себе воды и проворчал:

--- Неплохо, хотя мне так и не удалось никого убить. Если этот Пашток Улүвент так же безутен, как все последователи

Бога Крови, которых я встречал, ответа нам долго ждать не придется.

--- Ваанес? Я хочу знать твое мнение. Ты уже сражался в Жамбе -- что произойдет дальше?

--- Для начала тебя вызовут в цитадель, чтобы ты засвидетельствовал почтение нашему хозяину, -- ответил Ваанес, лениво вынимая книгу из ближайшего ящика. -- Затем последует день жертвоприношений, а после начнутся состязания.

--- Почтение, -- сплюнул Хонсю. -- Ненавижу это слово. Ни один человек не достоин моего «почтения».

--- Так или нет, -- произнес Ваанес, -- но ты недостаточно силен, чтобы нарушать правила.

Хонсю кивнул, признавая его правоту, -- хотя ему претило кланяться и лебезить перед кем бы то ни было, пусть даже итеющим столь зловещую репутацию, как владыка этого мира. Он вырвал у Ваанеса книгу и швырнул на кровать.

--- А после всех этих почтений и

жертвоприношений --- что случится
потом?

--- Потом начнется бойня, --- ответил
Баанес, глядя на Хонсю в
замешательстве. --- Предводители разных
банг бросают друг другу вызов, чтобы
заполучить воинов соперника. В основном
на вызов отвечают чемпионы. Только
когда ставки возрастают до предела, в
схватку вступают командиры.

--- Вызов --- это просто поединок? ---
спросил Хонсю.

--- Иногда. В последнем бою наверняка
так и будет, но до этого вызов может
принять любую форму. До того как
выйдешь на арену, почти никогда не
знаешь, с чем придется иметь дело. Я
видел танковые батальи, бой до смерти
на кулаках, поединки с инопланетными
монстрами и телепатические дуэли.
Невозможно угадать.

--- Значит, и мне выпадет шанс кого-
то прикончить? --- поинтересовался
Грендель, не скрывая энтузиазма в голосе.

--- Могу тебе это гарантировать, ---
ответил Баанес.

--- Тогда нам надо узнать, против кого предстоит сражаться, --- сказал Хонсю. --- Если мы собираемся добыть себе армию, нужно выяснить, у кого мы ее отберем.

--- И как ты предлагаешь это сделать? --- спросил Грендель.

--- Прогуляйтесь по городу. Выясните, кто сюда прибыл. Узнайте, в чем их сильные и слабые стороны. Не делайте секрета из того, кому вы служите, --- если придется проломить парочку черепов, тем лучше. Грендель, ты знаешь, что делать?

--- О да, --- произнес тот с блеском предвкушения в глазах, --- еще как знаю.

Хонсю заметил недоуменный взгляд, которым обменялись Новорожденный и Ардарик Ваанес, и втайне порадовался их замешательству. Никогда не позволяй подчиненным слишком близко проникнуть в твои планы.

--- Теперь проваливайте. Мне надо провести кое-какие исследования, --- сказал Хонсю, поднимая с кровати книгу, которую он отобрал у Ваанеса. --- До утра развлекайтесь, как хотите.

--- Но мне так отличный план, ---

заявил Грендель, вытаскивая из-за пояса нож с глинным лезвием.

Хонсю уже отворачивался, когда Новорожденный склонил голову набок и внутренний свет, скрывавшийся под его кожаной маской, запульсировал в ритме сердца. За те месяцы, что они бились бок о бок, Хонсю научился распознавать это предупреждение.

--- Враги приближаются, --- сообщил Новорожденный, отвечая на невысказанный вопрос Хонсю.

--- Что? Откуда ты знаешь? --- встрепенулся Грендель.

--- Я чую запах крови, --- ответил Новорожденный.

Площадка перед укреплениями была усыпана телами. Башни и паранеты озаряли вспышки выстрелов. Стена огня безжалостно косила ряды солдат в бронежилетах, которые упрямо штурмовали ворота. Внезапно стемнело, будто ночь окутала отрог горы своим черным саваном. Тьму озаряли языки пламени, освещавшие две схлестнувшиеся в

поединке силы.

Предупреждение Новорожденного пришло точно ко времени, и Хонсю успел согнать своих воинов на стены прежде, чем вынырнувшая из мрака ревущая орда кинулась в атаку. Эта разношерстная толпа человеческих отбросов мало походила на организованную армию. Большинство носило железные маски или шлемы с наличниками-черепами, а их форма — если это можно было так назвать — представляла собой кое-как состеганные окровавленные тряпки, напоминавшие кожу Новорожденного.

Они нахлынули ревущим прибоем, поливая защитников укреплений огнем из разномастного оружия. Лазерные лучи и пули рикошетировали от стен и керамитовой брони Железных Воинов. Недостаток опыта и тактической сметки напавшие с лихвой искупали первозданной животной яростью.

Но этого было слишком мало.

Железные Воины приветствовали атакующих организованными залпами, косившими ряд за рядом. Притивная

броня не могла защитить от реактивных болтерных снарядов, каждый из которых, подобно миниатюрной ракете, взрывался в груди жертвы.

Установленные на башнях тяжелые орудия пробивали в толпе кровавые бреши, но потери лишь вдохновляли нападавших на новые высоты фанатизма, словно кровопролитие и было их конечной целью.

--- Неужели эти идиоты не соображают, что им никогда не прорваться внутрь? --- сказал Аргарик Ваанес, хладнокровно всаживая снаряд в бронзовую маску размахивающего флагом безумца, который неся к воротам, не позаботившись даже расчехлить оружие.

--- Похоже, им на это плевать, --- ответил Хонсю, перезаряжая болтер. --- Они и не должны прорваться внутрь. Они просто передают, что нам брошен вызов.

--- Думаешь, это люди Улүвента? --- спросил Грендель, явственно наслаждавшийся этой безнаказанной бойней.

Он велел бойцам подпускать противника вплотную к их участку стены

и лишь затем открывать огонь. Удовольствие, которое Грендель испытывал, убивая почти в упор, невозможно было не заметить.

--- Вне всяких сомнений, --- ответил Хонсю.

--- Улүвенту следовало понимать, что все они погибнут, --- заметил Ваанес.

--- Ему все равно, --- сказал Новорожденный, расположившийся за правым плечом Хонсю.

Странная плоть Новорожденного все еще светилась, и в глазах пробежали голодные блики.

--- Его богу не важно, откуда льется жертвенная кровь, --- вот и его это не заботит. Бросая на ветер жизни этих людей, Пашток Улүвент демонстрирует нам свое могущество. Показывает, что может потерять үйлү солдат без всякого для себя үщерба.

--- Становишься үтнее с возрастом, --- үхтыльнүлся Грендель и хлопнүл Новорожденного по плечү.

От прикосновения того передернүло, и Хонсю осознал, что его чемпион терпеть

не может воителя с ирокезом. Следовало
иметь это в виду на случай, если Грендель
станет проблемой.

Бойня -- сражением это назвать язык
не поворачивался -- продолжалась еще час,
прежде чем перестрелка заглохла.
Нападавшие так и не отступили и
игрались до последнего, устлав подступы к
оплоту Железных Воинов ковром из
трунов.

Неестественная темнота, навшая на
землю с началом приступа, рассеялась, и
Хонсю заметил одинокую фигуру,
шагавшую к крепости через поле
мертвецов.

Кагарас Грендель взял идущего на
прицел, но Ваанес положил руку на ствол
болтера и направил оружие вниз.

-- Какого черта ты делаешь,
Ваанес? -- рявкнул Грендель.

-- Это не один из людей Улүвента, --
объяснил бывший космогесантник. -- У
убивать его точно не стоит.

-- Нашелся утник, -- огрызнулся
Грендель, оглядываясь на Хонсю.

Тот подтвердил слова Ваанеса

коротким кивком и переключил внимание на новоприбывшего. Человек приближался к воротам, не выказывая ни малейшего страха перед направленными на него орудиями.

— Кто он? — спросил Хонсю. — Ты его узнаешь?

— Нет, но я знаю, от чьего имени он пришел, — ответил Ваанес, махнув рукой в сторону нависшей над городом цитадели.

— Открыть ворота, — приказал Хонсю. — Посмотрим, что он нам скажет.

Взбираясь к цитадели по вырубленным в скале узким ступеням, Хонсю, несмотря на всю свою прежнюю уверенность, не мог подавить тревогу. Лестница завивалась серпантином. Посыльный шел впереди. Его ноги в кожаных сандалиях нащупывали ступеньки уверенно, словно он проходил этой дорогой ежедневно в течение тысячелетий. Возможно, так оно и было.

Хонсю встретил посыльного, неприметного простолыгина в одежде писца, у ворот своей импровизированной

крепости. Тот вручил военачальнику футляр для свитков, вырезанный из черного дерева и инкрустированный золотыми шипами. Хонсю вытащил свиток — единственный листок плотной бумаги вместо ожидаемой и куда более эффектной человеческой кожи — и прочел написанное убористым, почти каллиграфическим почерком послание, прежде чем передать его Аргарику Ваанесу.

— Ну? — спросил он, едва Аргарик закончил чтение.

— Мы должны идти, — немедленно отозвался Ваанес. — Когда владыка этой планеты предлагает нанести ему визит, отказ равносителен смерти.

Доставив послание, эмиссар повел их по запущенным городским улочкам к самому высокому из пиков горы. Крутые ступеньки поднимались по каменистым отрогам. Хонсю взял с собой Ваанеса и Новорожденного, а Тренделя оставил в лагере, чтобы тот прикончил недобитых врагов и охранял форт во время отсутствия командира.

Подъем был изматывающе трудным даже для того, чьи мускулы укрепляла силовая броня. Хонсю то и дело казалось, что он вот-вот сорвется в пропасть, но Новорожденный каждый раз вовремя протягивал руку. Их маршрут огибал поля колючей проволоки и пролегал по предательским висячим мостам, вдоль узких уступов и сквозь петляющие туннели, вливавшиеся в лабиринт коридоров в глубинах горы. Хотя Хонсю и попытался запомнить дорогу, вскоре он понял, что окончательно запутался в поворотах, странных углах и обманных переходах цитадели.

Несколько участков маршрута пролегли по открытому склону, и Хонсю понимал, как высоко они забрались. Далеко внизу кровавым брильянтом сиял город. Склоны горы усеяли огни факелов и костров, сверкавшие, как солнечный свет на выступях кварца. Небо над ними наливалось темным пурпуром. Тысячи и тысячи воинов ожидали своего часа в разбросанных по городу временных лагерях. Хонсю знал, что, если он выработает

правильную стратегию, все эти войны достанутся ему.

Любая набранная здесь армия все равно будет разношерстной ордой совершенно несхожие боевые стили, расы и темпераменты. Тем не менее она окажется достаточно велика и сильна, чтобы Хонсю смог осуществить задуманное. И если позаимствованные из запретных библиотек Халан-Гола книги выдадут свои тайны, у него в руках окажется нечто гораздо более ценное, чем просто армия. Нечто, что поможет утопить тиры Ультрамара в крови.

Чем выше они поднимались, тем сильнее Хонсю ощущал, как уважительное восхищение мастерством строителей переходит в благоговение. Крепость была возведена на редкость изобретательным и искусным военным архитектором, но грубую функциональность твердых Железных Кулаков здесь затеняли коварство и холодный расчет, воплощенные в самых изощренных ловушках.

Наконец они выбрались на эспланаду.

украшенную колоннами и крытую
железными пластинами, снятыми с
обшивки костического корабля. Погнутый,
в слое сажи металл уродовали следы
многочисленных попаданий. Листы
почернели там, где огонь лазерных
батарей прожег внешний слой защиты.

В конце эспланады виднелись
утыканные шипами створки исполинских,
широко распахнутых ворот. Вдоль
коридора, ведущего к воротам,
выстроилась сотня воинов в силовой броне
всех цветов и фасонов. Некоторые доспехи
казались настолько древними, что вполне
могли сравниться с теми, что носил
Хонсю. Объединяло стражей лишь одно:
левый наплечник каждого перечеркивал
неровный красный крест, намалеванный
поверх знаков различия их бывших орден.

Посыльный провел гостей цитадели
по этому коридору из воинов. Хонсю
распознал эмблемы Саламандр,
Костических Волков, Темных Ангелов,
Расчленителей, Железных Рук и дюжины
других орденов. С трачным
удовлетворением он отметил, что среди

стражей нет Ультратаринов. Вряд ли в гарнизоне нашелся бы хоть один из воинов Макразге.

За воротами крепость вдруг превратилась в роскошный дворец, с воздушной архитектурой и обильными золотыми украшениями, резко контрастировавшими с суровостью внешних бастионов. Хонсю считал внутреннюю роскошь кричащей и вульгарной — показное великоление шло вразрез с его собственными вкусами. Это был не замок военного диктатора, а хоромы избалованного себялюбца. Впрочем, чему удивляться: разве не чудовищное эгоизм и тания величия привели хозяина цитадели к падению?

В конце концов они вышли к позолоченным дверям, столь огромным, что в них с легкостью мог бы пройти боевой танк. Двери плавно распахнулись, открывая взгляду грандиозный тронный зал, отделанный золотом и трамором. Оттуда доносился гул голосов и бряцание оружия. Когда Хонсю и его спутники проследовали за эмиссаром внутрь,

первым, что они увидели, была
устрашающая туша линейного титана,
замершего за установленным на
возвышении в дальнем конце зала троном.

Под сводчатым потолком висела
сотня трофейных знамен, а в комнате
яблоку негде было упасть от столпившихся
здесь разномастных воинов.

— Я думал, что вызвали только нас, —
недовольно сказал Хонсю.

— У что же заставило тебя так
думать? — поинтересовался Ваанес. —
Решил, что ты особенный?

Хонсю не ответил, проигнорировав
злорадную издевку в голосе Ваанеса. Он
действительно полагал, что приглашение
отправили только ему, но сейчас убедился,
насколько наивным было это предположение.
Пришло время Жатвы Черепов, и каждый
из собравшихся здесь воинов уже тнил себя
победителем.

Перед Хонсю предстал глинный ряд
багровых шлемов, рогов, начищенных
топоров и мечей, ксеносов в
сегментированной броне и целая коллекция
боевых штандартов, на многих из которых

красовались символы Темных Богов.

--- Мы должны были принести знамя? ---
--- прошипел Хонсю, наклоняясь вплотную к
Аргарикү Ваанесү.

--- Могли бы, но его бы это не
впечатлило.

--- В этой комнате витает страх, ---
сообщил Новорожденный. --- Я чувствую,
как он струится сквозь стены, подобно
течениям варпа.

Хонсю кивнул. Даже он мог ощутить
затаенную тревогу, пропитавшую тронный
зал. Сам трон --- увитая шипами и
покрытая резьбой глыба оникса, рядом с
которой даже самый рослый
костодесантник показался бы карликом, ---
пока пустовал.

Неожиданно Хонсю охватило
предчувствие опасности. Он резко
развернулся, бросая руку к ножнам. На
воина упала огромная тень.

--- Ты Хонсю? --- пророкотал голос,
сходный с грохотом сползающего ледника.

--- Да, я.

Он поднял голову, чтобы встретить
горящий взгляд нависшего над ним

человека. Тот был облачен в ярко-красный пластинчатый доспех, опаленный огнем многих битв и как будто сплетенный из обнаженных мускулов. На спекшихся воедино костях, заменявших воину наплечники, было вырезано изображение сжатой в клыкастых челюстях планеты.

На нагруднике из сросшихся ребер Хонсю заметил красный череп, выжженный наг восьмиконечной звездой, -- и понял, кто стоит перед ним. Глаза человека сверкали из-под шлема, выточенного из черепа невероятно крупного орка, и в глазах этих горела сдержанная ярость.

-- Нашток Улүвент, я полагаю, -- сказал Хонсю.

-- Я Мясник Фортунга, кровавый стерч в ночи, забирающий черепа блаженных для Хозяина Медного Трона, -- провозгласил гигант, и Хонсю ощутил вонь тухлой крови, исходящую от его доспехов.

-- Чего тебе надо? -- спросил Хонсю. -- Разве недостаточно твоих людей погибло при штурме моего лагеря?

-- Обычная жертвенная кровь, --

небрежно бросил Улүвент. --- Вызов на бой.

--- Ты послал их на верную смерть, а теперь лишишь затем, чтобы бросить мне вызов?

Хонсю, хотя и не желал этого признать, был впечатлен.

--- Они ничто, расходный материал. Просто выражение моего недовольства. Но Возок Дол был одним из лучших воинов моего отряда, и за его жизнь ты заплатишь своей.

--- Многие пытались меня убить, --- сказал Хонсю, выпрямляясь во весь рост перед чемпионом Бога Крови, --- но никто в этом не преуспел, а среди них попадались ребята и покрепче тебя.

Улүвент негромко рассмеялся. Его смех, в котором не было ни грамма веселья, прозвучал так, словно доносился из сырой пещеры на самом краю мироздания. Подняв руку, воин Кровавого Бога легонько стукнул пальцем по лбу Хонсю.

--- Когда Жатва начнется, мы встретимся на арене, выродок, и я украшу доспехи твоим черепом.

Не дожидаясь ответа, Пашток

Улүвент развернулся и зашагал прочь. Хонсю едва сдержал обұявший его гнев. Лишь усилением воли он подавил желание выстрелить Улүвенту в спину.

--- Барн покроется льдом прежде, чем это случится, --- прошипел Хонсю, и тут затрүбил горн боевого титана.

По залу раскатился диссонансный рев: отчасти грохот фанфар, отчасти воинственный клич. Звүк отразился от стен, заставляя вибрировать колонны и отзываясь дрожью в костях собравшихся воинов.

Хонсю моргнул --- трон у ног боевого титана, еще секунду назад пүстовавший, теперь оказался занят. Сидел ли там кто-то мгновением раньше? Хонсю мог бы поклясться, что трон был пүст, но сейчас на ониксовом монолите восседал, подобно властителю древности, исполинский воин в багровых доспехах с золотой отделкой. Нилб из остро заточенных клинков осенял его бледное, пепельно-серое лицо, а пальцы правой рүки заменяли чудовищные, мерцавшие темной энергией лезвия.

В другой рүке владыка сжимал

огромный топор. Безжалостные глаза
окинули воинов пронизательным взором,
от которого не укрылась бы ни одна тайна.
На плече государя пригнупилась
чирикающая рептилеобразная бестия,
обвившая ранец хозяина скользкими
кольцами.

Вой горна внезапно толк, и все
взгляды обратились к королю-воину на
ониксовом троне. Каждый боец
почтительно преклонил колено при виде
столь могущественного властителя.

Гурон Черное Сердце.

Тиран Багаба.

Тиран заговорил, и голос его громом
разнесся по залу. Этот был голос человека,
привыкшего повелевать. Голос того, кто
убедил три ордена Агентус Астартес
встать на его сторону в войне против
собственных братьев. Голос,
принадлежавший воину, который лишился
половины тела и не только выжил, но
стал гораздо сильнее и смертоноснее.

Хонсю постарался не поддаться
чувствам и все же поневоле был

впечатлен.

— Я вижу перед собой много алчущих лиц, — произнес Тиран. — Я вижу военачальников и корсаров, наемников и бродяг, отступников и предателей. Меня не интересует, кем вы были прежде. Единственное, что имеет значение в Жамбе Черепов, — это кто из вас сильнейший.

Гүрон Черное Сердце встал с трона и спустился к собравшимся в зале. Мерзкая тварь на его плече шипела и брызгала слюной, ее окраска постоянно менялась — пятна превращались в чешую и обратно в мгновение ока. Глаза зверя таращились бесстрастно, как две черные жемчужины, и все же Хонсю ощутил таившийся за ними злобный разум.

Воин в доспехах Астральных Когтей, ордена, к которому некогда принадлежал Тиран, шел следом за Гүроном. Хонсю почувствовал кипящую в телохранителе темную силу, словно то, что скрывалось под керамитовой броней, было уже не совсем человеком.

Воина сопровождала высокая женщина

поразительной наружности, с лицом столь тонким, что оно выглядело почти скелетообразным. Ее темные волосы, зачесанные назад, ниспадали до лодыжек. В глазах женщины плясали золотые искорки. На ее изумрудная мантия мешком свисала с узких плеч, словно была предназначена для куда более пышной особы. В руке она несла массивный эбеновый посох, увенчанный рогатым черепом. Хонсю без колебаний признал в ней колдунью.

Глядя, как Гурон продвигается сквозь толпу, Хонсю понял, что размеры трона не были пустой данью тщеславию — рядом с владыкой даже самые рослые из соискателей выглядели карликами.

Неудивительно, что пиратские флотилии, терроризирующие торговые пути у Нового Багаба, стали ночным кошмаром имперских кораблестроителей. Пираты Черного Сердца напали на мир Императора-Мертвеца со своих расположенных в окрестностях Мальстрета баз, поставляя хозяину рабов, товары, оружие и, что наиболее важно, корабли.

Тиран и его телохранители шли через тронную комнату, и оказавшиеся на их пути воины расступались с поклонами. Хонсю презрительно оскалился.

— Ему воздают такие почести, словно он бог.

— Для Нового Бадаба он и есть бог, — откликнулся Ваанес. — В его власти решать, кто здесь будет жить, а кто умрет.

— У него нет власти надо мной.

— И над тобой в том числе, — уверил его Ваанес.

— Тогда я буду держать свои мысли при себе.

Ваанес хмыкнул:

— Постарайся, но вряд ли это тебе поможет. Говорят, что тварь на его плече, Гамагрия, может заглядывать в сердца людей, а затем нашептывает их самые темные секреты на ухо Тирану. Ассасины Императора уже в течение десятилетий пытаются прикончить Черное Сердце, но ни один не сумел подобраться даже близко. Гамагрия издалека чувствует их мысли.

Хонсю кивнул Ваанесу, продолжая наблюдать за тем, как военные вожди и корсары пресмыкаются перед Тираном. Бросив взгляд на противоположный конец тронного зала, он заметил, что Пашток Улүвент тоже держится в стороне, не спеша принасть к стопам владыки. Это прибавило воину Бога Крови уважения в глазах будущего противника.

Но затем Тиран обернулся к Хонсю, и тот почувствовал, как кровь отливает от его лица, а по спине пробегает холодок. Чувство было новым и крайне неприятным. Беззубый рот Тирана раздвинулся в улыбке, обнажая остро заточенные клыки. Под пронзительным взглядом Гүрона Железный Воин ощутил себя совершенно беспомощным.

Когда Тиран направился к Хонсю, толпа раздалась в стороны. По когтям огромной перчатки пробежали зловещие сполохи, а Гамагрия на плече владыки шипела в животной ярости.

И без того внушительное телосложение Гүрона Черного Сердца было еще больше усилено кибернетическими

имплантатами и гадати Темных Богов, так что теперь он превратился в настоящего великана. Голова Хонсю доставала лишь до середины нагрудника Тирана, и, как это ни бесило Железного Воина, он вынужден был смотреть на правителя Нового Багаба снизу вверх.

Хонсю почувствовал себя куском мяса, брошенным на растерзание гигантскому хищнику, или редким насекомым, которое коллекционер собрался насадить на булавку. Когда Железный Воин понял, что больше не в состоянии выдерживать этот леденящий взгляд, Тиран переключился на Новорожденного и Ваанеса.

— Этот затронут варпом, — сказал Түрон, кончиками когтей приподнимая голову Новорожденного. — Сильный и непредсказуемый, очень опасный. А ты... — Последние слова предназначались Аргарику Ваанесу. Забыв о Новорожденном, Тиран поддел наплечник Ваанеса лезвием топора. Увидев алый крест Красных Корсаров, он кивнул. — Тебя я знаю, — проговорил Тиран. — Ваанес. Служил в Гвардии Ворона. Решил сменить хозяина?

--- Да, господин, --- ответил Ваанес, склоняясь перед бывшим повелителем.

--- И выбрал этого полукровку?

--- Последний, кто так меня назвал, не прожил и дня, --- рявкнул Хонсю.

Хотя Тиран, казалось, не двинулся с места, его когти пронзили нагрудник Хонсю, поднимая воина в воздух. Хонсю чувствовал, как холодное железо с точностью просчитанной жестокостью погружается в его плоть.

--- А последний, кто выказал мне неуважение в моем собственном тронном зале, сейчас проводит время в компании отборных палачей-гемонов. Каждый день они разрывают его душу на части, затем склеивают оскверненные варпом куски, и процесс повторяется заново. Его агония длится уже восемьдесят лет, и я пока не намерен прервать пытку. Ты желаешь такой же участи?

Жизнь Хонсю висела на волоске, и все же дерзости в его голосе не убавилось.

--- Нет, господин, не желаю. Но я больше не полукровка. Я Кузнец Войны из легиона Железных Воинов.

— Я знаю, кто ты, — ответил Тиран. — Императору полнится слухами об учиненных тобой грабежах и побищах. Я знаю, зачем ты здесь, и вижу линию твоей судьбы. Ты станешь сеять смерть в империи почитателей Императора-Труна, но те, кому ты причинишь зло, готовы будут перевернуть небеса, лишь бы убить тебя. И все же, несмотря на всю твою жестокость и наглость, в тебе есть кое-что, чего нет в других.

— И что же это? — огрызнулся Хонсю.

— Тобой движет мечта о великой империи. Лишь шанс, что ты можешь преуспеть, удерживает сейчас мою руку.

Затем Гурон Черное Сердце обернулся к Ваанесу и сказал:

— Ты носишь на доспехах мой знак, Аргарик Ваанес, но я чувствую, что ты служишь силе натного большей, чем этот полукровка. Однако помни, что Темный Князь — ревнивый хозяин и не потерпит измены.

С этими словами Черное Сердце вытянул когти. Хонсю рухнул на пол, задыхаясь и пытаясь побороть дрожь. От

прикосновения ногтей Тирана его пробрало
могильным холодом. Он покосился вверх, но
Гурон уже отошел.

С трудом встав на ноги, Хонсю
замечил, что колдунья Гурона с
неприкрытым интересом изучает
Новорожденного. Особенно долго взгляд ее
задержался на кошмарной маске. Тем
временем Черное Сердце погнался на
тронное возвышение и, воздев над головой
руки -- одну с топором, другую в
когтистой перчатке, -- обратился к
собравшимся:

-- Каждый воин, готовый рискнуть
головой в Жамбе Черенов, должен
предстать на Арене Шилов в час, когда
откроется Великое Око. И прольется
кровь, и погибнут слабые, а победитель
получит немалую выгоду от моего
покровительства. -- Тиран понизил голос,
и все же переполнявшая его сила была
физически ощутима. Хонсю почувствовалось,
что слова обращены лично к нему. -- Но
знайте: боги наблюдают за вами и они
будут терзать души недостойных до
скончания веков.

В течение следующих дней воины Хонсю исследовали город на склонах горы и разузнали все, что могли, о предстоящей войне. Они вычислили все собравшиеся на Жамбу отряды и установили наблюдение за их воинами. Это оказалось несложно, поскольку каждый вождь стремился похвастаться мастерством своих чемпионов.

Аргарик Ваанес любовался чувственным и смертоносным танцем клинков, которым развлекались мечники Ноты Эмессея. Этим воинам-священникам были знакомы все ощущения, даруемые пляской клинков, а совершаемые ими убийства отличались редкостным изяществом и приносили бойцам неподдельную радость. Нота Эмессей, андрогинный красавец неопределенного пола, предложил Ваанесу поединок и, отведав его крови, немедленно пригласил его в свою труппу.

В каждом бою с ними Ваанес чувствовал отголоски губительного восторга, который разделяли между собой

все члены труппы; с большим сожалением он отклонил предложение Эмессея пройти ритуал посвящения и стать одним из них.

Кагарас Грендель, оставшийся равнодушным к утонченному мастерству Ноты Эмессея, предоставил Ваанесу и Новорожденному возможность развлекаться без него и проводил дни, наблюдая за кровавыми забавами бойцов Наштока Улүвента. Те рубили, как капусту, толпы обнаженных рабов, вооруженных лишь ножами и смертельными отчаянием, — и, конечно, эта беспощадная резня пришлась Гренделю больше по вкусу. Вскоре он и сам обзрел оружие на арене Улүвента, причем кровожадность Гренделя настолько впечатлила хозяина, что через час тот спустился на поле и удостоил воина личной аудиенции.

Вотиур Тарк поднял на гору часть своих боевых машин. Механические чудовища ревели и неистовствовали: их моторы завывали, как души запертых в аду грешников, гусеницы давили пленных, а когтистые клешни разрывали людей на части. Корсары Каары Сэломбэра

устроили броскую демонстрацию меткости и фехтовального искусства, но после недавних выступлений последователей Ноты Эмессея Ваанеса трудно было удивить.

Сам Хонсю редко выходил за стены форта, все время отдавая изучению древних фолиантов Халан-Гола. Он не говорил, что пытается найти на заклятых страницах, однако с каждым днем его одержимость темными секретами безумных писаний лишь росла.

Новорожденный оставался рядом с Ваанесом и равнодушно наблюдал за убийствами и демонстрацией боевых навыков. Это существо было сильнее и искуснее большинства собравшихся здесь воинов, однако боль и смерть лишь недавно начали доставлять ему радость. В душе Новорожденного шла война: поучения его создателя схлестнулись с генетической памятью и неосознанными инстинктами, унаследованными от Уриила Вентриса.

Из всех воинственных группировок, собравшихся на Жатву Черепов, Новорожденному больше всего понравились

локсатли — компания наемников-ксеносов, поселившихся в норах на склонах горы. Ваанес и Новорожденный наблюдали за тренировками локсатлей, проводившимися на площадке перед входом в их пещеры.

Их родоначальника и вождя звали Ксанеатом. Было ли это его настоящим именем или кличкой, данной людьми, оставалось неясным, что не мешало Новорожденному наслаждаться плавными, согласованными движениями воинов и восхищаться их преданностью членам клана.

Что-то в этой кровной связи порождало болезненный отклик в душе Новорожденного, и он пытался угадать, откуда взялось странное чувство. Было ли это обрывком памяти, погребенным глубоко в его измененном сознании, или частью чужой личности, вложенной в него Демонкулабой?

— Все они кровно связаны, — заметил Новорожденный, следя за тем, как локсатли, подобно кружащимся светлячкам, совершают серию молниеносных маневров, чтобы показать

их скорость и реакцию. -- Разве это не мешает им в битве?

-- Каким образом? -- поинтересовался Ваанес.

-- Неужели они не испытывают страха и горя, когда погибает один из членов клана?

-- Не думаю, что локсатли воспринимают это таким образом, -- ответил Ваанес. -- Звучит банально, но они не люди. Хотя в целом неплохое наблюдение. Полнится, я читал, что в древности некоторые правители фортировали целые полки из жителей одного города. Но замыслу, это должно было создать между солдатами более крепкую связь и помочь им в сражении.

-- И как, помогало?

-- Во время тренировок -- помогало, но стоило начаться битве, как вид родных и близких, сраженных мечами и разорванных пушечными ядрами, совершенно подрывал их боевой дух.

-- Так почему же локсатли это делают? -- настойчиво спросил Новорожденный. -- Если подобные

подразделения так ненадежны, зачем создавать их? Разве не лучше сражаться одному или рядом с теми, чья судьба тебя не волнует?

--- Да и нет, --- ответил Ваанес, возвращаясь к привычной роли инструктора и наставника. --- Многие воинские подразделения держатся на дружбе между бойцами и нежелании погубить товарища. Эти братские узы укрепляют отряд, но их следует закалить до полной несокрушимости, чтобы они выдержали испытание кровью.

--- Как у Агентус Астартес?

--- Не у всех из них, --- желчно ответил Ваанес.

--- У Ультратаринов?

--- Да, у Ультратаринов, --- вздохнул Ваанес. --- Это в тебе от Вентриса?

--- Думаю, да, --- ответил Новорожденный. --- Мне хочется считать тех, кто сражается рядом со мной, братьями, но никакого братства я не чувствую.

Ваанес расхохотался:

--- В банде Хонсю ты этого точно не

почувствуешь. Говорят, у Железных Воинов всегда были проблемы с дружкой, даже до того, как они присоединились к восстанию Хоруса.

--- Следует ли считать это слабостью?

--- Пока не знаю. Думаю, время покажет, --- ответил Ваанес. --- Кто-то дерется ради генов, кто-то --- ради мести, кто-то --- ради славы, а кое-кто --- чисто ради убийства, но всех их в конце пути ожидает одно.

--- Что?

--- Смерть, --- раздался голос позади них.

Новорожденный и Ваанес обернулись и обнаружили, что к ним подобралась тощая ведьма Гурона. В гневном свете истощенное лицо женщины еще больше спахивало на череп. Солнечные лучи придавали коже колдуньи нездоровую прозрачность и зажигали золотые искры в ее глазах. Мантия колдуньи мерцала, а волосы при каждом повороте головы извивались, подобно клубку черных змей.

--- Да, --- подтвердил Ваанес, ---

смерть.

Колдунья ухмыльнулась, обнажив
пеньки пожелтевших зубов. Ваанес
поторщился. Женщина казалась молодой,
но губельная сила, которой она служила,
пожирала ее изнутри.

— Потерянный Сын и Слепой
Воитель. Неудивительно, что вы так
жадно следите за ратными потехами
чужаков, чье мышление совершенно чуждо
человеческому.

От близости ведьмы по коже Ваанеса
побежали мурашки. Здесь, в кипящем
котле Мальстрема, гнетущее
присутствие илматериума всегда
ощущалось на грани сознания, но колдунья
словно притягивала тварей из варна, и те
спешили слететься на зов, как
стервятники на запах падали. Ваанес
почти слышал, как их эфирные когти
скребутся в дверь его разума.

Оглянувшись на Новорожденного,
бывший гвардеец заметил, что тот
торщится и вздрагивает, как будто вокруг
его лица вьется рой докучливых
насекомых, которых он пытается не

замечать.

--- Чего тебе надо? --- спросил Ваанес, схватив Новорожденного за руку и оттаскивая его подальше от протерзительной ведьмы. --- Я ненавижу твое племя и не собираюсь тебя выслушивать.

--- Не спеши отказаться от того, что я могу тебе предложить, воин Коракса, --- прошипела колдунья и, вытянув руку, положила лапоть на грудь Новорожденного.

--- Никогда больше не произноси этого имени, --- рявкнул Ваанес. --- Оно для меня ничего не значит.

--- Сейчас, может быть, нет, но однажды тебе придется его вспомнить, --- посулила колдунья.

--- Ты видишь будущее? --- спросил Новорожденный. --- Ты можешь предсказать все, что случится?

--- Не все, --- признала ведьма, --- но течения жизни изменяют потоки варна, сияют ярче света во тьме. Их путь ясен для тех, кто умеет видеть.

--- Ты видишь мой путь? --- жадно спросил Новорожденный.

Колдунья растаяла. Пронзительный

звук вспорол воздух, заставив локсатлей прервать показательный бой и завизжать от ярости. Но их блестящей коже побежали мерцающие узоры, и в мгновение ока бойцы рассыпались, скользя по горному склону к черным отверстиям нор.

— Судьба Потерянного Сына огненным копьем пронзает будущее, — сказала колдунья. — Как нить, она вплетена в картину гибели великого героя, падения звезды и возвращения великого зла, которое все считали поверженным.

— Ты говоришь загадками, — процедил Ваанес, пытаясь оттащить Новорожденного прочь.

— Подожди! — крикнул Новорожденный. — Я хочу узнать больше.

— Нет, не хочешь, уж поверь мне, — угрожающе сказал Ваанес, который заметил приближающегося к ним Кадараса Гренделя в запятнанных кровью доспехах. — Ничего хорошего из этого не выйдет.

— Потерянный Сын хочет услышать то, что я скажу! — взвизгнула ведьма, презирая им посохом дорогу.

Из перчатки Ваанеса молниями сверкнули скрытые в ней когти. Лезвия длиной в локоть вонзились в грудь колдуньи, распоров ее сердце и легкие. Женщина умерла беззвучно — дыхание слетело с ее губ искрящимся облачком, а золотой свет в глазах померк. Ваанес с наслаждением втянул последний вздох колдуньи, упиваясь переполнявшими его болью и ужасом. Душа колдуньи оказалась столь восхитительна на вкус, что тело воина пронзила дрожь восторга, а радость убийства напрочь вытеснила у него из головы все мысли о последствиях.

Ваанес опустил руку, и тощее тело колдуньи соскользнуло с когтей. Труп темешком свалился на землю, и Ваанес со следующим за ним по пятам Новорожденным пошел навстречу Кагарасу Тренделю.

— Что тут произошло? — спросил Трендель, недоуменно оглядывая сохшиеся останки колдуньи.

Какая бы сила ни оживляла ее чахлое тело, сейчас она исчезла, оставив лишь жалкую оболочку из сторщенной плоти и

изъеденных временем костей.

--- Ничего, --- ответил Ваанес, глубоко
втягивая воздух. --- Забудь.

--- Легко, --- сказал Грендель, указывая
на небо. --- Хонсю хочет, чтобы ты
вернулся в лагерь. Жатва Черепов вот-вот
начнется.

Взглянув вверх, Ваанес увидел, как
бурлящие там краски закручиваются
вокруг янтарного цвета воронки ---
злокачественной опухоли в центре
воспаленного водоворота.

--- Великое Око... оно открывается, ---
шепнул бывший костодесантник, но его
собеседник уже развернулся и зашагал
обратно. --- Ты тоже возвращаешься в
лагерь?

Грендель ухмыльнулся в свирепом
предвкушении и кивнул:

--- За меня не беспокойся. Встретимся
на арене.

Ваанесу не понравилось, как это
прозвучало, однако он не стал задавать
вопросов --- хотя и не прочь был узнать, чья
кровь запятнала нагрудник Гренделя. Тот
смотрел на сторщенные останки ведьмы.

— Она пыталась предсказать вам будущее? — спросил Грендель, опускаясь на колени рядом с раскинувшейся на земле мантией волшебницы.

— Что-то вроде того, — подтвердил Ваанес.

— И в благодарность ты ее уколошил?

— Да.

— Забавно, что как раз этого она не сумела предвидеть.

Жатва Черепов, как и все мероприятие подобного рода, началась с жертвоприношения. Осененный исполинской фигурой рычащего линейного титана, Тиран Багаба вырвал сердце пленника, воина из ордена Воющих Грифонов, и швырнул на песок арены, где оно еще некоторое время продолжало биться, пока окончательно не истекло кровью.

В течение первого дня чемпионы различных отрядов дефилировали перед Тираном, который восседал на величественном бронзовом троне с янтарной отделкой. Затем определялась очередность поединков. Список открывали

кровные вендетты. Бойцы один за другим
выступали вперед и выкрикивали имя
того, кому они желали отомстить за
оскорбление.

Хонсю ожидал, что Пашток Улүвент
покажется в их числе, но воина в красных
доспехах пока было не видно.

--- Я думал, Улүвент будет здесь, ---
заметил Ваанес, словно прочитав его
мысли. --- Чемпионы Кровавого Бога обычно
первыми являются на состязания и
начинают резню.

--- Да, но Улүвент совсем не дурак, ---
ответил Хонсю.

--- Что ты имеешь в виду?

--- Полагаю, он намерен дождаться,
пока Жатва не развернется вовсю, прежде
чем попытаться меня прикончить.
Триумф будет слаще, если он не только
убьет меня, но и заберет всех воинов,
которые достанутся мне в поединках. Так
он сможет одним махом совершить
кровную месть и заполучить все мои
трофеи.

--- Тогда он умнее, чем большинство
чемпионов Бога Крови.

--- Возможно, --- с улыбкой ответил Хонсю. --- Посмотрим, что у него из этого выйдет.

--- И куда подевался Грендель? --- раздраженно спросил Ваанес. --- Я не видел его со вчерашнего дня. Он сказал, что будет здесь. Участники могут заметить, что человек из твоего ближнего окружения не явился к началу поединков.

--- Забудь о Гренделе, --- отмахнулся Хонсю. --- Нам он не нужен.

--- Я его вижу, --- сообщил Новорожденный, кивком указывая на противоположный конец арены. --- Вот там.

Хонсю взглянул туда, куда указывал Новорожденный, и увидел, как ряды собравшихся расступаются перед Паштоком Улүвентом, занявшим свое место у края ристалища. Воин в алых доспехах воздел над головой багряный клинок. Над ареной развернулось его знамя с руническим черепом, и из тысячи глоток вырвался приветственный вопль.

Рядом с Улүвентом стоял Кагарас Грендель собственной персоной, в броне,

покрытой свежей кровью, и с обнаженными
ценным мечом. Услышав шум, Грендель
пожал плечами и слизнул красные капли с
клинки.

--- Грендель нас предал? --- гневно
прорычал Ваанес.

--- Это было только вопросом
времени, --- хмыкнул Хонсю. --- Если честно,
я ожидал, что это случится раньше.

--- Я его убью! --- рявкнул Ваанес.

--- Нет, --- отрезал Хонсю. --- Я
разберусь с Гренделем, но не здесь. Ты меня
понял?

Ваанес не ответил, однако Хонсю
ясно видел горевшие у него в глазах злые
огоньки. Оставалось лишь надеяться, что
бывший костодесантник из Гвардии
Ворона сумеет удержаться от искушения
и не прикончит Гренделя тут же.

--- Я не понимаю тебя, Хонсю, --- в
конце концов произнес Ваанес.

--- Немногие понимают, --- ответил
Хонсю. --- Предпочитаю, чтобы так оно и
оставалось.

Первое убийство в тот день совершил

воин в бронзовых доспехах, украшенных
рунным черепом Бога Крови. Он выпустил
кишки бойцу в шипастой броне, у которого,
по наблюдению Хонсю, с самого начала
сражения не было ни малейшего шанса. Голову
убитого водрузили на черную железную
пикву, воткнув в землю у подножия
трона Тирана.

Теперь отряд проигравшего
принадлежал победителю, и залогом их
верности стала демонстрация большей
силы и мастерства. Подобная верность
могла оказаться весьма недолговечной, но
очень немногих из собравшихся здесь
волновало, под чьим знаменем им
предстоит сражаться, — лишь бы
сражаться на стороне сильнейшего,
величайшего из чемпионов Жатвы.

Мечник Ранебры Корра убил
телохранителя Церуэля Мзакса, кланового
вождя из системы Кофакса. Законы клана
запрещали Мзаксу сражаться под
предводительством чужака, и он отсекал
себе голову энергетическим когтем,
прикрепленным к верхнему краю перчатки.

Устрашающая боевая машина

Вотира Тарка некогда была гредноумом
костодесантников, но агенты Темных
Механикум, служившие Тарку,
превратили ее в обиталище визжащей
твари из варна. Чудовище разорвало в
кочки отряды трех чемпионов, пока один
из берсеркеров Паштока Улүвента не
остановил его, подорвав саркофаг мелта-
бомбой и лишившись при этом руки.
Воющего демона швырнуло обратно в варн,
а нижняя часть тела берсеркера исчезла
во вспышке взрыва. Даже потеряв ноги,
берсеркер все же ухитрился поползти до
трона Черного Сердца и возложить к
подножию черепную коробку побежденной
машины.

В первый день сражений
Новорожденный выиграл два поединка
разтозил череп пирату-стрелку Каары
Сэлмбэра, прежде чем тот успел сделать
хотя бы выстрел, и нанес поражение
чемпиону клана локсатлей. Второй бой
продолжался почти час. Локсатлю все
никак не удавалось одолеть
Новорожденного, несмотря на то что
ксенос выпустил в противника весь запас

флешетт.

Здесь, в насыщенном энергией варпа Мальстреме, у демонического порождения Халан-Гола многократно возросла способность к регенерации, так что каждая рана, хотя и причиняла мучительную боль, затягивалась за несколько секунд.

Окончательно вымотавшись и истощив боеприпасы, локсатль вынужден был броситься на противника и попытаться пробить его броню ядовитыми когтями, но вся прыть ксеноса не могла соперничать с железной выносливостью Новорожденного. В конце концов шипящая и задыхающаяся тварь больше не могла сопротивляться. Новорожденный свернул локсатлю шею, а затем оторвал голову.

Но мере того как бои продолжались и убитых становилось все больше, ватаги, потерявшие своих чемпионов, начали сливаться в новые армии под знаменами самых могущественных вождей.

Кагарас Трендель, сражаясь со своей обычной жестокостью, выиграл несколько поединков для Паштока Улүвента, и

Хонсю с неудовольствием заметил, что чаша терпения Аргарика Ваанеса грозит переполниться. Чтобы тот слегка выпустил пар, Хонсю отправил его на арену вместо Новорожденного, которому нужно было залечить раны. Ваанес с энтузиазмом прикончил одного за другим представителей трех отрядов, пополняя растущую армию Хонсю новыми бойцами.

Сам Хонсю дважды выходил на арену. В первый раз он разделался с предводителем пиратов, вооруженным двумя острыми как бритвы саблями. Во второй — сокрушил вождя кротов, сражавшегося обоюдоострым боевым посохом, с которым ксенос управлялся со сверхъестественной быстротой и точностью.

Когда Новорожденный выступил против гигантского огра и удавил монстра его собственной энергетической плетью, заполучив для Хонсю сотню этих жестоких тварей, четвертый день боев подошел к концу.

К этому времени осталось всего три армии.

Кровожадные собиратели черепов
Паштока Улүвента, мечники-танцоры
Ноты Этессея и Железные Воины Хонсю.

Благодаря победам, одержанным
Хонсю и его чемпионами, армия
Железного Воина стремительно
разрасталась и насчитывала уже около
пяти тысяч солдат. Под его
командованием была бронетехника, боевые
машины, ватаги пиратов и ксеносы всех
матей. В общей сложности он собрал
семнадцать отрядов — по всем оценкам,
внушительная сила, способная причинить
немало неприятностей врагам.

Войско Паштока Улүвента состояло
теперь из шести тысяч бойцов, а
изысканные убийства Ноты Этессея
привели пять тысяч солдат под его
знамена. Любая из этих армий была
достаточно сильна, чтобы захватить
обширный участок имперского космоса и
устроить там беспрецедентную резню.

Но Жамба Черепов еще не
закончилась. Закон, установленный
Тираном, гласил, что в конце должен

остаться лишь один победитель.

Когда три воина, закованные в доспехи и вооружившиеся сообразно своим вкусам, выступили на арену, над городом сгустилась тьма. Серебряная рука Хонсю поблескивала в свете окружающих кристалище факелов. Толпы горлающих воинов приветствовали своих чемпионов.

Три воина прошли к центру арены и остановились друг перед другом. Хонсю использовал эту минуту затишья перед боем, чтобы изучить своих противников --- ведь, чтобы пережить поединок, он должен был знать их лучше, чем они сами знали себя.

Нота Эмессей облачился в облегающий костюм из черной кожи, перетянутый ремнями там, где располагались стратегически важные элементы гибкого пластинчатого доспеха. Андрогинный воитель скользнул в центр арены и исполнил предшествующий сражению ритуальный танец, состоявший из акробатических переворотов и прыжков, --- и все это время в руках его плясали два бархатно-черных клинка. Лицо

Этессея скрывала кожаная маска в
закленках и застежках-толниях,
напотинавших шрамы. Глаза прятались
под двутя сферами из дылчатого стекла и
светились лукавым весельем, словно их
владелец явился не на смертный бой, а на
дружескую пирושку.

Нашток Улүвент воткнул меч в
багряный песок арены и, задрав голову,
проревел небесам бессловесный, полный
первобытной ярости вызов. С доспехов
воина капала кровь последних жертв, а
похожая на мускульную ткань броня,
казалось, вздымалась и опадала в такт
биению его сердца. Глаза Улүвента пылали
алым огнем, как две курящиеся в глубинах
шлема лужи крови. Достав зазубренный
кинжал, он полоснул себя по шее.

Когда из открытой раны потекла
кровь, чемпион Медного Бога Войны
отшвырнул кинжал.

Хонсю сүзил глаза:

--- Уже сдаешься, Улүвент?

--- Если я не смогу прикончить тебя,
истекая кровью, то я недостойн победы, и
такая смерть угодна Трону Черепов, ---

ответил Улүвент.

--- Не ожидай, что я последую твоему примеру, --- процедил Хонсю.

--- Я и не ожидаю, --- откликнулся Улүвент. --- Ты грязный полукровка, ублюдок, порожденный святоотечественным смещением генов в тяжелые времена. Существо без чести, которому не стоило появляться на свет.

Хонсю сдержал злость, но Улүвент еще не кончил:

--- Один из твоих бойцов уже поклялся мне в верности. Я сделаю тебе одолжение и прикончу тебя быстро, если ты подчинишься мне.

--- Я никому не подчиняюсь, --- угрожающе ответил Хонсю.

Нота Этессей расстелся, и стех его, высокий и телодичный, был полон искреннего веселья.

--- А вот я отлично умею это делать, хотя, если честно, предпочитаю в любых отношениях активную роль.

--- Вы оба внушаете мне отвращение! --- равкнул Улүвент. --- Позор, что я должен биться с вами.

Горн линейного титана затрѣбил на арене, и крики болельщиков немедленно толкнули. Тиран Багаба поднялся с трона, чтобы обратиться к чемпионам. Гамадриа обвилась вокруг его бедра, подобно гнусной пиявке.

— Этой ночью Жатва Черепов завершится! — сказал Гурон Черное Сердце, и голос его полетел над ристалищем, достигая самых отдаленных горных отрогов. — Один из вас победит, а его враги останутся лежать на песке арены. Сражайтесь достойно, и вы отправитесь дальше, дабы нести смерть и страдания тем, кто вас предал.

Тиран Багаба заглянул в глаза каждому из воинов и поднял руку в когтистой перчатке:

— Начинайте бой!

Хонсю отпрыгнул назад, уклоняясь от выпада Паштока Улѣвента, который одним ударом попытался снести ему голову, и качнулся в сторону, когда меч Этессея метнулся вперед и врубился в его наплечник. Черное лезвие топора Хонсю описало широкую дугу, заставляя

противников отступить, и бой переместился из центра арены.

Этессей, приплясывая и вращая клинками, двинулся вдоль края ринга. Выражение его лица невозможно было прочесть под кожаной маской. Улүвент выставил меч перед собой, крепко сжимая рукоять и настороженно следя за передвижениями противников. Хонсю понимал, что из этих двоих Улүвент мощнее, но Этессей был намного быстрее, и Варн знает, что за сила таилась в его черных клинках.

Топор Хонсю горел жаждой убийства. Его ненасытный голод отзывался дрожью в рукоятке и в пальцах хозяина. Но крайней мере, в пальцах правой руки. Сила, заключенная в серебряной конечности, доставшейся Хонсю от сержанта Ультратаринов, была враждебна исчадию Варна и причиняла твари нестерпимую боль.

Обычно на этом этапе боя каждый из участников пытался оценить остальных, выискивая признаки слабости или страха, которые можно было бы использовать в

поединке. Хонсю знал, что в нынешних противниках он ничего подобного не обнаружит, — каждый из них был свирепым воином, закаленным десятилетиями войны и верой в своих богов.

Все существо Улүвента служило идее убийства во имя Бога Крови, тогда как Эмессей попытается выжать из этого поединка как можно больше ощущений. Победа для воина-андрогуна значила меньше, чем запретельная боль, жестокость и наслаждение, даруемые боем.

Хонсю не интересовали ни острые ощущения, ни заработанная в поединке слава. Все, что совершалось сейчас на арене, было лишь средством достижения цели. Железного Воина не заботили пиратские замыслы Тирана, и ни одно из древних божеств варна не стоило его поклонения.

Эмессей решился действовать первым. Одним прыжком он приблизился к Улүвенту, и его клинки запели для воина в красных доспехах погребальную песнь. Улүвент среагировал быстро, мечом

парирүя удары и одновременно
разворачиваясь, чтобы зайти Эмессею со
спины. Однако чемпиона Темного Князя
уже не было на прежнем месте — он
взвился в воздух и в обратном сальто
перетахнул через клинок соперника.

Хонсю кинулся в атаку, метя
топором в Эмессея. Поднырнув под черное
лезвие, тот упал на землю. Крутанувшись
на локте, танцор выкинул тело вперед и
сбил противника с ног.

Улүвент бросился к упавшему.
Багровый клинок рухнул вниз, метя в грудь
Железного Воина, но Хонсю перекатился в
сторону, и оружие вонзилось в песок. В
шлем Улүвента впечатался ботинок
Эмессея, и ревущий агент Бога Крови
полетел назад, лишившись завязшего в
земле меча.

Хонсю одним прыжком вскочил на
ноги, отчаянно блокируя и контратакуя
Эмессей, отгнавшись от Улүвента,
обрушил на второго противника серию
толчиеносных ударов. Чемпион Темного
Князя оказался невообразимо быстр, и все,
на что Хонсю был сейчас способен, — это

не дать изрубить себя на куски. Его доспехи
покрылся пробоинами и вмятинами. Лишь
спустя какое-то время Хонсю сообразил,
что Эмессей просто играет с ним,
затягивает бой, чтобы сполна
насладиться чувством собственного
превосходства.

Железного Воина охватил гнев, но
Хонсю подавил злость отчаянным усилием
— он знал, что Эмессей не простит ему ни
малейшей потери концентрации. Он
попытался, напротив, сосредоточиться,
прикидывая, как бы использовать
самоговольство противника. Эмессей
считает, что он лучше Хонсю, — что ж,
это и послужит причиной его падения.

Краем глаза Хонсю заметил, что
Улүвент кружит неподалеку, выжидая
шанса вернуть свой меч с терпеливостью,
вовсе не присущей воинам Бога Крови.
Хонсю постарался держаться поближе к
оружию, не давая Улүвенту сократить
дистанцию. С одним противником он еще
справится. С двумя? Возможно, нет.

В конце концов Эмессей,
наигравшись с Хонсю, предложил:

— Позволь ему взять клинок. Этот поединок становится скучным без его красочных припадков ярости.

Не отвечая, Хонсю развернулся к торчавшему из песка мечу и всадил в него демонический топор. Когда клинок Улүвента разлетелся на тысячу осколков, Хонсю ощутил вспыхнувшее под кожаной маской капризное недовольство.

Этессей прыгнул на него, но Железный Воин предвидел такой маневр и был наготове. Древко его топора впечаталось в грудь противника, и андросин рухнул на землю с приглушенным криком.

Сзади раздался шорох. Хонсю наступил на грудь Этессею и, услышав хруст кости, развернулся как раз вовремя, чтобы встретить атаку Улүвента. Тот врезался в Хонсю, и оба покатились по песку. Чемпион Бога Крови вцепился в горло противнику, так что Хонсю пришлось выпустить топор. Воины боролись на кровавом песке арены, осыпая друг друга ударами твердых как сталь кулаков.

Улүвент прошипел в лицо врагу:

— Сейчас ты сохнешь.

Хонсю вознал колено ему в живот, но хватка Улүвента не ослабла. Железный Воин бил снова и снова, пока стальное кольцо на горле слегка не разжалось. Хонсю сумел высвободить правую руку и основанием ладони ударил в шлем Улүвента. Орочья кость треснула, открыв кровоточащий разрез на шее. Кровь обрызгала доспех Хонсю.

Железный Воин саланул по ране кулаком, а затем сунул в нее пальцы, расширяя отверстие. Его противник взвыл от боли и откатился в сторону. С трудом поднявшись на ноги, Улүвент прижал руку к разорванному горлу и захромал к своему отряду за новым оружием.

Хонсю, помятый и задыхающийся, бросился следом, по пути подобрававший валявшийся рядом с Этессеем топор. Он не стал тратить времени на чемпионат Темного Князя: андрогин был еле жив и, вероятно, вкушал сейчас все прелести агонии, терзавшей его нервные окончания.

Преследование придало Хонсю новых сил. Улүвент сорвал с головы разбитый

илет, выставив напоказ уродливое, покрытое шрамами и ожогами лицо. У раны на шее толчками была кровь — но боль, похоже, только подстегнула воина. Он рывком во всю глотку, требуя подат меч.

Раненый или нет, чемпион Бога Крови все еще был опасным соперником и, вооружившись, мог запросто разделаться с Хонсю.

Кагарас Грендель протянул Улүвенту широкий меч, и Хонсю задержал дыхание...

Пашток Улүвент уже готов был взять оружие, но в последний момент Грендель перехватил рукоять и вонзил клинок в грудь чемпиону. Острие пробилось доспехи и вышло из спины Улүвента. Воин пошатнулся, а Грендель, повернув меч, еще глубже вогнал клинок ему в грудь.

Улүвент взревел. Крутанувшись на месте, так что рукоятка вырвалась из пальцев Гренделя, боец Бога Крови рухнул на колени. Хонсю не дал ему опомниться от боли и шока и с размаху ударил топором в плечо. Черное лезвие раскололо наплечник и рассекло Улүвента от

ключицы до пояса.

Над толпой повисла ошеломленная тишина: никто здесь не ожидал, что Папшток Улүвент будет повержен. Кагарас Грендель выступил из рядов последователей Бога Крови и встал возле Хонсю. Глядя в угасающие глаза Улүвента, Грендель ухмыльнулся:

--- Извини. Хонсю, может, и грязный полукровка, и гратся у тебя под началом было бы повеселее, зато у него под началом я стогу выжить.

Улүвент встретил на Хонсю затуманенный болью и ненавистью взгляд:

--- Дай... мне... меч.

Хонсю вовсе не улыбалось исполнять просьбу утирающего врага, но для того, чтобы рассчитывать хоть на малейшую преданность бойцов Улүвента, следовало это сделать.

--- Дай ему меч, -- приказал Хонсю.

Кивнув, Грендель вытащил покрытый дымящейся кровью клинок из груди побежденного. Он протянул оружие Улүвенту, и тот сжал меч в нетвердой руке.

--- У... мой череп, --- собрав последние силы, выдохнул Улүвент. --- Ты... должен... его... забрать.

--- С удовольствием, --- ответил Хонсю, заноса топор и исполняя последнюю волю Паштока Улүвента.

Когда голову Улүвента водрузили на пику у подножия трона Түрона Черного Сердца, Жатва Черепов завершилась. Сотни бойцов погибли на песке арены, но в масштабе грядущих событий их смерти стало что значили и послужили лишь тому, чтобы насытить великое эго Тирана и позабавить Темных богов варна.

В конечном счете Хонсю покинул Новый Багаб с семнадцатью тысячами приведенных к кровавой присяге воинов. Бойцы Паштока Улүвента и те, кого Улүвент выиграл в поединках, отныне принадлежали Хонсю и несли на знаменах символ Железного Черепа.

Нота Этессей выжил и по доброй воле принес Хонсю клятву верности, хрипло поблагодарив Железного Воина за те незабываемые ощущения, что даровали ему

осколки кости в легких.

Гүрон Черное Сердце сдержал свое слово, и победитель Жатвы действительно получил немалую выгоду от его покровительства. Когда «Отрогье войны» покинул орбиту, за ним потянулись многочисленные корабли — подарки от Тирана Багаба, предназначенные для того, чтобы нести гибель имперским войскам. Кроме этих судов, флагман Хонсю окружали корабли побежденных чемпионов, фортируя разношерстный, но могучий флот корсаров и ренегатов.

Потрепанные ветераны костических баталлий, неповоротливые баржи, планетарные канонерки, оснащенные варп-двигателями разведывательные суда и захваченные крейсера следовали за «Отрогьем войны», пока тот осторожно продвигался через Мальстрем, прочь от владений Гүрона Черного Сердца.

Когда тошнотворно-желтый шар Нового Багаба исчез, поглощенный разноцветными пылевыми облаками и грязной отрыжкой империума, прорвавшегося сквозь дыру в реальном

пространстве, Хонсю вспомнились
последние слова Тирана.

Задержав Хонсю, Черное Сердце
указал когтем на Ардарика Ваанеса,
Кагараса Гренделя и Новорожденного,
поднимавшихся на борт «Грозовой птицы».

--- Когда они больше тебе не
понадобятся, убей их, --- сказал Тиран. ---
Иначе они когда-нибудь тебя предадут.

--- Они не постыются, --- возразил Хонсю,
но червь сомнения уже закопошился в его
сердце.

--- Запомни, --- ответил Гурон Черное
Сердце, --- сильный сильнее всего в
одиночестве.

Крис Робертсон

ОПАСНАЯ ГОНКА

Солнце только что поднялось и позолотило верхушки гор. Едва выгнувшееся на востоке, оно было похоже на незрелое красное яблоко. Утренний свет скользил по солонцеватым равнинам. Каждый камень и выступ отбрасывали длинные тени, простиравшиеся по останкам древнего морского дна, которое высохло задолго до того, когда предки человека на Земле впервые слезли с деревьев. В этом мертвом и засушливом месте не было ничего живого. Лишь горячий ветер, дувший с севера на юг и обратно, подбрасывал в воздух пылевые стерчи. Эти маленькие и недолговечные торнадо появлялись из тонкого слоя пыли, лежавшего на солевых равнинах, сухих и

твердых как камень.

Не было слышно ни звука, кроме жалобного свиста ветра, пока с запада не приплыл отряд скаутов на мотоциклах, нарушив тишину ревом мощных моторов, разрыв сухую землю следами от массивных шин, подняв в воздух огромные столбы пыли перед собой.

Это были Имперские Кулаки.

Моторизованное отделение скаутов спешило через пустыню на восток, построившись плотным клином. Во главе ехал ветеран-сержант Хилмс, слева от него — скауты Затори и с'Тонан, а справа — дю Квесте и Келсо.

Затори постоянно оглядывался через плечо. Ему, как крайнему с левого фланга, приходилось следить за левой частью тыла, так же как Келсо — за правой. с'Тонан и дю Квесте наблюдали за подходами спереди, а Хилмс задавал темп и следил за курсом.

Они мчались всю ночь, зигзагами на северо- и юго-восток, но хотя им еще только предстояло достать из ножен клинки, а стволы сдвоенных

мотоциклетных болтеров были прохладны
от бездействия, дорога не имела ничего
общего с увеселительной прогулкой.
Перспективы миссии выглядели злобеще, а
на карте стояла жизнь каждого человека
на Тунисе. Если они не смогут обнаружить
врага -- причём врага совершенно
определённого типа, -- они не выполнят
своего долга и цену их поражения
заплатят миллионы. Но наступило утро,
а они так и не нашли вражеских следов.

Пока не нашли.

-- Сержант, -- передал Затори по
общему каналу, чтобы его слышало все
отделение, -- ты у них на хвосте.

Затори сосредоточился, используя
улучшенное зрение Астартес, чтобы
взглянуть дальше, чем любой обычный
человек.

-- Это зеленокожие, -- подтвердил
он. -- У них нас заметили.

-- Принято, -- ответил по воксу
ветеран-сержант Хилмс, прибавляя газу и
наращивая скорость. Махнул вперед
массивным силовым кулаком. -- Живее,
отделение! Гонка начинается!

Прошло всего лишь несколько недель с того времени, когда костический скиталец орков без предупреждения появился на орбите планеты Тунис --- будто его вытолкнуло случайное движение костического пространства.

Человеческое население и заметить скитальца не успело, а с небес уже падали бесчисленные десантные корабли, извергая воинов и боевые машины.

Первые стычки между людьми и орками оказались короткими и жестокими. Поселения на самом востоке, окаймляющие западный край солевых равнин, были уничтожены орками на мотоциклах, багги и боевых фурах --- бандами зеленокожих, алчущих убийства. Пока отдельные отряды разбойничали, основные силы орков прятались где-то в бесконечных пещерах и подземных ходах в районе восточных гор. Космодесантники знали, что у орков под этими вершинами скрывается база; и если Кулаки ее найдут, то смогут предотвратить полное завоевание планеты. Для завершения

работы наг осадными машинами и
массовой атаки на людей оркам еще
понадобится время, но до того разбойничьи
отряды будут продолжать веселиться
там, где им это удастся.

Маньяк скорости никогда не
останавливается, не спит и не
сомневается. Для него существует только
движение.

Ротгрим Скаб знал это лучше
других. С того момента, когда десантные
корабли коснулись поверхности этой
планеты, он со своей командой не знал
покоя. Как старшак боевого отряда клана
Злых Солнц, он отвечал за настрой парней-
мотоциклистов, выбор точки на
горизонте и выезд и уничтожение всего
живого по дороге.

Он мчался во главе стаи, обхватив
массивными ногами кожных
сверхразогнанного двигателя на своем
боевом мотоцикле. Рев машины ---
единственное, что звучало в ушах орка.
Выхлопные газы и пыль забивали горящие
ноздри. За Скабом выстроились мощные

грузовики и боевые фуры, мотоциклы и багги — всего больше десятка. На них — парни-мотоциклисты из клана Злых Солнц, выраженные в кожу, цепи и ремни, обутые в огромные, подбитые железом ботинки, и с металлическими стержнями, вкрученными прямо в лоб. Все несли на себе красные отметины — ткань, пятна, краску или следы крови.

Как лидер отряда и старшак, Ромгрим был одет в красное с ног до головы, с топором в одной руке и даккаганом, пристегнутым к боку. Машину он тоже вполне логично выкрасил сверху донизу в красный: согласно старому орочьему преданию, красный цвет ускоряет все, к чему прикасается. На флажке, прикрепленном сзади, развевалось знамя Злых Солнц — кроваво-красное орочье лицо, гримасничающее в самом центре звездного взрыва.

Боевая банда Ромгрима занималась набегати с того момента, как они высадились в этом сухом, пыльном мире. Они разбойничали, сгорая от нетерпения, когда же закончится подготовка в

туннелях и пещерах под горами на востоке. Как только дадут команду, вся боевая орочья сила обрушится на людей, прячущихся в пустынных селениях. Когда партия выдвинется --- Злые Солнца возглавят ее.

Дают команду --- работы хватит всем, но сидеть без дела и ждать нет смысла, если можно наконец начать движение.

Ротгрим заметил пятерых человек, пересекающих пустыню на крохотных мотоциклах, и решил немного повеселиться, прежде чем настигнуть их. Слишком давно он с остальными парнями не тренировался на движущихся целях.

Скаут Затори знал: местным повезло, что корабль Имперских Кулаков находился поблизости. Когда губернатор Туниса отправил сигнал бедствия после первой высадки орочьего десанта, Имперские Кулаки оказались возле этой планетной системы, возвращаясь со своего предыдущего задания на «Фалангу» --- крепость-монастырь ордена, стоявшую на

якоря в нескольких неделях пути.

Конечно, были они всего лишь на фрегате типа «Гладиус», на борту которого находилось единственное отделение ветеранов Первой роты. А также отделение скаутов из Десятой. Но губернатору планеты не пристало жаловаться на численность сил, которые оперативно ответили на его отчаянные крики о помощи.

Подобно другим мотоциклистам в отделении, которым командовал ветеран-сержант Хилмс, Затори был всего лишь новобранцем, еще не полноправным боевым братом Имперских Кулаков — без черного панциря, который позволил бы ему носить силовые керамитовые доспехи настоящего Agentus Астартес. Но те годы, которые он провел на «Фаланге», превратившись из мальчишки в сверхчеловеческого сына Дорна, уже выделили его из людских рядов. Когда приземлившиеся ветераны вышли из десантных капсул и явились на прием к губернатору, Затори и другие скауты его отделения отчетливо возвышались над местными, грожавшими в их тени. Те

боялись Астартес — и космогесантников, и скаутов — почти так же, как и зеленокожих, угрожавших напасть с востока.

Кроме слуг оргена — вроде тех, кто сейчас управлял фрегатом на орбите, или тех, кто служил на «Фаланге», — Затори очень мало общался с обычными людьми последние несколько лет. Но, встатриваясь в лица губернатора планеты и тех, кто укрывался вместе с ним в западных крепостях, Затори не мог не вспоминать, как сам впервые увидел космогесантника — на поле боя Эокароз, на далекой родной планете Триандр. Космогесантники показали ему обретишими плоть героями легенд, гигантскими рыцарями, явившимися в мир людей из древних мифов.

Теперь, через много лет, Затори был одним из них — как минимут в глазах обычных мужчин и женщин. Пусть он все еще скаут, но при этом гордый Сын Дорна, Имперский Кулак. Он будет воевать, вооруженный праведным гневом самого Императора. Это его долг, его честь.

Пять Улперских Кулаков тчались по пустыне на восток, строго сохраняя построение. Зеленокожие быстро настигали их.

В отличие от организованного отряда Кулаков, чьи золотистые доспехи и угольно-черные мотоциклы блестели в лучах утреннего солнца, зеленокожие выглядели разношерстным сборищем монстров. Их машины плевались выхлопными газами и оглушительно трещали. Но орки не отставали и настигали Кулаков, как быстро приближающийся штормовой фронт.

Скаут Затори оглянулся и стиснул зубы, увидев ревущий орочий мотоцикл в тучительной близости от собственного заднего колеса. Мотоцикл и ездок были покрыты краской цвета свеженроливой крови. Сзади на флажке бешено развевалось знамя, показывая, что ездок являлся предводителем банды.

Вожак махнул над головой топором. Звериный вой терялся в шуме ветра. Затем орк вывалил из сдвоенных пушек,

установленных на передней части мотоцикла. Затори тут же упал бы в оцепенение, если бы боевой мотоцикл преследователя не взбрыкнул и не развернулся сразу после выстрела плохих сбалансированных орудий. Вожак промазал, но разрывные снаряды пролетели так близко к левому плечу Затори, что он почувствовал их жар.

Скаут взглянул направо: пара багги приближалась к флангу дю Квесте и Келсо. В задней части каждой двухместной машины стояли на специальных платформах пушкари. Затори увидел, как один из них выпустил пару ракет и они врезались в землю всего в нескольких метрах позади Келсо, взметнув в воздух россыпь пыльных камней. Затори снова сосредоточился на дороге.

Как и остальные скауты, Затори ждал сигнала от ветерана-сержанта Хилтса. Согласно приказам, они должны были держаться плотно после первого контакта с врагом, пока сержант не даст команду и не начнется следующий этап миссии.

Затори оставалось лишь надеяться, что он доживет до выполнения этого приказа.

--- Отделение! --- наконец передал по воксу ветеран-сержант Хилтс. --- Маневр уклонения «альфа».

--- Принято, --- отозвался Затори вместе с другими, и они все, как один, вышли из построения. Левый фланг дернулся направо, правый --- налево, их дорожки переплелись, как нити ДНК, и скауты потчались вперед, оставив позади беспорядочную стаю орков.

Теперь Кулакам придется лишь продолжать двигаться, чтобы посмотреть, как на это отреагируют зеленокожие.

Пыль забивала глаза Ротгрима, на зубах хрустели бесчисленные насекомые. Он размахивал над головой топором, призывая остальную часть боевого отряда увеличить скорость.

В десятке метров справа от него выжигала выросток огня в сторону ближайшего человека. Огромными баками

с протетом в задней части багги
занимались двое из Злых Солнц, подавая
топливо для огнететов. Плата
закончилось прежде, чем последние
терцающие огоньки потока коснулись
спины одного из всадников, немого опалив
его броню, — но начало было положено.

Ротгрим выпустил еще одну серию
снарядов из сдвоенных гакаганов в
передней части мотоцикла. Их
неравномерный стук отозвался музыкой в
его ушах. Выстрелы прошли мимо
преследуемого им человека, а Ротгрима
мало радовали клубы пыли и брызги
катней далеко впереди, где снаряды
наконец достигли земли.

Ездок слева от Ротгрима продолжал
палить из винтовки, оставаясь под
прикрытием, чтобы дезориентировать
людей, пока Ротгрим вместе с
остальными сокращал дистанцию. Еще
одно боевое багги несколько раз выстрелило
из мегабластера, а другое выпустило пару
ракет. Все выстрелы, как и у Ротгрима,
всего лишь подняли пыль, но людям
приходилось вилять взад и вперед, чтобы

избежать огня, и это замедляло их движение.

А потом расстояние между ними просто исчезло. Банда Ротгрима оказалась среди людей. Во всяком случае, достаточно близко для рукопашной схватки и оружия ближнего боя.

Тут-то и началось веселье. Это не неуклюжая стрельба по туманным целям с отчаянной надеждой, что какой-то снаряд когда-нибудь попадет. Это прямая борьба с врагом, болбежка в лоб и наверняка скорость против скорости, движение против движения.

Злая устешка искривила губы Ротгрима, открыв испорченные пожелтевшие зубы, испещренные останками насекомых --- словно солнечными пятнами на желтой звезде. Это и правда будет весело.

Скаут Затори не мог не вспомнить о словах Реторика, который много веков назад создал кодекс Обрядов Битвы, --- именно по нему сверяли свои действия Умперские Кулаки. В уважении к ордену

превосходил автора лишь сам примарх
Розал Дорн. Реторик написал много
трактатов, кодексов и лексиконов, но
самой главной среди них была Книга Пяти
Сфер, катехизис меча. В ней автор
подчеркивал важность знания
преимуществ и недостатков каждого вида
оружия в арсенале воина. Говорил он и о
значении дальнобойного оружия в
открытом поле, огневых орудий и телты в
укрепленной обороне, тяжелых
артиллерийских орудий для
бомбардировки и взрывных --- для
заградительного огня. Но более всего
сифирамбов он вознес мечу как оружию
ближнего боя.

Боевой брат из ордена Имперских
Кулаков редко --- если вообще когда-либо ---
появлялся на поле боя без меча в руке или у
бедра. Бывало и такое, что Кулаки
вырывались в драку только со своим
проверенным клинком. Некоторые, как
капитан Эшара из Третьей роты, даже
выходили с мечом в каждой руке, проверяя
навыки боя против всех врагов Золотого
Трона. Даже магистр Первой роты --- не

говоря уже о том, что он был Первым капитаном, Смотрителем арсенала и Командиром караула «Фаланги», — легендарный капитан Лисандр управлялся с огнем мечом в миссии на Малограксе, изгнав Железных Воинов с планеты и возвратив себе громовой молот «Кулак Дорна», который ему вручил погибший мученической смертью капитан Клейт. Все это происходило более чем за тысячу лет до рождения Затори.

В Книге Пяти Сфер Реторик писал: «Меч лучше всего использовать в замкнутых пространствах, рукопашной борьбе или ближнем бою — в любой ситуации, где вы близко от противника». Дальше: «Душа Имперского Кулака находится в его мече». И еще: «Когда шансы против вас и надежды на победу мало, святой воин с мечом в руке может обернуть бой в свою пользу, если его намерения благочестивы и чисты».

Поэтому, когда к Затори встретился зеленокожий всадник с массивным топором наперевес, Кулак плотнее сжал меч, схватившись другой рукой за рукоять.

мотоцикла и повторяя про себя Литанию
Клинка. Когда орк замахнулся топором на
непокрытой головой Затори и их
мотоциклы вот-вот должны были
столкнуться, скаут пробормотал молитву
Дорну и Императору, чтобы сила его
защиты оказалась достаточной.

Размахнувшись, Ромгрим опустил
меч прямо на непокрытую человеческую
голову. Но прежде, чем клинок вонзился в
череп, скауту удалось отразить топор
мечом, выбив снап искр. Когда клинки
скрестились, мотоциклы врезались друг в
друга со страшным скрежетом. Оба
наездника попытались удержать
равновесие и противостоять силе удара и
снова отделились друг от друга, готовясь
к следующему замаху.

Оскалив зубы, Ромгрим осыпал
проклятиями человека, который вдруг
отпустил руль. Было бы смешно
наблюдать, как он едет на маленьком
мотоцикле без помощи рук, если бы одна
из них через тиз не достала большую
пушку.

Ромзрим дернул мотоцикл вправо как раз вовремя, чтобы не попасть под поток жара из пушки, способный превратить лежащий на земле песок в стекло.

Зарывав, Ромзрим устехнулся про себя. Ведь не только его противник мог воспользоваться таким приемом.

Уравновесив под собой мотоцикл, орк отпустил руль и выдернул из кобуры даккаган.

Затори знал, что телтаган ненадолго задержит врага. Все равно польза от него была только на самых коротких расстояниях. Прометий, который оружие выпускало в субмолекулярной форме, можно точно направлять всего на несколько метров, но и оружие дальнего боя использовать на скорости трудно, так что замена дальнебойного оружия огневым для скаутов-мотоциклистов того стоила. В любом случае при использовании телтаганов на дистанции и мечей в ближнем бою ветеран-сержант Хилтс

посоветовал скаутам не надеяться, что им пригодятся сдвоенные болтеры. Они-то сконструированы для поражения цели, к которой направляется мотоцикл, а в этом задании им приходилось убежать от врага. На них еще хватит врагов, когда — и если — они достигнут цели, но даже тогда от болтеров будет мало проку, если все пойдет по плану.

Отразив первый удар зеленокожего, Затори знал, что ему необходимо сменить позицию, прежде чем последует второй, или он вылетит из седла и распластается в пыли. Хотя он тренировался орудовать клинком в каждой руке, с левой он был менее искусен. Но орк наступал с левой стороны, и переложить меч в правую руку Затори не мог. Если ему придется парировать и блокировать удары из этой позиции, варианты защиты будут очень ограниченными, а это может оказаться роковым. Ну а количество способов нападения окажется почти равным нулю, так что драться левой рукой, похоже, единственный вариант. И хотя его левая рука не слабее правой, уровень выучки для

обеих разный — это он, к своему стыду, обнаружил во время спаррингов на борту «Фаланги».

Итак, он отразил первый удар орка, их мотоциклы столкнулись, а затем немого разъехались, и зеленокожий оказался сзади Затори — совсем недалеко. Скаут знал, что следующая атака будет под углом. Ему с трудом удавалось сохранять равновесие, и шанс на то, что зеленокожий выбьет его из седла, был чересчур велик. Тогда гонка Затори закончится — слишком быстро.

Поэтому требовалось изменить условия схватки. Или как об этом написал Реторик в Книге Пяти Сфер: «При угрозе поражения добейтесь преимущества, выяснив намерения противника и изменив собственную тактику».

Поэтому, пока зеленокожий готовился к следующей атаке, Затори рискнул отпустить руль, выдернул телтаган и выстрелил потоком сверхнагретого газа. Когда орк отреагировал именно так, как ожидал Затори, — вытащив собственное оружие и открыв огонь в ответ, — скаут

убрал желтаган обратно в кобур, крутанул руль влево и направил мотоцикл к зеленокожему. Проклиная неточный, но от этого не менее смертельный огонь орка, Затори пронесся прямо возле него, едва не задев передним колесом заднее колесо ороczego мотоцикла. Каждый раз, когда они оказывались близко, меч Затори начинал раскачиваться от ветра.

Когда скаут почувствовал, как дернулся в руке меч, он на миг понадеялся, что теперь его удар попал в цель, ведь зеленокожий не успел вовремя поднять топор, чтобы отразить его. Оглянувшись, Затори увидел, что не причинил орку вреда, но зато пробил стойку со знаменем. Теперь изображенный на нем гримасничающий красный орк развевался у самой взрытой земли.

В тот момент взгляды Затори и зеленокожего встретились, и в сверкающих глазах орка скаут прочитал жажду убийства.

Веселиться — одно дело. Потрим не мог винить человека за пару случайных

выстрелов в бою или попытку проткнуть его острым клинком. Это все совершенно справедливо. Ромгрим все равно его ранит или поздно убьет, но у этого малютки есть право защищаться. Иначе это было бы не так весело.

Но спихнуть штандарт Злых Солнц в грязь? Нет уж, так не делается.

Ромгрим засунул даккаган обратно в кобур. На этого он больше не будет тратить пули и снаряды. Он разберется с ним собственными руками.

Затори разворачивался так, чтобы передние направляющие указывали на горы, когда услышал по воксу голос: «Затори, справа!»

Тут же к нему на полной скорости подкатил скаут Келсо и пересек его путь справа налево, едва избежав столкновения.

— Хочешь поменяться? — крикнул в вокс Келсо, разворачиваясь и поднимая вокруг клубы пыли. Он указал пальцем туда, откуда появился, — на плюющееся огнем боевое багги, следовавшее за ним на небольшом расстоянии.

Затори оглянувся через плечо на сидящего на мотоцикле орка, который следовал за ним с кровожадной гримасой на зеленом лице.

Но не успел он ответить, как Келсо завел двигатель и направился прямо на вражеского мотоциклиста:

— Благодарю, Затори. А то мне скучно становилось.

В следующий же миг боевое багги, которое до того преследовало Келсо, заревело позади Затори, между ним и орком-мотоциклистом. Теперь внимание огнеметчиков сосредоточилось на новой цели. В танце смерти между скаутами и орками Затори и Келсо поменялись партнерами.

Затори все еще было сложно понимать Келсо. Все Имперские Кулаки получали какое-то удовлетворение от исполнения священного долга, но Келсо, похоже, находил в бою чуть ли не маниакальную радость и часто вел себя так, что этого не понимал и куда больший холерик Затори. Эта реакция производила не такое гнетущее впечатление, как

немного словность дю Квесте или с виду
безэмоциональная сдержанность с'Тонана,
но Затори все равно было сложно связать
радостную самоотдачу Келсо в битве с
мрачными обязанностями Астартес.

За скаутом гналось боевое багги, и
обжигающие языки пламени ударялись о
керамит его брони. Затори набирал
скорость, чтобы не изжариться заживо.

Ротгрим зарычал от раздражения,
как только между ним и его жертвой
оказался выжигала, но, когда к нему, весело
улыбаясь, встретился другой человек на
мотоцикле, старшак решил, что этот
новый послужит хорошей закуской. Если
орку и не доведется отомстить тому, кто
только что обесчестил штандарт Злых
Солнц, он может сначала обжечь свой
топор кровью этого человечешки.

Скаут ехал прямо на Ротгрима, и
орк не был уверен, пытается ли тот
бросить ему вызов и посмотреть, кто
первым уклонится от столкновения, или
же хочет схватиться с ним, подобно
всаднику на лошади в каком-нибудь

нецивилизованном мире. Странность была в том, что с виду человек почти стаялся.

Ну, если его так раззадорила скорость, то Ромгрим вполне мог это понять.

Конечно, еще через секунду или две в содержимое черепной коробки человека вонзится топор Ромгрима, и скауту будет не до стеха.

Чем дальше они устремлялись на восток, тем более неровной становилась земля под колесами Затори. Там, где раньше были рассыпанные камни и небольшие горбики, выступающие за линию горизонта солевых равнин на западе, теперь встречалось все больше камней покрупнее, поднимавшихся как вершины айсбергов над соленой равниной. Некоторые из них были почти с мотоцикл Затори. С такими преградами на пути он уже не мог просто выжать максимальную скорость и улетучиться вперед — ему приходилось ехать зигзагами, чтобы не врезаться в камни, достаточно большие, чтобы остановить его движение в случае сокрушительного столкновения.

Преследовавшее его боевое багги, к сожалению, имело четыре огромные шины, а его разогнанный двигатель обладал достаточной мощностью, чтобы поднимать багги над катнями потеньше почти без потери скорости. Так что, пока Затори приходилось притормаживать, петляя туда-сюда, багги уверенно несло вперед, сокращая разрыв между ними.

Наполненные прометием факелы в задней части багги обдали Затори огненным ливнем, и он стиснул зубы от жгучей боли. Он чувствовал, как кожа на шее покрывается волдырями и трескается, коротко подстриженные волосы сгорают, — и хотя знал, что в крови уже усиленно вырабатываются тельца Ларрамана из грудного имплантата для мгновенного создания рубцовой ткани и прилива крови к пораженной области, это знание ничуть не облегчало его страдания.

К счастью, Затори побывал в перчатке боли, будучи новобранцем, послушником и скаутом, и оставался верен священным словам Реторика: «Боль позволяет нам причаститься из чаши

героев». Ему удалось научиться терпению в тунике из электроволокон в течение срока, который казался вечностью, внутри стальной подвески в недрах «Фаланги», медитируя на изображение Розала Дорна и стараясь убрать боль из сознания, в то же время его не теряя, — если уж это Затори мог, то перетерпеть небольшой дискомфорт, пока его собственная плоть сгорала прямо на кости в прометиевом огне, он вполне был способен.

Он знал, что если зеленокожие подобралась так близко, что его задевают огнеметы, то этого расстояния хватит и мелтагану, чтобы ответить любезностью на любезность.

Молясь о прощении духу клинка, Затори вознал меч в ножны на спине ловким движением, а затем вытащил мелтаган из кобуры, пристегнутой к мотоциклу. Не теряя ни минуты, он обернулся как можно резче, взмахнул стволом и отправил поток сверхнагретого газа в сторону преследовавшего его багги.

Ротгрит и его человеческая жертва должны были вот-вот столкнуться, держа наготове клинки. В самый последний момент человек дернул мотоцикл влево, взмахнув мечом прямо у широкой груди Ротгрита. Но тот предвидел этот взмах, и, как только человек оказался слева, орк на миг ударил по тормозам, приостановившись ровно настолько, чтобы меч просвистел мимо, не причинив ему вреда. Ротгрит в то же время описывал поворотом широкую дугу, примеряясь рубануть по мягкой шее, выглядывавшей из брони.

Орк вернул мотоциклу прежнюю скорость почти сразу же после торможения и едва почувствовал инерционный толчок, когда его топор прорезал человеческую шею. Углянувшись, он увидел, как мотоцикл виляет в разные стороны, обезглавленный наездник болтается на седле, все еще сжатая меч в безжизненной руке, а его голова катится, подпрыгивая, по земле неподалеку.

Ротгрит с удовольствием ответил

обгоревший край топора. Но этот красный оттенок должен стать гуще.

Заряд мелтагана Затори попал прямо в зеленокожего, мгновенно превратив его в пар выше пояса. На руле продолжали болтаться изуродованные руки, а каша из внутренностей сочилась на обгоревшие останки бедер.

Операторы огнеметов на задней площадке пытались направить в его сторону еще один обжигающий поток, но этому помешало багги, оставшееся без управления и врезавшееся в одну из скал покрупнее. Машина внезапно остановилась со скрежетом металла по камню, и парочку зеленокожих швырнуло в воздух, ударяя друг о друга. Бак с прометием, накренившись от удара, разлился. Как только жидкость попала под заряд огнеметов, она тут же загорелась — и взрыв окутал боевое багги черным облаком дыма и жара.

Лишь снова сосредоточившись на земле перед ним, Затори увидел обезглавленное тело скаута Келсо.

лежащее в пыли где-то в сотне метров отсюда. Голова сержанта, катившаяся по высохшему дну моря уже далеко от тела, больше не улыбалась.

Ротгрит увидел, как взорвался выжигала, — завыл сухой воздух, в небо поднялся черный дымовой гриб. Звук был едва слышен за гортанным ревом его собственного боевого мотоцикла. У людей уже не хватало одного наездника, в седлах находились лишь четверо, и даже при потере выжигалы у Злых Солнц еще оставалось около десятка боеспособных машин.

Встатриваясь в горизонт, Ротгрит мельком увидел того самого человечешку, который сбросил со штандарта знамя Злых Солнц. Тот мчался на восток. Его и Ротгрита разделяло слишком много преград, чтобы орк мог догнать скаута, а поближе хватало легких жертв — именно они в первую очередь заслуживали внимания его топора.

Однако эту гонку пора было завершать.

Вытащив даккаган, он выпустил в воздух несколько выстрелов по условленной схеме: два глинных, четыре коротких, один глинный. Шум выстрелов перекроет даже рев турбированных двигателей, и каждый байкер из его боевой банды узнает последовательность и поймет, что она значит.

Приказы Ротгрима были ясны: пора прекращать гонку ради самой гонки и начинать финальную часть игры.

--- Хилмс --- Затори, --- слышался в боксе голос ветерана-сержанта. --- Докладывай, что там у тебя.

--- Келсо погиб, сэр, --- отрывисто сказал Затори. --- Я на ходу и направляюсь на восток. --- Он оглянулся и увидел, что теперь за ним гонится мотоцикл. --- Меня преследует зеленокожий гонщик. Поцанался с их вожаком, но потерял его из виду.

--- Принято. --- И после паузы: --- Похоже, вожака я нашел. Огромный такой монстр в красной амуниции и на красном мотоцикле. Только знамени клана не

видно...

Затори не мог удержаться от улыбки, резко увернувшись от камня, высотой до пояса:

--- Это моя вина, сержант. Я его срезал и оставил лежать в пыли.

В наушнике скаута слышался короткий сухой смехок ветерана-сержанта.

--- Неудивительно, что он такой хитрый с виду.

--- Я не стремился ему понравиться.

Очередь снарядов из ручного оружия скрикошетила от золотисто-черной керамитовой брони Затори. Выстрел попал ему в левое плечо --- преследователь на мотоцикле пытался сбить скаута. Рывкнул второй выстрел, тоже с левой стороны, но ближе к поясу. Каждый раз Затори рефлексивно отклонялся вправо, чтобы не попасть под огонь.

--- У них поменялась тактика, --- передал по воксу ветеран-сержант Хилтс, недолго помолчав. --- Они перестали стрелять на поражение и, вместо этого, пытаются взять нас измором.

Затори посмотрел направо и увидел, что сержант направляется к нему. Траектории их движения должны были сойтись где-то впереди, а на хвосте у Хилтса висел вожак в красном.

Пока Хилтс молчал, Затори понял, что тот дает ему возможность постыслить значение его слов. Хилтс тренировал скаутов Имперских Кулаков еще до рождения Затори и всегда искал поучительные моменты -- и во время спарринга, и на поле битвы, -- чтобы новобранцы под его командованием усвоили важный боевой урок.

-- Они нас загоняют, -- наконец ответил Затори, стараясь, чтобы его слова звучали как можно более уверенно.

-- Да, -- согласился Хилтс. -- Именно на это мы и рассчитывали.

-- Ваш приказ, сэр?

-- Пусть они вас загоняют, -- ответил Хилтс. -- И постарайтесь, чтобы они вас пока не убили.

Ротгрит увидел, как человек на мотоцикле и с силовым кулаком на руке

подъехал к грузому, — и одного взгляда хватило, чтобы узнать во втором того, кто разрубил стойку для знамени и обесчестил Злых Солнц. За человеком гнался еще один гонщик из орочьей банды, держа в руке пистолет и старательно стреляя в спину противнику, загоняя его согласно сигналу Ромгрина.

План состоял в том, чтобы продолжать гнать вперед тех, кто еще оставался в седле, пока они не упрутся в стену, а там уже начнется настоящее веселье. Но непокрытая голова мерзавца, который сбросил штандарт в грязь, убедила Ромгрина в том, что один или двое до пункта назначения могут не доехать. Те же немногие, кто доберется до стены, повеселят остальных.

Ромгрин закрутил наг головой мотор, подавая сигнал грумому байкеру. Быстро указал пальцем на пару людей, а потом ткнул в собственную массивную грудь, и даже в пыльном воздухе посыл был понятен: эти люди его.

Затори на тиз увидел скаутов дю

Квесте и с'Тонана, приближающихся справа. Их преследовало трио боевых багги. Он не ошибся: зеленокожие загоняли их, увлекая на запад. Ему лишь оставалось надеяться, что теснят их именно туда, куда рассчитывал Хилтс.

Теперь они с Хилтсом ехали бок о бок, уклоняясь туда-сюда от все большего количества скалистых наростов и выступов, которые становились все крупнее, чем дальше на восток ехали скауты. Самые большие скалы теперь были выше Затори в седле.

За десантниками гнались двое зеленокожих на мотоциклах, но как только Затори удалось обернуться, чтобы посмотреть, насколько они близко, один из орков уже отъезжал в сторону, чтобы прикрыть левый фланг. Только вожаки банды, чье лезвие топора все еще было запятнано кровью Келсо -- того же цвета, что и его кожаное облачение вместе с мотоциклом, -- продолжал их преследовать и быстро сокращал расстояние.

-- Затори -- Хилтсу, -- передал он по

воксу. — Вожак все ближе.

Хилмс улучил момент, чтобы обернуться через плечо, а затем снова встретил взгляд вперед:

— Соберись, Затори. Может стать жарко.

Горы на восточном крае солевых равнин возвышались перед ними. Солнце приблизилось к зениту, и тени почти исчезли. Теперь обнаруживать на пути камни потеньше стало сложнее.

Пока они направлялись к лабиринту из скал и выступов у подножия гор, Ромгрим понял, что ворваться между гвүтя наездниками, как он собирался, а потом уложить их обоих топором не удастся. А поскольку человек, обесчестивший их зная, теперь ехал чуть впереди другого с силовым кулаком, это означало, что Ромгриму придется подождать того, прежде чем отомстить терзавцу.

Внезапно оркү пришла в голову идея, и он злобеще улыбнулся краями широкого рта. Повесив топор на пояс, он потянулся

назад и оторвал то, что оставалось от штандарта, который когда-то возносил знамя Злых Солнц.

Когда двое людей выехали на относительно открытое пространство, Ромгрим резко поддал скорости боевому мотоциклу, оказавшись вровень с ним справа. Ближайший к нему человек повернулся, чтобы схватить Ромгрима силовым кулаком, но орк отклонился как можно дальше влево, стараясь не перевернуть мотоцикл, и вонзил сломанный штандарт между ступицами переднего колеса противника.

Силовой кулак схватил пустоту, колесо дернулось, и мотоцикл со страшным металлическим скрежетом перевернулся.

Но прежде, чем Ромгрим успел постаковать причиненный им ущерб, на его пути возник поток сверхнагретого воздуха, поэтому пришлось резко свернуть вправо, чтобы избежать следующего выстрела человека из дважды проклятой тепловой пушки.

--- Отделение! Нужно прикрытие! ---
тут же передал по воксу Затори, увидев,
как ветеран-сержант Хилтс взлетел на
воздух.

Взрыва из мелты хватило, чтобы
притормозить орка хотя бы на мгновение,
но надолго он Затори не оставит. И если
была еще хоть какая-то надежда на успех
задания, Затори не мог покинуть Хилтса
там, где он упал.

В ответ на клич Затори еще два
скаута, дю Квесте и с'Тонан, приехали
на полной скорости, размахивая мечами и
стреляя очередями из сдвоенных болтеров.
Они бросились на вожака орков, отрезав его
от Затори и подарив тому несколько
секунд.

Пока вожак был занят дю Квесте и
с'Тонаном, Затори остановился там, где
упал Хилтс. Сержант застрял между
массивной скалой, застопорившей его
движение вперед, и тяжелым мотоциклом,
который угодил туда же спустя долю
секунды. Сам мотоцикл был разбит и
сильно погнут, передние направляющие
оторвались, а одно колесо до сих пор

продолжало скакать в пыли. Хилтс
повезло ненамного больше. Учитывая
скорость, силы столкновения с огромной
скалой было достаточно, чтобы пробить в
нескольких местах керамитовую броню.
Там, куда еще не успели добраться клетки
Паррамана, продолжалось сильное
кровотечение. Одна нога выгнулась вперед
под неестественным углом, а левую руку,
похоже, полностью вырвало из сустава.
Удар от мотоцикла только усугубил
повреждения.

--- Возьми... возьми... --- услышал
Затори от Хилтса, не через вокс --- из-за
столкновения его коммуникатор явно
пришел в негодность. Голос доносился через
поврежденный визор Хилтса.

Сержант поднял силовой кулак, и
Затори разглядел небольшое устройство,
прикрепленное к манжете.

--- Извините, сэр, --- сказал Затори,
спрыгнув с мотоцикла и поспешив к
Хилтсу. Поднапрягшись, он убрал с
сержанта разбитый мотоцикл. --- У нас
уже нет одного наездника, и я не могу
оставить еще одного.

Просунув обе руки под изувеченное тело сержанта, Затори выпрыгнул и поднял Хилтса в воздух.

Поспешив к мотоциклу, Затори уложил сержанта на заднее сиденье и пристегнул его, снова прыгнул в седло.

— Скаут... — сказал Хилтс, пока Затори заводил двигатель. Сержанта было едва слышно. Затори знал, что с такими серьезными травмами у Хилтса он вот-вот впадет в состояние фуги, чтобы его тело смогло начать восстанавливаться. — Скорей... Что бы там... Скорей...

Сержант потерял сознание. Его тело полностью сосредоточилось на повреждениях.

— Отделение! — передал Затори по рации, как только завел мотоцикл и устремился в сторону гор, которые теперь были еще ближе. — Сержант со мной. Давайте завершим гонку!

Они полчались на восток. Скауты немного опережали Злых Солнц. По мере приближения к подножию гор скалистые

образования и выступления становились больше и многочисленнее, поднимаясь над высохим торским гном, подобно кораблям-призракам. Путь вперед был труден, и что скажут, что оркам приходилось постоянно уворачиваться, чтобы избежать столкновения.

И с каждым мгновением горы становились все ближе и больше, заполняя собой горизонт.

Ротгрим зарычал от трачного удовольствия, когда увидел, как трое человек на мотоциклах завершили гонку.

Бежать им было некуда. Как и приказал Ротгрим, банда гнала людей по соевым равнинам, через каменный лабиринт к проходу, который углублялся на сто метров или около того в горы, прежде чем закончиться тупиком. К этой каменной стене люди и приехали на своих мотоциклах.

Ротгрим остановился, а остальная часть банды столпилась за ним. Он рыкнул, подняв в воздух топор.

Трое людей уже спешили, держа в

руках мечи и ружья и образовав защитное кольцо вокруг раненого, пристегнутого к одному из мотоциклов.

«Смешно, — подумал Ромзрим. — Эти людишки ведут себя так, будто у них есть шанс». И кто знает, может, в бою против Ромзрима и его банды парней-мотоциклистов им бы повезло.

Но люди не знали, что беспокоиться им надо не только о Ромзриме и его парнях.

«Вот теперь и начнется веселье», — подумал Ромзрим, слезая с боевого мотоцикла. Ударом кулака он включил передатчик, висевший на поясе, — отправил сигнал о прибытии.

Люди обернулись, услышав, как в каменной поверхности открылась потайная дверь. Прежде чем проходил очистился, из него повалили десятки орков, вооруженные топоратами, ружьями и пистолетами.

Сначала были десятки, потом сотни. Они извергались сплошным потоком из прохода, ведущего к ходатам и нещерам.

погребенным под горой.

Затори держался поближе к мотоциклу. Ветеран-сержант Хилтс все еще лежал пристегнутым к заднему сиденью. Его массивный силовой кулак болтался всего в нескольких сантиметрах над утоптанной землей.

Скаут слышал злобещий стех зеленокожих монстров и знал: их явно веселил тот факт, что отряду не удалось их перезнать.

Но орки не знали, что Затори и остальные и не собирались перезнать их, а всего лишь хотели удержаться впереди. Сейчас гонка закончена. Затори улыбнулся, потянувшись вниз и открепив небольшое устройство от манжеты силового кулака. Держа его в воздухе, скаут нажал на кнопку включения. Тихо загудел телепортационный маяк.

Вспыхнул свет, раздался оглушительный грохот — и перед Затори встал костодесантник в золотисто-черных керамитовых доспехах, держа штормовой щит в одной руке и массивный гротовой молот Кулак Дорна — в другой.

Сухой горячий ветер развеивал его плащ, а на плечах поднимался штандарт, увенчанный черепом и несущий поперечную перекладину в форме свитка, на котором было выжжено имя: «ЛУСАНДР».

— Примарх! — крикнул капитан Лусандр, взмахнув над головой Кулаком Дорна. — Во славу твою и славу Его на Терре!

Обнажив зубы, капитан Лусандр устремился к оркам, сгрудившимся у открытого прохода, ни на секунду не останавливаясь и не колеблясь. Как только капитан освободил тот пятачок земли, на котором появился, из воздуха со вспышкой возник другой костодесантник, и еще, и еще, все с громовым боевым кличем на устах, с мечами наперевес, жаждущие крови. Целое отделение ветеранов Имперских Кулаков — в терминаторской броне, спешащие навстречу захватчикам оркам.

Ветераны Первой роты ворвались в толпу зеленокожих, выставив мечи. Капитан Лусандр уже пробирался в подземный комплекс за открытым

проходом, грозя всех на своем пути.

Ротгрим тупо стоял с минутами, наблюдая, как люди в доспехах разбивают его братьев-орков. Единственная мысль билась в его мозгу: в этом виноваты те людишки, которых он преследовал, и тот дважды проклятый человечиска в особенности. Перед мысленным взором Ротгрима маячил штандарт Злых Солнц, лежащий где-то там, в соленой пыли.

Орк покрепче ухватил топор и устехнулся.

Ротгрим понял -- гонка не закончена. Во всяком случае, пока он не будет отмщен.

Затори и другие два скаута собрались у лежащего навзничь тела ветерана-сержанта Хилтса возле точки перехода, ожидая «Грозовой ястреб», который уже ревел двигателями где-то у них над головами, чтобы забрать с земли. Там, где они стояли -- немного поодаль от подножия горы, -- им был слышен шум битвы, пока отделение ветеранов громило

орков, плохо подготовленных к такому нападению.

— Хотелось бы мне остаться и посмотреть на отделение терминаторов в действии, — сказал с'Тонан, разглядывая горизонт.

Гонка отделения на мотоциклах по пустыне была всего лишь уловкой, чтобы маяк оказался в самой гуще врагов, а терминаторы захватили бы их изнутри и сразу.

— А я хочу стыть с себя вонь зеленокожих, — ответил дю Квесте, выковыривая из зубов насекомых.

Затори не успел сказать, чего же хочет он, потому что их прервал рев, исходящий со стороны гор.

Это был одетый в красное вожак банды, спешивший к ним на полной скорости и занесший над головой свой огромный топор. Он ехал прямо на Затори. В глазах орка сверкала жажда убийства, а из-за раздробленных массивных зубов доносился животный вой.

Затори не терял ни мгновения для принятия оборонной позиции, прочтения

сокращенной Литании клинка или же
выноса меча под нужным углом. Он просто
достал телтаган, нажал на курок и
расплавил несущегося к нему орка в лужицу
внутренностей и обгоревших костей ---
одним глинным выстрелом.

--- И что бы Реторик сказал, увидев
этот маневр? --- спросил дю Квесте,
прищурившись и слегка улыбаясь
краешками губ.

--- Все просто, --- ответил Затори. ---
Я выяснил намерения противника, --- он
поднял телтаган, --- и получил
преимущество, изменив тактику.

Гэв Торн ОТСТУПНИКИ

Рычание моторов и гром оружейных залпов эхом раздавались в пространстве огромного зала, перекрывая даже ни на миг не умолкающий грохот разрушений. Причудливая настенная мозаика от ударов снарядов и воздействия лазерных лучей разбилась на тысячи разноцветных осколков, а на трапезном полу, после того как могучие танки прогрели по нему свои гусеничными траками, остались колеи, заполненные крошевом из битой плитки. Солдаты, одетые в глинные черные шинели, поспешно перебежали из укрытия в укрытие: некоторые прятались за огромными, поддерживающими потолок колоннами, другие же суматошно сновали

между грудами обломков и прыгали в воронки, выдолбленные снарядами в полу, который некогда был начищен до блеска.

В грохоте боя тонули крики вожаков мятежа — тех, кто с обгорелых бронемашин и с постаментов поверженных статуй прежних властителей, размахивая руками, звал своих людей в атаку. Их подчиненные, будто бросая вызов прежним, свергнутым командирам, скандировали теперь новые лозунги, и их воинственные, полные ненависти крики чередовались с призывами восстановить поправленную справедливость.

Силы повстанцев развернули наступление по всему залу, который раскинулся на добрую милю, и под прикрытием танковых орудий неудержимо рвались вперед.

На их пути стояли Астартес из ордена Мстящих Сынов, чьи лазурные доспехи сейчас были покрыты пылью и копотью. Они прилетели сюда, чтобы подавить бунт, но неожиданно обнаружили, что вся планета погружена в пучину кровавой гражданской войны. Они прибыли

сюда, чтобы покарать вождей лютяжа и
восстановить власть имперского
губернатора, а теперь и этого самого
человека приходилось защищать от
целого мира, восставшего против тирании
своего властителя. Между тем война
собирала свою кровавую жатву. Ух
осталось только тридцать -- тридцать
костодесантников из тех ста трех, что
первыми прилетели на Хельмабаг.

Укрывшись за насех выстроенными
баррикадами, сооруженными из листов
покоруженного металла, обломков
катнебетона и сложенных в штабеля
трүнов, Астартес обрушивали на
атакующих шквал огня. Воздух светился
от трассирующих следов, которые
оставляли за собой болтерные снаряды, в
то время как ослепительные вспышки
разрядов лазнүшек с одинаковой легкостью
прожигали как броню танков, так и
человеческую плоть. Однако треск
тяжелых болтерных орудий и
потрескивающее шипение плазмы лишь
вызывали у костодесантников еще большую
ярость.

Время от времени кто-нибудь из сравнительно небольшой группы людей, хотя и до смерти напуганных, но все еще верных командующему Мүшану, собрав всю свою храбрость, выскакивал из-за живой стены закованных в броню гигантов, чтобы выпустить несколько зарядов из своих лазганов. Когда-то они были элитой, хваленой Хельтабадской Мавзолейной Гвардией. Теперь же их самих страшил гнев тех, кого они прежде клялись защищать. Их маски смерти в нынешней ситуации выглядели скорее колючко, чем устрашающе. Золотая парча на мундирах, как и эполеты на них, давно истрепалась, а черные панцирные доспехи, потеряв свой блеск, покрылись выбоинами и царапинами.

Не обращая внимания на царящие кругом огонь и разруху, бесстрашно ходил от укрытия к укрытию брат Гессарт — капитан Мстящих Сынов. Как и у всех его братьев по оружию, его доспехи носили отметины долгих боев. Голубая краска почти сплошь обгорела, и то тут, то там виднелся голый потрескавшийся керамит. Левый наплечник был белого цвета без

каких-либо опознавательных знаков ---
вынужденная замена тому, который он
потерял два дня назад. Золотой шлем уже
не блестел, покрытый слоем пыли, а
серебряная аквила на груди была
перепачкана кровью. Воистину сама эта
кровь --- кровь врагов --- была не менее
драгоценным знаком доблести, чем
символ, который она заняла!

Руководя обороной, Тессарт
отрывисто выкрикивал команды, и каждый
его приказ сопровождался залпом
штурмового болтера, который он держал
сейчас в руках.

--- Рассредоточенный огонь по левому
флангу! --- прорычал он, когда, выпустив
три заряда, вспорол грудную клетку
офицеру противника, неосторожно
высунувшемуся из-за скрученных обломков
железной скамьи. Солдаты, которых
погибший офицер пытался собрать в
атаку, тут же растворились в клубах
дыма и пыли.

За спиной капитана стоял библиарий
Закерис, над психическим капюшоном
псайкера сиял энергетический нилб, а с

лезвия психосилового меча, рукоять которого была зажата в правой руке, стекали всполохи энергии. Закерис снял шлем, и было видно чудовищное напряжение, застывшее на его лице, когда он проецировал вокруг космогосантников невидимую стену силы. Болты и осколки снарядов, высекая искры из защитного покрова, сотканного из энергии варпа, вхолостую разрывались вокруг псайкера.

--- Никакой пощады предателям! ---
взревел ротный капеллан Хергейн, становясь на гряду щебня и выпуская несколько плазменных разрядов из своего плазматана.

Конверсионное поле, скрытое в розариусе капеллана, то и дело оживало, ослепительно вспыхивая, когда вражеский огонь сосредотачивался на фигуре этого мрачного хранителя благочестия.

--- Как можно, чтобы столькими людьми так скверно управляли! ---
воскликнул Рикхель и, прижав к плечу болтер, произвел несколько точных одиночных выстрелов. --- Они идут на смерть, как слепые котята!

--- Разумно выбирайте цели! --- громко
сказал Гессарт. --- Пусть не пропадет ни
одна заря!

--- Тут трудно промахнуться! ---
расстелся в ответ Лехенхарт, и его
болтер, выплюнув несколько очередей,
буквально перемолол отряд мятежников,
бросившихся на костогесантников через
открытое пространство. --- Со времен
орочьей атаки на Карафиге у нас не было
столь легких целей!

--- Вы ведете нас к победе, капитан! ---
воскликнул Виллуш. --- Примарх
благоволит вам.

--- Не отвлекайся! --- рявкнул Гессарт,
выпустив по противнику очередную порцию
снарядов.

Перестрелка продолжалась еще
несколько минут, и каждый раз, когда
мятежники, готовя прорыв, стягивали в
новое место свои силы, костогесантники,
искусно маневрируя, переносили туда всю
мощь своего огня.

--- Разведывательные шагоходы на
правом фланге! Три, возможно, четыре! ---
предупредил своих товарищей Виллуш.

Он плавно повел дулом своего тяжелого болтера, и очередь выбила барабанную дробь по баррикадам из пластали и катнебетона, за которыми притаились бунтовщики.

--- Эх, отсюда мне их не достать!

--- Лехенхарт, Хергейн, Никз и Рикхель, со мной! --- гаркнул Гессарт. --- Приготовить гранаты для контратаки!

Пятеро костодесантников, гремя кератитовыми погошвами, побежали на правый фланг вдоль линии баррикады. На этой стороне по краю зала протянулась длинная галерея, и в стене, отделяющей ее от остального пространства, образовалось много дыр и трещин. Сквозь них капитан мог видеть, как с другой стороны вдоль стены продвигаются неуклюжие фигуры шагоходов типа «Часовой». Если бы им позволили продолжить движение, те бы достигли конца галереи и обрушили на десантников море огня уже с другой стороны защитных укреплений.

--- По моему сигналу проламывается стена! --- крикнул Гессарт.

От стены их отделяло всего с

десяток шагов, когда Гессарт выпустил длинную очередь из штурмболтера, и заряды, разрываясь при ударе о камнебетон, пробили в нем несколько значительных дыр. Остальные сделали то же, буквально изрешетив стену.

— Все разом! — выставив вперед левое плечо, взревел Гессарт и со всего маху налетел на поврежденный выстрелами камнебетон.

Под натиском козлогесантника стена дрогнула, и в поднявшемся облаке щебня и шпакатурки капитан с грохотом влопнулся в галерею. Другие десантники, справа и слева от него, осуществили столь же впечатляющие прорывы.

Истязав Сыны, проломив стену, вышли точно в тыл четверем «Часовым». Последний в их ряду неуклюже повернулся, пытаясь перешагнуть через груды каменных обломков, причудливо изогнув свои шарнирные ноги. Глаза сидящего в открытой кабине пилота округлились от ужаса, когда осколочная граната Рикхеля упала ему на колени. Он потянулся, чтобы отстегнуть ремни безопасности, но уже

спустя мгновение граната сдетонировала, рассеивая смертоносную шрапнель внутри кабины шагохода. Пилота вывернуло наизнанку и разорвало на куски. Приборная панель машины была уничтожена, и шагатель, качнувшись влево, завалился вправо и вперед, причем удар изрядно покорректировал вмонтированный в его корпус мультилазер.

Остальные три тоже начали поворачиваться, но недостаточно быстро, чтобы применить свое оружие. У Никза в руке была противотанковая граната. Он прыгнул к ближайшему «Часовому» и, быстро закрепив магнитную взрывчатку на нижнем суставе левой ноги шагохода, тут же отскочил назад. Граната разорвалась, буквально срезав стальной сустав машины. «Часовой» стал опрокидываться, и Никз, подскочив, пихнул свой облаченный в стальную перчатку кулак в открывшуюся нижнюю часть корпуса машины. Когда он вырвал рукой целую связку проводов и гидравлических трубок, какая-то красная жидкость, словно артериальная кровь, прыснула из

разорванных соединений смертельно раненного «Часового».

Гессарт подскочил к следующему шагоходу и свободной рукой крепко ухватился за нижний край кабины. Пилот вытащил лазерный пистолет и выстрелил в упор в грудь Гессарта, когда капитан подтягивался к кабине. Заряды сверкнули и отразились от нагрудника его силовых доспехов, не причинив никакого вреда. Гессарт вскинул болтер и произвел два выстрела: первый заряд разорвал водителю грудь, второй — снес ему голову. Забивший красный фонтан забрызгал золотой шлем Гессарта, облепив его сгустками крови и осколками мозга. «Часовой» судорожно дернулся, когда мускулы мертвеца в последний раз сократились и его руки рефлексивно качнули рычаги управления. Продолжая биться в механических конвульсиях, машина сбросила Гессарта на землю.

Между тем водитель последнего «Часового», стараясь развернуть свой шагоход в сторону атакующих, открыл огонь из своего мультилазера, но все его

разряды ушли в сторону. Лехенхарт потянулся и схватил правой рукой болтающееся из стороны в сторону оружие. Визг гидравлики сливался с пронзительным воем сервоприводов, в то время как механические системы «Часового» боролись с искусственными мышцами бионической руки Лехенхарта и его силовыми гонимыми. Издав пронзительный визг и выбросив из себя снаряд, искр, силовые приводы шагохода все же проиграли эту борьбу, и Лехенхарт вырвал мультитлазер из его гнезда. В этот момент плазмаган Хергейна вырезал обугленную дыру в моторном блоке шагохода, и тот взорвался, выбросив шар синего пламени. Лехенхарта и капеллана отбросило на каменные осколки, которыми был усеян пол галереи.

Пилот шагохода, выведенного Никзом из строя, высвободившись из покореженной кабины, с трудом прополз несколько шагов по моторному щебню. Ног у него раздробил тот же удар, что уничтожил его машину. Лехенхарт поднялся и схватил несчастного за ворот куртки. С легкостью

подняв солдата в воздух, костогесантник повернулся к Гессарту.

--- Кому нужна новая игрушка? ---
поинтересовался Лехенхарт.

--- Может, мы сможем получить от
него какие-нибудь важные сведения?.. ---
осторожно предположил Никз.

Гессарт бросил взгляд на раненого. По
покрытому копотью лицу несчастного, под
козырьком съехавшего набок кожаного
шлема, оставляя извилистый след, текли
слезы. Но беды этого человека для
капитана ничего не значили. Он был
врагом --- и только это сейчас имело
значение!

--- Он не скажет нам ничего, чего бы
мы уже и так не знали, --- сказал капитан
и решительно потнул головой.

Лехенхарт пожал плечами, и
активаторы под его наплечниками
взвизгнули так, словно были недовольны
тем, что им приходится воспроизводить
столь экспрессивный жест. И тут
костогесанник со всего маху ударил
телом несчастного пилота в то, что
прежде было шагоходом, и одним ударом

проломил ему голову и сломал позвоночник. Затем Лехенхарт, разжав пальцы, уронил искалеченное тело на покорженный трапезный пол.

Гессарт внимательно осмотрел галерею, желая выяснить, не последовали ли за шагоходами другие мятежники. Не заметив ничего подозрительного, он подумал, что бунтовщики, наверное, ожидают, что «Часовые» закрепятся на своих позициях. Тем не менее он не мог одновременно защищать и галерею, и зал, в случае если бы противник предпринял решительный натиск по обоим направлениям. Он должен был бы благодарить судьбу за то, что командиры бунтовщиков — кем бы ни были эти люди, свергнувшие власть имперского губернатора, — похоже, установили для своих сторонников лимит тактически оправданных потерь. Противник менее щепетильный в этом вопросе захватил бы зал уже с первой атаки.

— Всем вернуться на линию обороны! — приказал Гессарт.

В следующие шесть часов сражение за зал собраний разгорелось с новой силой. Во время краткой передышки, которая выдалась между атаками, даже негиббемый Гессарт ощутил, как на нем начинает сказываться постоянное напряжение, ни на секунду не оставлявшее его самого и его боевых братьев не только в сражении, но в любой миг этих сорока дней войны, с тех самых пор, как они прибыли на Хельтабаг.

В густом дыму, валившем клубами из четырех уже подбитых или танков и в отсутствие ветра сплошной стеной повисавшего над залом, мелькало все больше зловещих силуэтов. Матаежники явно собирались начать очередную массированную атаку. За последние двадцать часов они это проделывали уже трижды.

— Проверить боеприпасы! — крикнул Гессарт, выбросив пустую обойму из своего штурмболтера и вставляя новый барабан.

— Капитан, у меня последняя патронная лента! — сообщил брат Виллуш через переговорное устройство.

--- Осталось только семь зарядов, капитан! --- предупредил брат Рикхель.

--- Мощностъ батареи на тридцати пяти процентах, --- заявил брат Хейнке.

Как только последний из оставшихся костогесантников доложил о состоянии своего орудия, стало очевидно, что боеприпасы у всех на исходе. Гессарт видел, как сотни солдат противника все ближе подползают к их рубежу обороны. Некоторые из них, находясь уже не далее пятидесяти метров, стреляли наугад из укрытий, прикрывая продвижение своих товарищей. Гессарт знал, что сейчас они подтянут тяжелую артиллерию, и вот тогда-то костогесантники испытают на себе всю ярость атаки мятежников.

Еще один танк «Леман Русс», громыхая, появился в поле зрения костогесантников. Он играючи отбросил в сторону обломки подбитого бронетранспортера и уверенно пополз вперед, медленно наводя орудия на позиции отряда Гессарта. Очевидно, те, кто находился внутри, ничему не научились на ошибках экипажей уже подбитых танков.

Несколько мгновений капитан бесстрашно смотрел туда же, куда глядел ствол его оружия.

--- Хейнке! --- в нетерпении наконец крикнул Гессарт, однако его предупреждение оказалось излишним: еще прежде, чем это имя слетело с его уст, лазпушка Хейнке изрыгнула из себя энергетический разряд, который поразил башню танка.

Выстрел воспламенил снаряды, хранящиеся за толстой броней, и в тот же миг взрыв чудовищной силы разнес башню танка и выбросил вверх ослепительное облако огня и дыма. Горящее тело танкиста было выброшено на залитый кровью трактор.

--- Батарея заряжена на тридцать процентов, --- предупредил Хейнке. --- Энергии осталось не более чем на полдюжины выстрелов, брат-капитан. Какие будут приказания, командир?

--- Противник значительно превосходит нас числом, --- сказал Рикхель. --- Мы успешнее могли бы оборонять более ограниченную площадь.

--- Наш долг --- все время наращивать давление и затем вытеснить из дворца весь этот мусор, капитан! --- рявкнул Хергейн. --- Вспомните учение Жиллимана!

Но мере того как все больше и больше мятежников подбирались к их позициям, огонь лазерной и тяжелой артиллерии вокруг группы космодесантников становился все интенсивнее. Болтерные снаряды, шрапнель и осколки камнебетона отскакивали от их доспехов, как от стенки. Гессарт видел только две реальные возможности: отступить на подготовленные позиции или, начав контратаку, навязать врагу ближний бой и отбросить солдат противника. Он выбрал первое.

--- Полковник, отводите своих людей к входу в храмовый комплекс! --- направил Гессарт приказ полковнику Акхайму, командиру Могильной гвардии.

Гвардейцам не нужно было повторять дважды, и очень скоро, неловко взбираясь по грудам щебня и остаткам сожженной техники, они направились в сторону коридора, который начинался за их

позициями. Через несколько минут Гессарт дал сигнал к отступлению и своим собственным отделениям. Оставаясь все время лицом к врагу, Настоящие Сыны начали отступать от прежней линии обороны. Не было сделано ни единого выстрела, чтобы прикрыть их отступление, --- костогесантники с презрением относились к оружию бунтовщиков, в то время как и сами, если они хотели продолжить войну, необходимо было беречь каждую единицу боезапаса.

Отступая вглубь коридора, костогесантники проходили мимо гирлянд из мелтабомб, закрепленных на потолке и стенах. После того как они все покинули прилегающую ко входу площадь, Гессарт дал сигнал взрывать. Земля грожала под ногами, пока капитан смотрел, как исчезает под тоннами каменобетона и стальной арматуры проход в зал собраний. Теперь из катакомб оставался лишь один выход, а с поверхности, соответственно, вход в коридор, ведущий в центральную гробницу --- секретное убежище имперского

губернатора.

--- Все это напоминает мне
Архимедон, --- чуть слышно за спиной
капитана пробормотал Никз.

Гессарт резко повернулся и
пристально посмотрел на десантника, но
разглядеть за шлемом выражение лица
Никза было решительно невозможно.

--- Держи свои мысли при себе! ---
огрызнулся Гессарт.

Священная гробница располагалась в
одном из дальних пределов дворца
имперского губернатора, в той его части,
которая представляла собой лабиринт
бесконечных коридоров и комнат,
прорубленных в скале, по сути являющейся
фундаментом этой гигантской цитадели.
До вооруженного восстания в них
размещались резиденции чиновников и
придворных --- теперь же они превратились
в штабы, импровизированные госпитали и
аппаратные передающих станций.
Выложенные кирпичом туннели были
битком набиты ящиками со снаряжением
и заставлены испачканными кровью

лежанками с телами раненых. Стоны
утирающих, словно голоса призраков,
разносило по протяженным глубоким
туннелям гүлкoe эхо.

Приказав нескольким своим воинам
защищать последний выход на
поверхность, Гессарт повел остаток своей
роты по петляющим подземным
переходам. Он не обращал никакого
внимания ни на стоны, ни на испуганный
шепот солдат Могильной гвардии. То
здесь, то там из радиопередатчиков
вырывались лозунги докучливой пропаганды
математиков — грубый, но эффективный
способ нарушить коммуникацию верных
Империи сил.

Проходя по одному из сводчатых
коридоров, капитан услышал стех и
ругань, доносящиеся из смежного
помещения. Сognувшись в три погибели, он
прошел под низкие своды арки. Внутри он
увидел нескольких гвардейцев,
обступивших стоящий в углу старый,
разбитый вокс-передатчик.

— С вами будет то же, что и с
вашими собакоголовыми грузьями, —

говорил их сержант в переговорное устройство. -- Вот только попробуйте пройти через восточные ворота! Настоящие Сыны отправят вас к вашим мамочкам -- слезами утоетесь!

Огромный, закованный в сталь сапог Гессарта одним ударом сокрушил вокс-передатчик, и тот, пронзительно запищав напоследок, скончался.

-- Никаких переговоров с врагом! -- взревел капитан.

Гвардейцы заметно оробели, увидев над собой могучую фигуру разгневанного Гессарта.

-- Ваш бесконечный треп выдает противнику стратегически важную информацию! -- не унимался капитан, который уже далеко не первый раз был вынужден разъяснять свой указ о соблюдении тишины в радиоэфире. -- Такие дураки, как вы, сообщают и то, где мы храним наши припасы, где наша оборона наиболее уязвима, где мы сами планируем атаковать... Если вы желаете помочь бунтовщикам, имейте хотя бы смелость сделать это с оружием в руках!

Не на шутку напуганные, гвардейцы, пряча глаза под жутким взглядом черных капитанских линз, стали стученно бормотать свои извинения.

--- Безнадежно... --- прошептал капитан и, повернувшись, вышел в коридор.

Довольно скоро Гессарт вывел своих людей в центральный зал --- восьмиугольное помещение, от которого во все стороны к самым дальним пределам гробницы протянулись главные туннели подземелья. Здесь их уже ждал Рикхель. Теперь, когда костогесантник снял шлем, все увидели его изможденное худое лицо и встревоженные серые глаза.

--- У нас осталось не более двухсот болтерных зарядов, --- с трачным выражением лица пояснил он свое беспокойство. --- Менее пятидесяти тяжелых снарядов у Виллуса. Запасов пороха пока что достаточно.

--- На один бой, --- подытожил Хейнке.

--- Ну, если только на короткий... --- произнес Лехенхарт, который выглядел сейчас необычайно подавленным. --- И он будет коротким не по причине нашей

доблести.

--- Если бы мы не соблюдали
строжайший режим экономии, наши
боеприпасы давно бы уже закончились, ---
сказал Рикхель. --- Мы не были готовы к
длительной кампании. Мы уже на
семьдесят дней превысили изначальное
рассчитанное время боевых действий.

--- Лучше расскажи мне о том, чего я
не знаю, --- прервал его Гессарт. --- У нас
есть другое оружие?

Рикхель пересек помещение и выбрал
один из лазганов, входящих в боевое
снаряжение гвардейца. Ствол был
мгновенно снят стальным захватом
аутентической кисти костогесантника.

--- Совершенно для нас бесполезны, ---
заявил Рикхель, пренебрежительно
отбросив в сторону то, что осталось от
лазгана. --- Они просто не прослужат нам
долго. Даже свои кулаки мы могли бы
использовать с большим успехом!

--- Значит, использует! --- воскликнул
Хердейн, и его шлем в виде черепа стал
медленно поворачиваться, когда капеллан
окинул собравшихся костогесантников. ---

Мы будем сражаться до последнего вздоха!

Гессарт ничего не сказал, хоть у него были совсем иные идеи по этому поводу. Вместо этого его взгляд устремился на Закериса. Тот уже стянул с себя шлем, но мокрые от пота черные пряди волос будто приклеились к его лицу. Он привалился к стене, и кирпичи за его спиной вдруг стали трескаться, словно им передалось напряжение, которое сейчас испытывал изнуренный своей внутренней борьбой псайкер.

--- Ты чувствуешь приближение подмоги? --- спросил Гессарт. --- Какое-нибудь видение или послание?

Библиарий лишь молча покачал головой.

--- Что, вообще ничего? --- продолжал свои расспросы Гессарт. --- Никакой вибрации в варне? Никаких следов корабля?

--- Ничего, --- каким-то странным, нагтреснутым голосом прошептал Закерис. --- Хельтабаг застилает пелена, которую я не могу прорвать. Я ничего не могу разглядеть по ту сторону этой кровавой завесы.

--- Все, отдыхай, --- сказал Гессарт и, перейдя на другую сторону комнаты, положил свою ладонь на лоб библиария. --- Тебе надо восстановить силы.

Закерис кивнул и, оторвавшись от стены, выпрямил спину.

--- Я не хочу накликасть беду, но все это не сулит нам ничего хорошего, --- прохрипел библиарий.

Остальные молча наблюдали, как расправивший плечи псайкер, силась выглядеть максимально достойно, отошел от сводчатой стены подземелья.

--- Его скрытность беспокоит меня, --- произнес Хергейн, как только Закерис оказался вне зоны слышимости.

--- Я никому не доверяю так, как Закерису, --- сказал Гессарт. --- Сейчас он --- наше спасение. Я верю, он еще выведет нас на верную дорогу.

--- Как это было на Архимедоне? --- спросил Никз. --- Тогда мы прислушались к его пророчеству --- и что получили? Ускунительное патрулирование привело нас на эту забытую Императором войну.

--- Я же велел вам не упоминать это

место! Твое пренебрежение дисциплиной
границит с нарушением субординации!

--- Если у меня есть сомнения, было бы
не очень умно держать их при себе, ---
ответил Никз, взглянув на Хергейна. ---
Разве не истинно, что спрятанное в себе
сомнение провоцирует зарождение ереси, а,
брат-капеллан?

--- Для обсуждения подобных вопросов
должно быть соответствующее время и
место. У нас сейчас нет ни того ни
другого. Уважай мнение своего командира
или будь готов принять последствия
нарушения субординации!

--- Все, что я хотел сказать --- мы не
были готовы к такой войне, --- стал
оправдываться Никз. --- Вы привели нас
сюда, чтобы мы подавили... Как же это
называлось?.. А! «Незначительный мятеж»
--- не так ли? Но этот мир уже восемь лет
как раздирает гражданской войной! Нам
вообще не следовало тут оставаться!

--- Орден откликнется! --- убежденно
сказал Хергейн. --- Придут другие. Они
помогут или же отомстят за нас.

--- Похоже, что Закерис не слишком в

этот уверен, — заметил Хейнке. — О чем он говорил, так это о «кровавой пелене», которая накрыла это проклятое место. Его ментальные послания ушли в никуда!

— Тогда здесь будет наш последний рубеж! — заявил Хергейн. — Мы рождены для сражений и умрем во время сражения!

— За победу мы положим наши жизни, — сказал Гессарт. — Но я не уверен, что победа здесь в принципе возможна.

Гессарт сидел один в одной из многочисленных комнат священной гробницы, прилежно исполняя ритуалы поддержания в порядке своего штурмового болтера. Капитан прислонился спиной к поверхности древней, крошащейся стены, в то время как его болтер мирно покоился на коленях. Чтобы лучше видеть детали оружия, капитан снял шлем, и его резкие черты лица тут же осветило мерцание свечей, расставленных в небольших нишах по периметру комнаты. В тусклом сиянии свечей Гессарт осторожно протер куском ткани составные части своего оружия, заботливо осматривая каждую деталь.

прежде чем установить ее на положенное место.

Время от времени где-то наверху раздавались мощные взрывы, сотрясающие подземелья, после чего со стен и потолков дождем сыпалась штукатурка. Матеежники продолжали артобстрел, стремясь пробить брешь в стенах подземелья — сразу после того, как костогесантники отступили с верхних этажей здания. Хотя защита ворот и казалась крепкой, люди, оборонявшие катакомбы, были измучены и, похоже, совсем потеряли веру в победу. Как только ворота будут разрушены — а это случится через два-три, от силы четыре дня, — на пути неудержимой армии матеежников не останется ничего, кроме последнего, весьма хлипкого рубежа обороны.

— Капитан! — неожиданно из дверей донесся голос Виллуша.

Он уже освободился от шлема, тяжелого заплечного ранца и массивных наплечников, из-за чего стал выглядеть необычно тощим и изнуренным — что, Гессарт знал точно, абсолютно не

соответствовало действительности.

--- Могу я с вами поговорить?

Гессарт поднял голову и, отложив в сторону штурмовой болтер, жестом пригласил костодесантника сесть. Однако Виллүш отказался.

--- У меня есть сомнения, капитан, --- сказал Виллүш.

--- Наш брат-капеллан всегда готов тебя выслушать, --- заметил Гессарт.

--- Мои сомнения касаются как раз Хердейна, --- ответил Виллүш и, так и не найдя места своим рукам, положил их себе на пояс.

--- Это как же? --- недоуменно спросил Гессарт.

--- Я знаю, что вы запрещаете нам говорить об Архимедоне, капитан, но сейчас я должен...

--- Говори, раз должен, брат, --- тяжело выдохнул Гессарт.

--- Спасибо, капитан, --- отозвался Виллүш.

Все время, пока он говорил, его голос оставался абсолютно спокойным, а на покрытом шрамами лице застыло

выражение предельной искренности.

--- Мы ведь всё тогда на Архимедоне сделали правильно! В учении примарха нет ничего, что заставило бы нас бессмысленно собой жертвовать! Мы не в состоянии были далее защищать от врага этот костический порт. Его необходимо было разрушить!

--- Я не нуждаюсь в оправдании своих действий! --- гневно воскликнул Гессарт. --- Что я вам говорил все это время? Тысячи могут погибнуть, но ведь не за просто так! Если бы отступники захватили порт, они оказались бы в состоянии произвести небывалые разрушения и развязали бы неслыханный террор!

--- И все же магистры органа расценили наши действия как ошибочные, --- продолжил Виллүш. --- Нас наказали за такое решение, и наказание привело нас на эту планету...

--- Неудачное стечение обстоятельств, не более, --- покачивая головой, произнес Гессарт. --- В том, что мы попали сюда, нет никакого божественного провидения, --- просто

случайный выбор места, из-за причуд астронатической связи.

— Я согласен, капитан, — кивнул Виллүш. — И все же, когда вы уходили, Хергейн прочел нам целую лекцию. Он сказал, что всем нам вскоре придется положить жизнь на алтарь победы и вящей славе нашего ордена.

— Возможно, и придется, — ответил Тессарт. — Пока я не вижу, как сложатся выйти из столь затруднительного положения. Вокруг нас миллиарды врагов. Миллиарды, Виллүш! Но всей вероятности, Хергейн довольно точно описал наш угол.

— Но он ведь не просто предполагает, он страстно этого хочет! — возразил Виллүш, чье лицо, по мере того как он говорил, все более оживлялось. — Он собирается забрать у нас наши жизни, как в наказание за Архитегон. Его с нами не было, и все же он считает, что приговор ордена свидетельствует, что там мы покрыли себя неслываемым позором. Он не стремится к победе, он стремится к тому, чтобы мы искупили кровью свои

презрения!

Не успел Гессарт ответить, как дикий вопль эхом разнесся по каменному лабиринту. Кричал Закерис. Капитан рывком встал на ноги и выскочил из комнаты. Виллуш следовал за ним по пятам. Быстрым шагом оба проследовали по петляющим коридорам гробницы, держа курс на источник криков, которые не прекращались ни на секунду. Когда они наконец достигли комнаты Закериса, Гессарт обнаружил там большинство своих воинов.

Темную комнату освещала одна единственная, уже оплывшая свеча, которая стояла в нише. Среди столпившихся костодесантников, склоняясь к земле, стоял Никз, и голова библиария безвольно покоилась на его бронированном наколеннике. Энергетические флюиды, тертая, срывались с его губ, когда он бессвязно кричал, однако во всем остальном тело библиария было абсолютно неподвижно. Тут Гессарт заметил, что из десен Закериса все время, пока он истошно вопил, сочилась густая

кровь.

--- Что происходит? --- потребовал объяснений Хердейн, входя через дверь в другом конце комнаты.

--- Да я вот только что обнаружил... --- начал было объяснять Никз, но тут глаза у Закериса открылись, и вырвавшийся из него мощный заряд энергии сбил могучих костодесантников с ног.

Никз был отброшен к стене и, ударившись об нее, ошеломленный, рухнул на холодные плиты. Когда Астартес с трудом поднялись, библиарий уже был на ногах. Глаза его полыхали малиновым огнем, а с оскаленных зубов капала кровь.

--- Кровавая завеса раздвигается!.. --- прошептал Закерис. --- С той стороны к нам прорывается враждебное царство... Его легионы уже стоят у границы миров... Как громко звонят колокола Хаоса!

--- Что ты видишь? --- нетерпеливо спросил его Гессарт, стремительно перейдя на другую сторону маленькой комнаты.

Он уже потянулся, чтобы коснуться библиария, но в последний момент

отдернул руку.

--- Надвигается смерть!.. ---
прошептал Закерис и перевел взгляд
смотрящих в другой мир глаз на
Гессарта. --- И все же тебе не суждено
встретить смерть здесь...

Судорожно глотнув воздуха, псайкер
вдруг рухнул на колени, а затем упал на
руки. Когда же он опять поднял голову, его
глаза уже снова приобрели свой обычный
бледно-голубой цвет. Гессарт склонился
над своим другом и ободряюще положил
руку на его левый наплечник.

--- Что ты увидел? --- спросил он снова,
теперь уже мягким, едва слышным
голосом.

--- Барн открывается, --- сказал
Закерис.

В первый момент недовольный ропот
прошел среди остальных
костодесантников, но Гессарт, метнув на
них яростный взгляд, тут же пресек все
разговоры.

--- Предатели? --- спросил Хердейн.

--- Хуже, --- ответил Закерис, когда с
помощью Гессарта поднялся на ноги. ---

Воплощенный Хаос! Зло, дающее жизнь!
Хозяин ночных кошмаров!

--- Демоны... --- пробормотал Рикхель.

--- Бунтовщики... --- продолжал библиарий, --- они, конечно, не ведают, что творят, но это их предчувствия и страхи приманили сюда эту нечисть. Они бездумно шептали имена предвечных сил, сокрытых в древности, и тем самым привлекли их взор к этому миру.

--- Сколько у нас времени, чтобы подготовиться к такому празднику? --- спросил Лехенхарт.

--- Не более дня, --- ответил ему библиарий. --- Скорее всего, часы. Я уже сейчас ощущаю, как среди звезд над городом открывается щель. Все, что здесь есть, погибнет.

--- Но не мы! --- убежденно сказал Хергейн. --- Мы будем сражаться и покроем себя славой! Ты ведь сам сказал, что мы утром не здесь.

--- Он сказал, что я утром не здесь, --- поправил его Гессарт. --- Я не слышал, чтобы он упоминал ваше имя.

--- И как же вы сможете спастись,

когда остальные погибнут? -- недоуменно спросил Никз, все еще опираясь рукой о стену и с трудом поднимаясь на ноги.

-- Никто не должен здесь погибнуть! -- твердо сказал Гессарт и трачно посмотрел на костодесантников. -- Этот мир уже потерян, достанется ли он мятежникам или демонам. Не важно, какая именно тьма поглотит Хельмабад, важно лишь то, чтобы мы выжили и предупредили других о его падении!

-- Так что же, мы снова все бросим и убежим? -- спросил Никз.

-- Я бы выбирал другие выражения, -- сказал Гессарт.

-- Нет никакой доблести в бессмысленной жертве! -- воскликнул Виллүш, делая шаг, чтобы встать рядом со своим командиром.

-- Принесение себя в жертву и есть доблесть! -- огрызнулся Хергейн. -- Астартес и создавались для того, чтобы отдавать свои жизни в битвах! Подобная трусость недопустима!

-- Дело не в трусости, это вопрос выживания! -- вмешался Лехенхарт. --

Наши трүпы не змогут защищать
человечество!

--- Я не позволю вам повторить грех,
уже совершенный на Архимедоне! --- заявил
Хергейн, накинувшись на Гессарта. --- Вы
не справились с обязанностями командира
тогда, не справляетесь и сейчас. Вы
больше не можете командовать ротой!

--- Ротой?! --- растеялся Никз. --- Здесь
уже давно нет никакой роты. Как нет и
оргена! Мы --- это все, что осталось. Я не
собираюсь утирать здесь ради красивого
жеста, который все равно никто не
оценит!

--- Ересь! --- взревел Хергейн и,
выхватив из кобуры плазменный пистолет,
направил его на Никза. --- Не слушайте
этих изменников, братья!

Рикхель поднял вверх руки и
выступил вперед.

--- Я поклялся ордену в верности, ---
заявил он. --- Я --- Астартес из братства
Мстящих Сынов! Жизнь моя не
принадлежит мне с того дня, как я --- как и
вы все --- принес эту клятву. Теперь наше
дело уже не выбирать судьбу, а сражаться.

пока ты еще можешь сражаться!

Несколько костодекантников, по большей части новобранцев, из тех, кто должен был восполнить собой потери и заменить выбывших на Архитедоне, ответили на это согласным хором голосов. Тессарт посмотрел на собравшихся и увидел, как в их глазах перемешаны надежда и сомнение. Незаметно для других Виллүш ободряюще ему кивнул.

--- Нам нельзя разделяться, --- предостерег Тессарт. --- Я --- ваш капитан. Я один могу командовать ротой, вернее, тем, что от нее осталось.

--- Я выполню любой твой приказ! --- сказал Виллүш.

--- У я! --- поддержал его Закерис. --- Этого врага победить невозможно.

--- Меня готовили к сражениям, а не к самоубийству! --- заявил Лехенхарт. --- А оставаться здесь равносильно самоубийству, по моему мнению.

На лице у Хердейна, когда он глядел на Тессарта и принявших его сторону, застыла гримаса ненависти. Он перевел свирепый взгляд на Хейнке.

— А ты, брат, что скажешь ты? — потребовал ответа капеллан.

Некоторое время Хейнке стоял, будто пригвожденный к своему месту, переводя глаза с Гессарта на Хергейна и растерянно блуждая взглядом по комнате, где стояли его братья по оружию. Он уже было открыл рот, чтобы ответить, но передумал.

— Это ли стелость, которая всегда была присуща Мстящим Сынам? — вскричал Хергейн, схватив Хейнке за край горжета. — Прояви верность ордену! Покажи свою чистоту!

— Я буду сражаться! — возвысил голос Рүфен и, вскинув к плечу болтер, направил его на группу десантников, столпившихся вокруг Гессарта.

— Это безумие, — пробормотал Тайло, ротный аптекарь.

Он выступил вперед, и его белые доспехи ярким пятном выделялись на фоне темно-синего снаряжения других братьев.

— Мы не можем здесь потерпеть неудачу и позволить, чтобы наше геносетя попало в грязные лапы предателей! Мы

должны думать о будущем!

— Какое будущее, если честь потеряна?! — в отчаянии воскликнул Хердейн и, почти с мольбой глядя на десантников, безвольно опустил свой пистолет.

Пронзительный треск заряда, выпущенного из болтера, раздался в комнате — и голова капеллана вдруг взорвалась, исчезнув в облаке кровавых брызг и разлетевшихся на мелкие фрагменты костей черепа. Посреди комнаты стоял Гессарт, сжимая в руке дымящийся пистолет Закериса — свое оружие капитан с собой не принес.

— Да уж лучше, чем смерть! — трачно изрек Гессарт.

Рүфен тут же открыл огонь из своего болтера, и анархия и хаос мгновенно охватили небольшую комнату. Гессарт метнулся влево, отпихнув Закериса с линии огня. Никз и Лехенхарт также открыли стрельбу из своих болтеров. В одну секунду две противостоящие партии сошлись в жестокой схватке, извергая пламя из болтеров и нанося друг другу

удары кулаками и ценными мечами. Крики сопровождалось оглушительным ревом оружия.

Через несколько мгновений четверо костодекантов уже лежали мертвыми на плитах каменного пола, а еще шестеро были тяжело ранены. Грозная фигура Никза возвышалась над братом Карлрехом, одним из тех, кто принял сторону капеллана Хергейна, и ствол его болтера находился в сантиметре от затылка кровью лица Астартес. Лехенхарт же с помощью двух других боевых братьев прижал к холодному полу Рикхеля. Хейнке и несколько других воинов с выражением ужаса на лице следили за происходящим.

Гессарт вернул пистолет Закерису и беспешно направился к притихшим сторонникам капеллана.

— Если вы так желаете умереть на Хельтабаге, я предоставляю вам такую возможность, — сказал он ровным, спокойным голосом, обращаясь не только к тем, кто открыто выразил свое несогласие, но и к тем, кто все это время хранил молчание. — Я не держу на вас зла,

но каждому из вас придется сделать
сейчас выбор. Для тех, кто хочет
сохранить честь, все закончится очень
скоро. Для тех же, кто повторно
поклонится следовать моим приказам, все
происшедшее будет тут же забыто и не
повлечет за собой никакого наказания.

— Я повинуюсь воле моих братьев, —
сказал Хейнке. — Если их выбор —
оставить планету, значит я отправлюсь
вместе с ними.

— Лучше смерть, чем бесчестье! —
выплюнул Карлрех.

Гессарт чуть заметно кивнул Никзу,
тот спустил курок, и рык его болтера
тут же положил конец всем протестам
Карлреха.

— Есть кто-нибудь еще, кто думает
так же? — спросил Никз, выпрямляясь, и
все увидели, что его лицо, забрызганное
кровью убитого брата, стало похоже на
ужасную алую маску.

Выступив вперед, брат Техсен
схватил дуло болтера, что был в руках у
Никза, и приставил его себе под
подбородок. Он с вызовом посмотрел на

Гессарта.

--- Это --- измена! --- сказал Техсен. ---
Вы все отступники, и я не желаю, чтобы
мое имя стояло рядом с вашими в
позорном списке предателей. Я принадлежу
к братству Настоящих Сынов и буду гордо
умереть, оставаясь одним из них. А вы...
Вы хуже трусов, потому что вы
предатели!

Гессарт заметил, как дрогнули лица
некоторых из его бойцов, когда Никз
произвел следующий выстрел, однако сам
он ни на мгновение не отвел взгляда от
глаз Техсена. Он ощущал пустоту внутри.
Он ощущал ее уже несколько лет, с тех пор
как покинул Архимедон. Конечно, он не
желал, чтобы дело повернулось подобным
образом, но внутренне был готов принять
свою судьбу, что бы она ему ни уготовила.

Когда Никз в следующий раз
обратился к костодесантникам с тем же
вопросом, вперед уже больше никто не
выступил, и Гессарт ободряюще кивнул
своим сторонникам. Лехенхарт помог
Рикхелю подняться на ноги и гружески
потрепал его по голове. Тайло направился

к мертвым телам воинов и начал кровавый процесс извлечения прогеноидов. Посмотрев, как идут у них дела, Гессарт повернулся к Закерису.

--- Мы не упрет на Хельмабаге, --- сказал капитан.

--- Так точно, капитан, --- ответил библиарий и слабо улыбнулся.

--- Надеюсь, у вас есть план действий, которые приведут к этой цели, --- включился в разговор Лехенхарт. --- Снаружи стоят лагерем миллионы мятежников, а нам надо как-то покинуть эту планету.

--- Капитан! --- воскликнул Никз и указал рукой на один из дверных проемов комнаты.

Несколько солдат Могильной гвардии, прибежавших на выстрелы, с грожащими губами и расширенными от ужаса глазами смотрели на представшую им картину.

--- Никз, Лехенхарт, Хейнке, Виллүш! --- рявкнул на подчиненных Гессарт. --- Разберитесь с ними!

Лишь только костодесантники

повернулись к дверям, гвардейцы открыли огонь.

--- Использовать только ножи и кулаки! --- крикнул Гессарт вдогонку своим Астартес. --- Экономьте боеприпасы везде, где только возможно!

Наконец в центральном зале погребального комплекса установилась мертвая тишина, которую лишь иногда нарушали раненые и умирающие гвардейцы, чей шепот и предсмертные стоны эхо разносило по лабиринтам каменных коридоров. Это было довольно большое помещение, и весь его пол занимало мозаичное изображение имперской аквилы. Тридцать колонн поддерживали высокий сводчатый потолок, и на каждой из них были начертаны имена верных слуг Императора. В дальнем конце зала на высоком троне из красного дерева восседал Му'шан. Морщинистое лицо правителя скрывал капюшон расшитой золотой нитью мантии. Слева от него с болтером в руке стоял Никз, тогда как справа от губернатора возвышалась

фигура Гүрштрейха. Стоя неподалеку от трона, привалась спиной к одной из колонн. Гессарт беседовал с Лехенхартом и Закерисом. Другие костюмодесантники либо стояли на страже в холле, либо несли караульную службу у запечатанных западных ворот, а пятеро были отправлены капитаном на задание за пределы погребального комплекса.

--- Разрыв пространства все ближе, --- понизив голос, предупредил библиарий. --- Я вижу, как истончается кровавая пелена... Я слышу голоса чудовищ, которые обитают на той стороне. Они голодны --- я чувствую это... Они почуяли ужас этого мира и теперь жаждут им насытиться!

--- Что ж, быть может, с боями мы и смогли бы прорваться к «Грозовому ястребу», --- размышлял вслух Лехенхарт. --- До него от северо-западных ворот меньше...

--- Будет это рассматривать как крайнее средство, --- отозвался Гессарт. --- Я бы не стал в сражениях с лютыми расходувать наши последние боеприпасы, чтобы остаться безоружным перед

демонами. Есть другой путь, предполагающий на много меньший риск.

— Что у тебя на уме? — спросил Лехенхарт.

— Не твоя забота! — огрызнулся Гессарт. — Будь готов по первому моему слову отправиться на задание!

— Само собой, — ответил Лехенхарт. — Как говорится, дал слово — держи!

В ответ на губах Гессарта мелькнула злая усмешка, и Лехенхарт быстро ретировался, присоединившись к тем своим товарищам, что стояли на часах у главных дверей зала.

— Что ты задумал, отступник? — разнесся по залу пронзительный голос Мү'шана.

Гессарт подошел к губернатору и, встав напротив, полностью закрыл своей тенью стареющего правителя. Глядя сверху вниз на иссохшего сановника, он удивился, как можно было доверить такой развалине единоличное управление Хельтабагом.

— Вовсе не я отдал этот мир в руки

бунтовщиков, — начал Гессарт. —
Ответственность за все, что здесь с вами
случилось, должна быть возложена на вас
самых. Всему виной твоя нерасторопность
в исполнении воли Императора!

— И вот теперь ты загнил числом
обвиняешь меня во всем, тогда как именно
вы были призваны стать нашими
спасителями? — спокойно, но с вызовом
спросил Мү'шан. — Какая же надежда
остается у человечества, если
защитники, на которых мы более всего
уповаем, забыли свои клятвы и поставили
вопрос личного выживания выше долга?

— И ты еще будешь говорить мне о
долге?! — устехнулся Гессарт. — Как же
тогда получилось, что три четверти
твоих сограждан подняли восстание
против твоего правления? Объясни мне,
почему Астартес должны проливать свою
кровь, чтобы сохранить власть человеку,
показавшемуся настолько бездарным
властителем?

— Да, пусть я слаб, но ведь твой удел
и удел твоего рода — всегда оставаться
сильным! — возразил Мү'шан и, откинув

назад свой капюшон, открыл худощавое, морщинистое лицо, с белой, как алебастр, кожей.

Его темно-синие глаза пристально смотрели на Гессарта.

--- Пусть я не оправдал надежд, но это ведь все по моей человеческой слабости! Ангелы были созданы, чтобы стать лучше людей! Более сильными, преданными, надежными, негиббаемыми!.. Неужели за десять тысяч лет все это потрачено, и теперь ангелы войны Астартес считают защиту людей ниже своего достоинства?

--- Неужели люди пали так низко, что смотрят на Астартес как на единственное средство от проблем, созданных своими руками? --- парировал Гессарт. --- Мы ведем войну, чтобы обеспечить безопасность человечества --- всей человеческой расы, а не ее отдельных представителей. Так ли уж ценна твоя жизнь в глазах Императора, что ради prolongation ее на несколько лишних часов мы должны жертвовать собой, в то время как могли бы выжить и спасти миллиарды других жизней?

Поджав губы, Мү'шан сделал несколько неловких движений и медленно поднялся. Ростом губернатор едва бы достал Гессарту до середины груди, но он к тому же был согбен годами, поэтому до двуглавого орла на кирасе костодесантника ему пришлось тянуться. Широкий рукав мантии сполз к плечу, и стало видно, какие у него высохшие и костлявые руки.

— Если ты судишь о важности своих битв, лишь прикидывая соотношение потерь, — ты уже проиграл! — произнес Мү'шан. — Я знаю, под этой грудой мышц и костяным панцирем бьется обычное человеческое сердце. Разве не подсказывает оно тебе: то, что ты делаешь, неправильно!

Гессарт осторожно стряхнул с себя руку командующего, словно опасаясь, что кости Мү'шана хрупки настолько, что и легкого прикосновения будет достаточно, чтобы их переломать.

— Я тоже читал «Тактику Импералист», — сказал Гессарт. — Там также говорится: «Для истинной победы

недостаточно одной только расправы над
неприятелем». Возможно, в моей груди и
бьется человеческое сердце, но рядом с ним
бьется сердце Астармес! Мы с вами
разные! Между нами нет ничего общего!
Ты просишь, чтобы я стал человеком и
ради тебя пожертвовал собой, — но природа
Галактики требует от меня, чтобы я был
больше чем человек: чтобы я жил дальше и
принял участие в будущих битвах! В том,
чтобы просто стириться со своим
поражением — а наша смерть
преодолеть его никак не может, —
нет ни отваги, ни смелости. В том,
чтобы просто стириться со своей
смертью, нет никакого смысла, а лишь
отчаяние. Всё, больше выслушивать
рассуждений на эту тему я не намерен!

Уже повернувшись, Гессарт услышал,
как у него за спиной, хрипя и задыхаясь,
Му'шан вновь забрался на трон. До ушей
костодесантника также донесся звук
тяжелых шагов, и мгновение спустя
караульные у дверей расступились,
пропуская в комнату Виллуша, Хейнке и
трех других Астармес. Держа под руки,

они втащили в зал четырех истерзанных людей, в разорванных шинелях, без знаков отличия, -- это явно были мятежники.

-- Тайло! -- громко крикнул Гессарт, когда пленников без всякой жалости швырнули в центр зала.

Апотекарий подошел к пленникам и после быстрого осмотра, кивнул, давая понять, что все они еще живы.

-- Верни их в чувство! -- приказал Гессарт.

Виллуш перешел на другую сторону комнаты -- туда, где в углу были сложены штабеля из бочек и ящиков, -- и принес оттуда большую оплетенную бутыль воды. Он вылил часть ее содержимого на лица несчастных, и те стали приходить в себя, кашляя и отплевываясь. Их глаза наполнились ужасом, когда смогли сфокусироваться на гигантских фигурах, возвышавшихся над ними.

-- Ничего не говорите, только слушайте! -- рявкнул на них Гессарт. -- Сделаете все, как я скажу, -- останетесь живы! Любое неповиновение -- и вы трупы!

Мятежники закивали.

— Вот и хорошо, — сказал Гессарт и, взяв в лапы сочленениями своих лап, склонился над пленными. Затем он обратился к Хейнке: — Принеси вокс-передатчик!

Не задавая лишних вопросов, Хейнке вновь направился в дальний угол зала и вскоре вернулся, неся под мышкой передающее устройство. Он поставил его рядом с Гессартом на пол и сам опустился рядом на одно колено.

— С кем соединить? — спросил Хейнке.

С недоброй улыбкой Гессарт посмотрел на пленных.

— С противником! — был его ответ.

Захваченные в плен отрядом Гессарта были совсем не против выдать секретные частоты своего командования, и после нескольких посланий костодесантники, разобравшись в иерархической цепочке противника, связались наконец с теми, кто согласился вести с ними переговоры.

— С кем я говорю? — спросил Гессарт.

нервно сжатая кулаки, в которых вокс-передатчик казался почти изрубленным.

--- Серейн Ам'хен, третий апостол Пробуждения, --- протрещал в ответ чей-то надтреснутый голос.

--- Третий --- кто?! --- опешил Лехенхарт. --- Невероятно!

Властным жестом руки Гессарт заставил его затолчать и вновь нажал на кнопку передачи голоса.

--- Облагаете ли вы полномочиями вести переговоры? --- спросил капитан.

--- Я --- член Революционного Совета, --- ответил Серейн Ам'хен. --- Рядом со мной сидят четвертый и восьмой апостолы. Мы вправе говорить от имени всех членов Совета.

--- Ну наконец! --- воскликнул Гессарт и, продолжая разговор, стал медленно прохаживаться вокруг пленников. --- Мое заветное желание --- побыстрее закончить этот конфликт.

--- Ты хочешь обсудить условия сдачи в плен? --- спросил Ам'хен, в голосе которого явно слышалось недоверие.

--- Конечно нет! --- отрезал Гессарт.

— У нас просто нет возможности
взять вас всех в плен! — проворчал
Лехенхарт из-за спины своего командира.

Гессарт нахмурился и, ни слова не
говоря, указал воину на стоящих у дверей
караульных.

— Позволь мне быть с вами
откровенным, — продолжил Гессарт. — Я
хочу, чтобы вы обеспечили нам безопасный
отход в обмен на выдачу губернатора
Му'шана.

— Что?! — долетел с другого конца
зала сдавленный крик Му'шана.

На лицах многих космодесантников
отразилось удивление. Лишь Никз с
отрачной улыбкой на лице одобчительно
кивнул.

— Вы отгадаете нам предателя
Му'шана? — переспросил Ам'хен.

— Как только мы улетим, вы
стожете беспрепятственно пройти в
гробницу и потребовать его выдачи.

— А почему, собственно, мы должны
позволить вам безнаказанно уйти? —
спросил Ам'хен. — У нас достаточно сил,
чтобы штурмовать гробницу в любое

время, когда мы только того пожелаем!

--- Уложите в этой попытке тысячи жизней, --- ответил Гессарт. --- Хотя, конечно, не сомневаюсь, что их славная смерть не охладит пыла остальных...

Последовала долгая пауза, во время которой Ам'хен, без сомнения, совещался со своими апостолами. Гессарт посмотрел в сторону трона, на котором съехался Мү'шан. Казалось, что его полные ненависти глаза, способны были прожечь дыру в доспехах костодеканника. Гессарт встретил его взгляд и отвернулся.

--- Какие мы можем получить гарантии, что вы уже не вывезли Мү'шана, не телепортировали на орбиту?

--- Никаких, --- просто ответил Гессарт. --- Однако имейте в виду: если вы вдруг захотите надуть нас, мой ударный крейсер, который сейчас на орбите, уже засек ваш сигнал и уже держит на прицеле ваши позиции. Если через некоторое время я не сообщу им, что мы покинули гробницу, они превратят ваш лагерь, а заодно и вас самих, в груды пепла!

— Что, в самом деле? — с удивленной улыбкой прошептал Виллүш. — Никогда не думал, что мы на такое способны.

— Он блефует, идиот! — зашипел Никз. — Если бы у нас даже была связь с «Мстительным», крейсер не в состоянии отследить с орбиты, откуда исходит одиночный сигнал на рабочей частоте. Если бы мы могли такое осуществить, давно бы уже разнесли на атомы их командиров!

В отчаянии Гессарт несколько раз потряхнул головой и еще раз щелкнул клавишей вокс-передатчика.

— Я в течение пяти минут буду ждать вашего ответа, — сообщил он главарям мятежников. — Если за это время мое предложение не будет принято, значит вы желаете продолжить боевые действия.

Он швырнул на пол съезный микрофон передатчика и отошел в сторону.

— Что, если они откажутся? — спросил Тайло. — Они сутки напролет могут нас обстреливать, пока не превратят гробницу в руины, которые и

погребут нас здесь навсегда!

--- Нет! --- крикнул Мү'шан. --- Они --- революционеры! Им нужно предъявить неоспоримые доказательства того, что я и в самом деле свергнут. Однако доверять им было бы большой ошибкой! Известие о том, что они разгромили Астартес, также может стать важным символом их движения!

Внепривзгляд в имперского губернатора, Гессарт направился к нему с другого конца зала.

--- Пытаешься меня раздразнить? --- приближаясь к трону, произнес Гессарт. --- Возможно, таких грубых манипуляций было бы достаточно, чтобы дурачить твоих советников и клеветников, но на меня это не действует! Ты, наверное, забыл, что нас с юных лет учат верить в правоту своего дела! Мы не боимся жестоких истин, от которых в ужасе отшатываются обычные люди. Единожды выбрав путь, мы идем по нему до конца, и ни подлый обман, ни вражеская пропаганда не заставят нас с него свернуть!

--- Ты что, и в самом деле считаешь,

что твои действия здесь морально оправданы? — прохрипел Мү'шан. — Принял решение и теперь больше не желаешь слушать никаких других доводов?

— Доводы людей основаны на страхе и сомнениях, — заявил Гессарт, встав против губернатора. — Их логику искажают разного рода страсти, жалость и сострадание! Они верят в честность, а не в высшую справедливость!

— Вот уж не думал, что умение вести казуистические споры о словах входит в курс вашей подготовки, — потряхнул головой Мү'шан. — Такие дебаты порождают высокомерие...

— Только тому, кто сам ненадежен, уверенность других кажется спесью, — уверенно сказал Гессарт. — Ты называешь это казуистикой, но в курсе подготовки костодесантника это называется «щитом правоверия» и «госпехати презрения». Нас и в самом деле учат играть словами, но лишь для того, чтобы мы могли распознать фальшь в том, что в устах наших врагов выглядит как объективные факты! Наш разум способен справиться с

любым сомнением, как и наш организм, который справляется с любым ранением. Твой личный интерес настолько всемогущ, очевиден, что решением твоим в этом вопросе легко можно пренебречь.

— Мой личный интерес?! — горько расстелялся Мү'шан. — Это ты бежишь с поля боя, спасая свою шкуру!

— Теперь уже не важно, какой я избрал образ действий, — ответил ему Гессарт. — Называй как хочешь. Фактом остается лишь то, что я принял решение, а все твои так называемые аргументы просто жалкие попытки отвлечь меня от его воплощения. Если ты и дальше будешь продолжать в том же духе, я буду вынужден силой принудить тебя к молчанию!

Мү'шан посмотрел Гессарту в глаза и не увидел в них ничего, кроме искреннего желания выполнить свою угрозу. Он еще раз тряхнул головой и, пряча иссохшее лицо, поднял свой капюшон.

Гессарт вернулся к вокс-передатчику, когда из него донесся треск.

— Мы связались с нашими братьями.

другими апостолами, и могу сообщить, что мы достигли согласия, -- сказал Ам'хен. -- Через два часа, считая с этой минуты, вы все соберетесь у восточных ворот, после чего откроете их. Вам будет обеспечен свободный проход к вашему транспорту. Вам не станут чинить препятствий. Когда вы покинете планету, мы войдем в гробницу и арестуем предателя Мү'шана. Согласны с таким планом?

Гессарт принял у Виллүша съёмный микрофон и нажал на кнопку передачи.

-- Через два часа у восточных ворот, -- повторил Гессарт. -- Согласен.

Бросив на пол переговорное устройство, он повернулся к своим бойцам.

-- Обищите гробницу, соберите все энергобатареи, боеприпасы и прочее годное для нас снаряжение, -- приказал Гессарт. -- Затем наденьте доспехи и через девяносто минут будьте готовы к боевым действиям. Тайло, приготовьте к транспортировке извлеченное вами геносемя. Братья, мы покидаем Хельтабад!

Костогесантники Гессарта, собравшиеся внутри огромной башни восточных ворот, представляли собой примечательное зрелище. Снова надев на себя боевые шлемы, они приняли образ безликих ангелов смерти, только на этот раз грозное впечатление несколько смазывала поклажа, которую они навьючили на себя, убегая из Хельмабага. Доспехи их были во многих местах пробиты и изобиловали повреждениями, полученными в ходе долгих боев. Стальные заплаты, поставленные в полевых условиях, то тут, то там украшали кератитовые поверхности. Воины уносили с собой вещевые мешки убитых или солдат Могильной гвардии, которые сейчас были набиты энергетическими батареями и канистрами с питьевой водой. Никз также прихватил искусно украшенный силовой меч, снятый им с тела убитого полковника Акхайта; хотя в его мощной, обшитой сталью руке оружие и выглядело слишком миниатюрным, оно тем не менее не переставало быть ценным трофеем.

На поясе у некоторых бойцов висели
канистры с прометием, а также
маленькие осколочные гранаты, бывшие на
вооружении телохранителей губернатора.
Лехенхарт добавил к своему болтеру
автомашку, которую он снял с треножника
и теперь нес на плече, в то время как
патронные ленты свисали с одной из
выхлопных трубок его ранца.

Последние полтора часа они и вправду
были очень заняты — тут сомневаться не
приходилось.

— Ну что, готовы? — спросил их
Гессарт.

В ответ кивками и жестами все
подтвердили свою готовность. Тогда он
дал сигнал Хейнке, чтобы тот начал
последовательность отпирающих ворот
ритуралов.

Хейнке встал у панели с руническими
письменами, установленной над аналогом,
напротив громадных бронированных
створок. Руки в стальных перчатках
проворно двигались над сияющим экраном.
Огромные колеса силового привода,
спрятанные где-то глубоко под гробницей,

постепенно пришли в движение, и от их грохота грохотали массивные напольные плиты.

Прозвучал пронзительный сигнал, а в нагромождении механизмов над головами костогесантников замигали красные лампочки. Поползли вверх мощные поршни, со скрипом и лязгом внутренние ворота стали медленно отворяться. На высоких стенах открывшегося с внешней стороны узкого коридора замерцали, будто оживая, янтарного цвета лампочки.

--- Выходим! --- отрывисто приказал Гессарт.

Толкая перед собой четырех пленников, костогесантники шагнули в этот своеобразный вестибюль подземелья. Гессарт кивнул Хейнке, и тот, активировав опирающийся механизм внешней двери, проследовал за своим командиром.

Снова пол завибрировал от работы огромных моторов, и впереди, на пластальной двери, появилась яркая полоска света. Полоска расширилась, впуская в подземелье лучи слепящего

солнца. Солнце Хельтабага, едва
возвышаясь над горизонтом, находилось
почти точно напротив ворот гробницы.
Визор Гессарта тотчас почернел, когда
автоматически включили фильтры,
затемняющие внезапный яркий свет.

Сквозь затемнение Гессарт разглядел
огромный полуразрушенный зал с высокими
окнами, которые располагались по всей его
длине и заливали зал потоками света.
Протяженная колоннада, чьи могучие
колонны были местами разрушены,
проходила по самому центру здания.
Сплошь заполненного войсками и боевой
техникой. Сотни стволов -- от лазганов до
артиллерийских орудий -- нацелились на
костогесантников, едва те появились в
проходе. Большая часть крыши была
обрушена, и потемневшее небо эффектно
оттеняло погрязневший закатом
потолок зала.

Весь горизонт был объят мерцающим
заревом, что делало небо похожим на
кровавый занавес. Вдруг, будто озаренный
внезапной догадкой, Гессарт бросил
быстрый взгляд на Закериса. Библиарий

многозначительно кивнул в ответ.

Прямо у них на пути, чуть левее, стояла небольшая группа людей в серых сутанах. Всего их было восемь, головы у всех обриты, а лица выкрашены черной краской. Белки их глаз жутко выделялись на черном фоне и были похожи на жемчуг, плавающий в чернилах. Гессарт смотрел на апостолов Пробуждения, а они все опустили глаза, мрачно уставившись на усеянный щебнем пол. Может быть, от презрения, а может, от стыда или страха, -- этого Гессарт так и не понял.

Лишь приглушенное тарахтение двигателей внутреннего сгорания сопровождало в тишине звук хрустящих под их ногами кусков пластика. Глядя прямо перед собой, Гессарт бесстрашно спустился по ступеням башни и вышел в зал.

-- Можете идти! -- махнул он рукой захваченным в плен повстанцам.

С улыбками благодарности и довольными ухмылками на лицах они поспешно преодолели горы щебня и воссоединились со своими товарищами.

бунтовщиками.

Без выигранной спешки, но и без промедления костомодесантники проследовали мимо колонн гигантского зала. Гессарт был озабочен тем, чтобы не выказать неуверенности, но не мог не думать о том, что до посадочной площадки на крыше дворца, где стоял их «Грозовой ястреб», оставалось еще более мили, а время, которым они располагали, стремительно таяло.

Топот сапог за спиной костомодесантников дал им знать о том, что следом за ними двинулся конвой. Когда Гессарт обернулся, он увидел, что на лицах тех, кто их сопровождал, написан страх. Эти люди понимали, что если Астартес решат сражаться, то первыми погибнут бойцы эскорта.

С шипением выбросив струи выхлопных газов, ожили двигатели танков. Металлический лязг гусеничных траков провозгласил о том, что пришла в движение механизированная составляющая эскорта. Гессарта все это, однако, не слишком заботило. Хотя танки и

выглядели внушительно, в условиях ближнего боя они не могли обеспечить надежной защиты. Еще раз взглянув на багровеющие небеса, капитан понемногу стал убыстрять шаг.

Когда небольшой отряд достиг наконец противоположного конца зала, Гессарт обернулся и посмотрел на ворота гробницы. Боевые группы повстанцев, которых отрядили на поиски губернатора, уже устремились вверх по лестнице. Найти Му'шана будет не слишком трудно: перед тем как отправиться к воротам, Гессарт приковал его к трону наручниками, после чего сообщил татежникам по рации о точном местоположении центральной комнаты.

Удостоверившись, что со стороны повстанцев никакого подвоха не будет, Гессарт повел своих костогесантников дальше.

Последний оставшийся у Мстящих Сын «Громовай ястреб» стоял на одной из посадочных платформ, расположенной на крыше восточного крыла дворца, и был

окружен кордоном из стражников. Мстящие Сыны в ходе многочисленных операций против мятежников один за другим потеряли все свои штурмовики, и Гессарт благоразумно решил прибегнуть к одному и держать его как неприкосновенный резерв. Опасаясь, что судно начинено взрывчаткой и представляет собой ловушку, мятежники не причинили машине никакого вреда и даже не попытались в нее проникнуть: в ходе этой кампании повстанцы как-то попробовали захватить подбитый бронетранспортер «Рино», но машинный дух взорвал двигатели, уничтожив тогда несколько десятков мародеров.

Как только Гессарт и его воины приблизились к кораблю, сопровождавший их конвой тут же отступил во дворец, предоставив костомогесантникам беспрепятственный доступ к машине. Никто не двинулся к отвесному борту корабля, откуда должна была опуститься штурмовая аппарель, и открылся контрольный пульт. В это время Гессарт с остальными внимательно осматривали

радиолокационные мачты и окрестные
крыши, пытаясь разглядеть признаки
орудийных гнезд, готовых сбить корабль,
едва он оторвется от земли. Гессарт не
заметил ничего, что обладало бы огневой
мощью, достаточной для уничтожения
«Громого ястреба», и тогда дал Никзу
сигнал открыть аппарель.

Лишь только аппарель, громыхая,
опустилась, космогесантники
устreтились на борт. Они все еще были
напряжены: как и во время марша от
гробницы, каждую минуту ожидая подвоха
и со своей стороны стараясь не
спровоцировать мятежников на
агрессивные действия. Гессарт последним
поднялся на борт и бросил тревожный
взгляд вверх — туда, где ночное небо все
еще было охвачено мерцающими
переливами красного сияния. Затем он
ударил по кнопке, и аппарель поднялась,
едва капитан шагнул внутрь «Громого
ястреба».

Никз был уже в кабине пилота и
сидел за приборной панелью, когда
Вангхорт занял место штурмана. Пытаясь,

Гессарт зашел в одну из ниш в бортах
стального корпуса. Зашипели механизмы,
и опустившиеся с потолка серверы сняли
с костодесантника ранец, тут же
подсоединив его батареи к силовой
установке корабля для подзарядки. И хотя
синтетические мышечные волокна
силового доспеха в значительной степени
компенсировали сверхнагрузки, без
тяжелого, тянущего вниз запятого
реактора костодесантник почувствовал
себя намного легче. Быстрое
тестирование подтвердило, что
энергосистемы доспехов хватит еще на
несколько часов — более чем достаточно,
чтобы попасть на ожидающий на орбите
ударный крейсер. Освободившись от ранца,
Гессарт без промедления стал
пробираться меж рядов кресел к кабине
пилотов и уселся на командирское кресло.
Оказавшись рядом с Никзом, он
активировал передатчик и щелчком
поставил переключатель на частоту
командной рубки ударного крейсера.

— «Истительный», говорит Гессарт! —
начал он, и системы связи «Грозового

астреба», усилив сигнал, тут же передали обращение на орбиту. --- Готовьтесь принять челнок на борт! Переходите на низкую орбиту над нашими координатами и сыграйте общий сбор! Как только мы прибудет, будьте готовы включить маневровые двигатели и покинуть орбиту!

--- Капитан?! --- донесся удивленный голос Холича Бейне, главного помощника Тессарта на борту «Мстительного». --- Мы думали, вы погибли!..

--- Возможно, это еще случится, если вы не будете готовы без промедления покинуть орбиту! --- прорычал в ответ Тессарт. --- Подождите ликовать, пока мы не покинули систему!

--- Вас понял, капитан, --- сдержанно произнес Бейне. --- Мы выйдем на вашу траекторию через одну целую восемьдесятых стандартных минут. Как поняли, приет...

--- Вас понял, --- ответил Тессарт, прежде чем завершить сеанс связи.

Он потянулся к висящей над головой фиксирующей раме, опустил ее и закрепил затковые болты на своих наплечниках.

--- Скоро старт! Всем занять свои места!

Получив от воинов подтверждение, что они заняли свои места, Гессарт протянул руку и слегка хлопнул Никза по затылку. Тот без лишних слов нажал на кнопку пуска. Корабль вздрогнул, двигатели ожили и, заполнив кабину хриплым ревом, пустили волну вибрации по корпусу.

--- Прощай Хельтабаг! --- воскликнул Лехенхарт по внутренней связи.

Как только Никз повернул сопла «Грозовой ястреб» взмыл в небо почти вертикально, подброшенный вверх струями плазменного огня. Несмотря на компенсаторы гонимости, Гессарт в полной мере ощутил перегрузку, но, скрипя зубами, стойко перенес мучительные спазмы в животе.

Крутой свечой выведя корабль на заданную высоту, Никз развернул «Грозовую ястреб» вправо, так чтобы пролететь над руинами дворца.

--- Взгляните-ка на это, капитан! --- воскликнул Хейнке, сидя на своей позиции.

у лазнышки правого борта.

Гессарт взглянул на хронометр и увидел, что до стыковки на орбите с крейсером у них еще более ста секунд. Вагон времени, и пока можно взглянуть на то, что происходит сейчас на поверхности планеты. Нажав на рычаг, Гессарт поднял фиксирующую раму. Палуба «Громого ястреба» отозвалась дрожью на поступь тяжелых магнитных сапог, когда Гессарт стал пробираться к Хейнке вдоль борта круто накренившейся машины. Космодесантник указал капитану на монитор, отображающий лежащий внизу Хельтабад с точки зрения внешнего прицела. Хейнке установил тридцатикратное увеличение, и на экране ясно была видна лестница, ведущая от восточных ворот гробницы. Гессарт увидел тысячи мятежников, толпящихся во внешнем зале, оставшемся без крыши, и десятки тысяч других, столпившихся у стен. Отчетливо была видна сцена, разыгрывавшаяся на ступенях лестницы у входа в гробницу.

Восемь Апостолов Пробуждения

стояли вокруг фигуры в расшитой золотом мантии --- без сомнения, губернатора Мү'шана.

В меркнущем свете сүтерек сверкнули клинки, и спустя мгновение мятежники в радости вскинули руки и принялись кидать в воздух свои фуражки и каски. Лучи лазганов сверкнули в небе победным салютом.

Хейнке бросил взгляд через плечо, но не произнес ни слова. Гессарт покачал головой и ободряюще похлопал его по плечу.

--- Это все равно бы произошло, даже если бы ты остался, --- сказал Гессарт. --- Его убили быстро. Думаю, ему лучше было принять смерть от презираемых и ненавистных, чем от лап демонов!

Гессарт вернулся в кабину пилотов и снова закрепил себя в кресле. К этому времени «Грозовой ястреб» уже немилосердно трясло, поскольку двигатели разогнали боевой корабль до сверхзвуковых скоростей. Через внешний адантер шлема Гессарт слышал гудение и скрипы корпуса, пока «Грозовой ястреб» боролся с

гравитацией, преодолевая плотные слои атмосферы. Глядя через иллюминатор кабины, Гессарт видел, как начинает светиться раскаленный скошенный нос корабля, а впереди, в черном космосе, словно страшная рана в теле реальности, пульсирует красный сгусток чуждой этому миру энергии.

--- Проверяю давление в оболочке корпуса, --- объявил Никз по внутренней связи. --- Через тридцать секунд мы достигнем крейсера!

Гессарт отчаянно надеялся, что они успеют укрыться на борту «Мстительного», прежде чем откроется щель в аду и в здешний мир ворвутся жаждущие своего часа адские легионы. Сейчас уже не требовался псайкерский дар Закериса, чтобы понять, что демоны уже близко. Очень близко.

В момент, когда Никз переключил энергию корабля на маневровые двигатели и «Гротовой ястреб» влетел в посадочный ангар «Мстительного», Гессарт уже покинул кресло пилота. Внутреннюю связь корабля он перевел на капитанский

мости крейсера.

--- Холч, двигатели на полную мощность, максимальное ускорение! ---
равкнул он своему помощнику.

--- Вас понял, капитан, --- донесся до него ответ Бейне.

К реву извергаемой плазмы добавился визг металла, когда тяжелый «Громоподобный ястреб» коснулся наконец посадочной платформы. Гессарт прыгнул в главный отсек и активировал открытие штурмовой аппарели.

--- Закерис, со мной! --- отдал он приказ, гроыхая тяжелыми сапогами по опускающейся аппарели. --- Остальным занять боевые позиции и сформировать стрелковые бригады!

Аппарель еще не опустилась, а Гессарт уже покинул шаттл, прыгнув, когда до палубы оставалось несколько метров. Закерис последовал за ним, отставая лишь на несколько шагов. Между тем «Мстительный» привел в действие свои могучие двигатели, и грохот прошал по корпусу корабля. Сервиторы спешили убрать свои консоли и подъемники с пути

стремительно шагавших по отсеку костодесантников. Покинув посадочную палубу, Гессарт вбежал в центральный коридор крейсера. Свернув налево, он направился к ближайшему транспортеру, на ходу набирая код капитанского мостика.

--- Сообщите о состоянии точки входа в варп! --- потребовал Гессарт.

--- Активность нарастает, капитан! --- сообщил Бейне.

--- Оно открывается, --- прошептал Закерис. --- Его время уже почти пришло...

Металлический звон и шипение тормозов ознаменовали прибытие транспорта. Одного касания напультника с рунатами оказалось достаточно, чтобы двери с визгом открылись, и Гессарт шагнул внутрь, почти волоча за собой Закериса. Когда двери закрылись, Гессарт привел в движение транспортер и усиленными воли заставил себя успокоиться. Через три минуты костодесантники были уже у капитанского мостика. Гессарт держал себя в руках, жестоко подавив нервозность, порожденную предчувствием

нагвизгающей катастрофы.

Бронированные створы, ведущие в командный отсек, при его приближении с лязгом разъехались, открыв картину лихорадочной суеты, царящей сейчас на капитанском мостике. Щель в варп, которая отображалась в центре главного монитора, и многочисленные цифры и символы бежали по краю экрана, сообщая об изменениях, происходящих с полотно реальности.

Гессарт и шага не успел сделать по капитанскому мостiku, как в уши ему ударил полный боли крик Закериса. Обернувшись, Гессарт увидел, что библиарий упал на одно колено и обхватил голову руками.

--- Кровавая завеса упала! --- закричал псайкер, корчась от боли. --- Трещина между тирани открыта!

Гессарт оглянулся на экран и увидел, что багровый рубец в черноте костоса раскрылся, как рана, открыв взглядом бурлящий водоворот насыщенных красок всех возможных и невозможных оттенков. Гессарт хоть и не обладал способностями

псайкера, но даже он различил гвалт
целого сонма демонов, отголоски шабаша
которых звучали у него сейчас в черепной
коробке.

--- Активировать поле Геллера! ---
вскричал Гессарт, вновь сфокусировав свое
внимание на том, что происходило на
капитанском мостике.

Бейне стоял возле командного кресла
--- молодой, ясноглазый слуга с длинными
волосами. Как и прочие сервы, он был одет
в синюю служебную робу, однако серебряный
кушак указывал на его более высокий
статус. В руке он держал инфопланишет,
однако, судя по отстраненному взгляду, он,
как и все прочие на борту, вслушивался в
осаждающие сознание голоса.

--- Уходим! --- крикнул Гессарт. ---
Приготовиться к экстренному прыжку!

Экипаж никак не отреагировал на его
слова.

--- Бейне! --- взревел Гессарт, хватая
человека за руку, стараясь, однако, не
сжать ее слишком сильно, чтобы не
слопать ему кости.

Боль вывела Бейне из транса. Во

взгляде, который он встретил на
Гессарта, плескалась паника.

--- Варп-прыжок?.. --- едва смог
вытолкнуть он. --- Так близко к планете?
Силы гравитации разорвут нас на части,
если ты откроем ворота прямо здесь!

--- Негоумок! Ворота уже открыты! ---
крикнул Гессарт, ткнув пальцем в экран с
пульсирующей трещиной, из которой на
них уже смотрел мир демонов.

--- Мы что, войдем туда?! ---
шошарашенно пробормотал Бейне, на юном
лице которого был написан ужас.

--- Курс ноль-ноль-восемь на ноль-
семнадцать на тринадцать градусов! ---
проревел Гессарт рулевым, которые
стояли от него слева.

Те предпочли не спорить, и их пальцы
ловко запорхали над панелью управления,
прокладывая новый курс, который должен
был направить «Мстительный» прямо в
цель варпа.

Удостоверившись в том, что они, по
крайней мере, движутся в верном
направлении, Гессарт повернулся к
Закерису, бывшему уже снова на ногах и

теперь напряженно взглядывавшимся в главный экран.

— Закерис, ты нужен мне, чтобы вести крейсер, — сказал Гессарт, шагнув к библиарию. — Ты как, стожешь?

Закерис кивнул.

— Куда мы направляется? — спросил он.

— Куда угодно, лишь бы подальше отсюда, — ответил Гессарт.

Закерис повернулся на каблучках и вышел в главный коридор, направляясь к навигационной капсуле над капитанским мостиком. Бронированные двери с грохотом закрылись у него за спиной.

Гессарт вновь сосредоточил свое внимание на главном экране. Щель в варп-выглядела как бурлящее скопление переливающихся тизмов, беспрерывно меняющих свою форму: от языков пламени необычных цветов и ярких световых спиралей до вскипающих колец исчезающего реального мира. Времени на общем фоне вырисовывались жуткие образы, свирепые лица, которые появлялись лишь на мгновение, а затем

исчезали. Волны разных оттенков и направлений проходили рябью по всей поверхности портала.

Сигнал тревоги, который вдруг прозвучал на консоли, оторвал Гессарта от его пристального наблюдения.

--- Капитан, от третьей батареи отделился спасательный модуль! ---
Доложил один из членов экипажа.

--- Что?! --- вскричал Гессарт. --- Кто его запустил?

Он перешел на другую сторону капитанского мостика, отбросив в сторону подвернувшегося ему на пути серва. Выведя на экран схему передней батареи правого борта, он увидел, что на стартовой дорожке спасательного модуля вспыхнули зеленые огоньки. Круглый сенсорный дисплей между тем показывал траекторию эвакуационного средства, которое летело обратно к планете!

Гессарт включил общекорабельную связь.

--- Всем Астартес! Доложить обстановку! --- рявкнул он в микрофон.

Когда все его воины сообщили ему о своем местоположении, стало ясно, что не

хватает Рикхеля. Гессарт вспомнил, что из всех оставшихся с ним бойцов, он был единственным, кто неохотно покидал Хельтабаг.

--- Дайте мне частоту этого модуля! --- потребовал Гессарт, набросившись на слугителя, который растирал руку, после того как Гессарт отпихнул его в сторону.

--- Соединяю, капитан! --- доложил серв, сидящий на скамье связистов.

--- Рикхель! --- начал вызывать Гессарт.

Некоторое время было слышно только шипение помех, но затем космодесантник ответил.

--- Все это неправильно, Гессарт! --- донесся голос Рикхеля. --- Я не могу в этом участвовать!

--- Трус! --- прорычал Гессарт. --- Другие хотя бы открыто противостояли мне и приняли свою судьбу как воины!

--- Орген должен узнать о твоём предательстве, --- ответил Рикхель. --- Ты убил Хергейна и уклонился от исполнения своего долга! Нельзя позволить тебе уйти безнаказанным. Твоя изощренная демагогия

однажды помогла тебе отвести обвинения
в случившемся на Архимедоне, и я не могу
допустить, чтобы ты проделал это снова!
Ты уже совершил первые шаги по темному
пути предательства и тем самым
проклял себя и всех, кто за тобой
последовал!

Гессарт услышал щелчок обрыва связи
прежде, чем успел ответить. К счастью
для капитана, все свои обвинения Рикхель
высказал на командной частоте, и их мог
слышать только Гессарт. Окинув взглядом
капитанский мостик, командир убедился,
что занятые делом сервы и понятия не
имеют об их разговоре.

--- Держать назначенный курс! ---
громко сказал Гессарт, вновь обернувшись к
экрану.

Последствий он не боялся. Рикхель
погибнет: от рук ли бунтовщиков или лап
демонов --- какая разница! Теперь все это
не важно, для Гессарта пути назад не
будет, он навсегда определил свою судьбу в
тот момент, когда застрелил Хергейна.
Другие, впрочем, еще не осознали, что все
они теперь отступники.

Но мере того как «Мстительный» начал ускоряться, щель в варп, казалось, становилась все шире. Она раздавалась в размерах, пока не заполнила собой весь главный экран --- даже без масштабирования изображения.

--- Я на месте! --- прозвучал в наушнике Гессарта голос Закериса.

Спустя несколько минут Гессарт почувствовал, как тело его качнулось, и по этому признаку он понял, что корабль совершил прыжок в варп-пространство. Как только «Мстительный» вошел в ультиматериум, сдвиг пространственных пластов заставил трепетать Гессарта. Нервы гудели от переполнявшей его энергии, а перед глазами плясали странные тени. Хор демонов, который не утолкал ни на секунду, стал еще громче, и на мгновение Гессарту показалось, что их призрачные руки уже вцепились в него мертвой хваткой. Он знал, однако, что ощущение это ложное: генераторы поля Геллера работали нормально. Подавив в себе ужас перед сверхъестественным, который потито воли поднимался из

самых дальних уголков души, Гессарт отключил главный экран и повернулся к экипажу.

На борту не чувствовалось никакого движения. Все было спокойно, пока «Мстительный», надежно защищенный от бурь и материи варп-щитами, безмятежно дрейфовал на астральных волнах.

— Можешь определить наш курс? — спросил Гессарт, обращаясь к Закерису.

— Не могу настроиться на Астрономикон. — Речь библиария была прерывистой, в голосе чувствовалось напряжение. — Мы идём прямо в центр варп-шторма. Нужно сосредоточиться...

— Выполнить ритуалы безопасности в варпе! — приказал Гессарт по общей связи.

Между тем невидимый и уже забытый космогосантниками мир Хельтабада погружался во тьму, полный кошмаров.

Лишь только «Мстительный» вышел из системы Хельтабада и вырвался за пределы варп-шторма, как Гессарт созвал

к себе всех выживших костомесантников. Они собрались в часовне ударного крейсера — хорошо продуманный выбор, если учесть, что именно хотел ил сказать Гессарт.

Войдя в часовню, Астартес обнаружили, что Гессарт их уже ждет, сняв с себя доспехи и сложив их у алтаря оргена. Корабельная часовня была лишена как украшений, так и священных реликвий, обычно выставляемых в дни торжеств и при свершении важных ритуалов. От них Гессарт избавился в первую очередь, поскольку это была выдумка Хергейна. Уверенное зная, которое ради сохранности все это время оставалось на корабле, теперь было снято со своего почетного места на стене и куда-то спрятано. Сейчас единственным напоминанием о принадлежности звездного крейсера к Костомесанту оставался лишь символ оргена, выгравированный на металлической переборке судна. Гессарт уже отдал распоряжение нескольким сервал, чтобы те свели его кислотой, как только он закончит собрание.

Он стоял, скрестив руки на широкой

друзья, и его боевые братья притихли, готовые его слушать. Некоторые с недоумением воззрились на голую стену и пустой алтарь. Другие выглядели апатичными, возможно уже догадываясь о том, что собирался ил сообщить Гессарт. Чуть в стороне от остальных держался Никз. Сощурив глаза, он своим ястребиным взглядом буквально впился в Гессарта.

Последним в часовню вошел Закерис. На библиарии все еще были госнехи, хотя в зоне действия корабельных варп-щитов он позволил себе откинуть с головы капюшон псайкера, — это позволяло ему лучше различать течения илматериума по ходу корабля. Он не посмотрел на Гессарта, оставшись стоять у дверей, тоже уже поняв, что илменно сейчас произойдет.

Гессарт молчал. Он пересек часовню, подойдя к алтарю, туда, где лежали его госнехи. Наклонившись, он поднял с пола принесенную сервати кисть и контейнер с краской. Всё так же молча он погрузил кисть в густую черную жидкость и провел ею по символу на наплечнике своих госнехов. Некоторые из космогесантников

нервно сглотнули, когда на их глазах так откровенно оскорблялся госпех и уничижались знаки отличия их командира.

--- Я больше не капитан, --- ровным голосом произнес Гессарт, когда закрасил орла на своем стальном нагруднике. --- Третьей роты больше не существует!

Гессарт продолжал закрашивать черной как деготь краской свои госпехи, грубыми мазками затирая всю геральдику, боевые символы и почетные знаки.

--- Нам нельзя возвращаться в орден, --- сказал Гессарт, отложив краску и повернувшись лицом к своим воинам. --- Они не поймут того, что мы сделали. Мы убили наших братьев по оружию, а глядя на наших прежних повелителей нет более страшной ереси. Рикхель покинул нас лишь потому, что испугался их мести, и в этом он был прав! Подумайте сами и выполните ту ненависть, какую вы испытывали к предателям, с которыми вам прежде доводилось сталкиваться. Теперь мы такие же предатели! Мы добровольно перешагнули границу, в

пределах которой могли чувствовать себя в безопасности. Если орден когда-нибудь узнает, что мы выжили, они немедленно, не зная пощады и жалости, начнут за нами охоту!

Гессарт поднял контейнер с краской и выступил вперед, остановившись перед Лехенхартом, крайним в группе.

--- Ты больше не Мстящий Сын! --- громко провозгласил Гессарт.

Лехенхарт смотрел мрачно, что так не шло его живым, всегда напешливым глазам. Он молча кивнул и опустил взгляд на палубный настил. Одним движением кисти Гессарт замазал символ ордена на плече Лехенхарта. Следующим на очереди был Гунгар. Он взял у Гессарта кисть и закрасил свой символ сам.

Некоторые из костогесантников сами стремились поскорее разорвать последнюю нить, возможно надеясь, что чувство вины, которое они ощущали, исчезнет вместе с замазанным краской крестом Мстящих Сынов. Другие колебались, пытаясь найти в глазах Гессарта хоть каплю сожаления, однако они не увидели там ничего, кроме

непреклонной, нацеленной на выживание
стальной воли. Они поняли, что сейчас у
них уже не осталось выбора: они приняли
свое решение раньше — там, во внутренней
комнате гробницы Хельтабага! Один за
другим костодесантники уничтожали то,
что долгие годы было для них величайшей
ценностью. У некоторых из них на глазах
появились слезы — таких эмоций они не
испытывали ни разу, с тех пор как еще
юношами, много лет и много войн назад,
их торжественно принимали в орден.

Последним в ряду стоял Никз. Бұравя
глазами Гессарта, он принял у своего
бывшего капитана кисть и тазанул черной
краской себе по плечу.

— Если ты больше не капитан, то
почему все еще командуешь? — спросил
Никз, возвращая кисть Гессарту. — Кто
тебя уполномочил отдавать нам приказы?

Гессарт сразу не ответил, и в то же
время холодный взгляд Никза встретился с
его стальным взглядом. Так они стояли
несколько минут, поскольку ни один не
желал отводить глаз.

— Если думаешь, что можешь меня

убить, --- стреляй! --- прошипел наконец
Гессарт. --- Только, когда будешь стрелять,
учти: я не дам тебе второго шанса!

Убедившись, что его поняли, Гессарт
отступил, все еще не сводя глаз с Никза, но
затем, повернувшись к другим, прервал
наконец эту затянущуюся дуэль взглядов.

--- Что же мы теперь будем делать? ---
растерянно спросил Виллуш.

Гессарт ухмыльнулся:

--- Все, что захотим.

--- И куда мы теперь направимся? ---
задал вопрос Тироль.

--- Туда, куда и все отступники, ---
ответил Гессарт. --- В Око Ужаса!

Дилан Оуэн

ЧЕСТЬ ЗЛОДЕЕВ

--- Контакт на ноль-тридцать!

--- Ты уверен, Сцеволла? Я ничего не вижу.

--- Верь мне, Ларс!

Сцеволла легонько нажал на спуск болтера. Дюжина выстрелов разорвала завесу зеленого тумана, и из мутной дымки впереди донеслись вопли. Сцеволла и его люди двинулись в направлении криков: восемь мощных воинов в черной силовой броне, окантованной золотом. Их правые наплечья украшал горящий глаз, наложенный на восьмиконечную звезду Хаоса -- герб Черного легиона.

Воины дико завывали от радости. Они проделали долгий путь сквозь пустоту этой бесплодной, окутанной туманом

планеты, но теперь могли вволю
отыгаться на приспешниках Ложного
Императора там, впереди. Сцеволла
почти жалел врагов. Один нужен был ему
живым, чтобы узнать, куда привела его
судьба и как зовут человека, которого
Сцеволла искал с тех пор, как видения
вынудили его год назад покинуть Ока
Ужаса.

Эти кошмары заставляли Сцеволлу
выводить на охоту своих людей. Год назад
он с криком пробудился от подобного
видения — взгляда серебряных нетигающих
глаз, пронзившего его сон. Подчинившись
интуиции, Сцеволла направил свой боевой
фрегат «Коготь Эззелита» из
перемеженных сфер Ока Ужаса в
реальность имперского космоса. Череду
предзнаменований привела его в этот мир
стертоносного тумана. Десятки боевых
кораблей, несущих символы Губительных
Сил, взяли планету в блокаду. Между
ними дрейфовали обломки имперских
судов. «Коготь» проскользнул
незамеченным и опустился среди низких,
окруженных туманом холмов на

континенте, разрушенном войной. В километре отсюда распростерся посаженный город, к которому Сцеволлу подталкивало эзотерическое предчувствие. Образ коронованного черепом опалая его внутренний взор всякий раз, когда Сцеволла закрывал глаза, — и капитан убеждался, что тот, кого следует убить, возглавляет здешнюю оборону.

Лазерные заряды проносились мимо или барабанили по доспехам, не причиняя вреда. Сцеволла почувствовал, как один скользнул по виску, но воин не ощутил боли. Он выпустил в темноту еще дюжину снарядов — за каждым выстрелом следовал крик, теперь ближе. Слева от него Оп, гигант их отряда, гнул логичную боевую панихиду, сопровождавшуюся ревом его автомашки.

Цепочки людей в серой боевой униформе выступили из тумана, подобно призракам. Шлемы-противогазы придавали им нечеловеческий облик — огромные черные глаза и металлические рыла. На шлемах штурмовиков был

изображен серебряный двуглавый орел, эмблема Имперской Гвардии. Передняя шеренга батальона опустилась на колени, а вторая стояла во весь рост, ладони на изготовку, в то время как навшие скорчились на земле. Бесплотные зеленые щупальца изучали живых и ласкали мертвых. Сержант выкрикнул команду — и прогремел второй залп, однако град выстрелов прокатился по силовой броне атакующих, не причинив вреда. Сцеволла хладнокровно выпустил заряд из болтера и наблюдал, как голова сержанта взорвалась, разбрызгивая кость и мясо. Он не ожидал столкнуться с защитниками планеты так скоро после ухода с «Когтя».

Возможно, батальон штурмовиков просто заблудился в тумане, как и его отряд.

Сцеволла и его люди врезались в ряды противника. Когда человек вступает в бой, время для него затекает. Для Сцеволлы схватка затерла на первой секунде. Он обследовал сцену грядущего разрушения. Он выводил беззвучную песню, без сомнения аккомпанируя дьявольскому хору, который

вечно звучал у него в голове. Глаза на
лысом черепе закатились, висящая в
воздухе автомашка изрыгала смерть.
Слева от Она в совершенно гладком, даже
без глазных прорезей, шлеме Шарн поливал
штюрмовиков жидким пламенем из
огнемета. Дальше Ферокс запрокинул
голову под неестественным углом, из рта
ползла блестящая мускульная трубка с
щелкающими зубами на конце. Впереди
Укарис — его лицо искажено мукой,
кровавые слезы застыли на щеках, воздух
окрашен алым там, где его ценной мопор
отсек конечности противников. Укарис
неизменно оплакивал своих жертв,
которым никогда не познать радости
служения истинным богам.

Сцеволла взглянул направо.
Лейтенант Ларс рассек гвардейца нагвое
ценным мечом и зашелся хохотом, стая
брызнувшую в лицо кровь. За ним
возвышался над врагами Сургит: силовой
меч в ножнах, пистолет в кобуре, рогатый
шлем поворачивался, выскивая достойного
соперника. И наконец, Манекс, разрядивший
в противника оба своих болтера: губы в

мене, глаза вытучены от яда, которыми питали его мозг встроенные в доспехи трубки. Гордость наполнила грудь Сцеволлы, пока он оглядывал свой отряд. Бесчисленные сражения отточили навыки бойцов, и никто из них его не подводил.

Застывшая сцена начала таять, недвижные воины возвращались к жизни. Тела сгрудились у ног Укариса и Ларса, выглядевших как пятна трещащих цепных клинков. Чудовищный язык Ферокса стегал штурмовиков, обдирая плоть, его руки превратились в яростно разящие когти. Манекс разносил тела на куски свирепой пальбой. Он орал нечленораздельную арию, сопровождаемую стертоносными аккордами его автомашки, в то время как Шарн прожигал дыру во вражеских шеренгах. Хотя неприятель и превосходил их числом, бойцы Черного легиона пробили кровавую брешь в рядах Имперской Гвардии. Штыки гвардейцев тщетно кололи в силовую броню. Штурмовики, пытавшиеся задавить нападавших массой, откатывались, как волна, разбившаяся о скалистые камни.

Комиссар в маске-черепе выхватил силовой меч и ринулся в бой, призывая солдат сражаться до конца и разя тех, кто осмелился отступить. Сургут, игнорируя проносящиеся мимо лазерные лучи, торжествующе расхохотался, тоже обнажил силовой меч и начал прорубаться сквозь строй, чтобы встретить офицера лицом к лицу.

Получив удар штыка, Сцеволла разнес череп атакующего выстрелом из болтера. Другие штыки застучали по броне. Сцеволла отступил на шаг, стреляя без разбора, и штыки канули в туман. Перед ним остался один солдат, сжимавший изувеченное предплечье. Сцеволла протянул левую руку и мягко провел по кожаной маске человека когтем своей бронированной перчатки.

— Какой сейчас год? Что это за планета? Кто возглавляет ваших противников? — спокойно спросил он.

Слова из-под противогаза доносились еле слышно.

— П-планета? Зинкали-шесть. Мы сражаемся с лордом-предателем

Храксором. Гог? З-зачем?..

--- Кто командует вашей обороной?

--- Капитан Деметр... Имперский
Кулак... Он вычистит вашу грязь.
Император защитит...

Взмах увенчанных ногтями пальцев
Сцеволлы -- и противогаз слетел, обнажив
бледное лицо с ошарашенными глазами.
Солдат сделал глубокий вдох и
согрознулся. Он прижал здоровую руку к
горлу: рот широко распахнулся, из глотки
донесся хрип. Сцеволла наблюдал, как
темно-зеленые мясистые ростки
пробиваются изо рта солдата, вспучивая
его шею. Человек рухнул на колени.
Крошечные лозы тянулись из его ноздрей.
Со сжавленным стоном он повалился набок,
глаза остекленели. В течение нескольких
секунд растения спеленали труп. Их корни
погрузились в черную почву, прищипив
тело к земле.

Сцеволла полной грудью вдохнул
горький от спор воздух и улыбнулся
хрупкости низших созданий.

Звук битвы затихли. Несколько
выживших в стычке Имперских гвардейцев

растворились в изумрудном тумане, как призраки. Там, где раньше стоял ровный строй солдат, сейчас лежали горы искромсанных трупов. Зеленые побеги росли из кровавых ран, в которых укоренились крошечные споры тумана. Земля пылала там, где огнемет Шарна сжигал тела недобитых, и в отблесках пламени Укарис бормотал над трупами литанию-проклятие. Он сжимал Манекса в своих железных объятиях, ожидая, пока того покинет безумие. Ферокс возвращался к нормальному облику: его руки были уже человеческими, угреподобный придамок срыгивал котки полупереваренного мяса, втягиваясь обратно в деформированный рот. За необычайную отвагу боги наградили Ферокса набором мутаций, которые проявлялись в минуты высшего напряжения сил. Хотя соратники смотрели на Ферокса с благоговением, Сцеволла не разделял их восторга. Он помнил старого Ферокса еще до того, как божественные дары его поглотили, — тот поддерживал дух отряда своей непринужденностью и

остроумием, ныне давno угасшими.

Куда-то подевался Сүргит. Сцеволла окликнул его.

--- Здесь!

Рогатый шлет прыгал воину сходство с демоном, когда он возник из липкого тумана, сжимая в руках голову комиссара. Сүргит фыркнул:

--- Не поединок, а сплошное разочарование. Ненависть сделала его неуклюжим. Мой клинок чувствует себя замаранным.

--- Ты вел нас в славную битву, капитан. --- Ларс приблизился, улыбаясь Сцеволле сквозь маску подсыхающей крови. --- Ты никогда не разочаровываешь. Наша цель здесь?

--- Его зовут Деметр. Виденія были истинными. Он командует силами Императора-Мертвеца. --- Голос Сцеволлы наполнился тяжестью.

--- Лейтенант, ты никогда не устает от этой погони?

Ларс легонько стукнул по изображению Глаза Хоруса на правом плечнике Сцеволлы:

— Никогда. Пока мы дерется, наследие Воителя продолжает жить.

Сцеволла и его люди обучались боевому мастерству и братались на крови и жестокости во время Великого крестового похода Ложного Императора. В те дни они назывались Лунными Волками, носили белую броню и были по-младенчески слепы к слабости Императора. Затем Хорус, возлюбленный Воитель, сбросил завесу с их глаз. Они сражались, как его преданные сыны, чтобы избавиться от оков Ложного Императора. На самом пороге победы Воитель пал, и его легион бежал в защитную тень варна, где стал известен под именем Черного легиона.

В знак скорби и позора силовая броня воинов легиона была покрыта черной краской, но ее окантовка мерцала золотом — ведь сияние грядущего рассвета прогоняет даже самую темную ночь. Люди Сцеволлы верили, что каждый убитый или плененный приспешник Императора-Мертвеца приближает их к новому, золотому веку легиона.

Память Сцеволлы о тех днях

отрачали шрамы ярости и предательства. Прошлое терзало его призраком убитого товарища. Боль не притуплялась уже... сколько лет? Сто, тысячу... десять тысяч? В Оке Ужаса не было времени, и жизни Сцеволлы походила на один бесконечный сон, пока его не швыряло обратно в реальность во имя исполнения клятвы.

Ларс нарушил раздумья Сцеволы:

--- Капитан, отчего такое мрачное лицо? Наша маленькая победа недостаточно хороша?

--- Не в этом дело. --- Сцеволла потряхнул головой. --- Собирай псов, лейтенант. Пора поглядеть, куда вывели нас нюх.

* * *

Сцеволла принал к вершине холма. Внизу, в море взбалтученного зеленого тумана, застилавшего долину, двигались бесчисленные боевые знамена, украшенные окровавленными трофеями. Долина,

казалось, грозила от поступи незримой
армии. Бронзовые башни осадных танков и
корпуса транспортеров, увенчанные
шипами, напоминали бесчисленный флот,
рассекающий волны эфира. Среди них
шагали несколько боевых машин,
лязгающих шестью стальными ногами,
словно кошмарные железные пауки. Орга
устрепелялась к горизонту, где из тумана
островом вставал муравейник
циклопических сооружений. Зиккураты
города сверкали миллионатами огней. Их
вершины исчезали в красном свечении, и
тысячи труб извергали дым в небеса.
Город-фабрику окружала стена, рядом с
которой даже боевые машины выглядели
пигмеями. Титанические бастионы
охраняли периметр, их орудия поливали
нагвигающуюся орду плазмой. Между
рядами солдат в серых тундрах,
защищавших стену, виднелись фаланги
воинов в ярко-желтой силовой броне. На их
гордых штандартах был изображен
сжатый черный кулак на белом поле.
костические десантники из ордена
Имперских Кулаков.

Ларс, присевший на корточки рядом со Сцеволлой, тихо присвистнул:

--- Город десяти миллиардов душ. Х'раксор хочет построить гору из черепов.

--- Нет, --- шепнул Сцеволла. --- Если бы ему были нужны только трофеи, он атаковал бы менее укрепленную цель.

Канонага ударила по голине. Желтые вспышки на миг разорвали туман, высветив круг изувеченных останков и пылающий танк --- его подбросило и швырнуло о землю с оглушительным взрывом.

Сцеволла лизнул воздух.

--- Здешние туманы богаты белком. Возможно, мануфакторумы планеты перерабатывают атмосферу в пищу. Уничтожение этого мира означает голод для имперских застав, которые он кормит. Это первый шаг большого вторжения. У Х'раксора великие амбиции. Мы дадим ему наслаждаться его ничтожными завоеваниями до тех пор, пока он не вмешивается в ход нашей миссии. Тот, за кем мы пришли, в городе. Я это чувствую. Мы должны настичь его быстро, пока

оборона не пала.

--- Гляди. --- Ларс указал на «Лэндрейдер» --- боевой танк, покрытый бронзовой броней и утыканный крюками и зубцами, который продвигался от подножия их холма в поддержку армейского резерва. --- Вот и наш транспорт.

Сцеволла кивнул:

--- За работу, лейтенант.

Пока Ларс знаками отдавал приказы отряду, Сцеволла снял маленький серебряный диск с пояса для гранат и нажал кнопку на разукрашенном кожаном ремне. Подняв диск к губам, он поцеловал его, а затем запустил в приближавшуюся машину. Вспышка --- и танк замер под протестующий вой двигателя. Голубые искры пробежали по корпусу. Разрывая туман, Сцеволла и его отряд понеслись вниз по склону. Солдаты-туманты, сидевшие на броне, в замешательстве прыгнули во все стороны. Приглушенные проклятия вырывались из-под их примитивных респираторов.

--- С дороги, тразы! --- ревел Ларс, сбивая с ног тех, кто не успел

подчиниться.

Мутанты невразумительно вопили и расталкивали друг друга в попытке спастись.

Ферокс и Укарис запрыгнули на корпус, остальные окружили танк. Один из танкистов высунулся из верхнего люка. По его медной силовой броне пробежали голубые искры. Укарис вытащил солдата наружу и прикончил болтом. Ферокс скользнул в люк. Послышался приглушенный рев. Ближайший к Манексу люк распахнулся, и оттуда вывалился другой член экипажа. Его бронзовую броню исчертили кровавые следы когтей. Манекс угостил несчастного очередью болтов.

--- Хорошая работа, братья. --- Ларс заглянул в открытую дверь.

Внутри забрызганного кровью танка Ферокс оседлал третьего члена экипажа. Голова Ферокса была запрокинута, и мясистый угорь торчал у него изо рта, высасывая потроха очередной жертвы.

--- Внутрь, --- приказал Сцеволла. Он забрался в танк следом за командой и кивнул на кортящегося Ферокса. ---

Утихомирьте его.

Ларс успокаивающе забормотал и мягко потянул Ферокса от добычи. Угорь уже возвращался в глотку хозяина. Его последняя трапеца изверглась на пол.

Икарис сел за панель управления. Голубые искры плясали по консоли, шипя, словно затухающее пламя. Он погладил ряды выключателей, возвращая их к жизни.

— Система восстанавливается. Да, вот так. Думаю, мы ей нравится. Она находит наши странности... забавными.

Дверца и люк со стуком захлопнулись. Взревел двигатель, кабина грохотала, и «Лэндрейдер» рванул вперед. Внутри стены затрелили и подмигнули новой команде триадами глаз.

«Лэндрейдер» кособоко пер через поле сражения, давя гусеницами солдат-мутантов. Туман застилал стотровые щели, но разум, заключенный в машине, вел отряд к точке назначения — мощно укрепленным воротам в городской стене. На полпути в бок «Лэндрейдера» угодила ракета, и дух-демон застонал от боли, но повреждение оказалось поверхностным.

Вскоре из тумана выступили ворота. Их опускная решетка была погнута и опалена. Полукруг изувеченных тел мутантов отлучал зону поражения у подножия ворот. Солдаты Х'раксора маршировали туда, вызывая распева и истоющую драгоценные боеприпасы обороняющихся.

Когда «Лэндрейджер» въехал в зону обстрела навесной башни, он попал под непрерывный огонь. Он высунул из люка плечи и голову и приласкал защитников пальбой из турельного орудия, не обращая внимания на лазерные выстрелы в дюймах от своего лица и на взрывы, сотрясающие броню. Лазерушка «Лэндрейджера» раз за разом била в ослабленные ворота, но створки поглощали лазерный огонь, не получая повреждений.

--- Тарань ворота! --- в отчаянии приказал Сцеволла.

Все в боевом отсеке напряженно затихли. Манекс глубоко вдохнул токсин из своих трубок, а с губ Ферокса потекла слюна. Сцеволла знал, что они должны выбраться из танка до того, как жажда крови и дар темных богов вырвутся из-под

контроля.

--- Тарань сейчас!

«Лэндрейдер» сотряс жестокий взрыв. Он провалился обратно в люк. Лицо его было сильно обожжено, силовая броня утыкана шрапнелью, а с изуродованных губ срывались безумные рифмы.

Икарис выкрикнул из-за приборной панели:

--- Ворота не поддаются!

--- Продолжай, брат Икарис! --- заорал Сцеволла.

Он подобрался. Раздался ужасный скрежет разрываемого металла, и каждая кость в теле капитана, казалось, сотряслась от удара. Вой духа-демона обрушился на барабанные перепонки. С резким хрустом голова фeroxса запрокинута назад. Его мутация лезла из глотки.

--- Мы прорвались! --- закричал Икарис. --- Вспомогательный реактор поврежден на семьдесят процентов. Все системы ведения огня вышли из строя.

--- Открывай люки!

--- Не получается... запирающая руна

не работает... мы ей больше не нравится!

Угорь вырвался из горла Ферокса. Дико взревев, Манекс двумя руками вцепился в задний люк и сорвал его с петель. Зеленые побеги тумана проникли в кабину. Отряд с криком выскочил из машины.

Сцеволла снова почувствовал, как поток времени затирает. Манекс лежал на земле. Его тело прикрывало товарищей. В броне было не меньше дюжины отверстий. Ларс и Сургут скорчились позади него. Их болтеры выпускали очереди зарядов по фаланге Имперских Кулаков. Шарн окатывал неприятеля плавающим костяным жаром, а совершенно трансформировавшийся Ферокс тянулся к врагу. Желтая кровь выплескивалась из раны его пульсирующего угря.

Меч Сцеволлы был уже у него в руке — глиняный узкий клинок с одной-единственной рунной выгравированной на острие. Сцеволла обрел рунный меч Форнакс, когда возложил первый череп на горящий алтарь четырех богов в демоническом мире Себакет. Как давно

это было? Сейчас пиратига из пятисот черепов отмечает его охотничьи достижения. Сцеволла попробовал угадать, какой знак расположения богов принесет ему нынешняя победа.

Сцеволла желал лишь одной награды — окончания этой вечной погони. Боги неустанно требовали от него исполнения клятвы. В то время как его люди сражались ради радости уничтожения, Сцеволла больше не мог разделять их рвения. Смерти слились в одну, притупляя наслаждение убийством. Игра мечом уже не возбуждала его, из искусства превратившись в механическую работу. Он чувствовал себя опустошенным. Он просил своих владык о снисхождении, об избавлении от клятвы, которую он выполнил пять сотен раз, — но те не отпускали его на волю. Единственным выходом оставалось бегство.

Болт с треском отскочил от нагрудника Сцеволлы. Мир возвращался в движение. Безудержный напор воинов Сцеволлы столкнулся с прочной стеной желтой силовой брони. Сургит возликовал:

--- Наконец-то! Противник, достойный
моего гнева!

Тяжелый болтер на подбитом
«Лэндрейдере» грознул и вернулся к жизни,
когда Укарис взобрался в турель и прижал
к земле подкрепления, пытающиеся
вступить в бой.

--- Дредноут!

Снаряды тяжелого болтера
безрезультатно застучали по броне
монстра, ворвавшегося в битву и
простершего готовые разить когти.

Сцеволла ступил навстречу боевой
громадине, занеся меч для удара. Как долго
иссохший трүн внутри этого ходячего
гроба принуждали обманывать смерть?

--- Во имя четырех богов, ---
воскликнул Сцеволла, --- я положу конец
твоим тучениям!

Дредноут, несущий символы
Имперских Кулаков, высился над
Сцеволлой, но молитвенные свитки и
древние кости, покрывавшие ходячую
громадину, не могли противостоять
трүнному мечу, способному рассечь любой
известный металл.

Случайный минометный снаряд взорвался между ними.

Глаза Сцеволлы ослепил белый свет, а затем обрушилась тьма. Он летел. Он не чувствовал боли. Воин ощутил приступ паники. Еще не время умирать! Сцеволла выбрал для себя смерть, и это была не она.

Он грянулся о землю и попытался вытянуть в легкие воздух. Когда зрение прояснилось, он увидел гредноут, даже не оцарапанный взрывом. Гредноут возвышался над ним, кулаки машины потрескивали от избытка энергии. Пальцы вытянутой левой руки Сцеволлы нащупали рукоять рунного меча.

Из подбитого «Лэндрейдера» со звериным рыком выскочил великан. Он, с изогранным в клочья лицом, всаживал в корпус гредноута весь боекомплект своей автомашки.

Сцеволла стиснул рукоять меча. Он атаковал пошатнувшийся гредноут, и броня монстра обуглилась там, где ее пробил сверкающий рунный клинок. Вытащив меч, Сцеволла отпрыгнул назад. Окуляр гредноута полыхнул зеленою,

стенившейся чернотой, и металлический гигант обрушился на землю.

Сцеволла поднял свой меч, салютуя. Только что сгинуло нечто древнее. Сцеволла подавил зависть.

Воины Черного легиона скосили строй Имперских Кулаков — лишь несколько из них продолжали сражаться, несмотря на отсеченные конечности и смертельные раны. Один костодесантник, с ногами, превращенными в кровавое месиво, лежал на земле и стрелял из болтера, пока Укарис не успокоил его ударом ботинка. Другой, с расколотым шлемом и выбитыми глазами, бился вслепую и почти обезглавил Ларса своим клинком, пока до него не добрался цепной меч лейтенанта.

Сүргит подбежал к поверженному гредноуту и затряс кулаком перед лицом Сцеволлы:

— Сүкин сын! Он должен был стать моим!

Ларсус оттолкнул Сүргита в сторону:

— Сцеволла, ты должны идти. Армия

лорда Х'раксора прорвалась.

Ворота заполнили мутанты в масках, сражающиеся за право первыми прорваться сквозь брешь. Защитники бастионов сосредоточили огонь на толпе, но на месте каждой убитой твари вставали две новые. Позади кипящей, агонизирующей массы берсерки в алой броне прорубали цепными мечами путь сквозь этот мусор, распевая гимны своему Кровавому богу.

Отряд Сцеволлы очутился на широком затковом дворе, который раскинулся между защитной стеной и уходящими ввысь городскими постройками. Справа лязгала стена боевых танков, движущихся, чтобы заткнуть прорыв. Слева маршировали шеренги солдат в противогазах. Впереди, на противоположной стороне двора, виднелись едва различимые в тумане ворота тануфакторума. Вершины комплекса исчезали в красных облаках. Прежде чем челюсти из металла и человеческой плоти соткнутся, надо было прорваться туда.

--- За мной! --- Сцеволла потчался
сквозь клубящийся туман к огромным
воротам.

Мануфакторум был кафедральным
собором индустрии. Дышали жаром печи,
алтари всепожирающих огней, а
гигантские чаны, испускающие зловонные
пары, напминали священные кадила.
Механизмы нетерпеливо шипели, ожидая
возобновления работ. Спирали труб и
опоры кранов возносились вверх, теряясь во
траке. Дверь, пробитая единственным
телта-зарядом, не смогла задержать
отряд, как и беспорядочное сопротивление
охраны. Кишки сорока человек изукрашили
пол.

Сүргит презрительно сплюнул на
труны:

--- Мы сбежали от армии, чтобы
встретиться с простыми рабочими?

--- Мы не сбежали, брат, --- парировал
Ларс. --- Мы на охоте, помнишь? Та мразь
снаружи не стоит нашего времени.

--- Спокойно! --- равкнул Сцеволла.

Сүргит и Ларс отступили друг от
друга.

--- Как Манекс?

--- Готов разбить еще парочку черепов.

Он оттащил Манекса в безопасное место. Броня воина была изъедена дырами, половина лица спахивала на отбивную.

--- Я и не такое переживал.

--- Ферокс?

Ларс пожал плечами:

--- Он найдет нас, когда насытится.

--- Шарн, Укарис, готовы к бою?

Шарн отвесил поклон и продолжил любоваться языками белого пламени ближайшей печи. Укарис стоял на коленях, бережно сжимая в руках отсеченную голову фабричного рабочего.

--- Почему они сражаются с нами? Мы демонстрируем и свою мощь, и все же они отказываются следовать нашим путем. Мы проповедуем мечом и огнем, но для чего? Они миллионаты гибнут за свою веру в мертвого Бога-Императора. Мы предлагаем им тайное знание звезд, но они предпочитают умереть в неведении. Почему, мой капитан?

По щекам Укариса протянулись

кровавые слезные дорожки.

Бронированная перчатка Сцеволлы мягко обхватила подбородок соратника. Шрамы на молодом лице были свидетельством многих побед.

— Боги требуют жертв, мальчик. Мы — жнецы, которые утоляют эту жажду. Эти люди не более чем животные, пригодные лишь для священного всесожжения. Не оплакивай слабых.

— Но я должен, капитан. Я буду рыдать, пока вся вселенная не преклонится перед богами.

Сцеволла восхитился преданностью Укариса, но больше ничего не сказал. Пусть тешился иллюзиями. Когда-то Сцеволла тоже верил, что его призванием было сокрушить сковавшие галактику кандалы порядка, но позже убедился на горьком опыте, что война нужна богам лишь для минутного развлечения. Лорд Х'раксор тщетно стремится завоевать славу: ведь когда он прискучит богам, то будет отвержен и забыт. Возможно, восстание Хоруса тоже было лишь кратким эпизодом этого спектакля. Возможно,

богам доставило удовольствие
полюбоваться, как их слуга пал в шаге от
победы и как его армии потерпели крах.
Это ради их развлечения Сцеволла
обшаривал галактику в бесконечной
кровавой охоте.

Пока Сцеволла размышлял о
прихотях своих божественных
повелителей, в голову пришли непрошенные
воспоминания...

...Желтую силовую броню
костодесантника, которого Сцеволла
держал на руках, испятнала грязь битвы.
Светлый доспех Сцеволлы тоже был
запачкан. Казалось, десять тысячелетий
отделили их от ярости кипевшего вокруг
сражения.

Сцеволла взгляделся в лицо своего
брата по оружию. Патрицианский нос,
сильный подбородок, череп благородных
очертаний принадлежали воину, не
сдающемуся даже перед лицом смерти.
Серебряные глаза тускнели по мере того,
как жизнь уходила. Сцеволлу преследовал
их застывший взгляд.

— Алеф, друг мой, ты мог бы

спастись! — Слова душили Сцеволлу. —
Зачем ты следовал посулам Ложного
Императора? Ты должен был принести
клятву верности Хорусу. Ты знаешь это.
Скажи!

Жизнь еще слабо билась в
костодесантнике, но губы Алефа не
двигались. Молчание пробудило гнев
Сцеволлы.

— Будь ты проклят, Алеф! Мы
поклонялись вместе покорять галактики,
неудержимо, наш крестовый поход должен
был стать бесконечным! Полнишь, как мы
зачистили гарусников Крора? Как мы
защищали монастырь Самраноса, огни
против орочьих орг Пожирателя Звезд?

Во времена Великого крестового
похода, когда легион Сцеволлы носил имя
Лунных Волков, Имперские Кулаки
сражались рядом с ними во многих битвах.
Ходил слух, что Хорус, примарх Лунных
Волков, в знак уважения пошутил
однажды, будто война между его легионом
и Имперскими Кулаками продолжалась бы
вечность.

В битве за водонады Траэля на

Цестусе II Сцеволла спас Алефа, капитана Имперских Кулаков, от анаков, чудовищных обитателей этой планеты. Два костодесантника подружились и не раз сражались плечом к плечу, если пути их легионов совпадали. Но когда Хорус объявил о своих истинных намерениях, Сцеволла не смог убедить друга, что путь, указанный Боутелем, ведет к славе. Восстание разъединило их, и они больше не встретились до осады Императорского дворца на Терре. Сыны Хоруса штурмовали Врата Вечности, Имперские Кулаки стояли в обороне. В кровавой мясорубке боя Сцеволла отыскал бывшего побратима. Они сразились, и Алеф пал, пронзенный мечом Сцеволлы.

Сцеволла вспомнил последние слова, сказанные им умирающему костодесантнику:

--- Вся слава, за которую мы сражались, брат мой, превратилась в прах.

И лишь после этого губы Алефа шевельнулись:

--- Это не было нашей славой, брат. --- Слова слетели вместе со сгустком

кровавой слизи. — Это была слава
Императора.

Сцеволла устехнулся:

— Твой Император сражается, чтобы
защитить бесхребетных трусов, слабаков,
рабов, которые прячутся, пока мы,
достоинные, проливает за них кровь. Твой
Император мог бы стать богом, а мы —
его ангелами, но, вместо этого, он
предпочел униженно служить своему
блещущему стагу!

Сцеволла заговорил настойчивей:

— Загляни в свое сердце. Ты ведь
знаешь, что я прав.

Алеф покачал головой.

Горячие слезы обожгли щеки
Сцеволлы.

— Я предлагаю тебе свободу, брат, а
ты выбираешь смерть.

Сотни ран перенес Сцеволла, но ни
одна не была такой глубокой, как эта.
Алеф отверг Воителя и принудил
Сцеволлу к братоубийству. Алеф предал
своего побратима.

— Глупец! — прорычал Сцеволла. — Я
спас тебя. Ты обязан мне жизнью.

Послушай — я могу спасти тебя снова.
Отрекись от Императора и присоединяйся
ко мне.

Алеф хрипло растеялся:

— Если бы Император наградил меня
даром предвидения, я скорее предпочел бы
быть разорванным анаком, чем спасенным
собачонкой полоумного мерзавца.

Ярость захлестнула Сцеволлу. Его
горькая мука превратилась в злобу, и злоба
была сладка.

— Ты дерзаешь насмехаться над
Воителем? Я клянусь и беру четырех
богов в свидетели, что отомщу за твое
оскорбление тысячекратно. — В голове
Сцеволлы раздался безумный хохот. — Я
буду преследовать и убивать твоих
потомков до окончания времен. Твои
сыновья падут от моего клинка в
отместку за твою преданность
ничтожному Императору!

Сцеволла сограл броню с груди Алефа
и погрузил руку глубоко в плоть. Когда он
вырвал из мяса железу, раздалось
тошнотворное чавканье, и перчатки
доспеха стали мокры и красны от крови.

Глядя, как жизнь покидает Алефа, Сцеволла насмешливо помахал перед ним окровавленным трофеем.

— Я повторю этот миз торжества над тобой снова и снова.

Он аккуратно вложил извлеченный орган в мертвые руки Алефа. Прогеноидная железа содержала геносемя, необходимое для создания потомков Алефа. Апотекарии обшаривают поле боя под огнем в поисках драгоценного материала. Когда они обнаружат прогеноидную железу Алефа, его сущность продолжит жить в новом теле, внедренная с геносеменем. Сцеволла будет преследовать каждого из генетических потомков Алефа и заставит их испытать те же страдания, что и их прародитель. Призвав четырех богов, он связал себя клятвой.

Сцеволла встал и обратился к трюну:

— Из черепов твоих потомков я воздвигну памятник богам, которых ты отверг. Твой череп станет основанием.

Быстрым ударом клинка он обезглавил бывшего побратима. Когда Сцеволла нагнулся, чтобы подобрать

упавшую голову, появился Ларс. Он шел, спотыкаясь о рассеянные по полю боя обломки, и на его окровавленном лице читалась паника. Услышав слова лейтенанта, Сцеволла побледнел.

--- Капитан, все потеряно. Воитель мертв! Мы должны уходить!

--- Что ты сказал?

Ларс повторил громче...

...Прошое потускнело. Сцеволла заставил себя вернуться в настоящее. Ларс тряс его за плечо:

--- Капитан, мы должны идти. Армия Х'раксора прорвала внешнюю оборону.

Снаружи ликующий боевой клич вторгшейся армады заглушил вопли оборонявшихся. Сцеволла затер на миг и глубоко втянул воздух. Цель была близка. Чувства притягивали его к фабричным высотам.

--- Мы идем вверх.

Сцеволла проследил, как солдат, кувыркнувшись в воздухе, плюхнулся в чан далеко внизу и исчез в нем со всплеском кипящего варева. Это был последний из тех, кто вступил в бой с его отрядом, пока воины, ведомые инстинктом своего вожака, карабкались по лестницам и опорам на верхние уровни.

Группа остановилась перед крепкими дверьми. За ними Сцеволла почти физически ощущал присутствие жертвы. Он незаметно притянул Ларса к себе:

--- Лейтенант, что бы ни случилось, не вмешивайся, чтобы меня спасти. Если я паду, это будет волей богов. Доставь мою голову в Себакет и установи череп на вершине алтаря в знак моего поражения.

Ларсус ошеломленно попятился:

--- О чем вы, капитан? В этой галактике нет никого, способного одолеть вас.

Сцеволла отвернулся от лейтенанта. Он указал на дверь:

--- Он!

Гигант подбежал к двери и вышиб ее плечом. Из проема плеснул дневной свет.

Сцеволла двинулся вперед, его люди — в шаге за ним.

Снаружи оказалась широкая, продуваемая ветром площадь, с которой открывался вид на распростершееся внизу поле боя в завитках тумана. Небо затянули тревожные красные облака. На площади выстроился взвод Имперских Кулаков. Самый высокий из десантников, в развевающейся синей мантии, был увенчан золотым офицерским лавром. Богато украшенный силовой меч потрескивал в его руке.

По плечам Сцеволлы пробежала нервная дрожь. Черты Алефа отчетливо проступали в аристократическом облике Деметра. Вожак пролаял приказ:

— Капитан — мой! Прикончите остальных!

Взг болтеров приветствовал атаку отряда. Черная броня поглотила смертельный глас. Сцеволла следил за продвижением своих людей.

— Прощайте, — тоскливо шепнул он, а затем обратился к богам с заранее приготовленными словами: — Пришла пора

закончить эту изрр. Я больше не положу
ни одного черепа на ваш алтарь.

Сцеволла шагнул вперед. Острое его
рунного меча указывало на капитана. Пять
сомен раз он разыгрывал эту сцену. Пять
сомен раз он побеждал своего
серебряноглазого противника, наследника
Алефа, и уносил его голову как трофей.
Его гнев давно был удовлетворен. Он
обречен был ощущать боль от убийства
товарища снова и снова, но больше не мог
этого выдержать.

Сцеволла закружил черным волком,
преследующим добычу. Его противник
принял дуэльную стойку, выставив силовой
меч для блока или удара. Приблизившись,
Сцеволла увидел, как серебряные глаза
Деметра сузились в мутном узнавании.
Этот серебряный взгляд приковал взор
Сцеволлы, перенося его в другое время и
место...

...Вокруг грохотала какофония
битвы: взрывы, стрельба и крики
убиравших. Земля дрожала под ногами
капитана, который гнал перед собой
рассеянные отряды Имперских Кулаков.

Над полем боя яростно пылали
величественные Врата Вечности. Их
створки сотрясали огненные поцелуи
тысяч ракет. Летящий корабль
провизжал наверху, изрыгнув смерть, и
полтора десятка наступающих воинов в
светлой броне Сынов Хоруса сгинули в
огненном стерче. Разлетающаяся от
взрывов грязь окатила бледные доспехи
Сцеволлы, но он даже не вздрогнул. Шум
боя казался отдаленным рокотом, а
сутьяница истребления -- всего лишь
иллюзией, пока он крался в обход своего
противника.

-- Брат Сцеволла, -- серебряноглазый
оппонент нарушил молчание. -- Я скучал
по тебе.

-- А я по тебе, брат Алеф, -- с горечью
улыбнулся Сцеволла. -- Опусть свой меч.
Ты убил многих соратников Воителя, но я
поручусь за тебя. Он простит.

-- Почему я должен вручать свое
сердце предателю? -- сплюнул Алеф, и
взгляд его ожесточился. -- Безумие Хоруса
разрушило все, за что боролся Император.
Воитель похитил твой разум, Сцеволла.

Сы можешь барахтаться во лжи хоть
десять тысяч лет, но недостойные
страсти иссушат твое сердце, и от тебя
останется лишь пустая оболочка.

Алеф глубоко вздохнул, и лицо его
выразило печаль.

— Позволь мне закончить это здесь,
той груг. На острие моего клинка. Я не
могу изменить твое прошлое, но могу
спасти тебя от будущего.

Они продолжали смотреть в глаза
груг гругу.

Алеф медленно кивнул:

— Что ж, пусть будет так. Мы
сразимся...

...Клинок Деметра возник из
ниоткуда, и Сцеволлу отбросило в
настоящее. Сцеволла парировал атаку
быстрым блоком. Рунный меч рассыпал
искры, скользя по силовому оружию
противника. Резким движением клинка
Деметр попытался обезоружить
оппонента, но Сцеволла был слишком ловок
и нанес ответный удар. Деметр отклонил
голову, и рунный меч лишь слегка оцарапал
его щеку.

Отвратительные забывания
нарушили сосредоточенность дуэлянтов.
Сквозь ворота на площадь хлынула сама
ярость, облаченная в скользкую от крови
броню. Оды Кровавому богу неслись из-под
забрал берсерков, обрушивших ценные
топоры на Имперских Кулаков. Один из
одержимых зарубил костогесантника, но в
следующее мгновение брюхо победителя
распорол Сүргит, чью жертву тот
похитил. Вскоре на площади кипела
беспорядочная потасовка: фигуры в черных,
желтых и багряных силовых доспехах
схватились друг с другом.

Пять берсерков нагвинулись на
капитана Деметра.

— Нет! — воскликнул Сцеволла,
обезглавив одного из них ударом рунного
меча.

Безголовый трүн взмахнул руками и
упал ничком, рядом с пораженным
костогесантником. Сцеволла обернулся к
двум выжившим берсеркам. Деметру
осталось лишь изготовиться к схватке с
оставшейся парой. Так, почти что плечом
к плечу, они встретили бешеную атаку.

Хотя удары сыпались со всех сторон, их защита была непробиваемой. Цепной топор просвистел рядом с головой Деметра. Капитан увернулся и всадил свой меч глубоко в грудь напавшего. Другой берсерк воодушевленно наседал на Сцеволлу, пока тот не отсек ему ноги. Обрубки дытелились там, где рунный меч вспорол плоть.

Цепной топор с хрустом врубился в наплечник Деметра. Костогесантник не обратил внимания на рану, но потерял равновесие и упал навзничь. Взбыв, приверженец Кхорна поднял свое оружие, чтобы нанести смертельный удар, — однако в паре сантиметров от черепа Деметра его топор столкнулся с мечом Сцеволлы. Сцеволла скользнул лезвием по древку топора, рассекая гарду и пальцы, сжимавшие рукоять, прежде чем обезглавить противника круговым ударом. Деметр перекатился на бок и, встав на колени, выпустил кишки последнему напавшему. Сцеволла повернулся к Имперскому Кулаку, который уже вскочил на ноги. Труп берсерка сполз с клинка

костюгесантника.

Сцеволла отвесил легкий поклон:

--- Совсем как в старые времена.

Деметр нахмурился:

--- Я уже видел тебя в бою.

--- Мы никогда не встречались, ---

ухмыльнулся Сцеволла, --- но я много раз
проливал твою кровь.

Деметр медленно покачал головой:

--- Ты сумасшедший.

Воины Сцеволлы образовали
защитное кольцо вокруг поединщиков.
Тела Имперских Кулаков и берсерков у их
ног раскинулись рубиновой звездой.

--- Берегите капитана! --- проревел
Ларс, когда воющий поток берсерков и
муглантов заполнил площадь.

--- Свежее мясо! --- радостно выкрикнул
Сургут, раскручивая наг головой силовую
меч.

Битва превратилась в хаос.
Имперские Кулаки и берсерки кромсали
друг друга, а затянутые в схватку
мугланты разлетались кровавыми
ошметками. В центре этой сумятицы
воины Сцеволлы убивали каждого, кто

пытался нарушить их круг. Во время боя
Он пел, Укарис плакал, Манекс ревел, а
Шарн убивал безмолвно.

Никто не постел вторгнуться на
арену поединка Деметра и Сцеволлы.

Деметр нахмурился:

--- Ты защищаешь меня от своих же.
Никому не хочешь уступить право убить
меня? Почему?

--- За грехи твоего отца, --- ответил
Сцеволла. --- Однажды он сослужил плохую
службу моему сюзерену. Но удача
улыбается тебе, Деметр. Ты тот, кто
вернет утраченную отцом честь. Давай
покончим с этим. Мои люди сильны, но им
не выстоять против двух армий.

Сцеволла поднял рунный меч ко лбу и
отсалютовал. Деметр не сделал
ответного движения. Их клинки
превратились в размытые тени, затем
оба снова застыли. Ни один не выдал
усталости. Финт костогесантника,
ответ Сцеволлы, быстрая атака, блок,
контратака и снова блок. Сцеволла
вывернул клинок, и меч противника,
выскользнув из руки, со звоном упал на

землю между ними. Рунный меч вспыхнул, словно радуясь предстоящему убийству, — но Сцеволла опустил клинок и перебросил упавший силовой меч Деметру. Тот проворно его поймал.

— Герой не должен оставаться беззащитным, — сказал Сцеволла.

Деметр ответил молниеносным выпадом, Сцеволла парировал. Затем Деметр сделал обманный шаг в сторону, и его меч пробил защиту Сцеволлы.

Мир затер вокруг Сцеволлы, когда клинок завис в миллиметре от его сердца. В этот последний миг он почувствовал себя живым; ужас и восторг смешались в один восхитительный коктейль. Он освободился от клятвы. Наконец-то он сможет уснуть.

Но если бы Сцеволла чуть-чуть сдвинул корпус вправо, клинок скользнул бы по броне, нанеся глубокую, но не смертельную рану.

Сцеволла остался неподвижным.

Реальность обрушилась на него с ревом водоворота, и клинок погрузился в черную силовую броню. Сцеволла

улыбнулся. Силовой меч пронзил сердце и вышел из спины, пробив доспех. Когда Клинок освободился, Цеволла все еще стоял.

--- Хороший удар, мой друг. Удар, достойный моей смерти...

Цеволла неожиданно удивился, с чего бы это мертвецу разговаривать. Боли не было. Шум окружавшей битвы не таял.

Деметр понялся в ярости:

--- Как это может быть?! Демон!

Цеволла уставился на разрез в собственной груди. Там, откуда должна была течь кровь, оказалась лишь дыра. В ней, как в разрыве космической ткани, кружились тысячи злорадных звезд. В голове Цеволлы раскатилось эхо безумного смеха --- четыре устрашающих голоса. Человек открыл рот, но слова принадлежали им.

--- Ты полагаешь, что простая царпина сможет остановить защитников твоих богов? Нужен кто-то покрупнее дворянки Собачьего Императора, чтобы обрезать нити этой марионетки.

Цеволла боролся за контроль над

собственным языком.

--- Ты не сможешь меня убить. Беги, брат. Спасайся!

Деметр презрительно фыркнул:

--- Бежать? Я --- космогесантник Иоргена Имперских Кулаков. Бегство не для меня.

Рунный меч Сцеволлы голодно запылал. Человек выкрикнул в небеса:

--- Я не буду его убивать! В этой битве нет чести!

Когда Деметр вновь приблизился для удара, Сцеволла попытался подставить шею под клинок --- однако рунный меч поборол его волю и со звоном блокировал выпад. Конечности не повиновались хозяину. Сцеволла снова взмахнул мечом, и Деметр неловко качнулся назад. Его горло перечеркнул тонкий разрез с опаленными краями. Космогесантник безмолвно рухнул на колени. Меч с дребезжанием выпал из его руки.

Перекрывая боевые гитны Имперских Кулаков, бешеные песнопения берсерков и вопли подыхающих мутантов, Ларс прокричал своему капитану:

— Дело сделано. Мы должны уходить.
Сейчас!

Сцеволла оглянулся на трюм Деметра. Надо приказать Шарну сжечь тело, уничтожив прогенондные железы, и навсегда положить конец этой охоте.

Внезапно на площадь ворвался ком пульсирующих мускулов, выпирающих из черного, сросшегося с плотью панциря. Угренодобный придаток жадно рвал и глотал. Ферокс был удостоен величайшего дара варна: он превратился в отрог Хаоса. Отныне он будет бездумно убивать на потеху богам.

Приказ Сцеволлы утер, не успев сорваться с губ. Глядя на то, как бывшее фероксом создание склится и клекочет во время учиненной им бойни, Сцеволла осознал, что за судьба ожидает его, если он решится преступить клятву. Капитан похолодел. Боги никогда не позволят завершить эту погоню. Он угрюмо поклонился мертвому врагу. Лучше уж быть рабом, чем утратить остатки человечности.

— До следующей встречи, мой друг.

Слова отдавали горечью.

Он отсек мечом голову Деметра и поднял свой трофей за волосы: еще один череп для парящего алтаря.

Ларс проревел приказ:

--- Отряд, соткнуться! Мы возвращаемся на «Козоть»!

Защитное кольцо стянулось в узел вокруг Сцеволлы. Тот включил устройство на поясе. Отряд, замерцав, исчез, и водоворот битвы мгновенно затопил покинутую или площадку.

Апотекарий метался среди трупов павших соратников. Он собирал драгоценное генное семя, не обращая внимания на неистовство окружающего боя. Медик опустился на колени перед телом капитана Деметра.

--- Слезы Императора! --- воскликнул он. --- Они забрали его голову!

С тяжелым сердцем апотекарий пробормотал моление по умершим и редуктором извлек семенную жидкость из прогеноидной железы на груди трупа:

--- Твой рог проглотится, чтобы отомстить за это злодеяние, мой

капитан.

Где-то в небесах раздался стех. Цзра
продолжалась.

Ник Кайм

ОГНИ ВОЙНЫ

--- Ну, пораду́й меня, Хеллиман, ---
проворчал полковник Танхаузе.

Старый вояка говорил только одним
углом рта, в другом зажимая дымящуюся
сигару. Он инстинктивно пригнулся, когда
очередной взрыв сотряс стены заводского
строения, заставив пол ходить ходуном, а
потолок --- просыпаться осколками
катнебетона на заваленный оперативными
картами верстак.

--- В этот раз ближе... --- пробурчал
под нос Танхаузе и, поныхивая сигарой, в
который уже раз стахнул с верстака
щебень и крошку.

Всегда тяжело оставлять свой город
врагу, но когда этот враг внутренний, это
еще более унижительно. Но такова была

суровая реальность, и Абелю Танхаузе, полковнику Тринадцатого Стратосского авиакорпуса приходилось с ней считаться. Он и так уже много территорий отдал бесчисленным ордам лютых культистов, а те наступали и наступали! Скоро они захватят все, и ему вообще ничего не останется! Оборона трех основных городов Стратоса трещала по швам. На двубортной дубленой куртке полковника гордо красовалась потемневшая за время боев, но никогда не снимаемая эмблема — молния, бьющая из темной тучи. Бляха весила столько, что легче было бы таскать в нагрудном кармане наковальню.

Заводское здание, в котором Танхаузе устроил командный пункт, было завалено авиационными деталями и всевозможным оборудованием. Прежде помещение, видимо, служило чем-то вроде цеха по ремонту дирижаблей и других летательных аппаратов, которые были неотъемлемой частью жизни на Стратосе. По всему помещению валялись пустые баки из-под авиагорючего,

циферблаты индикаторов давления и
мотки рифленых шлангов. Зал, в котором
Танхаузе совещался сейчас с сержантом
Хеллиманом, а полковой связист Айкер
принимал вокс-сообщения, был широким и
глубоким, с большими готическими
арками и высокими опорными колоннами,
выполненными из хрома и полированной
пластали.

Типичное для стратосского
архитектурного стиля, это здание прежде
могло показаться даже красивым, но
теперь его стены были изрешечены
осколками и рытвинами от прямых
попаданий и здорово крошились.
Взрывчатка, заложённая мятежниками в
трактор, уничтожила большую часть
южной стены, а вместе с ней и весь костяк
полкового штаба. Времени на серьёзный
ремонт не было, и дыры наспех заделали
громадным листом пластика.

Однако, чтобы заглушить
спорадическую трескотню очередей,
бесконечные разрывы мин-ловушек и грохот
гранатометов, захваченных мятежниками
на складах, этой заплатки не хватало.

Сержанту Хеллиману, чтобы быть услышанным, все время приходилось повышать голос.

— Три летучих города остаются под контролем мятежников, сэр: Күмүлон, наин Нилбарос и Циррион. Кроме того, за исключением трех больших небесных мостов, они обрушили все дороги, ведущие в эти области.

— А что же наши сухопутные силы? Есть какие-нибудь успехи? — спросил Танхаузе и, приподняв фуражку, усталым жестом провел рукой по редким, зачесанным назад волосам.

Но его виду было понятно, как много он отдал бы сейчас за то, чтобы подавление мятежа было делом кого-нибудь другого.

Хеллиман казался сломленным: за прошедшие несколько недель молодой офицер заметно похудел и был бледен, как привидение.

— Упорное сопротивление сводит на нет все наши усилия. Мы не в состоянии прорваться в захваченные города. Мятежники хорошо организованы и успели

хорошо там закрепиться. — У Хеллимана пересохло в горле, и он нервно сглотнул. — По меньшей мере девятью тысячами городского населения оказались подвержены влиянию культа. Они удерживают в своих руках все факторы, производящие боевое снаряжение, и получили в свое полное распоряжение наши склады. В том числе и наше оружие...

Танхаузе окинул взглядом лежащие на рабочем столе карты города, пытаясь обнаружить там упущенные им из виду коридоры, которые потенциально можно было бы использовать для начала штурма, но видел лишь «каменные мешки» и «убойные зоны», куда его авиакорпус мог бы легко угодить.

Хеллиман с тревогой ожидал ответа Танхаузе, и недолгую паузу в их разговоре заполнял лишь яростный треск, доносящийся из командного voxа. Полковой связист Айкер сидел, склонившись над похожей на ящик переносной станцией в углу цеха, изо всех сил стараясь получить чистый сигнал, но, после разрушения повстанцами передающих башен и

антенных полей, эфир будто взбесился, забив треском статики все частоты. Но Танхаузе, чтобы понять, насколько все плохо, совсем и не нужно было знать точное содержание вокс-сообщений.

— Что же мы тогда удерживаем? — спросил он наконец, взглянув в усталые глаза сержанта.

— Вот зоны относительной безопасности...

В стену ударил снаряд, и чудовищной силы взрыв сотряс ремонтный цех, оборвав Хеллимана на полуслове. Прорвавшись сквозь пластик, огонь единым потоком устремился к сержанту. Огненная волна растопила пластик, и, затаянные в огненную воронку, куски расплавленной обшивки обращались в раскаленные брызги вокруг несчастного Хеллимана.

Отброшенный взрывом Танхаузе рухнул на спину и громко выругался от боли. Все же ему хватило духу выхватить табельный пистолет и выстрелом в голову избавить истомно вопящего сержанта от мучений.

В ушах у него еще гудело, когда

Танхаузе вдруг увидел, как какая-то незнакомая фигура проворно вылезает из обугленной пробойны в пластике. Это был человек... Во всяком случае, какое-то очень грубое подобие человека. Одет он был в рваные лохмотья, оставшиеся от формы зенитчика, а через коротко и неровно остриженные волосы проглядывала кожа черепа. Полные ненависти глаза остановились на Танхаузе, когда мерзкий тип оглядывал помещение, но не взгляда заставил вернопогоданного стратосийца замереть. Рот вторгшегося был зашит толстой черной проволокой, а лицо и шея покрыты сетью вздувшихся багрово-синих жил.

Сначала Танхаузе подумал, что татежник безоружен, но затем он увидел гранату, которую тот сжимал в правой руке...

— Святой Император!..

Вскинув пистолет, он прострелил культисту голову. Еретик опрокинулся навзничь, и граната выпала у него из руки. Раздался мощный хлопок взрыва, и тело татежника разлетелось на множество

дымящихся кусков мяса.

Стальной верстак уберез Танхаузе от осколков, но времени на то, чтобы вознести Трону благодарность, у полковника не было. Сквозь густой дым и сыпящиеся сверху обломки он разглядел, что в зале появились еще трое мятежников и что рты у них зашиты, как и у первого. Двое из них держали в руках автоматы; у третьего был грубо сработанный тяжелый стаббер.

Выпустив серию неприцельных выстрелов, Танхаузе бросился на пол, благоразумно стараясь держаться за пуленепробиваемый стальной верстак, — и вовремя, поскольку в следующее мгновение на здание обрушился свинцовый град. Наполнив воздух гневным ревом, обстрел буквально растерзал помещение, разрывая стены, калеча его списанную авиатехнику, а также прошивая шпаннелю полкового связиста Айкера, который так и встретил свою смерть, склонившись над передатчиком.

Встав на четвереньки, Танхаузе еще ближе подполз к спасительному верстаку

и, прижавшись к нему спиной, вытащил из
пистолета опустошенную обойму. Затем
угрожающими пальцами он потянулся за
новой.

«Всех все равно не перестрелять», —
мелькнула мысль.

Клик-клик... --- сквозь
непрекращающийся грохот
заградительного огня услышал вглубь
Танхаузе --- будто небольшой
металлический предмет звякнул совсем
рядом --- и, повернувшись, увидел, как по
полу, в метре от его ноги, катится
граната. Инстинкт самосохранения взял
верх, и, метнувшись к ней, полковник
отпихнул гранату подальше. Она
разорвалась секунду спустя: жар, шум,
невыносимое давление ударной волны
накрыли Танхаузе, который все же
оказался достаточно близко, так что один
из осколков шрапнели впился в его
вытянутую ногу.

Лишь закусив губу, полковнику удалось
удержать крик.

«Не оставляю этой трази такого
удовольствия», — подумал он.

Внезапно над головой у него сверкнул лазерный разряд, и стрельба тут же прекратилась.

--- Полковник! --- спустя несколько мгновений донесся до него с другой стороны верстака встревоженный голос.

--- Я здесь... под столом! --- прорычал Танхаузе и, бросив взгляд на торчащий из ноги зазубренный кусок металла, поторщился от боли.

Пятеро бойцов Стратосского авиакорпуса с еще не остывшими лаганами в руках выбежали к нему из-за верстака.

Танхаузе посмотрел на лычки первого подбежавшего к нему бойца:

--- Сержант Руха? Вы поспели на удивление вовремя! Но не надлежало ли вам быть сейчас с полковником Ёном и вместе с Восемнадцатым оборонять границы Цирриона?

У второго бойца был с собой переносной вокс. Дробному ритму доносящихся с разных частот сообщений аккомпанировал грохот взрывов и приглушенный треск очередей — музыка.

звучавшая сейчас по всему Нимбаросу.

— Полковник Ёон убит, сэр! А Восемнадцатый уже оставил Циррион. Город в руках противника. Прежние укрепрайоны больше не гарантируют безопасности! — доложил ему Руха. — Мы пришли, чтобы эвакуировать вас отсюда!

Гримаса боли исказила лицо Танхаузе, когда двое бойцов помогли ему подняться на ноги.

— А что с Күмүлоном? Он тоже пал? — спросил полковник, проходя мимо тел трех мертвых культистов и направляясь к задним дверям цеха.

Ответ сержанта прозвучал сухо и исчерпывающе:

— Мы потеряли их всех, сэр. Угнетение по всем направлениям. Наши войска выходят за черту города и затем по небесному мосту выдвигаются в направлении Пилеона.

Как только они оказались на улицах города, шум развернувшегося здесь артиллерийского сражения многократно усилился. Танхаузе посмотрел наверх, на городской купол, и разглядел сквозь слой

сверхпрочного пластика гряды штормовых облаков. Затем клубы быстро поднимающегося дыма заволокли обзор, и вид за пределами купола парящего города скрылся из виду. Поспешно отступая вместе с сержантом и его отрядом, Танхаузе улучил момент и оглянулся. Последствия полномасштабного отступления были очевидны. Ряды мятежников уже показались вдали. Сжатая в руках разнообразное оружие, в том числе и самодельное, они подступали к позициям имперцев. Их боевые кличи были похожи на придуманный вой, поскольку губы кричавших были защищены проволокой, но эффект был куда более устрашающий, чем если бы они выкрикивали что-то осмысленное. Танхаузе и не надо было их слышать, чтобы понять, что противник предпринимает крупномасштабную атаку.

Проревевший у них над головой реактивный снаряд заставил Танхаузе и остальных бойцов припасть к земле. Снаряд ударил в стену депо маглева, и взрывная волна накрыла укрепленную

огневую точку авиакорпуса. Предсмертные крики, которые донеслись из охваченного огнем дома, стали свидетельством гибели артиллерийского расчета из трех человек.

Руха резко изменил курс и, уводя Танхаузе и своих людей от разрушенного дома, встретился к боковой улице.

--- Трон! Как это все могло произойти?! --- спросил Танхаузе, когда Руха остановился посреди переулка, чтобы удостовериться, что впереди нет опасности. --- Мы же отбросили их назад, верно?

--- Они застали нас врасплох, --- сказал Руха и бросился в глубь переулка, когда взрыв внезапно осветил главную улицу. --- Расставили целую сеть мин-ловушек, чем обескровили наши части, а затем начали массированное наземное наступление. Используют передовую военную тактику. Нет никакой возможности вернуть эти города. Сначала нужно провести перегруппировку. Тогда, возможно, удастся отвоевать Нилбарос и Кутулон, но Циррион...

Эта незавершенная фраза сержанта сказала Танхаузе все, что ему было нужно знать о судьбе столицы.

--- Что с губернатором Варкоффом?

--- Он жив, сидит в своем бункере в Пилеоне. Это ближайший из всех небесных городов, которые находятся под нашим контролем. Туда мы сейчас и направляемся. Он официально ввел в силу протокол бегства и отправил сообщение по всем астронавическим и общечастотным каналам Империи с экстренным призывом помощи.

--- Не согласишься ли ты, солдат, кое-что для меня сделать? --- спросил Танхаузе.

Полковник хромал по переулку и вдруг увидел, как очередной взрыв уничтожил статую первого стратосского губернатора, символ имперского правления и порядка. Рухнув на обожженную землю, памятник раскололся.

--- Что именно сделать, сэр?

--- Встать на колени и помолиться, --- сказал Танхаузе. --- Помолиться о чуде, будь оно неладно!..

За последние сорок лет его сон ничуть не изменился.

Сначала возникало лишь необъяснимое ощущение жара, а затем. Затем Дак'ур вновь оказывался во тьме раскаленных пещер Узнеи на Ноктюрне. В своем сне он был сначала лишь маленьким мальчиком, и, когда в этом враждебном для себя месте он касался неровной, ребристой стены пещеры, она больно царапала его нежную, совсем еще младенческую кожу. Прожилки минералов блестели в сиянии заплыв из горячей лавы, подпитываемых рекой огня, которая была жгучей кровью выходящего на нит вулкана. Затем Узнея начала темнеть, вместе с ней затухал свет огненной реки, и в густеющем сумраке перед ним проявлялось уже новое видение...

Обутый в сандалии, Дак'ур стоял на раскинувшемся перед ним плато Синдара, чью бурю, точно покрытую ржавчиной, поверхность ограничивала линия скальных тотемов. Вихри вулканического непа гуляли внизу, по великой пустыне

Погребального Сожжения, скрывая
беспрестанно рыщущих среди скал
чешуйчатых завротуров, в то время как
сверху доносился какой-то гром, -- будто
гора Смертного Огня вот-вот должна была
извергнуть из себя дым и пламя, которые
закрыли бы все небо. Однако великая гора
Ноктюрна спокойно дремала. Вместо
вулканического извержения Дак'ур каждый
раз наблюдал огненное извержение совсем
иного рода -- ослепительные струи
маневровых дюз исполинского костического
корабля, который медленно опускался на
плато.

Когда судно наконец сагилось, с его
борта тут же откидывался трап и из
чрева корабля выступал воин, высокий и
сильный, облаченный в зеленые доспехи с
изображением саламандры, -- эти
благородные создания обитали в самом
сердце планеты. За воином шли другие.
Некоторые из них были знакомы Дак'уру:
они работали вместе в каменоломнях и на
восстановлении разрушенных городов после
Судного дня. Тем не менее при виде этих
гигантов его сердце каждый раз

сжималось. Потому что он знал: они прилетели за ним...

Затем образы сна вновь сменялись, но на сей раз вместе с ними изменялся и сам Дак'ур. Теперь на нем были доспехи воина, и в руках — оружие войны. Его тело было облачено в панцирь, его мощная рука — рука Астартес — сжимала священный болтер, и черный, как гематит, цвет его кожи никому не позволял забыть о том, что он прошел посвящение и уже приобрел новую, сверхчеловеческую природу.

Обелиски из гранита и мрамора, словно серые часовые, возвышались над Дак'уром, а вдоль всех дорог здесь стояли кремационные оссуарии. Холодный запах могилы пронитывал воздух. Это был уже не Ноктюрн, это был Морибар, в сатис небесах которого, казалось, витала смерть.

Где-то далеко, на самом горизонте этого серого и унылого мира, Дак'ур всегда слышал чей-то крик, после чего все расплывалось и перед его внутренним взором вставало ужасное, охваченное огнем лицо. Это повторялось много раз:

искаженное болью горящее лицо, которое обвиняет его в чем-то, не дает ему ни секунды покоя. Оно горит и горит, и вскоре Дак'ур загорается сам, а крик, который стоит у него в ушах, становится его криком...

— Мы должны были только вернуть их назад!..

Веки Дак'ура раскрылись, едва он вышел из медитации. Остро сознавая, что его дыхание участилось, а кровяное давление повысилось, он быстро прокрутил в голове стандартную процедуру ментальной стабилизации, которой он был обучен, когда вступил в ряды Астартес.

Вместе с душевным спокойствием пришло и осознание настоящего момента. Дак'ур стоял в полутраке своей изолированной каюты, так называемом солиториуме, — одной из многих на борту ударного крейсера «Ярость Вулкана». Своей обстановкой помещение не сильно отличалась от темницы: суровая, аскетичная, окруженная четырьмя

холодными черными стенами келья.

Вскоре к Дак'иру пришли и подробные воспоминания.

Несколько недель назад по астронавтической связи пришло экстренное сообщение, которое интерпретировал их ротный библиарий Нуриил. И вот теперь Саламангры держали курс на имперский мир Стратос...

Богатая рудниками колония, одна из многих в Агронном Поясе в секторе Редуктус Сегментума Темнестус, Стратос представлял для Империи большую ценность не только своими залежами океанических минералов, но также и ресурсом рекрутов для Имперской Гвардии, куда, как того требовал закон, регулярно призывался каждый десятый человек. Таким образом, спасение Стратоса, освобождение местного населения от внутренних врагов, представляло собой задачу первостепенной важности.

За несколько часов до ухода корабля с орбиты капитан Ко'тан Кадай уже отрядил шесть отделений, в том числе и

свою собственную Инфернальную Гвардию, посчитав их силой, способной решить такую задачу и, высадившись на Стратос, избавить сей мир от захлестнувшей его анархии. Как и предписывал им Культ Прометея, все Саламандры, перед тем как вступить в бой, должны были сначала очиститься огнем и пройти период длительной медитации, концентрируя в своем сознании уверенность в собственных силах и внутреннюю стойкость.

Все были сейчас заняты приготовлениями. Все, кроме Дак'ира.

Такой факт не мог пройти незамеченным.

— Мой господин! — позвал его чей-то глубокий и звучный голос.

Дак'ир оглянулся и увидел закутанную в плащ фигуру с низко опущенным капюшоном. Его жрец-клеимитель был погет в изумрудно-зеленую сутану, символ ордена — оскаленная пасть саламандры в кольце огня — был вышит на груди тонкой филигранью янтарного цвета. В мерцающем свете факелов под облачением сопровождавших жреца сервов виднелась

углентика.

Камера была мала, но все же в ней хватило места для слуг Астартес.

— Мой господин, вы уже готовы к нанесению памятного шрама? — спросил Цек.

Дак'ур кивнул, еще не совсем отойдя ото сна. Затем он увидел, как Цек протягивает ему сияющий прут, раскаленный добела в углях, на которых он сейчас стоял голыми ногами. Воин Астартес едва ощущал боль от горячих углей. Единственная капелька пота, скользя по гладкому лбу, сбегала вниз по его черному телу — телу, которое, если бы не набедренная повязка, было бы полностью обнаженным.

Этот древний ритуал был неотъемлемой частью Культа Прометея, которого испокон веков стоически придерживались все воины-Саламандры.

Когда Цек приложил раскаленный прут к обнаженной коже Дак'ура, тот безропотно принял телом всю доставленную им боль. Сверкающие глаза, которые и сами были сейчас подобны

красным углем, ободраяюще посмотрели на
служителя. Сначала Цек выжег три
вертикальные полосы, а затем
перечеркивающий их завиток. Этот знак
встал в один ряд со множеством других
отметок, которые он и другие жрецы-
клеятители уже поставили на теле
Дак'ура. Эти шрамы являли собой живую
историю бесконечных военных конфликтов,
в которых участвовали Саламангры.
Каждый обозначал памятное сражение или
поверженного противника. Никто из
Саламангр никогда не шел на войну без
того, чтобы сначала не почтить ее новым
шрамом на своем теле, а когда война
заканчивалась, еще одним, чтобы
увечковечить о ней память.

Знаки Дак'ура полностью покрывали
ноги, руку, большую часть спины и торс.
Символы были довольно причудливы, с
каждым новым памятным шрамом
становясь все сложнее. Только ветеран
очень многих кампаний Саламангр, за
плечати которого была служба глиной в
столетия, мог иметь такие отметки на
лице.

Цек склонил голову и отступил в
мень. Обетный сервитор на своих
выгнутых стальных конечностях
закончила следом, сгибаясь под тяжестью
приваренной к его спине огромной жаровни.
Дак'ур вытянул руки и, погрузив обе
ладони в чугунную чашу жаровни,
зачерпнул золы и пепла и стал рисовать
ими на груди и лице главные символы
Прометея: молот и наковальню. То были
могущественные образы, которые, как
считалось в Культе, придавали агенту
небывалую силу и выносливость.

--- Огонь Вулкана бьет в мою
грудь!.. --- продекларировал Дак'ур
торжественно и, проведя ладонью,
изобразил на своем торсе рукоять молота.

--- И с этим огнем я сокрушу врагов
Императора! --- закончил фразу чей-то
голос, когда Дак'ур, проведя ладонью
поперечную черту над «рукоятью»,
обозначил навершие молота.

Гремя доспехами, брат Фугис
вступил в круг света от пылающей
жаровни. Он был уже облачен в зеленые
доспехи, но все еще оставался с непокрытой

головой. Его красно-черные глаза горели в
полутраке кельи неровным огнем. Как и
подобало костодесантнику его
специализации, правый наплечник доспеха
был белым — знак апотекария, тогда как
на левом плече красовалась эмблема
ордена — голова саламандры, горящая
оранжевым пятном в черном поле, — что
равняло Фүгиса с другими боевыми
братьями из Третьей роты.

Выделяясь среди других тонкими
чертами лица, Фүгис был известен своим
бесстрашием. В роте поговаривали, что
он мог бы избрать себе и более духовное
служение, чем искусство целителя, однако
из страха пред ним такие
«предположения» всегда делались тихо и
никогда не высказывались ему в лицо.

Реакцию Дак'ура на внезапное
появление апотекария нельзя было назвать
дружелюбной.

— Что ты здесь делаешь, брат?

Фүгис ответил не сразу. Сначала он
провел биоридером по телу Дак'ура.

— Капитан Кагай попросил меня
зайти. Медосмотр легче провести, пока

ты еще не одел доспехи.

Фүзис сделал паузу, ожидая результатов биосканирования, и его заостренные черты лица напряглись.

--- Рүкү, Астартес! --- добавил он и, не отрывая взгляда от прибора, указал Дак'иру, какая именно рука ему нужна.

Дак'ир протянул руку апотекарию, и тот, взяв его за запястье, набрал шприцем небольшую порцию крови. Как только пробирка была вставлена в миниатюрную центрифүзү, специальная камера в его стальной перчатке тут же произвела биохимический анализ.

--- Всех братьев подвергают столь серьезной проверке? --- спросил Дак'ир, стараясь не допускать раздражения в голосе.

Было видно, что Фүзис удовлетворен результатами анализа, но тон, с которым он говорил, оставался безучастным.

--- Нет, только тебя.

--- Если у моего брата-капитана появились сомнения в моих волевых качествах, он мог бы отправить меня к капеллану Элизю...

Внезапно апотекарий своей закованной в стальную перчатку рукой схватил Дак'ура за подбородок и стал внимательно осматривать его лицо:

— Элизия нет на борту «Ярости Вулкана», как тебе должно быть хорошо известно... Так что придется тебе потерпеть меня.

Указательным пальцем фугисоттянул черную кожу под левым глазом Дак'ура, из-за чего по щеке у того разлился кроваво-красный руганец.

— У тебя еще случаются сомнамбулические видения во время боевых медитаций? — поинтересовался он и указателем, похоже удовлетворенный остотром, отпустил воина.

Брат-сержант потер подбородок там, где апотекарий сжимал его челюсть:

— Если вы хотите знать, вижу ли я сны, то да... иногда бывает.

С непроницаемым выражением лица апотекарий внимательно изучил панель на своей перчатке:

— И что тебе снится?

— Ноктюрн, пещеры Узнеи... Я еще

ребенок. Вижу день, когда я проходил
испытания на плато Синдара и стал
Астартес. Потом --- когда я как послушник
получил свое первое задание... --- Голос
Саламангра умолк, а его лицо потрачнело
от нахлынувших воспоминаний.

Горящее лицо...

--- Ты ведь единственный из нас...
единственный Огненнорожденный, кого
взяли из Узнеи... --- произнес Фүгис, и его
проницательные глаза внимательно
посмотрели на Дак'ура.

--- Какое это имеет значение?

Фүгис проигнорировал его вопрос и
вернулся к анализу данных.

--- Ты как-то произнес: «Мы только
должны были их вернуть назад!» Кого
именно ты имел в виду? --- спросил он
спустя мгновение.

--- Вы же были на Морибаре! --- сказал
Дак'ур и шагнул из углей, причем при
соприкосновении с холодным
металлическим полом катеры от его
разгоряченной кожи пошел пар. --- Вы
должны знать...

Фүгис оторвался от инструментов и

инфопланишета. Его взгляд стягнулся, и в нем протелькнуло нечто вроде мимолетного сожаления. Однако апотекарий быстро вернул обычный прищур, будто спрятавшись за маской холодного безразличия.

Из скривившегося, скорее в злой ухмылке, чем в улыбке, рта Фүгиса вырвался безрадостный стех.

--- Ты вполне готов к сражению, брат-сержант, --- произнес он наконец. --- Десант на планету Стратос состоится через два часа. Я должен видеть вас на палубе за шесть минут до истечения этого срока.

Отдав честь, скорее по привычке, чем из уважения, Фүгис повернулся спиной к боевому брату.

Когда апотекарий собрался уходить, Дак'ур испытал облегчение.

--- И брат Дак'ур... Не все из нас хотят вернуться. И не всех из нас можно вернуть! --- произнес на прощание Фүгис, прежде чем исчезнуть во тьме.

Атмосферу Стратоса терзали неутихающие шторма. Ослепительные

толпили сверкали между пенными волнами
и грозвыми облаками, которые с яростью
сталкивались в небе лишь для того, чтобы
спустя мгновение разлететься в разные
стороны. Сквозь эти мимолетные разрывы
в облаках порой проглядывали пятнышки
пустынных островов и выбеленных хлоро-
мискал, со всех сторон окруженных
бурлящими водоворотами гневного моря.

«Грозовые ястребы» — «Огненная
Виверна» и «Копье Прометея», визжа
лопастями турбин, вспороли воздушное
пространство планеты прямо над
бурлящим штормом. Они держали курс на
скопление городов, парящих в верхних слоях
атмосферы Стратоса. «Верхние города»,
как называли их коренные жители
Стратоса, — огромные, покрытые
куполами метрополии из пластобетона и
хрома — давали приют четырём
миллионам трёхста тысяч душ и
были связаны между собой цепочкой
массивных небесных мостов. Из-за
концентрированных испарений хлора,
которые с некоторых пор стал выделять
океан планеты, стратосийцам с помощью

мощных антигравитационных плазменных
двигателей пришлось поднять свои города
вверх, причем так высоко, что
фактически каждый город потребовалось
обеспечить собственной атмосферой,
чтобы населению было чем дышать.

Слова Фугуса никак не шли из головы
Дак'ура, и, чтобы развеять невеселые
мысли, он решил испытать привычный для
себя восторг в святилищной камере
«Огненной виверны» перед
десантированием. Отсек шаттла был
заполнен почти целиком: двадцать пять
Астартес закрепились в компенсаторных
креслах, когда «Громовай ястреб» заложил
последний круг над зоной высадки.

Брат-капитан Кагай сидел ближе
всех к выходу, и в глазах его светились
отвага и решимость. Он был облачен в
доспехи ручной работы, исполненные в виде
ящера, хотя, как и его подчиненные, до сих
пор не надел шлем. Его шлем, личина
которого изображала рычащего дракона,
был пристегнут к поясу. Голова капитана
была гладко выбрита, и лишь тонкая
полоса белых, коротко подстриженных

волос шла ото лба до затылка. Рядом с ним сидели воины его командирского отделения, Инфернальная Гвардия: Н'келн — заместитель капитана Кагая, очень уравновешенный (если не сказать — лишенный загадков лидера) офицер; чемпион роты Век'шен, кто во славу оргена одержал верх над бесчисленными врагами Империи и сейчас сжимал в руке свою огненную глефу; заслуженный брат Маликант, знаменосец роты, а также заслуженный брат Шен'кар, огнемётчик. Последним в их ряду сидел Фугис. Апотекарий сдержанно кивнул. Дак'ур, увидев, что тот направился в каперу.

В святилище было темно. Крохотные пятнышки света на полу исходили от глаз Саламангр, сияющих красным светом. Едва взгляд Дак'ура оторвался от глаз Фугиса, как тут же встретился с другим взглядом, пылающим холодным огнем.

Брат-сержант Цу'ган пожирал его глазами с противоположного конца отсека. Дак'ур почувствовал, как непроизвольно сжимаются его кулаки.

Цу'ган мог бы служить идеальным образцом для любого приверженца Культы Прометея. Сильный, упрямый, самоотверженный — он обладал всеми качествами, которых можно ожидать от Саламангра. И все же изрядная доля высокомерия и надменности таилась в глубине пылающих глаз сержанта. Он родился в Тесуоге, одном из семи священных городов Ноктюрна, который, помимо прочего, являлся главной базой органа по набору рекрутов. В отличие от большинства жителей мертвых вулканических миров, Цу'ган рос в относительно изобилии и достатке. Его семья принадлежала к знати, состоящей в родстве с королями племен Ноктюрна, находящихся на недосыгаемой для других вершине богатства и власти.

Кочующий от одной пещеры к другой, изгнанный Дак'ур был, напротив, выходцем с самой нижней ступени социальной лестницы. То, что он вообще стал Астартес, было беспрецедентно. Лишь очень немногие кочевые племена добивались до священных земель, где

проводились испытания кандидатов, не говоря уже о том, чтобы кто-то из кочевников принимал участие и побеждал в них. Случай Дак'ура был уникален во многих отношениях. Для Цу'гана же он являлся отклонением от нормы. Опыт человеческой жизни до посвящения в Астартес остался для обоих далеким позади, но все же укоренившиеся за века предрассудки давали о себе знать.

«Грозовой ястреб», войдя в зону высадки у самой границы «верхнего города» Нилбароса, вдруг накренился, и это разрядило напряжение, возникшее между двумя сержантами. Внешняя обшивка шаттла завизжала, словно возмущаясь возникшему напряжению, и скоро звук перерос в глухой стон металла.

— Что, знак надвигающейся бури? — азартно предположил Ба'кен, своим рыком перекрывая грохот посадки.

Этот бритый наголо Астартес из отделения Дак'ура представлял тяжелооруженную пехоту, его широкие плечи и могучая шея идеально способствовали исполнению его

профессиональных обязанностей. Ба'кен, как и многие в ордене, был к тому же подаренным оружейником и мастером по металлу. Висящий у него за спиной тяжелый огнемет был уникальным оружием, не имеющим аналогов в тактических отделениях, потому что Ба'кен изготовил его сам, выковав в раскаленных кузницах Ноктюрна.

--- Согласно стратосским донесениям, предатели хорошо закрепились и их очень много. Это не будет...

--- Мы и есть буря, брат! --- не дал закончить ему Цу'ган, перекрывая гул двигателей. --- Мы очистим это место пламенем наших огнеметов! --- продолжил он с пылом фанатика. --- И сожрем нечестивцев!

Ба'кен торжественно кивнул сержанту другого отделения, и Дак'ир почувствовал, как краска гнева заливает его лицо. Это был знак вопиющего неуважения к нему как к командиру.

Он уже хотел ответить, но тут, тизнув, зажегся янтарный огонек предупреждения, и голос брата-капитана

Кагая не оставил Дак'ур времени на адекватную реакцию.

--- Надеть шлемы, братья!

С лязгом металла и шипением стабилизаторов давления Саламангры водрузили на головы боевые шлемы.

Ни на миг не желая прервать дуэль взглядов, Дак'ур и Цу'ган надели шлемы последними. Наконец Цу'ган стягнулся и, трачно улыбаясь, вновь изрек свою последнюю фразу:

--- Смотрю нечестивцев!

--- В Кутулоне, на востоке, и в Нилбаросе, на юге, еще идут бои, однако на данный час мои войска занимают территории и берут под контроль небесные мосты, соединяющие эти три города... --- Покрытый испариной полковник Танхаузе говорил с терцающего и шипящего от помех экрана капитана Кагая, ехавшего сейчас на «Лэндрейдере» типа «Ускунитель» по имени «Огненная наковальня». --- Мы используем мосты для фильтрации гражданских. Тысячи людей остались заперты в каменных мешках за

линиями обороны противника. Среди них
есть и мои солдаты.

— Вы уже сделали здесь свою работу
для Императора. И даю слово Саламандр
Вулкана, что, если этих людей еще можно
спасти, я их спасу! — ответил Кагай, стоя
в отсеке бронетранспортера, мчащегося по
небесном мосту в Циррион.

Конвой из четырех бронированных
«Рино» громыхал следом за «Огненной
наковальней».

Как только Саламандры
десантировались в окрестностях
Нилбароса, Кагай приказал брату Аргосу,
магистру кузницы, произвести
всестороннюю оценку дорог, ведущих к
Цирриону. Изучив файлы с планами
стратосских городов, которые были
переданы когитаторами «Ярости
Вулкана» на мониторы «Огненной
виверны», технодесантники пришли к
выводу, что небесные мосты совершенно не
подходят для посадки боевых кораблей с
последующим разворачиванием сил
Астартес.

Менее чем через двадцать минут

три грузовых «Гротовых ястреба» спустились с орбиты и сбросили Саламанграм необходимые транспортные средства.

В зоне приземления Саламангры по приказу Кагая разбились на отделения и ожидали в боевом строю прибытия транспортеров. На обсуждение тактики со стратоскити союзниками времени не было, и переговоры пришлось вести уже на пути к Цирриону.

— Я молю Императора, чтобы кто-нибудь еще остался в живых! — продолжил Танхаузе по видеосвязи, которая поддерживалась во всех транспортерах Астартес. — Но боюсь, что Циррион уже потерян для нас, лорд, — добавил он и подрагивающими пальцами зажег новую сигару. — Теперь там уже ничего не осталось, кроме смерти и ужаса.

Казалось, что полковник избегает смотреть на экран. Пока Астартес ехали по небесному мосту, Кагай снял шлем, и человек смог ясно разглядеть черты его лица.

«Войны выигрываются одной только

этой силой...» — вспомнил он слова старого наставника рекрутов, сказанные почти триста лет назад, в день, когда ему впервые вручили черный панцирь.

— Расскажите мне о противнике, — попросил полковника капитан, и лицо его потрачнело при мысли об ужасных страданиях местных жителей.

— Они называют себя приверженцами «культы Истины», — начал Танхаузе, и на мгновение электростатические помехи забыли изображение. — Еще каких-то три месяца назад они были всего лишь маленькой группой недовольных имперских граждан, годных лишь на то, чтобы убивать от глубин Арбитра. Теперь же их не меньше пятидесяти тысяч, и они закрепились по всему Цирриону! У них есть тяжелое вооружение, большинство стратосских военных факторумов расположены в столице, так же как и парк наших дирижаблей, и наш воздушный флот. У всех культистов на теле есть знак, который они обычно прячут под одеждой, — что-то вроде татуировки в виде раскрытого рта. А их

собственные рты... -- Тут Танхаузе содрогнулся и нервно затащился сигарой, как простой папиросой. -- Их рты зашиты проволокой! Похоже, что языки они себе также удаляют.

-- С чего вы взяли?

Несмотря на страх, Танхаузе ответил на горящий взгляд капитана.

-- Потому что никто никогда не слышал, как они говорят. -- Танхаузе побледнел еще больше. -- Сражаться с врагом, который не кричит, не отдает приказы... Это противостоит природе!

-- У них в этом культе должен быть какой-то лидер... -- сказал Кагай, все время своим видом выражая отвращение к еретикам.

Танхаузе еще раз затащился сигарой, после чего раздавил ее о дно пепельницы и тут же зажег новую.

-- Утеющаяся у нас информация весьма ограничена, -- признал он наконец. -- Однако мы полагаем, что у них есть кто-то вроде иерофанта. Опять же, это неподтвержденные сведения, но есть основания полагать, что их вождь

окончился в храмовом районе города. Что известно точно, так это его прозвище --- Оратор.

--- Забавная кличка, --- пробормотал Кагай. --- Какими силами вы располагаете, полковник?

Танхаузе нервно облизнул губы:

--- Достаточно, чтобы удержать два города-спутника. Пока мы тут с вами говорим, все имеющиеся у меня в Циррионе силы выводятся из города. Гражданские также уходят. Я потерял очень много людей...

Лицо Танхаузе помрачнело. Он выглядел как человек, у которого ничего не осталось в жизни.

--- Удерживайте свои города, полковник, --- сказал Кагай. --- А Циррионом теперь займутся Саламандры. Вы, как слуга Империи, честно выполнили свой долг --- почет вам за это!

--- Спасибо, мой лорд.

Раздался треск, когда Кагай отключил связь, и экран заполнили помехи.

Капитан отвернулся от пустого

экрана и обнаружил рядом апотекария
Фүгуса.

--- Их боевого духа ненадолго хватит, --
пробормотал апотекарий. --- Никогда еще
не видел такого отчаяния.

--- Что ж, значит, мы прибыли
вовремя. --- Кагай бросил взгляд поверх
плеча Фүгуса и посмотрел на остальных
воинов его расчета.

Н'келн готовил их к бою, проводя
обряд Күльта Прометея.

--- На наковальне закалили наши тела
--- выковали воинов!.. --- продекларировал он
громко, и остальные торжественно
повторили его зачин.

Они стояли вокруг небольшой
жаровни, приваренной к полу
«Лэндрейдера». Священные приношения
Вүлкану и Императору горели сейчас в
тигле: лоскуты полковых знамен,
перетертые в порошок кости мучеников...
И Инфернальные Твардейцы один за другим
брали пригоршни этого непа и мазали им
свои доспехи.

--- Партизанская война --- это одно, но
разгромить целый полк Имперской

Гвардии... Не кажется ли вам, что мы имеем здесь дело с чем-то большим, чем просто мятеж под знаменем еретического культа? — спросил Фугис, отведя взгляд от исполняемого ритуала.

Казалось, что, обдумывая вопрос апотекария, Кагай направил свой взгляд внутрь себя.

— Еще не знаю... Но место это явно чем-то заражено. У этого так называемого «культа Устины» определенное количество последователей.

— Учитывая, что распространяется эта зараза только здесь, можно предположить, что корни ее скорее в психологии местного населения, нежели в какой-то идеологии, — заметил апотекарий.

Кагай не стал обсуждать эту версию.

— Я не могу основывать стратегию лишь на предположении, брат. Вот когда прорвется в город, тогда и увидим, с чем мы имеем дело. — На мгновение капитан утолк, а затем спросил: — Что с Дак'иром?

Фугис понизил голос, чтобы другие не могли его слышать:

--- Физически наш брат в отличном состоянии, и все же у него есть проблемы. Его мучают воспоминания о его человеческом детстве на Ноктюрне, а также о его первом задании...

Кагай нахмурился:

--- Морибар... После него у нас было больше сорока сражений, и все же оно одно прилипло к нам, словно черный саван.

--- Такая избирательность его памяти весьма... необычна. И я думаю, он чувствует вину за то, что произошло с Нигиланом, --- предположил Фугис.

Лицо Кагая стало еще мрачнее.

--- В этом он не одинок, --- пробормотал капитан.

--- А также за то, что случилось с Ушоракот.

--- Бай'тан Ушорак был предателем. Он заслужил свою судьбу! --- резко ответил Кагай и затем сменил тему разговора. --- Дух Дак'ира очистится в горниле сражения! Вот истинный путь Саламангра! А не поможет --- я отправлю его в реклюзиат, к капеллану Элизию, --- там ему вернут нужные кондиции.

Кагай вновь активировал открытый канал вокса, давая понять, что разговор окончен.

--- Пришло время обратиться к личному составу.

--- Братья!.. --- услышал Дак'ур в воксе голос капитана. --- Наша задача здесь проста и ясна. Освободить город, защитить жителей, уничтожить еретиков. Три штурмовых отделения --- «Молот», «Наковальня» и «Пламя» --- войдут в Циррион и сектор за сектором начнут очищать город огнем своего оружия. Сержанты Дак'ур и Цу'ган поведут «Наковальню» и «Пламя» соответственно в восточный и западный секторы города. Опустошители из отделения «Агское пламя» сержанта Ул'шана окажут поддержку «Наковальне», «Пламя» поддержат инсинераторы сержанта Лока. Я вместе с сержантом Откаром поведу «Молот» на север. Огнететы илеются во всех группах. И пусть ничто не остановит вашу ярость! Для сражений такого рода вы и были рождены на свет! Именем Вулкана!

Кагдай сказал все.

Статические помехи вновь воцарились в воксе. Дак'ур полностью отключил связь, когда машины конвоя неспеша прогромыхали мимо сторожевых постов, со всех сторон обложенных мешками с песком, поверх которых были протянуты ряды колючей проволоки. Защитниками этих застав были изнуренные солдаты с обесстылившимися взглядами -- либо слишком утомленные, либо предельно опустошенные неделями сражений, чтобы адекватно отреагировать на появление Астартес.

-- Их дух сломлен, -- нарушил тишину Ба'кен, когда глядел в огнь из смотровых щелей «Рино».

Дак'ур проследил за взглядом пехотинца:

-- Они не такие, как уроженцы Ноктюрна, Ба'кен. Они не привыкли к подобным испытаниям.

Шеренга Стратосского авиакорпуса прошла мимо конвоя, направляясь в противоположную сторону. Они едва волочили ноги: кто-то держался за свои

раны, кто-то ковылял на костыле, в то время как их заброшенные на плечи лазганы нелепо болтались из стороны в сторону. На каждом из солдат был респиратор и штормовка из дубленой кожи, которые могли противостоять холоду разреженной атмосферы Цирриона. Здесь только города находились под куполами, а подвесные воздушные мосты, хоть и были обнесены щитами, тянувшимися по обеим сторонам, не давали сколько-нибудь надежной защиты от стихий.

Ворота Цирриона трачно возвышались в конце разбитой дороги. По сути, ворота представляли собой огромный герметичный шлюз из гладкого черного металла, обеспечивающий сохранность стабильной атмосферы под куполом.

— Я слышал, о чем говорили между собой рядовые авиакорпуса, когда их колонна проходила мимо, — произнес Ба'кен, пока конвой Астартес шагал к воротам города. — Один из них сказал, что в Циррионе сейчас так же, как в аду!

Дак'ур проверил зарядную батарею

своего плазматана и произнес:

— Мы родились в аду, Ба'кен... Нам ли пугаться небольшого костерка?

Грозовые раскаты хохота Ба'кена не утихали в «Руно» до самых ворот города.

А в это время по стенам глухих проулков Цирриона гуляли злобещие тени монстров.

Сержант Руха бежал по разбитым улицам, преследуемый еретиками. Его сердце колотилось так, что едва не выпрыгивало из груди. Главная система электроснабжения Цирриона уже давно вышла из строя, и теперь все освещение города обеспечивалось вечно барахлящими запасными генераторами, которые через сеть люминесцентных ламп устроили здесь нечто вроде мерцающей праздничной иллюминации. После каждого внезапного отключения прежние тени, казалось, наполнялись новыми угрозами и наводили на мысль о новых врагах. Проклятого освещения было мало.

Руха был в первых рядах тех, кто участвовал во втором натиске

правительственных войск на столицу. Атака эта полностью провалилась. Какие-то совсем неизвестные ил части, тайно перемещаясь по темным коридорам Цирриона, ударили по его отделению с невиданной яростью. Для них это оказалось полной неожиданностью. Из тактических соображений вектором атаки своего отделения Руха умышленно избрал маршрут в обход основных зон боев, так, чтобы выйти к позициям врага через северный сектор города.

Все собранные стратосийцами сведения говорили о том, что сопротивление бунтовщиков не будет серьезным. Матежники никак не могли смять пять сотен его бойцов!

Руха был последним из тех, кому каким-то чудом удалось избежать тасорубки, но культисты все же его обнаружили. Они бежали так же неумолимо. Его прежде гордый город лежал в руинах. И эта его новая, обезображенная версия была Рухе совершенно неизвестна. Там, где он надеялся увидеть знакомые улицы,

высились непроходимые завалы из щебня. Там, где должны были быть желтые площади, теперь чернели угольные ямы, дно которых словно терялось во тьме преисподней. Здесь воцарился ад — дурного слова не подберешь.

В очередной раз свернув за угол, Руха вдруг резко остановился. Он оказался у самого входа на станцию маглева: по одну сторону располагались ряды заводских построек, по другую — высокая стена и эстакада. Вагоны преграждали путь вперед. Сейчас они представляли собой выгоревшие остовы, размалеванные граффити с тяжкими лозунгами. Но не они, а станционный туннель привлекал внимание сержанта. Там, в крошечной тьме, чувствовалось какое-то движение.

Руха спиной чувствовал близость погони. Кажется, преследователи следят. И тут он понял, что его специально знали к этому месту. Между тем шум в туннеле становился все громче, а крики настигающей его толпы все ближе. Наконец толпа культивистов вывалила из-за угла. Руха прикинул, что их не меньше

пятидесяти, мужчин и женщин с плотно
защитными ртами. На их вывернутых
губах безобразно вздувались синие рубцы. В
руках они держали пики и щиты из
пластика и металла.

Не таким представлял себе Руха свой
конец...

Сержант выбрал себе первую мишень
и был уже готов поймать ее в перекрестье
прицела, когда небольшой осколок
катнебетона, свалившись сверху, звонко
запрыгал по плитам мостовой. Руха
отследил его траекторию, которая,
должно быть, началась на эстакаде, и
увидел в тусклом рассеянном свете
силуэты трех закованных в доспехи
гигантов.

Искра надежды, которая было
вспыхнула в воображении Рухи, быстро
погасла, когда он сообразил, что эти
гиганты здесь совсем не для того, чтобы
его выручать.

В следующую секунду прогремел гром,
и языки пламени, вырвавшись из
крупнокалиберных стволов, разорвали
нависшую над городом тьму.

Бывалый солдат, Руха моментально просчитал все, что должно произойти, и бросился на землю перед самой атакой. Это был один смертоносный залп, но его оказалось достаточно. Культисты были уничтожены полностью — их разорванные на куски тела усеяли улицу, кровь окрасила стены зданий.

Руха перевернулся на спину, все еще не в силах отойти от потрясения после внезапной атаки. Когда он наконец почувствовал свои ноги, то понял, что ранен. Невыносимый жар охватил его бок — словно кто-то безжалостный ножом срезал с него кожу. Его гвардейская форма натекла, вероятно — от крови. Неожиданная дрожь сотрясла камнебетон, на котором распластался Руха, вонзая в его тело несколько новых кинжалов. Кто-то очень крупный прыгнул с эстакады. Затем последовало еще несколько глухих ударов о землю — быстрые и тяжелые приземления, каждое из которых прозвучало как минометный выстрел.

Взгляд сержанта затуманился, но он нашел в себе силы повернуть голову. Его

зрачки расширились. В покрытых запекшейся кровью доспехах, с дбутя алыми рогами, торчащими из шлема с забралом в виде оскаленной пасти дракона, перед ним предстал пригнувшийся, словно перед прыжком, монстр. Существо выпрямилось, став похожим на восставшее из бездн мифическое чудовище, и сержант увидел огромный, покрытый красной чешуей латный нагрудник. Раскаленный пар, казалось, исходил от фигуры гиганта, словно от вулканической лавы.

--- Говорили о склепе, где это? --- спросил кого-то драконоликий гигант, и огненные искры вылетели из закрывающей его рот решетки, словно внутри у него горел костер.

--- Уже близко... --- ответил какой-то другой голос.

Этот голос звучал как треск пергамента, но в нем чувствовалась властная уверенность.

Хотя они находились вне поля его зрения, Руха сообразил, что последующие за первым сотрясения земли произвели боевые товарищи гиганта.

--- Мы здесь не одни, --- произнес
третий голос, низкий и глубокий,
клокочущий, как бурлящая лава.

--- Саламандры, --- с нескрываемым
сарказмом сказал драконоликий гигант.

--- Тогда нам лучше поторопиться, ---
отозвался другой голос. --- Я не хочу
пропустить такое.

Руха услышал звук тяжелых шагов,
приближающихся к нему, и почувствовал
на себе злобный взгляд одного из
закованных в латы гигантов.

--- Этот все еще жив, --- равкнул
монстр.

Взгляд у Рухи был затуманен, однако
сержант смог почувствовать исходящий
от доспехов запах меди и едкое зловоние
сгоревшего протетия.

--- Выживших быть не должно, ---
сказал второй голос. --- Убей его побыстрее.
У нас нет времени на развлечение,
Ратлек.

--- Жалко...

--- Умне... --- попытался было
произнести Руха, но тут его мир
поглотил огонь.

Черные ворота Цирриона
раздвигались неспешно.

Бронированный конвой Астартес,
огромная, проследовал в поджигающую его
темноту. Через несколько мгновений ворота
за ними закрылись. Протянутые вдоль
боковых стен галогеновые лампы, весело
замерцав, осветили огромную
металлическую катеру, широкую
настолько, что все проходящие сейчас
транспорты могли бы ехать по ней
развернутым строем.

Брошенные стратосийские машины
стояли у стен, отбуксированные туда
командами расчистки. Склады
выведенного из строя оборудования
занимали всю площадь вокруг оставленных
бронемашин. Камуфляжные сетки,
люминаторные устройства и
вспомогательные комплекты снаряжения —
все было брошено. Все, кроме оружия. Все,
кроме последнего ствола, было востребовано
для обороняющихся.

Для сохранения стабильности
городской атмосферы герметично

запечатываемая с внешней стороны. Камера имела на противоположной стороне еще одни ворота. Саламандры преодолели половину глинного и широкого коридора, когда эти вторые ворота с шумением, обусловленным перепадом давления, открылись и конвой въехал наконец в город.

Окраины ночного города были погружены во тьму.

Пустынные улицы растворялись во тьме, а здания лежали в руинах, и пробоины зияли как раны. Огонь опалил стены, а кровь омыла улицы. Отчаяние повисло в воздухе и ощущалось почти физически, как затхлый воздух. Смерть пришла в Циррион и цепко держала его в своих костлявых руках.

Как и все улы, Циррион в наиболее густо населенных кварталах был похож на многоуровневые соты. Гравитационные лифты связывали эти желто-голубые плато-мегаполисы. Кое-где, спустившись на подуровни, можно было получить доступ к устремленным вниз эксплуатационным шахтам или к огромным подземным

грудовым площадкам. Если же посмотреть
наверх, то можно увидеть плотные массы
дыма, причудливо клубящегося под сатым
куполом. Когда в серо-черном стое
образовывались просветы, сквозь них
проглядывала густая пелена облаков и
ослепительные дуги молний ---
свидетельство того, что по ту сторону
купола бушует очередной атмосферный
шторм.

С точки зрения тактики, город
представлял собою кошмарный лабиринт,
состоящий из скрытых ям, рукотворных
«каменных мешков» и простреливаемых со
всех сторон «убойных» зон. Дороги были
перегорожены противотанковыми ежами,
а почти все улицы заставлены столбами с
колючей проволокой. Груды щебня и
покоренной техники создавали
импровизированные баррикады и
непреодолимые рубежи.

Саламандры доехали вплоть до
площади Аереона, некогда одного из
популярных городских рынков, когда
обрушившиеся здания, обгорелые остовы
техники и путаница колючей проволоки

сделали невозможным дальнейшее
продвижение тяжелых
бронетранспортеров.

Это было только первое из
множества ожидающих их препятствий.

--- Выгружается, Саламангры! ---
раздался по воксу строгий голос Кагая. ---
Три группы квадрат за квадратом
обыскивают район! Машины оставляют
здесь. Дальше пойдём пешком.

--- Пусто! --- стоя перед входом в один
из муниципальных храмов Цирриона,
крикнул Ба'кен, голосу которого вокс
придал странное металлическое звучание.

Темный дверной проем зиял, как
жаждущая пасть, а сгустившийся внутри
трак, казалось, таил в себе угрозу.

Раздавшийся у него за спиной приказ
Дак'ура был краток и ясен:

--- Сжечь!

Ба'кен поднял свой тяжелый огнемёт
и окатил пространство по ту сторону
двери жидким прометием. Мгновенная
вспышка, как факел, осветила широкий
холл и даже гала увидеть, что находится

дальше, прежде чем погаснуть, оставив
после себя только мерцающие угли.

— Все чисто! — крикнул Ба'кен и, не
выпуская из рук своего грозного оружия,
отступил в сторону, позволив сержанту и
нескольким боевым братьям пройти
внутрь.

Сержанту Локу и его опустошителям
было приказано оставаться в арьергарде и
занять позицию у входа, в то время как
Ба'кен должен последовать в здание вслед
за тактическим отделением.

Дак'ур быстро вошел, и его отделение
рассыпалось веером, перекрывая все
возможные направления атаки
противника.

Они почти уже час бродили по городу,
обыскивая развалины трех жилых
кварталов, и до сих пор еще не вступили в
контакт ни с имперскими силами, ни с
врагом. Отчеты от двух других
штурмовых групп, регулярно поступающие
в шлемные передатчики Астартес, тоже
не отличались разнообразием.

Циррион был мертв.

И все же ителись несомненные

признаки того, что город покинут лишь
недавно: кое-где люмосферы все еще
мерцали в разбитых окнах жилых домов,
шипящие сонофоны в общественных
закусочных продолжали играть популярные
мелодии, застывшие гравилеты урчали
незаглушенными двигателями, тускло
светились окна остановившихся маглебов.
Жизнь прервалась здесь быстро и,
очевидно, насильственно.

Многочисленные дорожки и наиболее
удобные маршруты были заблокированы
горсти щебня и глубокими воронками.
Согласно мнению брата Аргоса, именно
через этот муниципальный храм проходил
кратчайший путь вглубь восточного
сектора. Он также утверждал, что это
наиболее вероятное место, где могли
собраться выжившие. Этот
технодесантник остался с полковником
Танхаузе в Нимбаросе и теперь через
гололитический экран управлял тремя
штурмовыми группами, ведя их по
разработанному им лично маршруту, по
ходу дела внося исправления в свою рабочую
схему, когда получал от Саламандр

отчеты о завалах, разрушенных улицах и прочих изменениях в ландшафте.

--- Вызываю брата Аргоса, говорит «Пламя», --- произнес по воксу Дак'ур. --- Мы достигли ворот муниципального храма. Нам нужен план сквозного прохода.

Приятную вибрацию плазменных двигателей, держащих огромный город над поверхностью планеты, Дак'ур ощущал даже через силовые доспехи, и это вдруг напомнило ему о том, насколько ненадежно это поле боя, на котором они сейчас находятся.

Отбросив эту вредную мысль, он стал медленнее вращать головой, освещая наслетным люминатором широкий храмовый холл. Луч люминатора выхватил большую ромбовидную комнату, вдоль боковых стен которой стояли ряды сваленных друг на друга рабочих столов. Сверху сквозь стеклянный купол потолка пробивался свет уличных люмосфер, которые сиянием своих резких лучей покрывали пол помещения яркими заплатами. Яркие вспышки молний в верхней атмосфере Стратоса добавили

освещенности.

Обугленные лепестки испепеленных огнеметом Ба'кена пергаментов бесшумно скользили по полированному полу или порхали, как светляки, повинувшись дунувению невидимого ветра. Некоторые трепетали на колоннах, поддерживающих своды храма, прибитые гвоздями или железными костылями. Видимо, это были остатки свитков с молитвами или благодарностями -- вывешенными здесь, когда люди еще не впали в безысходное отчаяние.

-- Это молитва за пропавших без вести, -- произнес брат Емек, дулом своего болтера прижав чудом уцелевший клочок к колонне, так, чтобы можно было прочесть текст на листке.

-- А вот еще... -- добавил брат Зо'тан.

Переключив свой люминатор на панорамный свет, он направил его на хромированную лестницу в дальней части комнаты, где виднелась балюстрада, на которой вповалку лежали тела клерков и администраторов, одетых в строгие черные костюмы. Опаленные свитки были

приколоты кнопками к перилам и, будто
бумажным саваном, покрывали лежащие на
ступенях трупы.

--- Тут их, должно быть, тысячи... ---
пройдя в холл, пробормотал сержант Лок.

И без того суровые черты ветерана
поτραчнели еще больше, когда он своим
бионическим глазом оценил число убитых.

--- Продвигайтесь к северному концу
холла, --- прозвучал сквозь треск помех
голос брата-техногесантника Аргоса. ---
Лестница ведет на второй уровень. Далее,
идя сквозь следующую комнату, держите
курс на север. Затем, через галерею идете
на восток, пока не обнаружите ворота.
Там и выйдете из здания.

Так'ир выключил передатчик. Во
внезапно наступившей тишине он услышал
громкий заунывный звук атмосферных
очистителей, встроенных в барьерную
стену вокруг города, которые непрерывно
перерабатывали воздух внутри купола,
регулируя его химический состав.
Сержант был уже готов отдать приказ к
выступлению, когда звук этот вдруг резко
переменился. Изменилась высота звука, как

бүгто мотор очистителя переключили на более высокую скорость.

Дак'ур снова открыл передатчик на своем боевом шлеме.

--- Цү'ган, ты ощущаешь какие-нибудь изменения в работе атмосферных очистителей?

Добрые тридцать секунд он был вынужден слушать электростатические помехи, прежде чем сержант ему ответил.

--- Никаких изменений. Не ослабляй своей бдительности, изнеец! У меня нет ни малейшего желания вытаскивать твое отделение из передраг, когда управление выскользнет из твоих рук!

Цү'ган отключил связь.

Дак'ур выругался себе под нос.

--- Выступаем! --- отдал он приказ отделению.

Сержант очень надеялся, что они скоро встретят врага.

--- Никогда бы не доверил ему командование, --- пробормотал Цү'ган, обращаясь к своему помощнику Ягону.

— У нашего брата-капитана, должно
быть, итеются свои резоны, — ответил
тот своим вкрадчивым, всегда
подчеркнуто-нейтральным тоном.

Ягон никогда далеко не отходил от
своего сержанта и всегда готов был дать
дельный совет. В отличие от
большинства братьев, он обладал довольно
худощавым телосложением, но
недостаток в объеме тела с лихвой
компенсировал хитростью и коварством.
Ягон старался быть на стороне силы, а в
данный момент такой силой были Цу'ган и
восходящая звезда — капитан Кагай. Ягон,
так же как и сержант, имел при себе
аусник и следил по нему за аномальными
скачками на графике активности,
которые вполне могли предшествовать
нападению из засады. Осторожно
пробираясь в тенях гидронного
питомника, он следовал за своим
сержантом — не более чем на два шага
позади.

Крошечные резервуары с
питательным раствором, заполнившие
многочисленные ящики из хрома, были

расставлены по всей площади огромной куполообразной камеры. Эти хранилища хитикатов стояли плотными рядами и содержали как образцы всевозможных сельскохозяйственных растений, так и несъедобных представителей флоры. Многие контейнеры сейчас лежали перевернутыми, и оранжерея более напоминала искусственные джунгли, чем имперский питомник, обеспечивающий пропитанием целый городской район.

--- Причуды у него имеются! --- ответил на замечание помощника Цу'ган и неожиданно для всех дал сигнал остановиться.

Он согнулся и стал напряженно всматриваться в странное свечение в верхней части оранжереи. Его отделение, которое он сам вымостровал, тут же заняло боевые позиции.

--- Огнетет! --- прорычал он в переговорное устройство.

Брат Гонорий выдвинулся вперед, и воспламенитель в его оружии тотчас вспыхнул маленьким огоньком. Саламандр заметил мерцание синего языка.

возникшего как реакция на присутствие чего-то необычного в воздухе, и, хлопнув по стволу, скороговоркой прочел литанию, обращаясь к духу машины. Воспламенитель тут же вернулся в норму.

--- По вашему сигналу, сержант.

Цу'ган поднял руку.

--- Подожди секунду...

Ягон опустил свой болтер, чтобы свериться с показаниями ауспика:

--- Никаких сведений о наличии жизненных форм!

На лице у Цу'гана появилась отвратительная гримаса.

--- Очистить огнем!

--- Мы же уничтожим проговольствие целого района! --- возмущился Ягон.

--- Поверь мне, Ягон, о стратосийцах можно уже не беспокоиться! Я не вижу ни одного шанса на то, что им удалось здесь выжить! А теперь... --- произнес он, снова повернувшись к Гонорию. --- Очистить огнем!

Купол питомника гидропонных растений наполнил рев огнемета, и

продовольственные ресурсы Цирриона
обратились в пепел.

* * *

--- Они затанивают нас вглубь
города! --- убежденно прозвучал в воксе голос
ветерана-сержанта Н'келна.

Он шел во главе отряда, напряженно
выискивая взглядом хоть малейшие
признаки врага и повода дулом своего
болтера из стороны в сторону.

--- Очевидно... --- согласился Кагай,
вполне доверяя боевым инстинктам своего
бойца.

В одной руке, у бедра, капитан
держал пистолет «Инферно», в другой ---
потрескивал громовой молот.

--- Сохраняйте бдительность! ---
прошипел он в передатчик своего боевого
шлема, в то время как все бойцы его
отряда, держа болтеры на изготовку,
осторожно ступали вслеп за ведущим.

Величественный город трачно

возвышался над Саламанграми, когда они медленно продвигались вдоль одной из его узких улиц, заваленной обломками и трупами -- всем, что осталось от батальонов, о которых говорил Танхаузе. Гвардейцы возвели себе из мешков с песком укрепления и на скорую руку соорудили баррикады. Обычные жилища были превращены в бункеры, и из многих их окон сейчас, как тряпье, свисали брошенные тела убитых. Оборонные сооружения не помогли им. Стратосская пехота была просто раздавлена.

Нахмурившись, Фүзис нагнулся над разорванным телом убитого лейтенанта.

-- Обширное проникающее ранение, -- пробормотал аптекарий, когда к нему подошел капитан Кадай.

-- Полковник Танхаузе говорил, что культисты обладают тяжелым вооружением... -- задумчиво произнес стоящий рядом Н'келн.

Фүзис продолжил изучать лежащий перед ним труп:

-- Грудная клетка словно выпотрошена, органы разтощены...

Его красные глаза за линзами шлема сверкнули огнем, когда он поднял глаза на своих братьев-Саламандр.

--- Это рана от болтерного снаряда!

Кагай хотел что-то сказать, но в этот момент идущий впереди брат Шен'кар вызвал их по воксу:

--- Мой аусник зафиксировал какое-то движение!

--- Не отставай... --- предупредил Дак'ур, когда, осторожно поднимаясь по ступеням холла, продвигался в сторону большой хромированной арки, ведущей ко второму уровню муниципального храма.

Воспламенитель на тяжелом огнемете Ба'кена чихнул и яростно выплюнул язычок огня. Ба'кен быстро перекрыл подачу горючего.

--- Что, проблемы?

--- Никак нет, сержант, --- был его ответ.

Дак'ур продолжил подниматься по лестнице, боевые братья шли за ним, а Разрушители остались внизу, в холле, в любую минуту готовые броситься наверх.

Достигнув верхней площадки, он увидел на той стороне еще один протяженный зал --- в точности, как описывал брат Арзос. Помещение было заполнено разбитыми компьютерами и прочей оргтехникой. Окинув взглядом весь этот хлам, Дак'ир внезапно резко остановился.

В самом центре зала, в окружении множества мертвых тел рабочих Административного корпуса, стоял мальчик. Совсем еще ребенок, не более восьми лет, он стоял босой, одетый в грязные лохмотья. Выветрившаяся во все поры грязь и запекшаяся кровь покрывали его тело, как вторая кожа. Мальчик смотрел прямо на Дак'ира.

--- Никому не двигаться! --- прошептал сержант в передатчик. --- У нас выживший!

--- Слава Вулкану!.. --- выдохнул стоящий рядом с ним Ба'кен.

--- Стой на месте! --- предупредил Дак'ир своего бойца и шагнул вперед.

Мальчик вздрогнул, но не убежал. Слезы текли по его лицу, прорезая себе путь сквозь слой сажи и оставляя на щеках бледные, извилистые дорожки.

Бегло остотрев зал и не увидев там

ничего, что потенциально могло бы представлять опасность, Дак'ур понял, что путь перед ним открыт. Убрав плазменный пистолет и вложив в ножны ценной меч, он продемонстрировал пальчику, что в его латных перчатках ничего нет.

--- Тебе нечего бояться... --- начал он ободряюще и медленно стянул с себя боевой шлем.

Свою ошибку Дак'ур осознал слишком поздно.

Ребенок этот не был родом с Ноктюрна. Мальчишке достаточно было увидеть черную как ночь кожу Саламангра и горящие красным огнем, чтобы завопить и со всех ног броситься бежать через холл.

--- Черт! --- прошипел Дак'ур, возмущившись на место боевой шлем и вновь беря в руки оружие. --- Сержант Лок! Вы со своим отделением возьмете под контроль зал и будете ждать нашего возвращения, --- передал он приказ по воксу. --- Остальные со мной. Здесь могут быть выжившие, и мальчишка нас к ним обязательно выведет.

Салатандры начали преследование. Когда Разрушители поднялись по лестнице, Дак'ир со своим отделением дошел уже до середины зала и внезапно почувствовал едва ощутимое давление проволоки на поножах доспеха. Он обернулся, чтобы предупредить своих товарищей, и в этот момент мощный взрыв сотряс буквально каждую молекулу в пространстве помещения.

— Тупик! — доложил брат Гонорий, остановившись перед огромной баррикадой из сваленных в кучу гравилетов и вагонов маглева.

Цу'ган со своей «Наковальней», оставив от питомника гидропонных растений лишь тлеющие руины, медленно продвигался к центру города. Направляемые братом Аргосом, они оставили за спиной множество улиц этого урбанистического лабиринта и наконец вышли в узкое ущелье, образованное кварталами высоких жилых домов и повисшими между ними многочисленными разноуровневыми переходами. Еще сто

метров в глубь квартала — и, свернув за угол, они обнаружили тупик.

— Мы выжжем себе дорогу! — сказал Цуган и повернулся, чтобы приказать опустошителям сержанта Ул'шана выдвинуться вперед. — Мультимелты скоро... Стойте! — вдруг осекся Цуган, окинув взглядом высотные здания. — Отходим той же дорогой. Найдём другой проход.

В этот момент на противоположный конец улицы, отсекая ил выход из тупика, выкатился тяжёлый грузовой транспорт. Сначала медленно, а потом все быстрее, набирая скорость, он с ревом двинулся на Саламангр.

— Мультимелты к бою! Уничтожить его!

Чтобы встретить атакующий грузовик огнем, сержант Ул'шан развернул свое отделение, но в тот самый миг в окнах жилых домов и на переходах показались отряды культистов, в чьем распоряжении, очевидно, имелось тяжелое вооружение. Шквал огня мгновенно накрыл всю улицу.

--- Смотрите в оба... --- прошипел капитан Кадай.

Инфернальная Гвардия вместе с опустошителями Откара сидела, пригнувшись на своих позициях, на примерно равном расстоянии друг от друга вдоль всей улицы. Опасность таилась везде; в каждом окне, в каждой нише или темном углу мог затаиться враг.

Взгляд Кадая вновь метнулся к фугису, когда аптекарий, пригнув голову, поспешил к одному из дальних оружейных гнезд. Стратосиец лежал, ссутулившись, прижавшись к стене из мешков с песком. Он был жив, но едва ли мог самостоятельно передвигаться. Кадай заметил, как дернулась рука пехотинца --- уже в третий раз, с тех пор как он подал сигнал о помощи.

Что-то тут было не так.

Движения пехотинца даже для раненого были какие-то неестественные.

У Кадая вдруг засосало под ложечкой, и он понял, что это ловушка.

--- Фүзис, стой! --- проревел он в передатчик.

--- Я почти на месте, капитан...

--- Апотекарий! Выполнять мой при...

Рев чудовищного огненного шара, вздвигшегося на месте укрепления, прервал Кагая на полуслове. Фүзиса сбило с ног взрывной волной, а трупы стратосийцев взлетели в воздух, как тряпичные куклы. Серия последовательных взрывов, разрывая каменобетон, будто вспорола улицу, образовав огромную расщелину.

Ударная волна бросила капитана Кагая на землю. Поднимаясь на ноги, он энергично потряс головой, чтобы скорее прийти в себя, и увидел, как Фүзис в почерневших от огня доспехах из последних сил цепляется за края только что образовавшегося кратера. Отчаянный крик вырвался из груди Кагая, когда пальцы аптекария разжались и он стал неустойчиво скользить, исчезая в разверзшейся черной утробе Цирриона.

Между тем из темных проулков города к месту событий стали стекаться нечестивые культисты. Началась

перестрелка...

Прыгая в себя после взрыва, Дак'ур сквозь дым и оседающие клубы пыли увидел фигуры людей.

Одна такая фигура сейчас зловеще возвышалась над ним. Рот этого человека был зашит черной проволокой, на бледных щеках вздулись синие рубцы. С глазами, полными нездорового воодушевления, культист ударил киркой по доспехам костодесантника. Кирка тут же сломалась.

--- Саламандры! --- взревел Дак'ур, призывая свое отделение и одновременно бронированным кулаком кроша голову еретика.

Затем он поднял ценной меч, который не выпустил из рук, когда падал, и буквально распотрошил еще трех мятежников, когда они набросились на него с клинками и глубинками.

Он было потянулся за плазмаганом, как вдруг затер, не веря собственными глазами. Атмосферные датчики его шлематизировали о значительной

концентрации водорода — воздух под куполом этого здания был им просто перенасыщен.

Между тем Ба'кен, прикрывавший Дак'ура слева, при виде новой волны культистов мгновенно поднял свой огнемет...

--- Подожг...

--- Очистить огнем!

Едва горящий прометей вырвался из жерла, оружие взорвалось. Ба'кен, объятый белым пламенем, отлетел к стене, пробил ее и рухнул замертво в соседнем помещении.

--- Брат повержен! — взревел Дак'ур, и в тот же миг вперед выступил Емек, который болтерной очередью скосил первый ряд культистов.

Однако врагов меньше не становилось, на место погибших тут же вставали новые мятежники, которые лопались в зал, не обращая внимания на огненный шторм. Кирки и мечи уступили место тяжелым стабберам и автоматическим оружием, и по этому признаку Дак'ур понял, чем на самом деле была первая

волна культистов — живым заслоном!

Один из Саламандр встал справа от
сержанта — брат Ак'сор. Он уже взял на
изготовку свой огнемёт, когда Дак'ур
выкрикнул в передатчик предупреждение:

— Огнемёты и мелты не применять!
В воздухе высокая концентрация водорода!
Использовать только болтеры и ценные
мечи!

Саламандры тут же исполнили его
приказание.

Надиск культистов усилился. Из их
рядов вылетали лазерные импульсы, со
звукот, напоминающим конское ржание, но
к бою готовилось и более тяжёлое
вооружение. Одному из наседающих
тятежников Дак'ур снес голову, другому
пробил грудину.

— Держать врага! — рявкнул он
отрывистый приказ, вновь затахиваясь
окровавленным кулаком.

Ак'сор вытащил болт-пистолет.
Шрапнель звонко лупила по его доспехам,
когда он, стреляя очередями, перетолол
целую группу вооружённых автоганати
культистов. Бапн-ба-бах! Глухой лай

крупнокалиберных орудий наполнил помещение, и Ак'сор покачнулся, когда в него угодило сразу несколько зарядов. Откуда-то из свалки тел с жутким воением вылетела газореактивная граната, и силэт Ак'сора растворился в фонтане раскаленной ирапнели. Когда дым рассеялся, воин Саламангр уже лежал без движения.

--- Всем Саламанграм! Отступаем в первый зал! --- закричал Дак'ур, и в тот миг, когда он зарубил очередного культиста, оказавшегося в пределах досягаемости его смертоносного клинка, мощный снаряд срикошетил от его доспехов.

Астартес, все как один, откатились назад. Два боевых брата выдвинулись вперед, чтобы забрать с поля боя Ба'кена и Ак'сора. Когда отделение Дак'ура достигло ступеней лестницы и начало спускаться, в сражение вступил сержант Лок. Из-за присутствия в воздухе взрывоопасного водорода отделение «Пламя» было вынуждено использовать лишь один иштуртовой болтер. Карающим залпом от

самых дверей зала они буквально разрезали толпу наступающих культистов.

Последовала короткая передышка, а затем враг возобновил свой натиск. Маньяки с защитными проволокой ртатми толпами бросались под яростный огонь болтеров. Брат Цоннес самозабвенно расходовал снарядную ленту своего тяжелого болтера, в то время как его братья-Саламангры вносили свой посильный вклад в интенсивность заградительного огня. И тем не менее культисты продолжали наступать. Неумолимые, как автоматы, они не были подвержены панике, произошедшая на их глазах ужасная гибель сорогичей не только не заставила их отступить, но даже не замедлила ни на минуту.

--- Они неумержимы! --- проревел Лок, силовым кулаком превратив голову одного из мятежников в кровавую кашу, одновременно с другой руки поливая врагов огнем своего болтера.

Вдруг, словно из ниоткуда, жуткого вида цепная пила ударила по его вытянутой руке. Гримаса боли искажала

лицо сержанта, и оружие выпало из
бесчувственных пальцев. Красноглазые
жрецы-потрошители, продвигаясь сквозь
толпу мятежников, несли с собой огромные
двуручные цепные пилы. Ударом кулака
Дак'ур сокрушил одного из фанатиков, но
тут же сообразил, что его отделение
медленно, но неотлито окружают.

--- Назад к выходу! --- крикнул он,
подняв выпавший из рук Лока болтер, и
прочертил дугу огня по всему левому
флангу.

Те, кого он убил, даже не вскрикнули.
Совершая один мучительный шаг за
другим, Саламандры отступали к дверям
храма. Настоящий град шрапнели обрушил
на них враг, чьи ресурсы в живой силе
казались безграничными, а наступление
велось уже одновременно со всех сторон.

На частотах передатчика царил
хаос. Обрывки перебивающих друг друга
сообщений, как от «Молота», так и от
«Наковальни», заглушали
электростатические помехи.

«Тяжелые потери... вражеская
бронетехника вступила в... тысячи

повсюду... брат... повержен!»

--- Капитан Кагай! --- проорал Дак'ур в свой вокс. --- Брат-капитан, говорит «Пламя». Пожалуйста, ответьте!

Прошла долгая минута, после чего он услышал прерывистый ответ капитана:

--- ...Кагай... здесь... Отходи... назад... перегрун... Площадь Аереона...

--- Капитан! У меня двое тяжело раненых, нужен апотекарий!

Прошло еще тридцать секунд, прежде чем он услышал еще один запинаящийся ответ:

--- Апотекарий... пропал... Повторяю... Фугис погиб...

Погиб! Не ранен или повержен, а погиб! Дак'ур почувствовал, как раздвигается у него в груди горячий шар боли. Однако стоическая решимость перевесила гнев --- он тут же отдал приказ отступить с боям к площади Аереона, а затем переключился на частоту Цу'гана.

--- Кровь Вулкана! Я не стану отступить на глазах этого отребья! --- рывкнул на Ягона Цу'ган. --- Скажи изнейцу,

что я не получал такого приказа!

«Наковальне» под железным командованием Цу'гана удалось вырваться из засады без потерь, хотя брат Гонорий сильно хромал, а сержант Ул'шан потерял глаз, после того как в их расположение врезался грузовой транспорт и взорвались сложенные в его кузове ящики с горючим.

Ни разу не использовав имеющиеся у них в наличии мультиметры, Цу'ган самодельно пробился сквозь обломки транспорта, выкашивая своим комбидолотером наседающих со всех сторон культистов. Вырвавшись из тупика, они уже отступали на более широкую улицу --- туда, где имелись пригодные для обороны позиции, --- когда сквозь помехи до них дошло сообщение Дак'ира.

В какой-то момент сражения Цу'ган повредил свой боевой шлем и раздраженно сорвал его с головы. С тех пор он был вынужден полагаться на Ягона во всем, что касалось связи с другими штурмовыми группами.

--- Мы --- Салатандры! ---
Огненнорожденные! --- бешевал он в

неистовстве. — Наковальня, на которой разбиваются наши враги! Мы не отступаем. Никогда!

Ягон послушно передал сообщение, указав в нем на отказ сержанта подчиниться.

В этот момент что-то большое и грохочущее появилось в дальнем конце улицы и двинулось в их направлении. Лишь на мгновение Цу'ган сбился с ног, когда танк, покрытый листами брони, словно чешуей, и отмеченный знаком «раскрытого зева» — символом «культы Истины», — оказался в поле его зрения. Вращая широкой стальной башней, танк выпустил залп из мощного орудия, отдача которого заставила машину отпрыгнуть назад на своих гусеницах.

Цу'ган расположил своих бойцов на одной оборонительной линии, откуда они поливали орды культистов сдерживающим огнем своих болтеров. Взрыв танкового снаряда разметал неровную линию обороны Астартес.

Саламандры, вместе с вырванными из дороги осколками катнебетона, были

поброшены в воздух и рухнули на землю с изрядной высоты.

--- Соткнуть ряды! Держать позицию! --- прорычал Цу'ган, пригнувшись в укрытии по соседству с баррикадой, которую ранее обороняли бойцы Стратосского авиакорпуса.

Ягон отпихнул в сторону одно из мертвых тел, после чего смог поставить болтер на упор в наспех подготовленной для стрелка позиции.

--- От капитана нет сообщений, --- доложил он сержанту между выстрелами.

Реакция Цу'гана на его слова была сдержанной, а лицо хранило вечно хмурое выражение.

--- Ул'шан! --- гаркнул он на сержанта Опустошителей. --- Весь огонь на танк! Уничтожь его во имя Вулкана!

Болтерные заряды буквально бомбардировали неумолимую боевую машину, которая продолжала ползти вперед и уже готовилась произвести новый выстрел. Один из сидящих в башне танка сумасшедших культистов взялся за турельный крупнокалиберный стаббер и

стал поливать Саламандр градом пуль.

--- Слушать всем! --- взревел Цу'ган, встав из укрытия и отцепив связку от пояса. --- Кидай гранаты! Вместе со мной!

Он метнул противотанковую гранату. Вслед за ней полетели еще несколько гранат, которые звонко запрыгали по земле, как стальные градины.

Одновременно Ягон своим болтерным огнем разорвал кустиста со стаббером, в то время как тяжелый болтер сержанта Ул'шана нетилосердно лупил по лобовой броне танка и его гусеницам. В тот миг, когда танк оказался над гранатами, в одну из них угодил осколок разорвавшегося снаряда. Серия последовательных детонаций буквально вспорола брюхо танка, а когда воспламенилось горючее, то машину просто порвало в лохмоты.

--- Слава Прометею! --- взревел Цу'ган, ритмично взмахнув рукой, и дружный хор голосов радостно вторил своему командиру.

Однако победный пыл быстро угас, когда сквозь дым и сыпящуюся сверху

цирапнель он увидел навсизгающиса на них
тени. Из клубов дыма, громыхая, на них
выкатились еще три танка.

Не веря своим глазами, Цуган лишь
покачал головой.

— Вулкан Милосердный... — тяжело
выдохнул он, как раз в тот миг, когда связь
с капитаном Кагаем была восстановлена.

В стальных глазах сержанта, когда
он посмотрел на Ягона, застыл немой
вопрос.

Да, они должны были отступить к
площади Аереона.

Так'ир был прав. Цуган скрипнул
зубами.

— Держать линию обороны! —
прокричал Кагай в свой передатчик. —
Здесь будет наш рубеж!

Саламандры стойко удерживали
занятые позиции, рассредоточившись
вдоль всей линии потрепанных укреплений
и ведя огонь короткими очередями. За
ними располагались бронированные
транспорты. Штурмовые болтеры
грохотали с турелей на крышах «Рино», а

двоенная штурмовая пушка «Огненной наковальни» визжала, не утолкая, обрушивая на противника ярость крупнокалиберного огня. Тем не менее штурмовые огнеметы «Пылающий шторм» на спонсонах «Лэнгрейджера» простаивали без дела.

Отступление всех трех штурмовых групп проходило куда менее осторожно, чем первоначальное наступление, и Саламандры довольно быстро воссоединились на площади Аереона.

Выложенная плитami мостовая площади почернела от огня и вся была усеяна выбоинами и воронками от бомбовых ударов. Рухнувшие колонны обступавшей площадь баллюстрады валялись по краям, а центральной доминантой площади была ныне поверженная статуя одного из имперских лидеров Стратоса, обнесенная покоренным ограждением. Здесь Кагай со своими бойцами и устроили оборонительный рубеж.

Культисты упорно шли навстречу плотному огню, словно адские травы.

группами выскакивали из каждой улицы, лезли из любой ниши. За несколько минут погибли сотни. Однако ужасные потери никак не влияли на их боевой дух, они медленно, но верно продвигались через простреливаемое космодесантниками пространство. На другом конце площади уже выросла гора трупов.

--- Дети огня! Враг не должен пройти! --- буживал Кагай, преисполненный яростного пыла своего прародителя, примарха Вулкана. «Выстоять!» --- это был один из главных императивов Кюльта Прометея. «Выстоять и победить!»

Свинцовые штормы налетали друг на друга в том ограниченном пространстве, где тысячи культистов обрушивали интенсивный огонь на оборонительные порядки Саламандр. Осколки оградительной стены и целые куски поверженной статуи разлетелись в стороны в этом дьявольском урагане.

Брат Зо'тан, получив осколок в левый наплечник, а затем еще один в шею, ухнул и упал на колени. Дак'ур, несмотря на то что его собственные доспехи сотрясались

от ударов, кинулся, чтобы его прикрыть, но ходу разряжая во врага ошеломленный у раненого товарища болтер. Между тем яростный заградительный огонь рвал мятежников на части разрывными зарядами, расчленил очередями тяжелых болтеров, крошил смертоносным градом из завывающих штурмовых пушек, которые уже накалились докрасна...

Но несмотря на все это, культисты не ослабляли натиск.

Дак'ур скрипнул зубами и взревел:

--- Не отступать!

Наконец орда мятежников стала редеть. Кагай приказал прекратить непрерывный огонь. Как дым от потушенного погребального костра, мятежники стали рассеиваться, бесшумно отступая во трак, пока последний из них не исчез с глаз Астартес.

Стойкость Салатандр остановила врага. Площадь Аереона удержана.

--- Мы победили? --- спросил Дак'ур, тяжело дыша и пытаясь вывести свое тело из сверхнапряженного боевого режима.

— Они расползлись обратно по своим нормам! — прорычал Кагай, в бессильном гневе сжимая зубы. — Город принадлежит им... Пока.

Отойдя от брестера, Кагай быстро расставил часовых, которые должны были охранять подходы к площади, и вышел на связь с техногесантником Арзосом, запрашивая подкрепление с «Ярости Вулкана» и вызывая «Громовай ястреб», который мог бы эвакуировать убитых и раненых. Боевые потери оказались намного серьезнее, чем ожидалось. Четырнадцать раненых и шесть убитых. Острее всего, конечно, переживалась утрата Фугиса.

Салатандры не были многочисленным орденом. То, что они едва не были почти полностью уничтожены во время одной из самых жестоких битв в начале Ересии, когда их предали бывшие братья, ощущалось и теперь, спустя почти десять тысяч лет. Тогда они были легионом, но сейчас орден насчитывал всего лишь около восьми сотен Астартес. Набор новых рекрутов проходил тяжело и медленно и обычно только лишь восполнял боевые

потери.

Без аптекаря с его уникальными медицинскими навыками все тяжелые раны, полученные бойцами Третьей роты Кагая, останутся незалеченными, что еще больше снизит общую эффективность боевых действий Саламангр. Но хуже всего было то, что генсека погибших в этом сражении будет потеряно, ведь из присутствующих на Стратоскопосантников ордена только Фугис обладал знаниями и техническими возможностями, необходимыми для надежного извлечения прогеноидов. А только этот биологический материал мог бы воссоздать новых костосантников и позволил бы пашии в последний раз послужить своему ордену.

С утратой аптекаря потери Третьей роты останутся навечно невосполнимыми, и этот прискорбный факт поверг Кагая в мрачное расположение духа.

--- Как только мы получим подкрепление, мы снова пойдем на штурм города! --- не успокаивался капитан.

--- Прежде чем штурмовать что-либо, нам следует полностью укомплектоваться. Тогда еретики будут сломлены! --- подтвердил Цу'ган, и по его сжатым кулакам было видно, какая ярость бушует в нем.

Оба они --- и Дак'ур, и Цу'ган --- сопровождали Кагая, когда тот отошел от бруствера, оставив ветерана-сержанта Н'келна решать организационные вопросы. Капитан растегнул зажимы и снял боевой шлем. Белая полоска волос намокла от пота, глаза пылали гневом.

--- Да... Они еще узнают, что Саламандр не так-то легко заставить отступить!

При этих его словах на лице Цу'гана появилась хищная улыбка.

Дак'ур же думал сейчас лишь о братьях, которые погибли... И о братьях, которые погибнут при следующем, пусть и более продуманном, штурме. Изменники засели на хорошо укрепленных позициях и значительно превосходят числом костодесантников. Без огнеметов, с помощью которых можно было бы

уничтожать засады и прочие ловушки противника, взломать оборону Цирриона будет очень сложно.

И тут произошло нечто, огни тьмы, тахом порушившее лелеемые капитаном планы отщепенца. С противоположной стороны площади Аереона, из дыма и клубов осегающей пыли, одна за другой стали появляться человеческие фигуры. Они выползали из своих потайных нор и, едва волоча ноги, сгорбив в отчаянии плечи, медленно брели к Саламанграм.

Глаза Дак'ира невольно расширились, когда он увидел, как же их много.

— Выжившие! Гражданское население Цирриона!

— Открой его! — проскрежетал драконоликий гигант.

Его пластинчатые силовые доспехи, чье функционирование обеспечивалось действием темной энергии, разгоняли тьму мерцающим свечением. Драконоликий со своими воинами наконец добрался до подземной стальной камеры, которая заканчивалась огромными

портальными воротами из сверхпрочной
пластали.

Вперед выступил грудой великан,
облаченный в красную чешую стального
панциря. Струйки дыма одна за другой
вырывались из решетчатого забрала на его
рогатом шлеме. Шипение и хриплое
дыхание стали громче, а затем воин в
рогатом шлеме изверг яростное пламя.
Вырвавшись из-под его забрала, струя
белого огня с ревом ударила в двери склепа
и жадно охватила их.

Тугоплавкие засовы из пластали в
считанные мгновения почернели и
покрылись коррозией; слои абляционного
керамита один за другим стекали на
землю, а затем и сама дверная плита из
адамантия, раскалившись добела, осела
вниз сгустком лавы.

Воины попали сюда, быстро миновав
станцию маглева и углубившись в один из
малоизвестных «подземных» коридоров
Цирриона. Никто не видел, как они сюда
шли. Их предводитель лично проследил,
чтобы в состоявшейся чуть ранее резне не
выжил ни один свидетель. Где-то через час

они достигли цели своего путешествия. Сюда, в городские катакомбы, не могли проникнуть облака с опасной концентрацией водорода. Война была где-то далеко: глухие звуки боев, которые еще велись в отдаленных секторах Цирриона, едва пробивались сквозь множество слоев металла и камнебетона.

--- Это здесь? --- спросил третий воин, когда обугленный проем сожженного портала понемногу стал остывать. Голос прозвучал, как булькающая лава.

Внутри виднелись сотни сейфовых шкафов, принадлежащих аристократическим домам Стратоса, здесь они держали самые драгоценные для себя вещи. Но мало кто мог даже подумать об артефакте, который преспокойно лежал в одном из этих стальных ящиков. Даже увидев его воочию, немногие бы догадались о его значении и тех ужасных, разрушительных силах, которые он способен выпустить на свободу.

--- О да... --- ответил огнедышащий воин, прикрыв глаза с красно-малиновыми веками и восстанавливая растраченные

силы. — Это точно здесь... Где он и говорил.

Все новые группы отчаявшихся, измученных стратосийцев выходили на площадь Аереона.

Одежда большинства из них представляла собой лохмотья. Некоторые шли, сгудорожно вцепившись в свои жалкие пожитки — остатки попорченного огнем имущества, последнее напоминание о той жизни, которую они некогда вели в Циррионе и от которой не осталось ничего, кроме пепла. Лица многих были замотаны обрывками шарфов или полосками грязной ткани, предохраняющими носы и рты от ядовитых паров испорченной атмосферы. Лишь у немногих были старые респираторы, и время от времени они делились с соседями, так что толпа разбивалась на маленькие группы горожан, которые пускали по кругу чаши дыхательных приборов. На Саламандроводород не оказывал такого пагубного воздействия, поскольку легкие Астартес и

их оолитовые почки, функционируя как
единая защитная система, могли
выделить и отфильтровать любой
токсин. Это позволяло теперь воинам
свободно дышать даже в смертельной для
обычного человека атмосфере.

--- Город парализован страхом, ---
произнес Ба'кен, когда последний осколок
шрапнели был извлечен из его лица.

Саламандр сидел, привалась к
брустверу, в то время как брат Емек,
обладавший базовыми навыками полевой
хирургии, оказывал ему первую помощь.
Боевой шлем Ба'кена едва не разнесло на
части в результате ужасного взрыва,
который вывел из строя его любимый
огнемёт, и еще довольно много осколков
засело в его теле.

--- И это только первые из них, брат, ---
отозвался Дак'ур, с жалостью глядя на
печальную картину прохождения
выживших граждан, минующих
выставленные Саламандрами посты.

Между тем площадь Аереона
постепенно заполнялась людьми. Дак'ур
немного прошел вслеп за нестройными

толпами несчастных, которых солдаты Стратосского авиакорпуса, провожали до ворот Цирриона. Там, насколько он знал, простаивал без дела батальон бронетехники, который хоть сейчас был готов сопровождать выживших на их пути по небесному мосту в относительно безопасный Нилбарос. Уже около сотни граждан подошли к городским воротам, но еще больше толпилось на площади. Солдаты авиакорпуса из всех сил старались обеспечить всемирно организованный выход из города.

— Почему они только теперь к нам вышли? — спросил Ба'кен, благодарно кивнув Емеку, когда тот наконец закончил извлекать из него осколки шрапнели.

Раны Ба'кена уже заживали: клетки Парратана в крови Астартес ускоряли как свертывание, так и зарубцовывание рассеченных тканей, а вживленная в мозг осстогула способствовала быстрому сращению сломанных костей и даже регенерации утраченных частей тела и органов.

Дак'ур пожал плечами:

— Полагаю, узнали, что противник для консолидации сил отошел на новые позиции, где бы они ни находились. Плюс наше прибытие, должно быть, как-то заставило их встрепенуться. Заставило потянуться к нам за спасением.

— Мрачное зрелище.

— Да уж... — согласился Дак'ур, внезапно погрузившись в раздумья.

Война на Стратосе неожиданно предстала пред ним совсем в другом свете. Теперь это была уже не просто война за территорию, обнесенную колючей проволокой, или за подвергшееся порче место, но война за город, который молил об избавлении. За город, который отдал уже все, что только можно отдать, и чье лицо, как оказалось, могло быть простым, невинным и напуганным...

Отведя взгляд от бредущих мимо него человеческих теней, сержант увидел то, что осталось после боя от их лагеря.

Ограда периметра представляла собой нечто вроде демаркационной линии, которая разделяла две территории. Тут, что находилась под контролем

Салатандр, и тѹ, что ѹдерживал за собой «культ Истины». В том, что им следует держать оборону именно здесь, Кагай был непреклонен. Пара самоходных орудий «Громобой», лязгая гусеницами, непрерывно патрулировали площадь, и по гудению их сервоприводов можно было понять, что техногесантники прогоняют орудия по боевым программам, проверяя степень их готовности к различным режимам стрельбы.

В течение следующего часа на площадь Аереона прибыл брат Арзос, который привез с собой артиллерию и своих братьев-техногесантников.

Стало ясно, больше подкрепления не будет.

Из-за густого слоя облаков с низким термальным давлением, что испаряли богатые хлором океаны планеты, в верхней атмосфере Стратоса разразились свирепые бури с грозами. Теперь ни о какой посадке «Громовых ястребов» говорить не приходилось, и все виды связи с планетой были серьезно нарушены. Кагай и его Салатандры, первыми осуществившие

выброску, оказались огни — факт, который они приняли стоически. Что ж, придется довольствоваться тем, что есть.

— У сколько же наших павших братьев отправится в долгую тьму? — вернул Дак'ира в реальность голос Ба'кена.

Здоровяк-огнететчик глядел на медицинские контейнеры с телами убитых и тяжелораненых, стоящие на дальней стороне периметра.

— Надеюсь, меня никогда не постигнет подобная участь... — признался он шепотом. — Быть замурованным в утробу... Существовать без ощущений в потеркнувшем мире и вечно прозябать в холодном саркофаге... Пусть уж лучше меня поглотит огонь сражения!

— Это великая честь — вечно служить ордену, Ба'кен, — урезонил боевого брата Дак'ир, хотя упрек его и прозвучал довольно мягко. — В любом случае мы не знаем, какая судьба их ждет, — прибавил он. — Не считая тех, кто уже утер...

Тела павших воинов Третьей роты ожидали транспортировки на Нилбарос. Там, пока не утихнет шторм, они должны

будут храниться на борту «Огненной
виверны», чтобы потом этот «Громоподобный
ястреб» смог вернуть их на «Ярость
Вулкана», где они будут погребены в
пиреуме ударного крейсера.

Все погибшие Саламандры, после
извлечения их прогеноидов, прямо в своих
доспехах испепелялись в пиреуме, и этот
прах использовался в Кulte Прометея для
того, чтобы почтить их погуб и
укрепить боевой дух живущих. Эти
священные практики мог проводить лишь
капеллан, а поскольку на данный момент
Элизия не было в составе роты, то до его
воссоединения с боевыми братьями — или
до возвращения на Ноктюрн — этот прах
должен был храниться в крематории
ударного крейсера.

Все эти мрачные размышления
неизбежно приводили к мыслям о гибели
апотекария Фугиса, которая случилась
так не вовремя.

— Я говорил с ним, до того как мы
отправились на задание... До того, как он
погиб, — глядя куда-то вдаль, промолвил
Вдрүг Дак'ур.

--- С кем?

--- С Фүзисом. В изоляционной камере на борту «Ярости Вулкана».

Ба'кен поднялся и, разминая затекшие спину и плечи, потянулся за своим наплечником, который снял, чтобы брат Емек смог вправить ему вывихнутое в бою левое плечо.

--- У что он тогда сказал? --- спросил воин, утело прилаживая доспех.

--- «Не все из нас хотят вернуться. У не всех из нас можно вернуть!» Я этих слов никогда не забуду... --- Дак'ур задумчиво покачал головой, пристально взглядываясь во тьму за пределами площади Аереона. --- Не думаю, что мы здесь одни, Ба'кен, --- выговорил он наконец.

--- Ясное дело, что не одни --- мы воюем здесь с тысячными ордами!

--- Нет... Здесь есть и кое-кто еще.

Ба'кен нахмурился:

--- И кто же это может быть, брат?

Тут в голосе Дак'ура слышалась твердость камня:

--- Кое-кто похуже.

Десантный трюм «Огненной наковальни», куда попал Дак'ур, когда вошел в «Лэнгрейдер», светился тусклым сиянием. Медленно вращающаяся посреди отсека схематическая голограмма отбрасывала лучи резкого синего света на лица собравшихся здесь Астартес. Четверо присутствующих здесь Саламандр уже сняли свои боевые шлемы. В полутраке трюма глаза их светились теплым огнем, что резко контрастировало с холодным свечением гололитического изображения Цирриона.

Вызванный Кагаем на совещание, Дак'ур оставил Ба'кена на краю периметра, приказав тому проверить вооружение и быть готовым к новому штурму Цирриона.

— Без применения огнеметов и мелт стоящая перед нами задача серьезно осложнилась, — сказал Кагай и, заметив вошедшего Дак'ура, кивнул ему в знак приветствия.

Также поступил и Н'келн. Цу'ган же не выказал подобной доброжелательности и только сильнее нахмурился.

--- С точки зрения тактики, мы можем удерживать площадь Аереона почти бесконечно, --- продолжал Кадай. --- Орудия «Громобой» вполне могут защищать линию нашей обороны даже без подкрепления с «Ярости Вулкана», которое со временем, конечно, придет, чтобы восполнить наши потери. Глубоко проникнуть в город будет совсем не просто...

То, что ожидаемого подкрепления не будет, стало для всех жестоким ударом, и Кадай был вне себя от гнева, узнав эту новость. Однако твердый как гранит прагматизм вместе с присущими Саламанграм самоотречением и привычкой полагаться на собственные силы оказались сильнее. Весь свой недюжинный ум капитан направил на решение поставленной задачи с использованием лишь тех сил, которые на данный момент были у него под рукой. Вынужденный как-то компенсировать потери, Кадай объединил три группы опустошителей в два отделения под командованием Лока и Олмара, а раненого

Ул'шана отдал под начало двух других
сержантов. Они не получили подкрепления,
и фортирование этих двух тактических
отделений должно было сделать
понесенные потери просто менее
ощутимыми.

--- Теперь, когда Фугиса нет с нами, я
бы не хотел рисковать жизнями боевых
братьев, бросая их в неизвестность, ---
говорил Кагай, а игра света и тени на его
лице делала его похожим на призрака. ---
Еретики закрепились и хорошо вооружены.
Нас мало. Это не представляло бы
большого затруднения, если бы мы могли
использовать наши огнеметы, но мы не
можем!

--- Есть ли возможность очистить
атмосферу? --- спросил Н'келн.

Из-за ранения в грудь, полученного им
во время отступления к площади Аереона,
его речь сопровождалась свистящим
дыханием.

Н'келн был опытным и надежным
воином, но лидерство давалось ему
непросто, поскольку ему не хватало
хитрости --- качества, совершенно

необходимого для офицера высшего ранга. Вместе с тем никто не мог его упрекнуть в отсутствии храбрости, которую он продемонстрировал не раз и не два. Он задал очевидный и необходимый вопрос.

Теперь в круг мерцающего света схематической голограммы вступил брат Аргос.

Капюшон техногесантника был опущен. Левую часть его лица обрамляла стальная пластина с гравировкой в виде оскаленной саламандры. Шрамы от ожогов, которые оставили на теле Аргоса жрецы-клеймовщики, полоскати и завитками украшали кожу воина. Холодный блеск бионического глаза резко контрастировал с горячим красным светом глаза природного. Порты разъемов, как стальные опухолы, выступали на его гладком черепе, а исходящие из них тонкие провода исчезали у Аргоса в ноздрах.

Он заговорил, и полутрак трюма заполнил глубокий металлический голос:

--- Выбросы водорода, контролируемые атмосферными очистителями Цирриона,

представляют собой газообразную смесь, которую используют на Стратосе для наполнения дирижаблей. Это менее летучее соединение, чем сам водород, благодаря чему болтеры все же функционируют здесь нормально. Хотя мне и удалось получить доступ к некоторым из внутренних городских систем, атмосферные очистители пока остаются за пределами моего понимания. Тут требуется местный инженер — кто-то, кто с самого начала поддерживал систему в рабочем состоянии. К сожалению, сейчас просто нет возможности отыскать кого-то, достаточно компетентного, даже если такой человек есть среди выживших или находится в захваченном городе.

Арзос сделал паузу и затем продолжил:

— Сожалею, братья, но на данный момент любое применение зажигательных средств в городе приведет к катастрофическим последствиям.

— Одно можно сказать точно, — снова взял слово Кадай. — Наличие в городе

выживших препятствует проведению
сколько-нибудь массированной атаки. Я не
стану без крайней нужды подвергать
опасности жизни невинных!

Цу'ган покачал головой:

--- Брат-капитан, при всем
уважении... Если мы будем бездействовать,
жертв будет намного больше.
Единственный выход для нас --- одной
мощной группой двинуться на Циррион и
овладеть им! Матежники не ожидают
такого дерзкого шага!

--- Никто не сделает нас неуязвимыми
для их оружия! --- возразил Дак'ур. ---
Предлагая такой план, ты подвергаешь
риску не только стратосийцев, но и своих
боевых братьев. Этот дерзкий шаг будет
стоить жизни слишком многим из нас. Ты
же не хочешь увеличить список потерь?

Лицо Цу'гана исказил гнев.

--- Сыны Вулкана! --- вскричал он,
ударяя себя в нагрудник доспеха, ---
Огненнорожденные! --- добавил он, сжимая
кулаки. --- Вот кто мы такие! «На
Наковальне Войны» --- вот наш девиз! Я не
убоюсь битвы и смерти, даже если их

боишься ты, изнеец!

--- Я не боюсь ничего! --- огрызнулся
Дак'ур. --- Но я также не хочу без особой
причины бросать в топку войны моих
братьев!

--- Хватит! --- Голос капитана
мгновенно пресек грызню между
сержантами.

Кадай смотрел на них, и глаза его
горели яростью, порожденной
демонстрацией такого неуважения к
товарищам по оружию.

--- Заканчивайте со своей враждой! ---
предупредил он их уже не так гневно. --- Я
этого не потерплю. У нас уже есть враг!

Извинившись, сержанты склонили
головы, но прежде успели обменяться
колючими взглядами.

--- Никакого массированного
наступления не будет, --- еще раз
подтвердил свое решение Кадай. --- Однако
это не значит, что мы станем
бездействовать. Эти одержимые еретики
управляются какой-то внешней силой.
Никакая идеология, какого бы
фанатичного подчинения она ни

требовала, не может довести до такого...
безумия, -- добавил он, повторяя
предположение, прежде уже высказанное
Фугисом.

При воспоминании о нем у Кагая
дернулся уголок рта.

-- Церофант этого культа, некий
Оратор, и есть ключ к победе на
Стратосе.

-- Ликвидация лидера, --
констатировал Цу'ган с одобрением и
скрестил руки на груди.

Кагай кивнул:

-- Брат Арзос обнаружил некое
строение, называемое Аүра Церон, которое
располагается в самом центре храмового
сектора. По данным разведки полковника
Танхаүзе, этот демагог там. Туда мы и
направимся. -- Капитан одним взглядом
покинул отсек. -- Два боевых отделения,
составленные из опустошителей,
останутся здесь вместе с братом Арзосом,
который, как и прежде, будет нас
направлять. Эта небольшая группа вместе
с «Громобаями» будет удерживать
площадь Аереона, а также защищать

выживших, если они появятся.

При этих словах Цу'ган нахмурился:

--- Площадь Аереона в ее нынешнем виде больше напоминает лагерь беженцев. Солдаты авиакорпуса не могут достаточно оперативно выводить отсюда выживших. Гражданские только болтаются у нас под ногами. Наша задача — сокрушить орду и очистить это место от скверны. Как сложатся у нас дела, достигнут ли наши силы ради защиты людей? Нам следует собрать всех боевых братьев, какие только находятся в нашем распоряжении!

Кадай весь подался вперед. Глаза его сверкнули, как раскаленные угли, и, казалось, затмили холодный свет гололитического изображения.

--- Я не брошу их, Цу'ган. Мы не Злобные Десантники, не Расчленители и не такие, как некоторые из наших кровожадных братьев. У нас совсем другие девизы, одним из которых мы, Саламандры, особенно гордимся. Мы защитим невинных, если...

Сильная дрожь вдруг сотрясла

«Огненную наковальню», и гулкие раскаты мощного взрыва были слышны и сквозь бронированный корпус машины.

Брат Арзос тут же опустил аппарель, и Саламандры выпрыгнули из «Лэндрейгера».

Огонь и дым поднимались над черным кратером в самом центре площади Аереона. Ускалеченные трупы нескольких гражданских, а также растерзанные взрывом тела солдат авиакорпуса разбросало вокруг. Какая-то женщина пронзительно закричала на другой стороне площади. Она упала, пытаясь убежать от какого-то человека, сжимавшего в руке осколочную гранату.

Почти в то же мгновение в руках у Цугана оказался комбиболтер, и он немедленно прострелил психу грудь. Выпав из рук мятежника, граната взорвалась.

Бегущая женщина, как и несколько человек поблизости, были тут же поглощены взрывом. Паника начала захлестывать площадь.

Взревев, как зверь, Кагай призвал

людей к порядку, в то время как его
сержанты и бойцы утиряли истеряющую
толпу.

Очевидно, что несколько культистов
внедрились в группы идущих к площади,
натереваясь спровоцировать массовые
беспорядки среди беженцев. И в этом они
преуспели. Респираторные маски, шарфы и
тряпки для защиты от ядовитой
атмосферы отлично скрывали их защитные
рты, позволяя культистам пройти
незамеченными не только мимо
стратосских солдат, но и мимо Астартес.

Ко'тан Кагай стоял на коленях, держа
в руках искалеченное тело женщины, к
которой он подбежал сразу после того, как
рассеялся дым от взрыва. Она выглядела
столь маленькой и хрупкой рядом с
могучим телом Астартес, что казалось,
оставшиеся у нее несломанными кости
рассыпятся от малейшего его
прикосновения. И все же он держал ее
нежно, как отец, когда качает на руках
свое дитя. Она прожила еще несколько
мгновений. Затем ее полные слез глаза
остановились, и кровь перестала течь из

ран.

--- Брат-капитан... --- поодойдя и встав
рядом, отважился наконец заговорить с
Кагаем Н'келн.

Кагай осторожно положил мертвую
женщину на землю и встал во весь рост.
На его черном лице осталась тонкая
полоска багровых пятен. Если капитан и
испытал в какой-то момент чувство
растерянности и ужаса, то сейчас оно
стенилось гневом.

--- Два отделения! --- объявил он свое
окончательное решение, и его твердый, как
сталь, взгляд нашел Цу'гана. Тот
благодушно решил не выражать своего
неудовольствия. --- Проверять каждого...
Каждого!

--- Теперь мы знаем, почему выжившие
вышли из своих укрытий. Сами культисты
захотели этого, чтобы вытворять
такое... --- тихо сказал Ба'кен Дак'уру, и
оба Саламангра глядели на своего
командира.

Кагай коснулся рукой лица и только
потом заметил кровь на своих пальцах.

--- Нам бы только вывести команду

ликвидаторов на Оратора... Тогда
решилось культистов бюджет
поколеблена, -- пообещал он убежденно. --
Выступаем немедленно!

Пять километров, заполненных
колючей проволокой, противотанковыми
ежами и руинами разрушенных зданий.
Отряды культистов-живодеров рыскали
среди руин в поисках выживших граждан,
террористы-смертники, вцепившиеся
грозящими пальцами в чеки гранат,
прятались в нишах опустевших зданий,
жрецы-потрошители вели за собой толпы
фанатиков с защитными ртами -- все это
присутствовало на том «оптимальном»
маршруте к Аура Церону, который смог
найти для своих боевых братьев
техногесантник Арзос.

Пройдя два километра по этой адской
дороге, с боями пробившись сквозь засады,
без конца испытывая удачу, обходя мины-
ловушки, группа Саламандр в очередной
раз зашла в тупик.

Они стояли перед протяженной узкой
эспланадой, засыпанной колотым

пластобетоном. Через каждые три-четыре метра находились противотанковые ежи, каждый из которых был увенчан толстыми колючей проволокой. Выпуклые черные панцири закопанных мин тускло сияли, как спины каких-то зарывшихся в землю насекомых. Прогеланные в мостовой сквозные смертоносные ямы были тщательно замаскированы ляментами, использовавшими при этом всю свою стекалку.

Убойное, простреливаемое со всех сторон пространство -- и Саламандра придется его пересечь, если они хотят достигнуть Аура Церона! На другой стороне хорошо была видна жирная серая линия из небетонных бункеров, дополнительно укрепленных бронированными щитами. Из смотровых щелей с неумолчным треском вылетали трассирующие снаряды, время от времени сопровождаемые глухим пульсирующим гролом тяжелой артиллерии. Заливавший «ничью землю» огонь был настолько плотен, что рассеивал тьму и озарял окрестности в своих жутких монохромных тонах.

Салатандры были не первыми, кто попытался здесь пройти. Лежащая перед ними земля вся была просто вытощена трупами стратосских солдат.

--- Обходного пути нет! --- прозвучал короткий доклад Дак'ира после проведенной сержантом рекогносцировки, в ходе которой он пытался, но не смог найти другой угол атаки. На такой узкой полоске пространства, где едва могли развернуться с десяток костогесантников, боевая эффективность Салатандр серьезно снижалась.

Капитан Кадай мрачно глядел в будущий огненный водоворот. Инфернальная Гвардия и опустошители под командованием сержанта Откара стояли рядом, ожидая своей очереди сражаться.

Впереди, не более чем в пятидесяти метрах от них, Цу'ган с бойцами своего отделения, засев за противотанковыми ежами, вел непрерывный ответный огонь, в то время как сержант Лок и его опустошители обеспечивали поддержку болтерами. За каждый мучительно

пройденный метр было заплачено кровью, и
трое пехотинцев Цу'гана уже получили
ранения, но сержант все еще был твердо
намерен продвигаться дальше и, подойдя к
врагу на достаточно близкое расстояние,
забросать его противотанковыми
гранатами.

Проходящая через город линия
фронта была очень протяженной.
Саламангры продавили ее так далеко, как
смогли, и дорого заплатили за это.
Мятежники очень крепко окопались в
своих укрытиях.

Кадай, как волк, рыскал по линии
фронта, тщетно пытаясь отыскать у
противника хоть одно слабое место.

— Что ты обнаружил, сержант? —
спросил он своего второго сержанта.

— Только непроходимые завалы и
глубокие расщелины без шансов на
переправу. Тянутся на километры с
востока на запад, — отвечал Дак'ур. — Мы
смогли бы вернуться назад, капитан...
Попросить Аргоса, чтобы он нашел для нас
другой маршрут?

— Не всякие укрепления Имперских

Күлаков, что мне доводилось видеть, были так защищены... -- пробормотал себе под нос Кагай и лишь затем повернулся к Дак'уру. -- Нет! Мы прорвется здесь или не прорвется нигде.

Дак'ур уже хотел ответить, когда в передатчике прозвучал голос Цү'гана:

-- Капитан, мы можем продвинуться еще на пять метров! Прошу разрешение начать передислокацию отделения.

-- Отказано. Возвращайся назад, сержант, и скажи Локу, чтобы держал линию обороны. Нам нужен новый план.

То, что Цү'ган не согласен, было понятно по паузе, которая повисла в voxе, однако уважение сержанта к Кагаю было абсолютным.

-- Будет исполнено, мой господин.

-- Нам необходимо подойти на достаточно близкое расстояние, чтобы бросить противотанковую гранату и разрушить стену!.. -- объяснял Цү'ган, когда вернулся на вторую линию Саламангр, соединившись с Дак'уром и Кагаем и оставив Лока держать фронт. --

Решительная фронтальная атака! Вот единственный способ решить поставленную задачу.

--- Атака через «убойное пространство» --- это безумие! --- возразил Дак'ур.

--- Застрав здесь, мы только тратим боеприпасы, --- не уступал Цу'ган. --- Ты можешь предложить что-нибудь еще?

--- Должен быть другой путь! --- настаивал Дак'ур.

--- Отступление, --- просто сказал Цу'ган и, сделав паузу, чтобы эта мысль отложилась в сознании остальных, продолжил: --- Как бы ни была противна мне эта мысль. Ведь если мы не прорвемся, Циррион будет для нас потерян. Отступить и вызвать на подмогу «Огненную виверну»! --- пояснил он свою идею Кагаю. --- Затем, используя ее ракетный запас, уничтожить гравитационные двигатели и отправить весь этот адский город на дно океана!

Капитан, однако, не спешил соглашаться.

--- Я буду проклят за гибель тысяч

невинных!

--- Но спасете миллионы! --- убежденно сказал Цу'ган. --- Если мир осквернен без надежды на очищение или потерян в результате захвата, мы ведь уничтожаем его, удаляем, как раковую опухоль! Также должно поступать и с городами! Стратос еще можно спасти, Циррион --- нет!

--- Ты, Цу'ган, говоришь о массовом убийстве как о чем-то обыденном, --- возразил Кадай.

--- Таков жребий воина, мой повелитель. Мы созданы, чтобы сражаться и убивать, именем Императора нести порядок во вселенную!

Голос Кадая стал жестким.

--- Мне известно наше предназначение, сержант! Не тебе напоминать мне о долге!

Цу'ган виновато склонил голову:

--- Я не хотел никого оскорбить, мой лорд.

Кадай был взбешен, потому что знал: Цу'ган прав. Циррион уже потерян. Глубоко вздохнув, он включил свой передатчик, чтобы выйти на связь с Астартес за пределами города.

--- Сначала нужно, чтобы брат Арго включил систему автоматического устранения поломок на Стратосе... А также взорвал все небесные мосты, что соединяют Циррион, иначе он утянет за собой целую гроздь соседних городов, --- громко произнес он, беседуя сам с собой, и лишь затем обратился к передатчику.

--- Вызываю брата Хек'ена!

Пилот «Огненной виверны» вышел на связь. Его «Громовай ястреб» стоял сейчас на посадочной платформе у самого въезда в Нимбарос.

--- Слушаю, мой лорд!

--- Приготовьте машину к экстренному взлету и будьте готовы стрелять «Агскими ударами». Мы покидаем город. Вы получите от меня приказ в течение...

Передатчик в шлеме заверещал, прервав капитана на полуслове. Из-за искажений и помех сначала было трудно разобрать, чей это голос, но затем, когда Кадай его узнал, горячая кровь Саламандра словно застыла на мгновение.

Это был голос брата Фугиса.

Апотекарий все еще жив!

--- В результате падения я потерял сознание. Когда пришел в себя, понял, что нахожусь на одном из нижних городских уровней. Они проходят на глубине до двух километров --- там достаточно места, чтобы можно было разместить двигатели подземных устройств. Это чертовски запутанный лабиринт! --- с обычной желчью в голосе объяснил братьям Фугис.

--- Брат, ты ранен? --- спросил Кагай.

Последовала пауза, нарушаемая треском статики, и на мгновение Саламангры подумали, что потеряли аптекария снова.

--- Я получил некоторые повреждения... как и мой гонимец. У меня ушло много времени на то, чтобы починить передатчик шлема, --- наконец вернулся голос Фугиса.

В коротких паузах между предложениями можно было услышать его дыхание. Неровное и прерывистое. Аптекарию пришлось прилагать немалые усилия, чтобы не показывать свою боль.

--- Ты можешь определить свое точное местоположение, Фүзис? --- Помехи вновь нарушили связь. --- Мы поняли, что это комплекс туннелей под поверхностью города. Но это может быть где угодно.

Кагай повернулся к Дак'иру:

--- Свяжись с братом Аргосом. Пусть попробует заперенговать источник сигнала Фүзиса и сообщит координаты.

Дак'ир кивнул и приступил к выполнению, в то время как снаряды тяжелых пушек, с шипением рассекая воздух, пролетали у него над головой один за другим.

--- Послушайте, --- сказал Фүзис, когда треск атмосферных помех усилился. --- Я не один. Тут есть выжившие горожане. Они укрылись внизу, когда начался мятеж, и прячутся здесь до сего дня... --- Последовала еще одна пауза, когда библиотекарь обдумывал свое следующее предложение. --- Город еще не наш...

Кагай объяснил ситуацию с водородной стесью в атмосфере Цирриона, не позволяющей использовать огнететы и телты, и насколько это только осложняет

то обстоятельство, что культисты
прекрасно подготовлены и хорошо
закрепились в городе.

--- Выглядит так, как если бы они
знали нашу тактику, --- заключил он.

--- Газ пока еще не проник так
глубоко, --- сказал Фүгис. --- Но возможно, я
знаю, как это исправить.

--- Как?! Скажи, брат! --- Надежда
наполнила голос Кагая.

--- Здесь есть инженер. Среди
беженцев. Его имя Банен. Если нам
удастся вывести его из города и поручить
технодесантникам, атмосфера Цирриона
может быть очищена...

В последовавшей за этими словами
паузе таилось нечто зловещее и
неотвратимое.

--- Однако это потребует своей цены, ---
сквозь треск статики пояснил Фүгис.

Кагай стиснул зубы.

--- Всему есть цена...

Апотекарий продолжал:

--- Чтобы очистить атмосферу
Цирриона, придется прогнать сквозь
фильтры весь имеющийся здесь воздух.

Атмосферная стабильность города будет полностью нарушена. Воздух при этом будет разрежен настолько, что многие задохнутся прежде, чем его концентрация и состав восстановятся. Тех же, кто прячется в удаленных от центра районах города, далеко от горячего сердечника подъемных двигателей, вероятно, ждет смерть от холода.

Оптимизм Кагая быстро угас.

--- Чтобы спасти Циррион, мне придется погубить его жителей?

--- Некоторые могут выжить, --- предположил Фүзис, хотя в его словах и не было убежденности.

--- Очень немногие, и это в лучшем случае, --- заключил Кагай. --- Нет, это не выход.

Идея вывести из строя городские гравитационные двигатели выглядела довольно скверно. Но эта казалась еще хуже. Саламандры, чей орден гордился своей гуманностью, своей присягой защищать слабых и невинных, одиноким холокост просто заменяли другим.

Кагай сжал рукоять своего громового

молота. Молот был черным, с тяжелым массивным бойком, похож на подлинное оружие кузнеца. Капитан придал ему такую форму в глубоких недрах Ноктюрна, и он отчетливо помнил, как текущая лава отбрасывала на его черную кожу теплое оранжевое сияние. Как же хотел Кагай вернуться туда сейчас! К наковальне и к жару кузницы! Молот был символом. Он был подобен тому оружию, с которым примарх Вулкан поднялся на защиту мира, ставшего ему родиной. В молоте Кагай нашел сначала решение, а потом и силу, необходимую для того, чтобы совершить, что должно.

--- Мы идем за тобой, брат! --- сказал он со стальной решимостью в голосе. --- Береги инженера. Пусть к нашему прибытию он будет готов отправиться в путь.

--- Я буду держаться до последнего.

В воксе вновь воцарился белый шум.

Кагай ощутил, как покорность судьбе тяжелой мантией легла ему на плечи.

--- Брат Аргос зафиксировал источник сигнала и передал его

координаты на наш аусник, -- сообщил ему
Дак'ур, отвлекая капитана Саламандр от
мрачных мыслей.

Кагай кивнул.

-- Сержанты, вернитесь к своим
боевым группам! Остальные останутся
здесь, -- сказал он и позвал своего
помощника. -- Н'келн! -- обратился Кагай к
своему ветерану-сержанту. -- Ты
возглавишь операцию по вызволению
Фугиса и инженера.

-- Мой повелитель! -- воскликнул
Цу'ган.

-- Как только мы уйдем, мятежники
почти наверняка отведут отсюда свои
силы. Мы не сможем удержать их здесь,
лишь обороняя отвоеванную территорию, --
объяснил Кагай. -- А нам нужно, чтобы их
внимание было приковано к месту, которое
выберет мы.

-- Капитан, это самоубийство! --
прямо сказал ему Дак'ур.

-- Возможно. Но я не могу рисковать
Фугисом и инженером. Их выживание --
вопрос первостепенной важности. Путь
Прометея есть самопожертвование.

сержанты, -- вы это знаете.

-- При всем уважении, капитан, --
вступил в разговор Н'келн. -- Брат
Маликант и я хотели бы остаться и
сражаться вместе с остальными.

Стоящий позади ветерана-сержанта
Маликант, ротный знаменосец, уверенно
кивнул.

Оба Саламангра уже были ранены в
этой злосчастной кампании по
освобождению Цирриона. Маликант из-за
ранения в ногу, полученного при взрыве
бомбы на площади Аереона, тяжело
опирался на древко знамени, а Н'келн все
время кривился от боли в сломанных
ребрах.

Кадай был вне себя от ярости:

-- Ты отказываешься подчиняться
моему приказу, сержант?

Несмотря на гнев капитана, Н'келн
стоял на своем:

-- Так точно, мой лорд!

Кадай сверкнул на него глазами, но
гнев его тут же угас, когда он осознал
смысл слов ветерана-сержанта. Он обнял
Н'келна за плечо:

--- Держитесь, сколько сможете. Покидайте укрытия, только когда это будет необходимо, и быстро наносите удар. Возможно, вам удастся проскочить под обстрелом без особых потерь.

Салютуа, Н'келн ударил кулаком в нагрудник и вместе с Маликантом вернулся на позиции, присоединяясь к ожидающим их там боевым братьям.

--- Теперь это дело чести, --- произнес капитан, глядя вслед двоим Салатанграм.

Они были исключительными воинами. Как и все его братья. Капитана переполняла гордость за всех и за каждого в отдельности.

--- Фугис ждет. В огонь битвы, братья!

--- На наковальню войны! --- торжественно подхватили все, как один.

Салатангры повернулись и, не оглядываясь назад, пошли прочь от своих братьев, оставив тех наедине с их собственной судьбой.

Туннели выглядели заброшенными.

Ба'кен медленно поводил из стороны в

сторону дулом тяжелого болтера, его натренированные чувства были обострены до предела.

--- Слишком тихо...

--- Ты предпочел бы бой? --- через передатчик отозвался Дак'ир.

--- Да, --- честно признался Ба'кен.

Саламандры разбились на две группы, идущие по обе стороны туннеля, и сержант шел на несколько метров впереди своих бойцов. Каждый костюгесантник соблюдал дистанцию в несколько метров от идущего впереди него брата и, принимая во внимание вероятность засады, прикрывал его с тыла и флангов. Встроенные в шлем люминаторы резкими лучами освещали темные коридоры, и в созданных ими густых тенях воображение рисовало бесчисленные опасности.

Саламандры, как на маяк, шли на сигнал апотекария. Сначала сигнал повел их на юг, туда, откуда они пришли и где, как выяснилось, находился скрытый вход на нижние уровни Цирриона. Бесчисленные туннели не были отображены ни на одной из схем города, поэтому Аргос ничего не

мог знать о них. Подземный комплекс коридоров и бункеров принадлежал частным лицам из числа стратосской аристократии. Вмонтированные в стены туннеля двери автоматически раздвигались перед удивленными воинами, производя едва слышный, таинственный шум сжавленного воздуха и приглашая их в богато обставленные комнаты с покрытой пылью мебелью.

Несмотря на то что эти комнаты были не закрыты и никем не охранялись, сокровища, лежащие там, оставались нетронутыми. Некоторые камеры были забиты техникой, подключенной к криогенным резервуарам. Разросшаяся там темнокрасная плесень заполнила все слои застоявшегося геля. Разлагающиеся, раздувшиеся тела опустились на самое дно и лежали, уткнувшись в стекло резервуаров. Системы жизнеобеспечения пришли в негодность, как только в Циррионе было нарушено энергоснабжение.

Кадай резко вскинул руку, и Саламандры остановились.

Невдалеке Ягон, шедший в одной

цепочке с Цу'заном, сверялся с показаниями
ауспика.

--- Впереди биообъекты! Расстояние ---
пятьдесят метров! --- прошипел он в
передатчик.

Узкое пространство туннеля
наполнил лязг болтерных затворов.

Кагай опустил руку, и Саламангры
начали медленно продвигаться вперед, по
ходу стыкаясь в одну группу. До сих пор они
не встретили никаких признаков
присутствия культистов, но это не
значило, что их здесь нет.

Дак'ир услышал впереди шум
движения и металлический скрежет.

--- Молот! --- прозвучал голос из
темноты, сопровождаемый звуком
взводимого болтера.

--- Наковальня! --- произнес Кагай
другую половину пароля и опустил свой
болт-пистолет.

Впереди, метрах в двадцати от них,
раненый Саламангр, привалясь к стене
туннеля, медленно опустил руку с
оружием.

Облегчение в голосе капитана все

ощутили почти физически.

--- Отставим! Это брат Фугис. Мы нашли его.

Банен выступил из тени вместе с небольшой группой выживших горожан. Невысокий, скромного вида, в кожаном фартуке поверх замасленного комбинезона, мешковато сидевшего на полной фигуре. Защитные очки были сдвинуты на лысину, блестящую, словно она смазана машинным маслом.

Он совсем не выглядел человеком, которому по силам очистить город.

Тяжесть уже принятого решения не показалась Кагаю легче, когда он испытующим взглядом окинул инженера:

--- Ты сможешь произвести вентиляцию атмосферы Цирриона? Очистить город от газа?

--- Да, мой господин.

Заикание завершило образ никчемного маленького человечка.

У переборки в туннеле, за которой вместе с группой выживших горожан пытался укрыться Фугис, Саламандры

выстроили нечто вроде защитного кордона. У апотекаря была сломана нога, и хотя он и находился в сознании, сражаться не имел никакой возможности. С момента его обнаружения жуткая тишина воцарилась в подземелье, будто сам воздух затаил дыхание.

Стоя среди окруживших его Саламандр, Кагай задумчиво глядел сверху вниз на Ванена.

«Я подписываю смертный приговор миллионатам...»

— Вы пойдете к площади Аереона, а затем — куда будет нужно, — сказал он брату Ба'кену. — Начинайте очистку города, как только сможете.

Ба'кен отдал честь. Саламандры рассыпали оборонительное построение и словно выдохнули давно удерживаемый в себе воздух.

Внезапно из люка в потолке туннеля, всего в нескольких метрах от них, выпрыгнула одинокая женская фигура. Тонкие ее пальцы судорожно вцепились в гранату.

Грохотный и хриплый рев болтеров

разнесся по коридору, и культистка тут же была разорвана на части. В результате обстрела гранату подбросило вверх, и раздавшийся за этим взрыв мгновенно обернулся огненным шквалом. Саламандры встретили его спокойно, без колебаний заслонив обезумевших людей своими бронированными телами.

И тут из тьмы, откуда-то сверху, до них донесся топот сотен бегущих ног.

--- Боевое построение! --- вскричал Кагай.

Из-за поворота туннеля выскочила целая толпа кровожадных культистов. Все расположенные люки, встроены в потолок и стены туннеля, один за другим вдруг стали распахиваться, и из них, как жирные тараканы из щелей, стали выползать еретики.

Кагай поднял свой болт-пистолет:

--- Саламандры! Спустите на них смерть!

Между тем группа культистов уже подтягивала к месту сражения автомашку. Дак'ур скосил их болтерным огнем прежде, чем они успели установить орудие.

--- Ягон! --- позвал помощника Цу'ган, перекрикивая грохот перестрелки.

--- Атмосфера в норме, сэр! --- ответил ему другой Саламандр, прекрасно понимая, что у сержанта на уме.

Цу'ган оскалился в хищной улыбке.

--- Очистить огнем! --- прорычал он, и его спаренный с комбиболтером огнемет взревел на весь туннель.

Жидкий протетий при соединении с воздухом мгновенно воспламенился, и раскаленная волна огня, извергнутая оружием Саламандра, жадно хлынула по коридору.

Шен'кар со своим огнеметом усилил буйство пламени. Культистов буквально стирало с лица реальности: в раскаленном, мерцающем тарефе их тела превращались в рассыпающиеся тени!

Длилось это всего секунды. Дым и обугленные трупы --- вот все, что осталось, когда пламя наконец утихло. Десятки мятежников были уничтожены; от некоторых не осталось ничего, кроме тепла и костей.

--- Ярость огня принесет
Саламандрам победу в этой войне! ---
сказал Фүгис, в то время как Астартес
вновь собирались разделить свои силы.

Ба'кен, поддерживая апотекария,
отдавал распоряжения воинам, которые
готовились идти назад к площади
Аереона.

Кагай сделал все, чтобы выжившие
горожане получили помощь, какую только
он мог им предоставить. Если это
означало, что его Саламандры вынуждены
будут распылить свои силы, значит так
тому и быть. Капитан продолжит свое
наступление вместе с Цү'ганом, Дак'иром,
чемпионом роты Век'шеном и братом-
ветераном Шен'каром в качестве своей
свиты. Остальные пойдут назад.

--- Я уверен в этом, --- ответил
Фүгису Кагай. --- Но ценою тысяч жизней.
Я лишь надеюсь, старина, что цена эта
будет оправданна.

--- Может ли вообще подобная цена
быть оправданной? --- задумчиво произнес
Фүгис.

Апотекарий говорил уже не о

Циррионе. Горькое воспоминание молнией пронеслось в сознании Кагая, но он тут же отогнал его.

--- Дайте знать, когда будете на площади Аереона и приступите к очистке атмосферы. До тех пор будем ждать здесь.

Фугис кивнул и выпрямился, хотя это и стоило аптекарию лишних страданий.

--- Во имя Вулкана! --- громко произнес он, сопроводив свои слова воинским приветствием.

Голос Кагая вторил ему эхом. Капитан ударил ладонью в стальной нагрудник своих доспехов. Бросив на него последний, сочувственный взгляд, аптекарий при помощи Ба'кена отправился в путь. Кагаю было не по себе при мысли о тысячах невинных, остающихся в городе, а также об их полном неведении относительно той ужасной участи, которую капитан собственноручно им уготовил.

--- Прости меня, Император... --- прошептал он чуть слышно, глядя на покидающих туннель Саламандр.

Аура Церон стоял посреди площади —
каркас без стен. Прежде, как и
большинство строений в Циррионе, это
было довольно примечательное своей
суровой красотой здание, выстроенное из
холодного мрамора с серебристыми
прожилками. Теперь же это сооружение
больше походило на скотобойню. Стены его
блестели от крови, которая, стекая,
заполнила все трещины в прихотливой
мозаике пола. Разбитые колонны
вытирали в разные стороны, как внутри,
так и за пределы пробитой внешней стены,
делая здание похожим на ошметинившегося
шипяти ящера. Стоявшие в тенистых
нишах статуи были либо обезглавлены,
либо замазаны грязью, так, чтобы
максимально опозанить их бледное
великолепие.

На каменной кладке были наспех
наталеваны грубые символы, восхваляющие
темный «культ Истины». Залитый кровью
черный алтарь возвышался на
потрескавшемся помосте в дальней части
зала. Несколько стальных балок,

вырванных из металлических конструкций «подбрюшья» Цирриона, были притащены в храм, и путь их транспортировки можно было проследить по испорченному трамбору пола. На балках, как подношения богам Хаоса, чернели трупы повешенных — видно, останки верных Императору жителей Спратоса. Ауря Церон не был больше местом поклонения Императору Человечества, но стал теперь рассадником порчи, куда справлять свои черные мессы приходили лишь проклятые.

Разглядывая со стороны инструмент своей злой воли, Нугилан упивался этим осквернением храма.

— Колдун, нам не стоит здесь больше оставаться! У нас уже есть то, за чем мы сюда пришли! — проскрежетал из тени голос, отдающий глотом и перлом.

— Наша задача состоит из двух частей, Рамлек, — ответил Нугилан резким, царапающим слух голосом. — Мы выполнили только первую часть.

Стоя в затененном нефе за алтарем храма, отступник окинул взглядом залитую кровью площадь перед

Аура Цероном. Затем внимательно посмотрел на Оратора, который своей лицезмерной демагогией оболванивал сейчас толпу культистов, понавших под власть его сверхъестественной харизмы. Клеймо, которое Нугилан выжег на теле иерофанта, когда Драконьи Боины месяца три назад высадились на Стратосе, успешно разрасталось. Теперь оно уже распространилось почти на все его лицо. Сема, внедренное колдуном, уже готово было дать всходы.

--- Жизнь за жизнь, Рамлек. Ты это знаешь. Гор'ган готов?

--- Готов, --- проскрипел воин в розах и шлеме.

Нугилан ухмыльнулся, и застарелые шрамы на его щеке непривычно натянулись. Он редко использовал эти лицевые мышцы.

--- Скоро здесь будут наши враги... --- прошипел он, и искры психической энергии, слегка потрескивая, пробежали по его сжатому кулаку. --- И вот тогда мы наконец отомстим!

Прозрачные, как зеркало, глаза не
мизгаля глядели из-под сводов мавзолея, но в
отвертвении своем уже не могли ничего
увидеть. Крошечные кристаллы льда
покрывали губы покойного, скопились и на
веках, отчего глаза мертвеца были
полностью открыты, словно тот погрузился в
летаргию. Туловище несчастного нелепо
выгнулось дугой на холодном камне
могильной плиты, а голова безжизненно
свисала с ее края.

Он был не один. По всему храмовому
сектору выднелись мертвые тела — как
попавших горожан, так и мятежников. Их
объединила смерть, поскольку дыхание и
жизнь у них были отняты при зачистке
атмосферы Цирриона. Некоторые,
стырившиеся с судьбой, держали друг друга
в последнем отчаянном объятии; другие
же до конца боролись за жизнь, о чем
говорили пальцы, вцепившиеся в шею, когда
люди в агонии тщетно пытались
наполнить воздухом свои легкие.

Над развалинами храмового района
повисла тревожная тишина, странным
образом гармонирующая с данным местом.

глубокий покой саваном окутал разбитые
obelisks и величественные часовни. Все
пространство кладбища было усеяно
тавзолеем и гробницами, украшенными
скульптурой. Тут и там виднелись
фигуры, укрытые трапезными плащами и
капюшонами, коленопреклоненные,
молющиеся, скорбящие.

--- Как много смерти... --- тихо
произнес Дак'ур и, вспомнив, что
десятилетие назад уже видел схожую
картину, взглянул на своего капитана.

Казалось, что Кагай готов вынести
все, как и подобает стоику, однако Дак'ур
почувствовал, что это зрелище глубоко
задело капитана.

Осторожно продвигаясь по переходам
подземного лабиринта, Саламангры
прошли по городу, не встретив
сопротивления. Даже не имея карты
подземного комплекса, технодесантник
Аргоз смог определить маршрут,
основываясь на уже известном ему
расположении секретного входа, а также
на основе видеоотчетов, которые боевые
братья передавали ему по мере своего

продвижения через сүтрачные пределы нижних уровней. После часа блужданий по узким темным коридорам Салатандры наконец обнаружили замаскированный выход на поверхность, где перед ними во всем величии предстал храмовый сектор Цирриона.

Кагай велел воинам приготовиться отражать сопротивление. Честно говоря, он был бы этому рад. Все, что угодно, лишь бы загвинуть куда-нибудь вглубь сознания тот ужас, который он вынужден был совершить в отношении местных жителей. Однако никакого сопротивления не было, Салатандры без помех прошли сквозь белые ворота храмового комплекса, но на каждом шагу их встречали те, чьи мертвые глаза напоминали Кагаю о совершенном.

К счастью, фүгуса без помех доставили к площади Аереона. Когда Кагай через передатчик связался с апотекарием, его обуревали противоречивые чувства. За спасение планеты пришлось заплатить чудовищную цену — уничтожить практически все

население Цирриона.

--- Аүра Церон лежит в полүкилометре к северу, --- донесся из воксa металлический голос Аргоса, скрежет которого отвлек капитана от погружения в пүчины вины.

--- Я его вижу, --- просто ответил Кадай. Он оборвал связь с техногесантником и обратился к своим воинам: --- Граждане Цирриона своими жизнями заплатили за шанс победить в этой войне. Так давайте же оправдаем их упования! Так или иначе, сегодня все закончится. За мной, братья! Во имя Вүлкана!

Впереди, как рука скелета, протянувшаяся к черному ночному небу, маячил силүэт храма Аүра Церон...

Пригибаясь к земле, Дак'ир пробирался вдоль темных ниш западной стены храма. С другой стороны погруженного во тьму храмового нефа вдоль боковой стены крался Цү'ган.

В то же самое время, скрываясь за выщербленными колоннами и кусками

обрушенной крыши Аюра Церона, к центру здания незаметно продвигался Кагай с оставшимися с ним воинами. Несмотря на силовые доспехи, они двигались тихо и, не привлекая к себе внимания, довольно быстро приблизились к своей цели.

Их глазам предстала толпа культистов. С респираторами на защитных ртах они простерлись ниц перед своим иерофантом. Оратор стоял на импаторском возвышении и, как и вся его паства, был одет в грязную синюю сутану. Однако в отличие от своих последователей, чьи рты были защищены проволокой, Оратор не молчал. Совсем нет. Из его разросшейся пасти, которой уже не хватало места на лице, и она переходила в шею, между почерневшими пальцами зубов внутри метался багровый, извивающийся во все стороны язык. Уродливый отросток вертелся и хлестал по губам, по щекам, словно действовал самостоятельно. Непостижимые звуки изливались из уст Оратора, и все его слова, и та модуляция, с которой они произносились, фортировал этот

отвратительный, демонический язык. Каждый звук этих слов болезненно бил по нервам Дак'ура, и он тут же перестал слушать, потому что понял, ради чего все это затеяно. Продуцирование биологической мутации — распространение заразы Хаоса! Это сразу же объяснило, как из недовольных жителей Стратоса, которые всего лишь несколько месяцев назад были не более чем ничтожной группкой, удалось создать такую преданную и беспрекословно подчиняющуюся паству, да еще и с столь многочисленную!

Вокруг иерофанта стояла элита фанатиков: восемь жрецов-потрошителей, положив перед собой ценные мечи, склонились перед ним, подчиняясь какому-то неведомому ритуалу.

У Цу'гана вид такой скверны вызвал прилив горечи. Какой бы мерзкий обряд эти дегенеративные ублюдки ни собирались здесь провести, Саламандры положат этому конец! Жгучее пламя боевого рвения разгоралось у него в груди.

Как бы ему хотелось быть со своим капитаном и приближаться сейчас к салому горлу врага, вместо того чтобы попусту сторожить здесь тень!

«Пусть изгнеч остается на периферии, — думал он. — Я же рожден для более славных дел!»

Высокомерные размышления Цу'гана прервал дикий, неестественный крик. Извергнув из себя очередное безумное звуко сочетание, Оратор яростными жестами стал указывать толпе в сторону Кадая и двух других Саламандр, которые внезапно вышли из укрытия, не скрывая намерения уничтожить всю эту ересь. С жуткой синхронностью среагировав на приказ своего господина, культисты единой смертоносной волной двинулись на троих бойцов, вторгшихся в их пределы.

Шен'кар поднял свой огнемёт и с боевым кличем выжег просеку в толпе культистов. Едва только пламя пошло на убыль, как Век'шен, вращая огненной злефой, вошел в это пылающее пространство. Клинок в руках мастера пожинал ужасный урожай отсеченных голов

и конечностей, тогда как струи пламени захватывали все больше и больше нечестивцев.

Кагай был подобен безжалостному ишторту, и сердце Цу'гана пело оттого, что он стал свидетелем такой отваги и ярости. Направив бьющий гнев на врагов, капитан выстрелом из инферно-пистолета проделал черную дыру в одном из жрецов-помощителей, а после громовым молотом сокрушил череп другого.

Когда еретик с разтозженной головой упал, Кагай дал сигнал, и тут же из боковых ниш раздалась лающая звуки болтеров — то Цу'ган и Дак'ур открыли из своего оружия бешеный огонь очередями.

Когда, разрываемые на части яростными залпами, культисты стали падать, Цу'ган уже не мог далее сдерживать свой боевой пыл. Он не останется здесь стоять как часовой. Он хочет быть рядом со своим капитаном и смотреть в глаза врагам, когда они будут падать под его удары. Дак'ур вполне может удержать периметр и без его

помощи. В любом случае враг уже здесь.

Выкрикнув клятву Вулкану, Цуган оставил свой пост и с головой бросился в битву.

Таким образом, как болтер Цугана изрыгнул огонь, и выругался, осознав, что брат-сержант пренебрег приказом и оставил стену без защиты. В какой-то момент он тоже хотел ринуться в атаку, но его внимание привлек Кагай, который ударами меча прорубал путь в толпе культистов и находился уже в нескольких шагах от Оратора. Капитан выхватил инферно-пистолет.

— Во имя Вулкана! — взревел Кагай, готовясь раз и навсегда положить конец «культу Истины», но тут одиночный выстрел прогремел над кровавой бойней и снес Оратору полчерепу, после чего тот упал как подкошенный.

Ошметки плоти и кровавый дождь из тела поверженного Оратора посыпались на доспехи Кагая. Потрясенный, капитан медленно опустил инферно-пистолет.

Странная тишина повисла над сражающимися. Враги застыли, что тоже выглядело странно, и капитан Саламандр тревожным взглядом искал источник выстрела.

Прямо над ним, нависая над алтарем храма, располагался балкон с перилами. В темном проеме ниши громоздилась фигура в кроваво-красных силовых доспехах и с дымящимся болтерным пистолетом в руке.

Чешуя, украшавшая боевые латы этого воина, напоминала чешую древних доисторических ящеров. Стальные перчатки доспехов имели причудливую форму птиц с глиняными красными, как киноварь, когтями. Молнии темных энергий, потрескивая, мерцали между когтями рубиновыми дугами. В одной руке воин сжимал жезл из серебра, с набалдашником в виде оскаленной головы дракона; в другой — болт-пистолет, который он уже убирал в кобуру. Широкие наплечники чешуйчатого доспеха, словно составлявшего единое целое с телом воина, завершались выгибающимися вниз рогами.

На голове воина не было шлема, и взорам всех присутствующих были видны жуткие шрамы. Огонь безжалостно изувечил некогда благородные черты воина: исказил, стер их и превратил его лицо в жуткую комбинацию бугристой кожи, воспаленных рубцов и обнажившихся костей черепа. Это было лицо самой смерти, отвратительное и обвиняющее.

По спине Кагая прошел холод, словно на нее плеснули ледяной водой. Перед ним стоял призрак того, кто много лет назад умер в страшных муках. И все же он был из плоти и крови и, как восставшее из могилы привидение, жаждал мести.

--- Нигилан...

--- Капитан... --- отозвалось привидение, и его голос прозвучал как треск иссохшей земли под немилосердно палящим солнцем, но глаза пылали неукротимым алым огнем.

Праведный гнев стенил оцепенение, и лицо Кагая посуровело.

--- Отступник! --- прорычал капитан.

Мучительный спазм сжал грудь

Дак'ура, когда он увидел этого страшного воина, и сознание его вновь погрузилось в жуткий кошмар его сна...

Аура Церон будто растворился в сером небе Морибара. Вырезанные из кости обелиски устремлялись в бескрайний стальной небосвод, а бесконечные тропы вились между склепами, по полям тавзолеев, по долинам гробниц. Дак'ур шел среди тысяч и тысяч могил, через фаланги крикт, вдоль батальонов рак с тощати, сквозь подземные катакомбы, пока сей скорбный путь не привел его наконец к пределу.

Там, под холодной сырой землей, располагалась огромная печь крематория, которая кипела, горела, шипела, излучая яркий, но далеко не приятный и совсем не привлекающий к себе свет.

Острая боль пронзила тело Дак'ура, и видение стенилось. Он схватился руками за грудь, но не почувал под пальцами свой черный панцирь. Теперь он снова был скаутом и, стоя у входа в крематорий, смотрел в огромную огненную яму, способную вместить титана, которая

горела, горела, горела... до самого
расплавленного ядра Морибара!

Затем Дак'ур увидел двох
Астартес, которые из последних сил
карабкались по краю этих врат в огненную
смерть. Нигилан отчаянно цеплялся за
капитана Ушорака, а его черные силовые
госпехи трескались от невыносимого жара,
поднимающегося снизу.

Грозная пропасть бурлила. Лопались
раскаленные пузыри, и всплески лавы
фонтанам прорезали воздух, и внезапно
исполинский столп пламени вырвался из
ямы крематория. Сплошная стена огня
скрыла воинов, и Дак'ур заслонил глаза
рукой. Чьи-то сильные руки схватили его
за плечо и оттащили подальше от
исполинского гейзера, в то время как
отступники, которых он должен был
доставить на суд, а вовсе не убивать,
нашли свою судьбу во власти огненной
стихии. Едва различимый за плотной
завесой огня, Нигилан отчаянно вопил, и
лицо его плавилось в огне...

Дак'ур вернулся к реальности.
Болезненное головокружение, которое он

испытывал, грозило заглушить все его чувства, и он, мобилизовав все свои силы, постарался взять себя в руки. Во рту чувствовался привкус крови, а перед глазами плясали черные точки. Сорвав с себя шлем, сержант попробовал успокоить дыхание.

А где-то в храме между тем шел разговор...

--- Ты не утер! --- обвиняющим тоном начал Кадай, глядя снизу вверх на воина.

Достаточно было бы одного выстрела, чтобы сбить отступника с балкона, но руки капитана будто налились свинцом.

--- Я выжил, --- отозвался Нугилан, чье обезображенное лицо вдобавок к рубцам прорезали глубокие морщины --- из-за усилий, которые отступник прилагал, чтобы психически подавить Саламангр.

--- Ты должен был предстать перед судом, а не встретить смерть! --- сказал Кадай и кровожадно улыбнулся. --- Ты взорвал крематорий и тем самым возбудил нестабильное ядро Морибара! Ты

спровоцировал извержение, чтобы бежать, а заодно убить меня и моих братьев. Тибель Ушорака — на твоей совести! Твоей и его самого!

— Не смей говорить о нем! — вскричал Нигилан, и красные токи энергий вырвались из его глаз и рассыпались зигзагами молний вокруг психосилового жезла.

Однако излив ярость, Драконий Воин быстро пришел в себя.

— Убийца здесь ты, Кагай! Ничтожный военачальник, который ни перед чем не остановится, чтобы заполучить свою добычу! Но в одном, возможно, ты прав!.. Я и вправду тогда погиб, чтобы родиться вновь!

Кагаю удалось чуть приподнять свой инферно-пистолет. Психическая хватка Нигилана ослабевала. Капитан уже готовился одним волевым рывком освободиться из его хватки и пристрелить предателя на месте, когда тело Ораitora вдруг начали сотрясать конвульсии.

— Теперь это уже не имеет

значения, --- добавил Драконий Воин,
отступая в тень балконной ниши. --- Для
тебя-то уж точно...

Низилан снял психические нуты, и
Кадай выстрелил ему вслеп из инферно-
пистолета, расплавив секцию балконных
перил. Саламандр уже хотел броситься в
погоню, когда вокруг тела Оратора вдруг
сгустилась какая-то темная аура и
необъяснимым образом подняла почти
обезглавленный труп. Еретик теперь
болтался над землей, как туша в лавке
мясника.

Медленно, тучительно медленно для
свидетелей этой сцены труп поднял то,
что осталось от его головы: все тело
открылось его изуродованное лицо,
наполовину уничтоженное болтерным
выстрелом. Блестящая красная плоть,
которая частично покрывала залитый
кровью череп, жутко мерцала в тусклом
свете храма. То, что осталось от черепа
Оратора, вдруг треснуло, как яичная
скорлупа, и стала видна влажно
поблескивающая кобальтовая кожа. На
свет готовилась появиться злобная,

вызванная сюда из другого, нереального измерения сущность. На материальный план мира пробилось нечто... противоестественное.

Сверкающие черные глаза без век глядели с какой-то нездешней, невиданной в этом мире ненавистью. Восьмиконечная звезда, некогда выжженная на лбу Оратора, теперь сияла на теле этого нового чудища. Рана от клейма оказалась жизненно необходимой для рождения этой твари. Порождение варна развивалось, пульсируя в человеческом организме, как второе, мерзкое сердце.

Из человеческой плоти, подобно пробудившимся луковицам, стали прорастать костные образования, каждое из которых венчал толстый шип, тело быстро покрылось зарослями острых игл. Пальцы вытянулись, выпуская глиняные цепкие черные когти. Раздувшаяся челюсть Оратора стала еще больше, растягиваясь, становясь все шире, пока не превратилась в ужасную беззубую впадину, из глубины которой выдавался глиняный, гибкий, как хлыст, язык, с кровавым

костным шипом на каждом из трех своих отростков.

Культисты завизжали от ужаса и обожания при виде того, как телом убитого Оратора овладевают темные силы. Жрецы-потрошители склонились перед чудовищем и вновь обратили на Саламангр свои ценные мечи.

Тварь была первобытной, и, хотя, вырванная из эфирной спячки, она лишь отчасти способна была воспринять этот новый для себя мир, неутолимый голод толкал ее на поиски живых душ. Взревев от боли и ярости, она бросилась вперед, сожрав попутно двух жрецов-потрошителей, что стояли возле Кагая. Она поглотила их целиком, словно какой-то ужасный василиск, и громкий хруст костей сопровождал исчезновение добычи в раздутой жабьей глотке.

--- Мерзость... --- тяжело выдохнул Кай и взялся за рукоять громового молота, готовясь сокрушить демона.

Низилан предал свою душу темным силам, что было лишь следствием его преступных деяний.

— Утри, адская тварь! — вскричал Век'шен, вставая между капитаном и ворвавшимся в мир демоном.

Прочертив огненной глефой ослепительную дугу в воздухе, чемпион роты нанес удар, способный свалить порочьего вожака. Демон поймал оружие ногтями, и глефа прочно застряла в них. Язык твари сверкнул молнией, выскользнув из бездонной пасти, и мгновенно обвил закованную в силовые доспехи фигуру Век'шена. Рот Саламандра раскрылся в безмолвном крике, поскольку роковая петля сначала лишила его дыхания, а затем просто раздавила.

Кагай взревел и бросился к чудовищу в тот самый миг, когда безжизненное тело боевого брата, почти разрезанное языком демона, с грохотом рухнуло на пол храма.

Дак'ур постепенно приходил в чувство. Он не видел, как Оратор был убит выстрелом в затылок. И это было не все, что он пропустил, пребывая под влиянием своего сна-воспоминания. За время, потребовавшееся на то, чтобы тело

и навыки Дак'ура справились с головокружением, Нугилан отступил в тенистую глубину балкона. Оставив свою позицию на фланге, сержант решился начать преследование. Дак'ур бросился к нефу, но плотные ряды культистов решительно презградили ему дорогу.

— Цу'ган! — закричал сержант, вспарывая ценным мечом живот одному из еретиков и выстрелом из болт-пистолета стирая лицо другого. — Держи отступника!

В этот редкий момент их душевного единения Цу'ган кивнул и бросился вслед за Нугиланом.

Прорубая путь сквозь бесноватую толпу, Дак'ур увидел, как медленно поднимается над землей трун Оратора, и сразу почувствовал кожей легкое покалывание от соприкосновения с варпом...

Цу'ган очертя голову неся через храм, разя культистов кулаками и перемалывая мятежников разрывными снарядами своего болтера. Где-то на периферии зрения Шен'кар выкашивал

паршивых еретиков ослепительными
струями пламени из огнемета.

Вышибив деревянную дверь в дальнем
углу храма, Цу'ган обнаружил каменные
ступени лестницы, ведущей пряником на
балкон. Он бросился вверх по лестнице и
задействовал сервоприводы силовых
доспехов. Перепрыгивая через три ступени,
он быстро оказался в темном помещении.

Внизу слышались звуки сражения.
Сержант услышал рев Век'шена,
призывающего братьев к оружию, а затем
внезапно... ничего. Его обступила тишина,
будто из комнаты откачали воздух и все
звуки потонули во внезапно образовавшемся
вакууме.

Красные глаза холодно глядели на
него из темноты.

--- Цу'ган... --- тихо произнес Нигилан,
выступая из тьмы.

--- Предательское отродье! --- вскричал
разъяренный Саламандр.

Но не поднял болтер и не уничтожил
отступника на месте. Он просто остался
стоять как вкопанный, и мышцы его были
скованы, словно он был мошкой, застывшей

в янтаре.

--- Что... --- начал было Цу'ган, но тут обнаружил, что его язык тоже будто налился свинцом.

--- Колдовство, --- объяснил ему Нугилан, и его психосиловой жезл расцвел потоками лучистой энергии.

Вспышки на посохе, отбрасывая во все стороны эфемерные лучи, осветили жуткое лицо колдуна, когда он приблизился к потрясенному Астартес.

--- Я мог бы убить тебя прямо сейчас, --- произнес Нугилан ровным тоном. --- Потушить свет твоих глаз и убить. Так же, как Кагай убил Ушорака!

--- Тебе было предложено пройти испытание, --- попытался выговорить Цу'ган, прилагая всю силу воли, чтобы подчинить себе собственный язык.

Злобное выражение тут же улетучилось с лица Нугилана, сменявшись негодованием.

--- Так это было испытание? Духовные общевания у Элизия, несколько часов с его хирургеономат-гознавателями... Разве не это было мне предложено?! --- устехнулся

он невесело. — Этот сагист и ублюдок мог
принять только обвинительный приговор! —
— Сделав еще один шаг, Нугилан заговорил
вновь, и на этот раз голос его звучал
настолько искреннее. — Ушорак предложил
жизнь... Власть! — выдохнул он. — Свободу
от оков, которые заставляют нас служить
человечеству стагу, когда мы могли бы им
управлять! — С этими словами Драконий
Воин сжал кулак, находясь уже так близко
от Цу'гана, что тот ощутил исходящий
из его рта запах меди. — Вот видишь,
брат. Не такие уж мы с тобой разные...

— У нас нет ничего общего,
предатель! — огрызнулся Саламандр, чье
лицо исказилось от этого усилия.

Нугилан отступил и горестно развел
руками.

— Что ж, значит, выстрел болтера
положит конец моей ереси? — поджал он
губы, выражая притворное
неудовольствие. — Или, может, меня
лишат звания и покаянное клеймо
заменит все мои штифты за выслугу
лет? — Он покачал головой. — Нет... Я
думаю, нет. Хотя, возможно, это мне

придется поставить тебе клеймо, брат! ---
воскликнул Нигилан, выставив перед
Саламандром лапоть с широко
растопыренными пальцами. --- Интересно,
будешь ли ты сопротивляться заражению
упорнее, чем та человеческая
марионетка?

При приближении Нигилана Цу'ган
вздрогнул, в любой момент ожидая, что
вся мерзость Хаоса, извергнется на него из
этой руки.

--- Отбрось свой страх! ---
проскрежетал Нигилан и, устехаясь, сжал
кулак.

--- Я ничего не боюсь! --- рявкнул Цу'ган.

Нигилан презрительно фыркнул:

--- Ты боишься всего, Саламандр!

Цу'ган почувствовал, как его ботинки
царапают пол, и понял, что неведомая
сила против воли толкает его к перилам
балкона.

--- Довольно болтать! --- бросил он в
раздражении. --- Сбрось меня вниз. Сломай
мне кости, если тебе это так нужно!
Орген будет охотиться за тобой,
отступник, и на этот раз у тебя не будет

шанса на искупление!

Низилан посмотрел на него так, как посмотрел бы взрослый на глупое дитя:

— Так ты что же, так еще ничего и не понял?

Подчиняясь колдовской силе, тело Цу'гана медленно развернулось, и он смог увидеть идущее внизу сражение.

Культисты падали, сгорали в пламени огнемета Шен'кара, хватались за внутренности, выпущенные ценным мечом Дак'ура. Боевые братья сражались из последних сил, сдерживая натиск орды мятежников, в то время как их возлюбленный капитан отчаянно боролся за свою жизнь.

Уникальные, изготовленные вручную доспехи Кагая были пробиты уже более чем в десяти местах, а демоническая тварь, вырвавшаяся из тела Оратора, продолжала на него наседавать. Когти, как тонкие полоски ночного трака, обрушивались на защиту Саламангра град ударов, но Кагай отразил их все выпадами своего грозного молота. Умя Вулкана было у него на устах, когда раздался треск и

толня, слетев с наверху и усно
выполненного оружия, опалила
позаимствованную демоном плоть.

— Я так же был предан Ушоракү, как
ты своему капитану... — сказал Нигилан в
үхө Цү'гану, который, не в силах
пошевелиться, наблюдал за сражением с
порождением ага.

Нанеся страшный удар в плечо
демона, Кагай перерубил кость, и рука
твари безжизненно упала вниз.

— ...Кагай убил его, — продолжил
Нигилан. — Он заставил нас искать
убежище в Оке Ужаса. Туда мы и бежали, и
там остались на десятилетия...

Похожая на гной жидкость с
шипением выходила из ран на теле
демона, и его связь с реальным миром
становилась все слабее. Кагай, неустойчиво
работая кулаком и молотом, неустойчиво
наносил чудовищу удар за ударом.

— ...в том мире время течет совсем
не так, как здесь. Нам показалось, что
прошли века, прежде чем нам удалось
найти оттуда выход...

Нестройный хор голосов вырвался из

жабьей пасти демона. Кагай, сокрушив наконец череп твари, отправил ее обратно в варн, и души, которые она успела пожрать, теперь отчаянно взывали о спасении.

--- ...это полностью меня изменило. Открыло мне глаза. Теперь я многое вижу. Тебя, Цу'ган, ждет великое будущее, но слава другого воина затмит твою славу, --- промолвил Нугилан и едва заметным кивком головы указал на Дак'ира.

Изнеец сражался доблестно. Пробиваясь к Кагаю, он крошил последних культистов.

--- Даже сейчас он рвется к своему капитану... --- вкрадчиво произнес Нугилан. --- Надеется добиться расположения...

Цу'ган понимал, что нельзя верить поглотившему язык предателя, но прозвучавшие слова эхом повторяли его собственные, давno поселившиеся в его сердце подозрения.

Вот так, без ведома Саламандра, Нугилан подсадил-таки в него свое семя. Не то семя, что несло в себе демоническую

сущность. Нет, эта зараза вошла в воина
через мелочную ревность и честолюбие,
через то, против чего у Цу'гана совсем не
было защиты --- через него самого!

--- Весь этот культ... --- натурал
Драконий Воин. --- Это --- ничто! Стратос
--- ничто. Даже этот город не имеет
значения. Все дело в нем!

Вымотанный сражением с демоном,
Кадай тяжело оперся на свой громовой
молот.

Низилан улыбнулся так, что его
покрытая рубцами кожа закричала.

Капитан за капитана!

Словно холодный клинок поразил
Цу'гана в самую сердцевину.

Слишком поздно он заметил
приближение воина в доспехах. Драконьи
Воины захлопнули мышеловку! Оставив
свой пост, он позволил им просочиться
сквозь выставленные Саламанграмми
караулы. Культисты лишь отвлекали
внимание; настоящий враг раскрыл себя
только сейчас!

Каким же дураком он был!

--- Нет!

Чүговщиным үсилиет воли он
попытался вырваться из психического
захвата Нугилана. Проревев итя
капитана, Цүган ринүлся через перила
балкона. Хриплый стех сопровождал его
падение.

Дак'ур почти үже добежал до Кагая,
когда үвидел, как отступник поднимает
мультимелту. Громко выкрикнув
предупреждение, игнеец бросился к
капитану. Кагай к нему повернүлся и, в
тот же миг услыхав над собой крик
Цүгана, проследил за отчаянным взглядом
Дак'ура...

Вспыхнүв во траке, ослепительный
луч прорезал пространство храма.

Луч копьем вонзился в Кагая, и тело
капитана исчезло в невыносимо-белой
вспышке.

Интенсивная тепловая волна,
которую произвел выстрел мелты, сбила
Дак'ура с ног. Он ощутил запах горелого
мяса. Боль раскаленным острием
растерзала все его чувства. Лицо горело.
В точности как во сне...

Дак'ур понял, что теряет сознание, тело стало отключаться, поскольку анабиозная мембрана зарегистрировала серьезные раны. Ступно, как если бы он был заживо погребен и уже покрыт тонким слоем земли, Дак'ур услышал голос сержанта Н'келна и боевых братьев. Дак'уру удалось повернуть голову. Последнее, что он увидел, перед тем как потерять сознание, был Цу'ган, который стоял на коленях, склонившись над обугленными останками их капитана.

Очнувшись Дак'ур обнаружил себя в анотекарионе «Ярости Вулкана». Внутри аскетичного бокса было холодно, как в могиле, но светящиеся огоньки расставленной вокруг него медицинской аппаратуры рассеивали тьму.

За сознанием вернулась память, а с памятью — скорбь и отчаяние.

Кадай погиб!

— С возвращением, брат, — тихо произнес чей-то голос.

Фугис, которого он еще никогда не видел таким изможденным и худощавым,

заботливо склонился над Дак'иром.

Душевные муки дополняла боль физическая, и Дак'ир потянулся к лицу рукой, почувствовав жжение.

Фүзис схватил его за запястье, прежде чем тот успел коснуться ожога.

— Я бы на твоем месте этого не делал, — предупредил он сержанта. — Ты получил серьезные ожоги. Ты выждоравливаешь, но кожный покров еще слишком тонок.

Фүзис отпустил его запястье, а затем, чтобы облегчить боль, добавил дозу лекарственного раствора во внутривенный катетер.

Болеутоляющие средства, катализируя в его теле естественные процессы регенерации, начали действовать, и Дак'ир расслабился.

— Что произошло?

В воспаленном горле першило, и он почти прохрипел свой вопрос. Фүзис отступил к медицинскому столу и начал перебирать инструментарий. Дак'ир заметил, что он хромает: место перелома, который он получил при

падения, было закрыто временной шиной. Однако аптекаря, известного своим упорством, переходящим порой в жестокость, такая жалость не могла отвлечь от работы.

--- Стратос спасен, --- просто ответил он, склонившись над инструментами и не поворачиваясь к Саламандру. --- Когда Оратор был убит и заработали наши огнеметы, власть мятежников тут же пала. Атмосферные штормы утихли через час после того, как мы вернулись на площадь Аереона, --- продолжил он. --- Спустя двадцать минут прибыл библиарий Пуриил с остальной ротой. Братья должны были поддержать Н'келна, но тот к тому времени уже овладел стеной и был на пути к Аура Церону...

--- Однако прибыл туда слишком поздно, чтобы спасти Кагая, --- закончил за него Дак'ур.

Фугис прервал свои действия и, неловко качнувшись, ухватился рукой за край стола:

--- Да. Даже геносетя не удалось извлечь.

Повисло горестное молчание, затем аптекарий продолжил свой рассказ:

--- Корабль типа «Грозовая птица» незамеченным покинул планету. Мы обнаружили это слишком поздно, чтобы начать преследование.

Злостью, которая прозвенела в голосе Дак'ура, можно было резать металл.

--- Это бежал Нигилан вместе с другими отступниками!

--- И только Вулкан знает куда, --- отозвался Фугис, повернувшись к пациенту. --- Библиарий Нуриил принял командование Третьей ротой и будет ее командиром до тех пор, пока магистр-ордена Ту'шан не назначит кого-то уже на постоянной основе.

Дак'ур нахмурился:

--- Так мы летим домой?

--- Наша миссия в Агронном Поясе выполнена. Мы возвращаемся на Прометей, чтобы пополнить ряды и залезать раны.

--- Мое лицо... --- после долгой паузы отважился спросить Дак'ур. --- Я хочу на него взглянуть.

--- Конечно, --- сказал Фугис и поднес

зеркало.

Пострадала значительная часть кожных покровов на лице Дак'ура. Почти половина черной кожи стала практически белой под действием теплового излучения. Странно, но, обожженное и свирепое, теперь его лицо выглядело почти человеческим.

--- Реакция на интенсивное излучение, --- объяснил Фүгис. --- Повреждение привело к локальной клеточной регрессии, то есть к возвращению клеток к тем формам, которые предшествовали их генетической эволюции, к состоянию до того, как ты стал Астармес. Еще не могу сказать наверняка, но пока нет никаких признаков быстрой регенерации тканей.

Сходство с человеком было разительным, и Дак'ур, не зная, что и думать, как зачарованный глядел в зеркало. Фүгис прервал размышления Саламандра.

--- Пока трогать ничего не буду. Оставляю все как есть, --- сказал он, забирая зеркало. --- Состояние твое

стабилизировалось, и ничего больше на этой стадии я сделать не могу. Вернусь через несколько часов. Твоему телу нужно дать время на исцеление, и тогда ты снова сможешь сражаться. Сейчас отдохнай! Когда вернусь, рассчитываю увидеть тебя здесь, — сказал апотекарий и, хромая, вышел из бокса.

Но когда раздалось шипение сжавшегося воздуха и металлические двери закрылись, Дак'ур уже знал, что он остался не один.

— Цу'ган?

Он почувствовал присутствие своего боевого брата еще до того, как тот вышел из тени.

— Брат!.. — радостно прохрипел Дак'ур, вспомнив момент их душевного единения, когда они сражались в храме.

Но как жар костра уносится холодным ветром, так улетучилась и радость, когда Дак'ур увидел мрачное лицо Цу'гана.

— Ты не достоин быть Астартес, — произнес тот ровным голосом. — Смерть Кадая на твоей совести, изгнеец! Если бы

ты не послал меня за отступником, если бы ты был достаточно расторопен, чтобы среагировать на опасность в наших рядах -- мы бы не потеряли нашего капитана! -- Взгляд Цү'гана был холоден как лед. -- Я этого не забуду!

Дак'ур был настолько потрясен, что ничего не смог ответить. Цү'ган повернулся и вышел из апотекариона.

Ужасное обвинение брата наполнило его душу и сердце болью, и слабость охватила все его существо. Дак'ур погрузился в глубокий сон.

Впервые за сорок лет его сон изменился.

Сидя в отсеке «Грозовой птицы», Нигилан, так и не сняв с руки стальной перчатки, вновь и вновь вертел в руке предмет, украденный из склепа в подземельях Цирриона. Вокруг собрались его братья, Драконьи Воины: великан Ратлек, который, стараясь унять приступы никогда не утихающего гнева, выдыхал через решетчатый щиток шлема облачка золы и пепла; Гор'ган, с кожей

которого сыпалась чешуя, когда он снимал боевой шлем, сейчас баюкал, как домашнего любимца, мультимедий; Нор'хак ухаживал за своим оружием; Эркин пилотировал корабль, который охранял все время операции, его смертоносные кости-лезвия на предплечьях сейчас были скрыты в пазах силового доспеха.

Драконы Воины серьезно рисковали, стремясь раздобыть этот артефакт. Маскируя эту вылазку, они даже пошли на то, чтобы разжечь восстание на планете. Весь мятеж был не более чем прикрытием. Гибель Кагая стала весьма приятным, хотя и нежданым подарком для Нугилана.

«Грозовая птица» находилась в полной готовности и была готова стартовать еще до того, как ловушка на Ауре Цероне захлопнулась. Беснующиеся толпы культистов-смертников обеспечили безопасный отход, и отступники успели покинуть планету.

--- Как же мало они знают... --- проскрежетал Нугилан, внимательно разглядывая каждую грань позолоченного

артефакта у себя на ладони.

Такая безобидная на вид арканат
внутри двенадцати пятиугольных граней
вдоль геодезических линий были
начертаны эзотерические тексты,
которые обвиняли собой всю поверхность
додекаэдра. В нем таился ключ к разгадке
многих тайн. Само предназначение
шифратора заключалось в том, чтобы
раскрывать то, что было умышленно
скрыто. Для Нугилана такой загадкой
были свитки Келока --- древние
пергаменты, которые он с Ушораком лет
сорок назад вынесли из могилы Келока на
Морибаре. Келок был технократом и
непризнанным гением. Как оружейник, он
создал нечто такое, что по своим
возможностям далеко превосходило все,
что могла предоставить современная
убогая наука. Нугилан был намерен
воссоздать творение гения.

Проведя в Оке Ужаса свыше тысячи
лет, он терпеливо вынашивал планы
мести, и вот теперь наконец оказался
близок к тому, чтобы получить в руки
средство, с помощью которого он сможет

сокрушить своих врагов!

--- Приближается к «Адской гончей»! ---
прозвучал по воксу загробный голос Экрина.

Нугилан опустил фиксирующую руку гравитационной упряжи. Когда она опустилась на его плечи, он пристально взгляделся в стотрловую щель «Грозовой птицы». В безмятежном бескрайнем море кобальтового цвета сияла точка --- судно, красное, как раскаленный металл. Это был старый корабль со старыми ранами и еще более древними призраками. Нос корабля имел форму зазубренного лезвия, будто вспарывающего прореху в пространстве. Борты его щетинились пушками, дюжины антенн и вышек, будто скрюченные пальцы, тянулись с надстроек.

«Адская гончая», войдя в Око, была всего лишь старой боевой баржей, но вышла оттуда чем-то еще более древним. Это был корабль Нугилана, и на его борту ожидали верные ему воины: разношерстная команда из дезертиров, отступников, наемников, пиратов, налетчиков и грабителей. Они собрались здесь, чтобы стать свидетелями его победы и нового

шага к воплощению их собственной мечты
--- полного и окончательного уничтожения
Ноктюрна, а вместе с ним и всех
Саламандр!

Ричард Форд

ЛАБИРИНТ

Моторы ценных мечей взревели, и
стальные зубья сошлись в яростном
поцелуе, отплевываясь искрами и черным
маслом. Гневно завывая, мечи столкнулись,
сдержанные желанием рвать и крушить.

Инвикт свирепо устоялся на
противника поверх взрызшихся друг в
друга клинков. В этот раз он натеревался
восторжествовать над соперником. Он был
совершенно убежден, что выйдет из битвы
победителем.

Этого не произошло.

Генарей освободил свое оружие,
расцепив жужжащие зубья и усынав боевую
палубу металлической стружкой. Прежде
чем Инвикт успел парировать, противник
ударил его в лицо всем весом наплечника.

Воин потерял равновесие. Он пошатнулся, взмахнув руками в попытке устоять, но это не помогло. Цнвикт рухнул, и грохот ударившегося о сталь керамики раскатился по боевой палубе. Единственное, что удалось костодесантнику, — не выронить свой гудящий цепной меч. Прежде чем Цнвикт успел поднять оружие для защиты, Генарей наступил ему на руку и наставил на противника собственный клинок. Цнвикт мрачно смотрел, как бешено вращающиеся зубья приближаются к его лицу, и кривился в предчувствии неизбежной боли.

Генарей с торжествующим стехом выключил мотор цепного меча и протянул Цнвикту руку:

— Неплохо сражался, брат. Но, как ты оба видишь, на боевой палубе ты все еще мне не ровня.

Цнвикт принял предложенную ладонь и с помощью Генарея поднялся на ноги. В который раз он ощутил боль поражения, жалившую острее, чем любая сталь.

— Однажды, брат Генарей, — ответил

он. — Однажды.

Генарей лишь застелся глотче:

— Непременно, брат. С нетерпением жду этого дня. А теперь пойдём. Мы уже опаздывает.

Они вместе покинули боевую палубу. Цинвикт — в нескольких шагах позади Генарея, как и всегда. Хотя они вместе отслужили в новобранцах, а затем и в послушниках и были ближе друг другу, чем прочие братья из ордена Сынов Злобы, Цинвикту всегда чудилось, что он находится в тени Генарея. Всегда на один шаг позади. Это отравляло воину жизнь долгие десятилетия, несмотря на все победы, которые он одержал на службе ордену.

Но сегодняшней ночью все будет по-другому. Сегодня Цинвикт докажет, чего он стоит.

Они шагали по тускло освещённым коридорам крейсера типа «Отплачиватель», пока не добрались до посадочного отсека. Как только двери отсека раздвинулись, в уши воинам ударил пронзительный гомон тысяч голосов.

Жужжали и гудели сервиторы, пилотировавшие автономгрузчики и сопровождавшие на корабль цепочки пленников как знакомой, так и экзотической внешности. Маячащие рыла, пасти, изрыгающие проклятия на чужих языках, и давно приевшиеся рыдания невинных сливались в жуткую какофонию. Космогесантники доставили приношения со всех звездных систем, где успели побывать, почти сотню разновидностей ксеносов. Злоба, без сомнения, обрадуется столь щедрому подарку — жертвенный костер вспыхнет ярче, чем когда-либо прежде.

Такое множество гнусных тварей было до глубины души отвратительно Инвикту, но он знал, что это необходимо, дабы утолить голод Злобы и исполнить его желания. Хныкающая свора все никак не затыкалась, и Инвикту оставалось надеяться лишь на то, что бойня начнется в самое ближайшее время.

Вместе с Генареет они прошли через битком набитый ангар туда, где их ожидали остальные Сыны Злобы. Те уже

выстроились цепочкой у трапа ревущего
«Грозового ястреба». Двое
припозднившихся космодезистов
поспешили присоединиться к товарищам.
Во время посадки Инвикт мог слышать по
вещ-каналу своего шлема, как некоторые
из братьев возносят молитвы. Сам он
пристегнул ремни и приготовился к
взлету без всякой молитвы — его
уверенность в таланте пилота была
абсолютной.

Двигатели корабля взревели, и он
покинул искусственное гравитационное
поле ангара «Отплачивателя». Сквозь
узкий иллюминатор Инвикт увидел
колоссальную тушу давно погибшего
имперского корабля. Приближаясь, он
увеличивался в размерах, заполняя все поле
зрения, — так гигантский зверь
раздувается еще больше, чтобы отпугнуть
любопытного хищника. Стала видна
каждая вмятина и каждый ожог на
обшивке, и становилось все непонятнее, как
это древнее чудовище смогло уцелеть после
тысячелетнего дрейфа в открытом
космосе, где было подвержено все

стихиям.

Корабль парил в пространстве, охватываемой великанской рукой. Ускореженные куски стали торчали из его брюха, словно внутренности распотрошенного трупа. По временам из корпуса вырывались пузыри газа, будто последнее отравленное дыхание монстра. Вокруг плавали куски органического мусора, пойманные в гравитационное поле гиганта и обреченные вечно вальсировать вокруг него.

Сыны Злобы прозвали корабль «Лабиринтом». Им пришлось на месяцы погрузиться в варп, чтобы вернуться сюда. Братья поступали так каждое столетие, дабы исполнить кровавые ритуалы оргена. Для Сынов Злобы он стал священной землей, единственным местом, где они могли собраться после того, как их родной мир, Скелус, был столь погло осквернен Астартес. Не важно, куда призывали их обязательства, неважно, сколько крови они должны были пролить в других мирах, --- Сыны Злобы всегда возвращались сюда в назначенное время, готовые к

жертвоприношению. Ритуал должен был соблюдаться, несмотря ни на что.

Таков путь Сынов Злобы, и таким он был всегда.

«Грозовой ястреб» петлял между обломками, окружавшими гигантский корабль, пока наконец не достиг ангара «Лабиринта». С оглушительным ревом включились двигатели обратной тяги, и «Ястреб» плавно опустился на посадочную площадку.

Когда двери открылись, Инвикт поспешно высадился, едва обращая внимание на потоки данных, бегущих по дисплею визора и отбрасывающих тизгающий зеленый отсвет на его лицо. Прошло сто лет с тех пор, как он в последний раз ступал на эту святую землю, — и, как и прежде, душа его наполнилась благоговением.

Роскошь внутреннего убранства корабля резко контрастировала с его обшарпанной оболочкой. Роккрытые колонны, соединенные летящими контрфорсами, возносились вверх на тысячи футов. Между ними тянулись

стрельчатые арки, ведущие в затененные, разбежавшиеся во все стороны переходы. Из мрака скалились горгульи всех форм и размеров — личины древних богов, которым молились здесь тысячелетия назад.

Теперь в этих холодных и пустых залах поклонялись единственному божеству: Великой Злобе, Богу Отступнику, Изгнаннику, Злобе Утерянной, Церарху анархии и террора. И вскоре, когда настанет час приношения, он попирует всласть.

Сыны Злобы сняли доспехи, и от обнаженной плоти в свете огня поднимался пар. Каждый из братьев окроплен был жертвенным ихором, каждого с ног до головы покрывала кровь, и каждый насытился.

Инвикт преуспел в этом больше других. По его губам и подбородку все еще стекала свежая кровь Астартес, в чье тверδοкаменное тело он взрылся. К чести Астартес, слуга Повелителя-Трупа не испустил ни звука, пока Инвикт вновь и

вновь погрызал зубы в его плоть, отдирая
мясо от костей и пируя во славу Злобы.
Сейчас от костодесантника остался
кровавый обрубок, свисающий с ржавой
цепи, подобно разделанному окороку.

Остальные жертвоприношения
прошли не так тихо, как у Инвикта. Под
потолком гигантского зала все еще
носилось эхо криков и просьб о пощаде.
Повсюду горели костры, на горячих углях
вытились остатки ночной гекатомбы.

Инвикт мог поклясться, что из
глубин, неисследованных глубин корабля
доносится ступенчатый шум, — словно кричало
что-то огромное, напрягая нечеловеческие
легкие. Оно повторяло одну и ту же фразу.
Мощь голоса доносила слова с
огромного расстояния, но, как Инвикт
старался, он не мог понять их смысл. В
конце концов он решил не обращать
внимания на звук, позволяя словам слиться
с потрескиванием корабля и с отголосками
ночной трапезы.

Воин переключил внимание на балкон
на другом конце огромного зала, где,
облаченный в церемониальную броню,

стоял лорд Кахал — величайший из них, магистр ордена Сынов Злобы. Древнее лицо магистра кривилось в плотоядной устешке — Кахал явно был доволен сегодняшней жертвой. Теперь каждый из Сынов смотрел на магистра в ожидании, когда он удостоит их своей речью.

Некоторое время Кахал молчал, окидывая воинов ледяным взглядом и будто наслаждаясь последним мгновением, перед тем как нарушить тишину.

— Братья, — голос магистра, глубокий и звучный, наполнил зал до скрытого в тенях потолка, — мы достойно почтили Злобу этой ночью. Тысяча душ, наполненных тучой и ужасом, вознеслась к нему. Хорошо, что в преддверии грядущего крестового похода мы принесли ему столь обильную жертву.

Инвикт сжал кулаки в ожидании. Все знали, что Сыны Злобы вскоре отправятся на войну — в крестовый поход, равно которому орден еще не ведал.

— Для подобной битвы нам понадобятся непревзойденные воины, истинные тучи, которые проявят себя в

Испытании Лабиринта. Только преуспев в нем, вы докажете, что достойны шагать в рядах Обреченных.

Инвикт почувствовал краткий укол возбуждения и был уверен, что его братья ощущают то же самое. Каждое столетие, когда Сыны Злобы возвращались к останкам гигантского корабля, немногие избранные решались на Испытание Лабиринта. Больше их никто не видел, но считалось, что те, у кого хватило силы и хитрости преодолеть ловушки «Лабиринта», становились Обреченными, кланом священных воителей Злобы. Каждого из членов своего элитного клуба Изгнанник наделял божественными дарами небывалой силы и отсылал на темные тропы Галактики, дабы там Обреченные с холодным мастерством разили его врагов. Инвикт давно жаждал этого и теперь наконец-то почувствовал, что готов добиваться цели.

— Кто из вас достаточно силен, стел и сообразителен, чтобы встретиться с Лабиринтом? — спросил Кахал.

С высоко поднятой головой, с телом,

все еще покрытым кровью недавнего жертвоприношения, Инвикт шагнул вперед, дабы предстать перед Кахалом. Он не поклонился и не выказывал вассальной покорности, а, напротив, дерзко выставил подбородок в знак того, что готов безотлагательно встретить испытание.

Лорд Кахал удовлетворенно улыбнулся — широкая ухмылка почти нагловато рассекла его старческое лицо. Вдохновившись примером Инвикта, вперед выступили и другие, готовые доказать, что также достойны испытания. В итоге двадцать воинов встали плечом к плечу с Инвиктом, полные решимости встретиться с ужасами Лабиринта.

Покосившись в сторону, Инвикт заметил, что его брат Генарей в этом году тоже собрался участвовать в состязании. Им придется пройти испытание вместе, но на сей раз Инвикт был твердо настроен выйти из тени брата.

Когда лорд Кахал убедился, что больше никто не намерен ответить на вызов, он сделал двадцати воинам знак

следовать за ним. Мрачная процессия вышла из зала и направилась к темному сердцу заброшенного корабля. Наконец они достигли цели. Перед ними был обычный стальной люк, скрывающий за собой безымянные ужасы Лабиринта.

— За этой дверью ваша судьба, — произнес Кахал. — Вы войдете сюда без оружия и доспехов. Там, куда вы направляетесь, нет званий — в Лабиринте все равны. Используйте все, что сможете найти, и верьте друг другу. На дальнем конце корабля вас ожидает портал, ведущий к свободе. Тот, кто достигнет портала и ступит в его священные пределы, получит благословение Злобы. Остальные обретут лишь забвение. Те, кого я больше не увижу, — умрите достойно, братья. — С этими словами Кахал повернул колесо, отпирающее люк.

Скрипнув ржавыми петлями, дверь распахнулась. За ней была лишь темнота — но Инвикт не колеблясь ступил туда, подавая пример братьям.

Когда все оказались внутри, Инвикт услышал, как люк за ними захлопнулся.

Мерцающие огни заполнили коридор
тусклым багровым свечением. Воинам
пришлось подождать, пока их острые глаза
приспособятся к окружающему сумраку.
Пока они толпились у входа, Унвикту
снова слышался крик — однако его
источник все еще находился слишком
далеко, чтобы различить слова. От этого
звуча по спине Унвикта побежали
мурашки, но воин не позволил страху
остановить его. Он никогда не победит,
прячась в закоулках мертвого корабля.
Стиснув зубы, Унвикт повел своих
товарищей вперед.

Поначалу идти было легко. Перед
ним лежал широкий, без развилки
коридор. Шагая по нему, Сыны Злобы
подбирали все, что могло послужить
оружием: стальные прутья, острые куски
обшивки. Время от времени им попадались
и кое-что получше: автоган или огнемет,
зажатый в мертвой руке давно погибшего
соискателя. Унвикту достался болтер с
полупустым магазином, и воин вознес
Злобе беззвучную благодарность за этот

гар.

После часа ходьбы по сутрачным коридорам, не ознаменовавшейся никакими происшествиями, бойцы вступили в обширный зал. В дальней стене виднелось шесть широко распахнутых дверей. За каждой клубилась тьмота.

--- Которая из них? --- спросил Генарей.

Воины неуверенно переглянулись.

--- Возможно, здесь мы должны разделиться, --- ответил Инвикт. --- Если за одной из этих дверей таится лишь смерть, то по крайней мере остальные доберутся до конца Лабиринта.

Генарей кивнул. Другие тоже согласились. Если Лабиринт действительно так велик и опасен, как предполагалось, то лучше разбиться на группы, чем всем вместе угорить в ловушку.

Воины быстро образовали две группы. Генарей и Инвикт оказались в разных отрядах. Прежде чем они разошлись, Генарей склонил голову в последнем приветствии брату. Было ли это пожеланием удачи или, напротив,

полчаливым вызовом, Инвикт так и не
понял -- однако благожелательно кивнул в
ответ и последовал во трак за своим
отрядом.

Инвикт шел впереди, остальные
держались поблизости. Во время пути
воины слышали стук в стены, который
становился тем громче, чем глубже отряд
заходил в нутро мертвого корабля.
Казалось, звук следовал за ними по
разветвляющимся переходам. Несколько
раз бойцы останавливались, чувствуя, что
за ними следят невидимые существа, и
потинутно ожидая атаки, -- но ничего не
происходило.

Когда в темноте в очередной раз
послышались шаркающие шаги, воины
сбились в кучу, угрожающе размахивая
руками. Они неуверенно переглядывались,
пока отважный брат Кайнин не выступил
вперед. Из обломков, подобранных в
туннелях, он соорудил монор -- и теперь
выставил его перед собой, как будто
вызывая тень на поединок. Двумя
быстрыми ударами воин рассек

иелестящий трак.

Ничего.

Кайнин повернулся обратно и с неловкой улыбкой пожал плечами. Похоже, Сынов Злобы напугали совершенно безвредные звуки, словно участники испытания были кучкой новобранцев, а не закаленными в боях ветеранами.

Из тьмы раздался рев. Огромные лапы обхватили Кайнина, в горло ему впилась истекающая слюной челюсти. Не успев даже вскрикнуть, воин исчез в раздавшихся теньях. Кровь хлынула на пол там, где свирепое чудище разрывало на части тело.

Оставшиеся бойцы открыли огонь из всего имеющегося оружия. Инвикт вгонял заряды болтера туда, где еще несколько секунд назад стоял его товарищ. Брат Валлий с ржавым автоганом в руке шагнул вперед и распорол трак яростными очередями. Ответом ему был душераздирающий крик боли.

Отзвуки выстрелов стихли, и в коридоре воцарилась тишина. Никто из воинов не шелохнулся. Все они пристально смотрели во тьму, гадая, что может

выскочить оттуда и накинуться на них.

Внезапно по полубе заструилась кровь, и Инвикт решился сделать шаг. Прежде чем он успел подойти ближе, из мрака вывалилась огромная зловонная лапа. Когти заскребли по полу. Брат Ангустин потянулся и направил один из тусклых, свисавших с потолка светильников на издыхающую бестию. Тварь оказалась крупной и не похожей ни на одного из ксеносов, с которыми Инвикт встречался прежде. Плоть существа исказили мутации, словно оно подверглось воздействию варна. Беззубая пасть скалилась клыками, мертвые, лишённые зрачков глаза уставились в пустоту. Кожа твари была крепче дубленой шкуры, а на теле виднелись открытые язвы, источавшие странный тусклый запах.

Пока остальные братья остатривали трун Кайнина, Инвикт опустился на колени рядом с убитым существом. Ему хотелось поближе взглянуть на то, с чем предстояло встретиться во время испытания. Случайно его взгляд упал на плечо монстра. Там была какая-то метка.

почти стертая временем и мутациями, но все еще сильно различимая в рассеянном свете: черно-белый череп. Символ Злобы.

Инвикту показалось странным, что бессмысленная тварь несет на себе этот знак, -- однако, прежде чем он успел что-то сказать, брат Мортиган махнул в сторону уводящего вдаль коридора.

-- Надо идти, -- сказал он. -- Мы понятия не имеем, сколько еще таких чудищ бродит в темноте. Выстрелы могли выдать и нашу позицию.

И они пошли дальше, оставив труп монстра и тело брата Кайнина в сгустившихся позади теньях.

Инвикт больше не думал о метке. Сейчас у него были дела поважнее -- например, не угодить на обед одному из мутантов, прячущихся в этих адских туннелях.

За несколько часов они преодолели немало покрытых ржавчиной коридоров и заброшенных залов корабля, однако ловушки Лабиринта начали собирать свою

смертельную жатву.

Брата Кагона, легко одолевшего
порочью засаду во время битвы при
Угерверенгине, при переходе через узкий
тост обезглавила скрытая лазпроволока.
Брата Валлия, отрубившего голову лорду
Вакху у Ансоломских Врат, разгавила
гермогверь, на первый взгляд показавшаяся
нерабочей. Брат Мортиган, вместе с
Инвиктом наблюдавший за падением
Корогона JV, утонул в ядовитых отходах,
когда отряд пробирался по
канализационному стоку.

С каждой смертью завеса ужаса все
плотнее смыкалась над Инвиктом, но воин
заставлял себя двигаться дальше. Если
кому-то и суждено пережить испытание и
занять место среди Обреченных, это он, и
ничто не постыет встать у него на пути.

В конце концов шесть оставшихся
воинов оказались перед входом в большой
зал. Пол комнаты был усеян огромными
дырами, словно палубу пробили чьи-то
мощные стальные кулаки.

Инвикт первым вступил в отсек. Он
осторожно шагнул через порог, так, словно

пол мог обжечь его босые подошвы. Внутри не обнаружилось никаких хитроумных ловушек, и Цнвикт потащил за собой остальных. Обходя одно из гигантских отверстий, воин заглянул в дыру, туда, где пробитая палуба терялась во тьме нижних уровней. Неожиданно Цнвикта охватило гурное предчувствие.

— Пошевеливайтесь! — приказал он, каккүратно огибая изогнутые металлические зубцы. — Тут что-то не так.

В считанные секунды Цнвикт понял, в чем причина его тревоги. Комната пропахла тем же тусклым, которым разило от убитой в начале пути твари, — но мысль все равно пришла слишком поздно.

Брат Ангүстин предостерегающе крикнул и разрядил автоган в бросившегося на них из мрака мутанта. Вестии кидались со всех сторон, и комнату наполнил грохот автоматных очередей. Цнвикт поднял болтер, готовясь внести свою лепту в начавшуюся бойню, когда из теней прямо перед ним вырвалось еще одно

существо. Воин немедленно сместил прицел и трижды нажал на спуск. Все заряды поразили цель, превратив морду мутанта в мешанину крови и костей. Но не успела убитая тварь упасть, как еще один монстр прыгнул на Инвикта сверху. Воин вскинул пистолет и приветствовал мутанта волной огня, однако это не остановило бестию. Тварь врезалась в него, вцепилась когтистыми лапами и защемила зубами у самого горла. Инвикт пошатнулся. Он едва успел сжать руками челюсти твари, чтобы та не разорвала ему глотку, но при этом потерял равновесие. Вместе с впившимся в него мутантом воин провалился в одно из гигантских отверстий, зиявших в полу.

Во время падения Инвикт слышал звуки кипевшей наверху битвы — там оставшиеся братья отчаянно дрались за жизнь. Затем тьма поглотила его...

Он открыл глаза и тут же зажмурился, ослепленный мерцанием очередного фонаря. Подняв руку к лицу, Инвикт нащупал запекшуюся кровь. Он

провалился одной Злобе ведомо куда и ударился головой обо что-то твердое. Неизвестно, сколько он пролежал без сознания.

Внезапно Инвикт сообразил, что потерял болтер, и страх сжал его сердце. Мутант был поблизости. Даже сейчас тварь могла прятаться в тенях, изловившись к атаке. Воин вскочил на ноги, нервно оглядываясь в поисках хоть какого-нибудь оружия, — и понял, что причин для паники нет.

Комната, куда он упал, была битком набита обломками. Вокруг валялись механизмы с остро заточенными краями и ржавые листы обшивки. Только милостью Злобы Инвикт не напоролся на эти железные зубы. Мутанту, с которым он рухнул в дыру, повезло значительно меньше. Тело бестии пронзил стальной штырь, покосившись флажком торчавший из груды металла. Концы прута высывался из рта твари, ее черные глаза безжизненно уставились в пустоту. Зрелище почти вызвало жалость.

Наверху царила тишина. Сопратники Цнвикта либо погибли, либо отправились дальше, сочтя его мертвым. Отсюда ему придется идти одному.

Быстро обшарив груды обломков, Цнвикт нашел болтер и принялся оглядываться в поисках выхода.

Воин карабкался по мусорным кучам, когда что-то высунулось из темноты и схватило его за запястье, блокируя оружие. Цнвикт вскинул свободную руку, пытаясь защитить горло от зубов твари, — но внезапно остановился, пораженный. Из темноты на него смотрели не горящие злобой глаза мутанта, а один из братьев. Хотя Цнвикт не узнал его, тетка Злобы ясно проступала на плече человека. Однако это было не все. Кожу агента Злобы испятнали язвы, а лицо приняло гикое выражение. Очевидно, он находился на ранней стадии мутации.

— Пощади, брат, — просипел он, — я не причиню тебе вреда. — С этими словами человек выпустил запястье Цнвикта, но сам предпочел остаться в тени, милосердно скрывавшей его уродство.

Цинвикт осторожно шагнул назад, готовый при малейшей опасности пустить в ход болтер.

--- Что с тобой случилось? --- спросил он.

--- Лабиринт, брат. Мы становимся такими, если остаемся здесь надолго. --- Он погнул руку, показывая гнойники и прорастающие когти. --- Сто лет назад я, как и ты, внял посулам нашего магистра и вызвался участвовать в испытании. Шестеро из нас добрались до портала и сочли это победой. Однако, как выяснилось, Кахал рассказал нам не все. Когда первый из нас прошел через портал, путь закрылся, и остальные оказались в ловушке. Мы были заперты здесь и обречены каждый день бороться за жизнь. Я --- последний из выживших, но, как видишь, выживание ничего не стоит. Этого места коснулся варп. Еще немного --- и я стану одним из них.

Он кивнул в сторону насаженного на балку мутанта.

--- Так в Испытании может быть только один победитель? --- спросил

Цнвикт.

--- Да.

--- Тогда я должен спешить. Отсюда есть выход?

Несчастный указал на клубящиеся тени:

--- Выход там. Но берегись: вдоль пути расположены их гнезда. Тебе не пройти.

--- Я найду способ пройти.

Цнвикт шагнул к двери.

--- Прежде чем уйти, --- голос мутанта звучал почти утешающе, --- ты мог бы оказать мне ответную услугу...

Цнвикт поднял болтер и разнес лицо несчастного брата единственным выстрелом. Не оглядываясь, воин покинул железное кладбище и направился вглубь корабля.

С дальнего конца коридора донесся грохот болтерных очередей и вонь прометия. Цнвикт ускорил шаг. Ему не терпелось присоединиться к схватке, взор подернула алая пелена боевой ярости. Звук и запахи битвы приближались, и в

предвкушении этого сердце воина застучало чаще.

Теперь он мог разглядеть отчаянное побоище. Пять братьев сражались в тесном коридоре против наседавших на них лутантов. Среди космодесантников стоял и Генарей, поливая противника адским пламенем из найденного им огнемета. Те из тварей, что не сгорали мгновенно, попадали под огонь болтеров и автоматов.

Когда Инвикт присоединился к сражавшимся, Генарей взглянул на него с улыбкой:

— Где твой отряд? Ты уже успел потерять их?

Инвикт улыбнулся.

— Им повезло меньше, чем мне, — ответил он. — Но, как я полагаю, и у тебя не все гладко.

Новые лутанты неслись с другого конца коридора навстречу смерти. Болтер Инвикта добавил свой голос в мелодию оружейного огня.

— Впереди что-то вроде логова! — проорал Генарей, перекрикивая шум

выстрелов. --- Там полно этих тварей. Нам
не прорваться.

--- Тогда придется искать обходной
путь! --- крикнул в ответ Цнвикт.

Он указал на осыпавшуюся от
старости надпись у них над головой.
Генарей взглянул вверх и, прочитав слова
«воздушный шлюз», согласно кивнул.

--- Отступаем, --- приказал Генарей,
отойдя коридор новой порцией пламени.

Один за другим воины встретились
назад по коридору. Братья двигались
короткими перебежками, оборачиваясь и
прикрывая огнем соратников. Через
несколько секунд они добрались до шлюза,
оставив позади груду изувеченных тел.

Когда все братья оказались внутри
шлюза, Цнвикт потянул за старинный
рычаг, запечатав внешнюю дверь.
Оставшиеся снаружи мутанты яростно
бросались на люк в тщетных попытках
добраться до ускользавшей добычи.

Генарей встал к панели управления и
уменьшил давление в комнате, чтобы при
разгерметизации их не выбросило в
атмосферу. Цнвикт и остальные могли

лишь ждаты и смотреть, как лутанты
бьются об ударопрочный стеклопластик,
не оставляя надежды прикончить
собравшихся внутри воинов.

--- Эти твари безумны, --- заметил
брат Красс, пристально наблюдавший за
осатаневшими бестиями. --- Они готовы
сдохнуть, лишь бы добраться до нас.

Унвикт расхохотался.

--- Пристотрись получше. Эти твари -
то, во что ты превратишься. Все, кроме
одного.

--- О ком ты говоришь? --- удивился
Агон.

Слова Унвикта вызвали среди воинов
недоуменный ропот.

--- Когда-то они были нашими
братьями, также решившимися на
Испытание. Один из них говорил со мной и
сказал, что лишь тот, кто первым
пройдет через портал, окажется в
безопасности. Остальные будут брошены
здесь на милость варна.

Воины начали опасливо коситься друг
на друга, не зная, как отнестись к
пугающей новости.

— Мы обсудим это позже, — сказал Генарей. — Сейчас предлагаю всем сделать глубокий вдох и держаться покрепче.

Раздался пронзительный свист, и внешний люк шлюза пополз вверх, открывая черную пустоту илматериума.

Генарей взвалил огнемет на плечо и первым вынырнул в холодный вакуум, изо всех сил цепляясь за обшивку. Следом за ним отправился Агон, затем Красс и Септимон. Инвикт оглянулся на Молоха, предлагая ему двинуться следующим, но тот молча покачал головой и бросил на соратника подозрительный взгляд. Инвикт пожал плечами и нырнул в пустоту, крепко держась за полоску ветхого металла — свой единственный шанс на спасение. Не успел Молох присоединиться к нему, как из корабля с шумом вырвался воздух. Стеклопластиковая дверь наконец-то поддалась яростному напору, и корчащихся мутантов выбросило из декомпрессированного коридора прямо в илматериум.

Инвикт и братья быстро перемещались по корпусу корабля, стараясь

не смотреть, как то, что некогда было гордыми воинами, кучей мусора дрейфует во мраке.

Хотя мукраноидные железы и защищали их от вакуума, бесконечно это продлиться не могло. Инвикт ощутил немалое облегчение, когда Генарей открыл впереди еще один воздушный шлюз.

Генарей и Агон проникли на корабль. Остальные ускорили передвижение вдоль охватывающего корпус поручня. Красс забрался в шлюз следующим. Септимон уже готов был нырнуть внутрь, когда Инвикт почувствовал, что поручень прогибается под его тяжестью. Железные болты, удерживающие полосу металла, один за другим выскакивали из прогнувшейся обшивки. Инвикт покосился на Молоха, и в голове агента Злобы начал формироваться недобрый план. Смерть одного из соперников приблизит его к победе. К тому же Молох всегда был слабаком.

Когда Молох заметил презрительную ухмылку Инвикта, его лицо исказила паника.

Оба костогесантника поползли быстрее, пытаясь достичь шлюза прежде, чем поручень окончательно отвалится. Цнвикт схватился за край двери и почувствовал, как крепкая рука сжала его запястье. В последний раз оглянувшись на Молоха, он что было сил нагавил на поручень, вывернув оставшиеся болты и отправив незадачливого собрата в империум. Молох, кувыркаясь, полетел в пустоту, рот его распахнулся в беззвучном крике. В этот момент Цнвикта втянули внутрь.

Когда внешний люк с шипением закрылся, воины вновь смогли свободно дышать. Цнвикт заметил, что некоторые из соратников глядят на него с подозрением.

--- Что случилось с Молохом? --- спросил Агон, поднимая автоган.

--- Ты в чем-то обвиняешь меня, брат? --- ответил Цнвикт, потянувшись к болтеру.

Прежде чем остальные успели среагировать, оба воина уже целились друг в друга. Затем одним стремительным

движением Генарей направил огнемёт на Агона, а Септимон и Красс взяли на прицел Цнвикта.

— У нас и без того хватает врагов, — процедил Генарей. — Чем нас меньше, тем меньше шансов вообще добраться до портала. Когда мы найдём его, тогда пусть сила оружия и решит, кому из нас суждено выжить. А до тех пор мы все ещё остаемся братьями. Мы все ещё Сыны Злобы.

Цнвикт медленно опустил свой болтер, и Агон последовал его примеру.

— Хорошо, — сказал Генарей, — а теперь пошли. Скоро эти твари разгадают наш план. — С этими словами он спрыгнул из шлюза в ещё один бесконечный туннель.

Остальные воины последовали за Генареем, но каждый косился на товарищей, а особенно на Цнвикта, со все крепнущим подозрением.

Туннель спускался вниз, как будто затягивая их в самую преисподнюю. Цнвикт знал, что это нелепо: они брели по

развалинам древнего корабля, и, не смотря на суспензоры, создающие иллюзию гравитации, верха и низа здесь не существовало.

Тем не менее они углублялись в Лабиринт, и под ногами их начала скапливаться влага. Чем дальше они продвигались, тем больше становилось воды, и вскоре воины уже брели по пояс в зеленой вонючей жиже.

И снова из тайных глубин корабля донесся крик, причем сейчас он прозвучал намного ближе. Инвикт напряг слух, пытаясь различить слова, но опять не понял их значения. Фраза состояла из трех коротких слов, повторявшихся снова и снова. Что это за злобещая литания и на каком чужом и древнем наречии ее произносят, оставалось непонятным. Инвикт мог поклясться лишь в одном: тот, кто говорил, не был обычным смертным.

Внезапно туннель огласился воплем, заглушившим отдаленный рев. Воины разом обернулись. Кричал Красс, затыкавший их цепочку. Его тело словно

вздернула над водой невидимая рука. Бойцы вскинули оружие. Красс попытался крикнуть еще раз, но изо рта его хлынула кровь. Огромное, покрытое шипами щупальце пробило грудь воина и зашарило вокруг в поисках следующей жертвы.

Безжизненное тело Красса рухнуло в толпу. Отряд открыл огонь, изрешетив убившую их собрата тварь, — однако новые отростки уже тянулись из воды и слепороыскали, пытаясь нащупать добычу.

— Отступаем! — проорал Агон. — Их слишком много!

Инвикт начал пробиваться сквозь трясину, уворачиваясь от мечущихся щупалец. Много просвистел снаряд. Впереди костогесантник заметил поднимавшийся из воды туннель. Агон и Септимон стреляли поверх головы Инвикта, распыляя тянувшиеся к нему отростки, а когда воин миновал Генарея, тот окатил коридор огнем.

Уровень воды понизился, когда они вскарабкались по переходу, но щупальца не отставали. Если бы воинам удалось обратиться за дверь, они были бы спасены —

однако при их приближении люк начал медленно опускаться, угрожая запереть людей в коридоре с гибельными созданиями.

Септимон первым добежал до двери и, бросив оружие, вцепился в опускавшийся люк. Шестеренки заскрежетали, когда огромная сила костогесантника столкнулась с древним, желавшим их гибели механизмом.

Агон первым проскочил в люк, за ним Генарей. Инвикт, проходя последним, оглянулся на Септимона. На лице костогесантника застыло упрямое выражение. Он продолжал удерживать массивную дверь. Затем Септимон исчез. Металлический люк захлопнулся, оставив их брата по ту сторону лицом к лицу с разъяренными щупальцами.

Инвикт опустился на пол, тяжело отдываясь. Генарей протянул ему руку. Инвикт принял ее с благодарностью и с трудом поднялся на ноги. Все его тело болело.

— Где Агон? — спросил Генарей, встатриваясь в темноту коридора.

--- Должно быть, он решил, что мы уже близко к порталу.

--- И намерен занять место среди Обреченных, бросив нас здесь.

--- Тогда мы должны поторопиться, --- ответил Инвикт, срываясь с места.

Из последних сил оба воина поспешили за блудным братом. На этот раз первым двинулся Инвикт, на шаг впереди Генарея.

Коридор постепенно расширился и вошел в огромный, окутанный тенями зал. Из мрака вставали гигантские статуи --- часовые, с незапамятных времен охранявшие это место. Инвикта, однако, привлекло куда более величественное зрелище.

В дальнем конце зала сиял грандиозный портал. По всей его высоте скользили голубые окружности. Сверкающие кольца приплясывали, манили Инвикта, подзывали его ближе. Но между ним и порталом был Агон. Тот несся к голубому свечению, намереваясь заполучить приз, по праву принадлежавший Инвикту.

--- Агон! --- крикнул Генарей.

Приблизившись к порталу, Агон остановился и медленно обернулся. По лицу его расплылась улыбка.

--- Мне очень жаль, братья, но я вынужден вас покинуть. Желаю вам...

Что-то тетнулось из темноты, обрывая Агона на полуслове. Огромная хитиновая клешня, древняя и источенная, схватила его за пояс и вздернула на пять метров в воздух. Агон завопил. Клешня сжалась, и на губах воина заплырлась кровь. Разрезанное пополам тело рухнуло на палубу, разбрасывая петли кишок.

Затем существо выступило из мглы.

Его раздувшийся корпус несли четыре мощные конечности. Над ними возвышалась гора плоти и стали. Металлические пластины вросли в тело, покрытое волдырями ожогов. Две гигантские клешни вытянулись и угрожающе защелкали. Однако хуже всего была голова --- опухшая и искаженная, когда-то она могла принадлежать человеку, но в теперешнем диком и злобном обличье стала практически

неузнаваема.

Пока Инвикт в ужасе оглядывал монстра, тот распахнул пасть и испустил свой непрекращающийся вопль:

--- Я. ХОЧУ. ВЫЙТИ!

Его рев наполнил зал оглушительным эхом.

Теперь все сделалось ясно. Инвикт слышал не древний боевой клич --- просто безумные выкрики мутанта, запертого здесь в течение столетий и отданного на милость губительной силе варпа.

И сейчас лишь эта тварь отделяла его от победы.

Генарей решился действовать первым. Он выступил вперед и окатил башку монстра сгустком жидкого пламени. Когда огонь потух, Инвикт увидел, что раскаленные струи не оставили даже следа на жестком панцире. Подняв болтер, воин выстрелил в глаза твари, но разрывные снаряды лишь взбесили монстра.

Еще раз проревев свою просьбу об освобождении, мутант направился к ним.

--- У меня остался всего один

выстрел, — произнес Цнвикт. — И наго,
чтобы он не пропал зря.

— Я понял, брат, — ответил Генарей,
перехватив приклад огнемета.

Чудовище открыло пасть для нового
крика, и Генарей воспользовался этим,
чтобы швырнуть огнемет в распахнутые
челюсти.

Цнвикт прицелился, выжидая
момента. На выстрел ему останется доля
секунды. Но Цнвикт был ветераном Сынов
Злобы, непревзойденным на поле боя. Доли
секунды более чем достаточно.

Когда огнемет очутился в пасти
монстра, разрывной снаряд пробил бак с
прометием, воспламеняя жидкость.
Раздался взрыв, и череп мутанта
разлетелся на куски, навеки оборвав его
зов. Несколько мгновений тело гиганта
покачивалось, еще не уверенное в
собственной смерти. Затем, как
лишившаяся фундамента башня, оно
повалилось на землю.

Генарей улыбнулся брату.

— Теперь нас только двое, —
проговорил он. — И я вижу перст судьбы в

том, что нам предстоит сразиться в последний раз. Исход поединка решат лишь наше мужество и руки, и победитель получит все. -- Он махнул в сторону мерцающего и манящего портала. -- Как я ждал этого дня, Инвикт. Наша дружба выкована в сотне сражений и скреплена кровью тысяч поверженных врагов. Это будет всем битвам битва. Я жалею лишь о том, что мы оба не сможем выйти отсюда победителями, -- но, как ты знаешь, приз достанется одному.

Инвикт согласно кивнул.

-- Мне тоже очень жаль, брат, -- ответил он, поднимая болтер, -- потому что, когда я сказал, что у меня остался только один выстрел, я солгал.

Прежде чем Генарей успел возразить, Инвикт нажал на спуск и вышиб своему брату мозги.

Отбросив оружие с окончательно опустевшим магазином, Инвикт гордо прошел к сверкающему portalу и ступил в его благословенный свет.

Он очутился в центре широкого

резного круга. Там пересекались древние символы, навевавшие мысли о демонических личинах, — но, когда Инвикт попытался сфокусировать на них взгляд, лики демонов исчезали.

Вокруг победителя сплошной стеной посверкивал силовой щит. Инвикт не представлял, от чего его понадобилось бы защищать, — что бы ни появилось из-за границы круга, отступить он не собирался. Тем не менее приказы лорда Кахала не обсуждались.

Вдоль стен зала расположились братья, уже облачившиеся в боевую броню, несущие знамена и регалии ордена Сынов Злобы. Зал поднимался вверх ступенями амфитеатра, что позволяло всем хорошо разглядеть происходящее. Каждый станет свидетелем церемонии, каждый сможет наблюдать, как Инвикт вступит в ряды Обреченных.

Прежде этого никогда не случалось. Должно быть, Кахал счел его победой исторической, раз решился подобным образом нарушить традицию.

Инвикт увидел, как с дальнего конца

зала приближается лорд Кахал в
окружении библиариев и
священнослужителей, облаченных в
лазурные мантии. Сервиторы несли
древние инкунабулы органа, а из
автоматических вокс-трансляторов,
паривших рядом с процессией, раздавались
звuky литургий. Но было и кое-что еще:
техногесантники органа тащили в своих
теханоконечностях несколько больших
контейнеров. Инвикт понятия не имел,
что находится в контейнерах, но их
неожиданное появление отчего-то
встревожило воина.

Гигантское потешение наполнилось
ароматом тлеющих благовоний, и над
процессией повисла зловещая тишина.
Молчание становилось пугающим, и
беспокойство Инвикта постепенно
перерастало в страх. Это был не тот
торжественный ритуал, на который он
рассчитывал, — скорее происходящее
напоминало погребальную церемонию.

Едва лишь чувство успело
сформироваться и закрепиться, как к
Инвикту приблизился Кахал. Лицо

магистра, выступившее из дыльной мглы,
было мрачным.

— Ты доказал, что ты лучший из нас,
Цнвикт. Твоя сила и хитрость не знают
равных. Ты величайший, последний, кто
достойн присоединиться к Обреченным.

К этому моменту воина окружили
библиари. Из-под их капюшонов доносилось
монотонное бормотание. Древняя и
темная речь, транслируемая вокс-
передатчиками, делалась громче с каждой
секундой. Цнвикт ощутил в воздухе
металлический привкус, как будто над
залом сгущалась гроза. Технодесантники
установили контейнеры, общим числом
десять, вокруг Цнвикта. Они с
благоговением сняли священные печати,
скреплявшие замки, и содержимое
контейнеров открылось миру. На Цнвикта
установился десяток бледных лиц — десять
воинов, чьи тела сохранили прежнюю силу,
но чей разум давно угас.

Беспокойство стенилось холодной
паникой. Воин пытался убедить себя в
том, что это часть ритуала, что бояться
нечего, но самые глубокие инстинкты

приказывали ему бежать как можно скорее. Однако силовой щит исключал всякую возможность бегства.

— Ты одиннадцатый герой, Инвикт, одиннадцатый и последний. Погляди на своих соратников. — Кахал повел рукой в сторону бессмысленных лиц. — Это твои предшественники. Каждый из них прошел Испытание Лабиринта ради чести вступить в ряды Обреченных. Тысячу лет мы искали чемпионов, достойных его. У вчерашней ночью наконец-то все вы в сборе. Теперь мы сможем начать крестовый поход. Теперь мы достаточно сильны, чтобы вернуть то, что у нас отобрали, — наш родной мир, Склус. Никто не посмеет встать у нас на пути: ни гнусные божества Хаоса, ни слуги Повелителя-Труна. Убо с этого дня рядом с нами шагает он.

Инвикт взглянул себе под ноги, и страх сжал его сердце. Из вырезанных в полу рун начал струиться нездешний свет. Свет плясал и кружился, переливаясь синим, зеленым и красным.

— Теперь ты узнаешь, что значит

быть Обреченным, --- продолжил лорд Кахал, отступая на шаг. --- Теперь Злоба покажет, что принесла тебе победа.

Инвикт попытался заговорить, попытался спросить, что происходит с ним, но его губы не двигались. Он не мог произнести ни слова. Шепот библиариев стал громче, вокс-передатчики вторили их речитативу. Мелодия звучала крещендо. Сияние у ног Инвикта усилилось, потянулось вверх, жала его тело и омывая воина безжалостным светом.

--- Ты воистину достоин, Инвикт, Сын Злобы! --- взвизгнул Кахал, простирая руки к сгустившимся под потолком теням. --- Слышишь ли ты его шаги? Он готов принять твою жертву. Он явился за Победителями Лабиринта. Он явился, чтобы присоединиться к нам!

Инвикт проследил за взглядом Кахала. Подняв голову к потолку, он увидел в тенях нечто огромное, нечто, воззрившееся на него горящими злобой глазами. Нечто свирепое скрывалось во тьме.

Инвикт закричал. Закричал от боли.

охватившей его тело. Закричал от ужаса, пронзившего его душу. Но никакой крик уже не мог остановить ритуал.

Ужасное существо начало спускаться, неся с собой тьму и боль. Инвикт издал последний отчаянный вопль, и плоть отделилась от его костей.

Когда тело его было поглощено, воин осознал, что отныне ему не суждено даже блаженное забытие смерти.

В зале царило молчание.

Сыны Злобы наблюдали за тем, как свирепый свет пожирает тело брата Инвикта вместе с телами остальных героев Лабиринта, как перемолотые невидимыми клыками конечности, вынотрошенные торсы и скрученные головы исчезают в озере черного сияния.

То, что предстало сейчас перед их глазами, не было их братьями. Инвикт и остальные ушли, дабы присоединиться к легендарным Обреченным.

Перед ними теперь находился дух, которому они поклонялись тысячелетиями. Призрак, который

возглавит их в битве за несправедливо
утраченное.

Лишь жертвоприношение позволяло
призвать его. Только получив в жертву
лучших и достойнейших воинов, он мог
вступить в этот мир.

И вот он стоял перед Сынами, меряя
их огненным взором, --- Бог-Отступник,
Изгнанник, Утерянный, Церарх анархии и
террора...

...Злоба.

Стив Паркер

ОХОТА ЗА ГОЛОВАМИ

По бархатному покрывалу костоса, кое-где прожженному звездами, двигалось что-то огромное, размером с городской квартал, темное и монстрообразное, заслоняя алмазные огни созвездий, будто глотая их целиком. Глаза навывкате, словно у огромной слепой рыбы, горели злобным зеленым светом.

За этим левиафаном, предвестником гибели, было страшно наблюдать, и его путь нес за собой агонию и разрушение для бесчисленных жертв все те столетия, пока он путешествовал среди звезд. Сейчас он проходил через подсектор Харибды, оставляя за собой следы агрессивной красной плазмы и целеустремленно

разрезая чернильную тьму.

Цель была уже близко, и звериные черты существа начали меняться. На его торге появились новые огни, горевшие ненамного сильнее и ярче его глаз, освещающие сонты маленьких и больших спутников, которые танцевали и крутились на орбите вокруг сияющей оранжевой сферы Арронакса II. Неморопливым движением левиафан опустил массивную нижнюю челюсть и приготовился к приему пищи.

Сначала сверкающие осколки, которые он глотал, были мельчайшими фрагментами, размером ненамного больше человека. Но вскоре в разинутую пасть стали попадать тяжелые и объемные куски, минуя ряд острых зубов и исчезая в чернот горле.

В течение нескольких часов монстр питался костячешким мусором, поглощая все, что помещалось в его пасть. Добыча оказалась удачной. В минувшие эпохи здесь произошло много битв, а ныне оставались лишь безжизненные миры и обломки разбитых кораблей, медленно танцевавшие вокруг звезды по

эллиптической орбите. Но у разбитых кораблей теперь появилось будущее. После захвата их переплавят и отстроят заново в формах, которые будут сеять смерть и бесчисленные разрушения. Потому что, конечно, этот зверь, этот голодный демон пустоты вовсе не был зверем.

Это был корабль орков. А массивные изображения, второпях нанесенные на оболочку, подтверждали его принадлежность к клану «Мертвый череп».

Восстановление давления началось сразу после того, как огромные металлические челюсти корабля с лязгом закрылись. Процесс занял около двадцати минут. Насосы заполнили ангар захвата воздухом — густо пахнущим, но пригодным для дыхания. Орки, столпившиеся в коридоре за герметичными дверями ангара, ревели от нетерпения и стучали кулаками по толстым металлическим переборкам, толкаясь и отпихивая друг друга, чтобы занять самое удобное положение. Но как только стало казаться, что кровавая града не минует,

включились сирены, а тяжелая дверь открылась. Орки ринулись вперед, продираясь сквозь толпу, устремляясь к горам мусора, чтобы отхватить себе лучшие куски.

Самые крупные и темнокожие вступили в борьбу. Они ревели и грались, обнажая клыкастые челюсти, размахивали инструментами и оружием, в изобилии пристегнутым к увеличенным конечностям. Они могли бы убить друг друга, если бы не массивная кибернетическая броня на них. Ведь это были не просто зеленокожие пехотинцы, а орки уникального происхождения, инженеры собственной расы, рожденные с пониманием работы машин. Это понимание являлось одним из их основных инстинктов, как и стремление к насилию и пыткам.

Но, как и в любой касте, огни были умнее других. Пока самые сильные ревели и стучали по защищенным металлом телам, один орк, немного ниже и худее остальных, проскользнул мимо них и спрятался в тени, намереваясь поживиться первым.

На грубом языке их расы этого орка звали Горзрот, и, несмотря на огромное количество добычи, которое проглотил их корабль, Горзрот быстро нашел нечто действительно ценное. В самой задней части ангара, заполненной барахлом, ближе к огромным металлическим зубам корабля, он обнаружил разрушенный, оторванный нос человеческого судна средних размеров. Рассматривая его, Горзрот заметил орудия, выдававшиеся из передней части. Его сердце забилося быстрее. Не важно, в рабочем ли состоянии система оружия, — с ней можно много чего сделать. Теперь он станет более опасным орком, с которым будут считаться.

Воровато оглянувшись и убедившись, что никто из крупных орков его не заметил, Горзрот двинулся прямо к разбитому носу, протянул шишковатую руку и прикоснулся к оболочке. Защитная броня сильно пострадала, ее всю покрывали отверстия и рытвины от выстрелов плазмы и следов торпед. Сзади металл почернел и покорежился — как раз в том месте, где оторвался от основной части

корабля. Похоже, судно разрушило взрывом. Однако для Горзрота причина гибели судна значения не имела. Что имело значение --- так это его потенциал. В ограниченном путишке орка быстро сменяли друг друга видения изощренных убийств. Их было так много, что он от волнения перестал дышать, пока легкие не отозвались болью. Эти видения --- дары Горка и Морка, кровожадных богов зеленокожих, --- уже приходили к нему множество раз. Видения посещали всех орков-инженеров, и ничто, кроме терзания вражеской плоти, не приносило им большего удовольствия.

Внезапно из оцепенения Горзрота вырвало нечто совсем маленькое и незначительное.

Внизу, с левой стороны разрушенного корабельного носа, из-под спутанных кабелей, обломанных балок и погнутых бронированных пластин начала лизать латпочка, возбуждав простодушное любопытство орка и привлекая его к себе. Свет был несильным, зеленым и походил на сигнал какой-то кнопки. Горзрот начал расчищать пространство вокруг него. Он

кряхтел и пыхтел от усилий, потея в своей броне, несмотря на гидравлическую стимуляцию, облегчавшую движения.

Через несколько минут он убрал все препятствия между собой и мигающим светом и увидел, что это действительно кнопка.

Горзрот вытянул палец, чтобы нажать ее, как вдруг что-то потащило его назад с непреодолимой силой. Упав на спину, он зарычал, но тут же попытался подняться снова. Однако в этот раз его придавил к земле огромный металлический ботинок, прогибая броню на животе и вдавливая тело в слой колючего лома.

Горзрот посмотрел в горящие красные глаза самого большого и тяжелого орка в ангаре захвата.

Это был Зазог, личный инженер могучего военачальника Балтазога Кровожадины, и мало кто из орков на корабле оспаривался оспаривать его право на добычу. Именно поэтому он приходил в ангар захвата последним — его опоздание служило высшим символом доминирования

среди мусорщиков.

Теперь Зазог заявлял свое право на добычу, отвернувшись от Горзрота и пойдя к разрушенному носу. Там он нагнулся, чтобы изучить тигающую кнопку. Он хорошо знал, что это значило. На борту наверняка находился рабочий источник питания — а это намного ценнее, чем большая часть добычи. Зазог достал переносной факел из средней фаланги механического левого когтя и выжег грубое подобие собственной метки на боку разрушенного носа, затем поднялся и проревел вызов тем, кто находился возле него.

Десятки ничтожных, слабейших представителей расы орков разбежались в панике, исчезая в тени. Другие отступили, сердито рыча на Зазога. Но никто не осмелился ему перечить.

Зазог пристально смотрел на каждого, принуждая их, одного за другим, опустить взгляд или утереть от его руки. Затем, довольный их покорностью, он повернулся и нажал толстым пальцем тигающую зеленую кнопку.

Ничего не произошло. Зазог заворчал и ткнул в нее снова. Опять ничего. Он уже собирался раздавить ее могучим кулаком, когда услышал шут.

Открывались герметические пломбы. Дверь загрожала и начала вздвигаться внутрь оболочки.

Морщинистое, покрытое шрамами лицо Зазoga скривилось в зловещей устешке. Да, источник питания на борту есть. Движение двери это подтверждает. Он, как и Горзгот, начал испытывать вспышки божественного вдохновения, его посещали видения оружия настолько величественного и смертоносного, что с ними едва справлялся его ограниченный разум. Не важно — как только он начнет их сооружать, ил будут руководить боги. Его руки станут автоматически изготавливать то, что мозг едва в состоянии понять. Так было всегда.

Теперь раздвижная дверь полностью открылась. В это отверстие как раз мог протиснуться закованный в броню Зазог. Он устремился вперед к двери, но его натерению не суждено было

существовать.

Из теней внутри дверного проема слышался тихий звук, похожий на кашель.

Череп Зазога разлетелся на кровавые осколки. Обезглавленное тело рухнуло в мусор.

Другие орки наблюдали за происходящим, разинув рты. Они смотрели на тело Зазога, пытаясь понять туманные образы в собственных мозгах. Игнорируя очевидную угрозу, самые крупные орки начали заявлять свое право на добычу и отпихивать других в сторону, не понимая, что их собственная смерть неизбежна.

Так и произошло.

Из двери, открытой Зазогом, вырвалась огромная черная тень. Гигант, не такой большой, как окружающие его орки, но массивный, двинулся со скоростью и уверенностью, которыми мог похвастаться любой орк. Длинные адамантовые когти существа сверкали и трещали от энергии, пока оно рубило и резало все вокруг — настоящим

стертоносным вихрем. С каждым ударом убийством в воздух взметались фонтаны густой красной крови. Зеленокожие почувствовали себя мясом на бойне.

Из разрушенного корабля появились четыре новые тени, как и первая, все облаченные в тяжелую черную керамитовую броню. Левые наплечники украшали хитросплетенные изображения черепа и буквы J, но символы на правом плече у каждого были свои.

— Очистить помещение! — рявкнул один из них в коммуникатор, пристрелив зеленокожего прямо перед собой, плюнув смертью из бесшумного болтера. — Быстро и тихо. Убить остальных, пока они не подняли тревогу. — Переключив канал, он отчитался: — Сигма, это Альфа «Когтя». Фаза один завершена. Устремительная команда на борту. Работаем над пунктом вхождения.

— Вас понял, Альфа, — ответил безжизненный голос на другом конце. — Продолжайте выполнение задания. Выход в течение часа, согласно инструкциям. У капитана Редторна приказ отчаливать.

если вы пропустите свое время, так что держите команду в узде. Это не операция по зачистке. Ясно?

--- Предельно ясно, Сигма, --- коротко подтвердил командир истребительной команды.

--- Надеюсь, так оно и есть, --- отозвался голос. --- Сигма, конец связи.

Для очистки ангара захвата отделению «Коготь» понадобилось меньше минуты. Брат Раут из ордена Экзорцистов пристрелил последнего из убегающих зеленокожих, когда тот мчался к выходу. Когда в его спину вонзился единственный снаряд, существо споткнулось. Через полсекунды приглушенный плотью взрыв разорвал его на части.

Это был последний из двадцати шести орков, павших среди награбленного лома.

--- Цель поражена, Каррас, --- отчитался Раут. --- На территории чисто.

--- Подтверждаю, --- ответил Каррас.

Он повернулся к костомодесантнику с тяжелым огнеметом. -- Олни, ты знаешь, что делать. Остальные -- прикройте вход.

Вся команда, кроме Олни, тут же заняла позиции, прикрывающие устье коридора, по которому пришли орки. Олни, также известный как Максимтион Восс из Имперских Кулаков, двигался вдоль стен -- сначала правой, а потом левой, быстро обрабатывая толстые гидравлические поршни и кабели электропитания.

-- Грязно сработано, Каррас, -- заявил брат Соларион. -- Они видели нас, когда мы выходили. Говорил же тебе -- надо было использовать дым. Если бы хоть один убежал и поднял тревогу...

Каррас проигнорировал замечание. Соларион, как всегда, был в своем репертуаре.

-- Успокойся, Пророк, -- отозвался брат Зиг, вспомнив Соларионову кличку. Зиг придумал ее сам и знал, как она раздражала гордого Ультрамарина. -- Помещение очищено. Никто не ушел. Тревоги не было. Ученый знает, что

делаем.

Ученый. Именно так они называли Карраса — во всяком случае братья Восс и Зиг. Раут и Соларион настаивали на том, чтобы к нему обращались по второму имени. Сигма всегда называл его Альфой. А его боевые братья на Окклюдусе, родные ордена Теней Смерти, обращались к нему по первому имени — Лиандро, а иногда просто когичий — таким был его ранг в библиариуме.

Для Карраса не имело значения, как его называют, пока все выполняли свою работу. Ему оказали честь, предложив вступить в Караул Смерти, и он принял предложение, зная великую славу, которую такая служба принесет ему и его ордену. Но когда его обязанности перед Святой Инквизицией Императора закончатся, жалеть он об этом не будет. Жизнь Астартес среди собственных братьев по ордену намного проще.

Когда же он вернется туда? Каррас не знал. Для службы в Карауле Смерти не отводилось определенного срока. Инквизиция предъявляла высокие

требования ко всем, кого призывала.
Каррас может не увидеть прекрасные
подземные города родной планеты еще
несколько десятилетий... если проживет
так долго.

--- Готово, Ученый, --- отчитался Восс,
присоединившись к остальной части
команды.

Каррас кивнул и указал в сторону
разбитого пикт-экрана и приборной доски с
рунами, торчавшей из стены, возле
единственного выхода из ангара.

--- Отсюда можно что-то взять? ---
спросил он.

--- С экрана --- ничего, --- ответил
Восс, --- но я могу попробовать записать
поток данных прямо на свой визор.

--- Давай, --- приказал Каррас, --- но
только быстро. Затем он обратился к
остальным: --- Приступайте ко второму
этапу. Соларион, займи позицию.

Ультратарин коротко кивнул,
поднялся с пола и прокрался в затененный
коридор с болтером наготове. Несмотря на
огромный вес брони, двигался он плавно и
почти бесшумно. Ториас Телион,

знаменитый магистр скаутов
Ультратаринов и бывший ментор
Солариона, гордился бы своим лучшим
учеником.

Один за другим, кроме Восса, члены
истребительной команды последовали за
Соларионом.

Грязные, ржавые коридоры корабля
орков освещались, но электрические
лампы, которые зеленокожие воткнули
среди сплетения труб и изоленты, были
старыми и работали плохо. Уцелевшие
шпатели и лопаты в попытке дать хотя бы
слабый свет. Но и такое плохое освещение
лидера отряда совсем не радовало.
Инквизитор, которого отряд знал только
по прозвищу Сигма, установил, что
количество орков на корабле превышает
двадцать тысяч. Имея такие исходные
данные, Каррас знал, что лишь темнота и
хитрость станут его лучшим оружием.

--- Погасите свет, --- проворчал он. ---
Чем больше мы будем скрываться, тем
больше у нас шансов свалить с этой старой
рухляди.

--- Мы можем отстреливать их по дороге, --- предложил Соларион. --- Но мне не хочется зря тратить снаряды на этих существ.

В этот момент Каррас услышал Восса по коммуникатору:

--- Ученый, я тут закончил с терминалом. Вытащил из памяти несколько старых деклараций с описанием груза. Но, кроме этого, почти ничего нет. Видимо, когда-то этот корабль был мирным тяжеловозом типа «Магеллан», построенным на Стигии. Назывался «Негас»!

--- Схемы нет?

--- Большая часть памяти сильно повреждена. Ей тысячи лет. Нам повезло, что достали хоть что-то.

--- Сигма, это Альфа, --- начал передачу Каррас. --- Корабль орков построен вокруг имперского транспорта под названием «Негас». Требую схему, приоритет наивысший.

--- Принял, --- отозвался Сигма. --- Бюджет у тебя, как только я ее получу.

--- Восс, где ты сейчас? --- спросил

Каррас.

--- Негалеко от вашей позиции, ---
ответил Имперский Кулак.

--- Не знаешь, от какого кабеля идет
питание для освещения?

--- Посмотрите наверх, --- сказал
Восс. --- Видите кабели вдоль потолка?
Вам нужен вон тот толстый, третий
слева. Готов поспорить на свой нож.

Отдавать приказ Каррасу не
пришлось. Как только Зиг услышал слова
Восса, он тут же выбросил вверх правую
руку. Когти десантника Гвардии Ворона
прорезали кабель, помещение осветила
голубая вспышка, и коридор погрузился в
полную тьму.

Но Астартес продолжали видеть
ясно, как днем. Их шлемы МК-VJJ, как и
все остальное в обмундировании, были
значительно усовершенствованы лучшими
техниками Инквизиции. Они могли
похвастаться таким качественным
режимом инфракрасного видения при
низкой освещенности, с которым еще
никогда не сталкивался Каррас. За все три
года руководства отрядом этот режим

сыграл ему на руку множество раз. Он надеялся, что шлемы будут помогать ему также и в последующие годы, но все зависит от того, выживут ли они здесь. У Каррас слишком хорошо понимал с самого начала, что шансов практически нет. Не только из-за численности врагов или сжатых сроков. Здесь было нечто, с чем столкнулся кто-то из истребительных команд Караула.

Каррас уже чувствовал присутствие этого нечто на верхних уровнях корабля.

--- Угем дальше, --- командовал он остальным.

Через три минуты после того, как Зиг отрубил свет, Соларион шепотом приказал всем остановиться.

--- Каррас, --- выдохнул он, --- там впереди много ксеносов. Подойди и глянь.

Каррас приказал остальным остановиться и пошел вперед, стараясь не удариться и не зацепиться наплечниками за изогнутые трубы вдоль обеих стен. Пригнувшись к земле рядом с Соларионом, он понял, что о небольшом шуме ему

беспокоиться не стоило. Перед ним в восьмиугольной комнате с высоким потолком собралось около сотни орков. Они кричали, стаялись и боролись друг с другом, чтобы пробиться поближе к центру.

Ни Каррас, ни Соларион не видели ничего за широкими зелеными спинами, но что-то в середине явно привлекало внимание орков.

— Что они делают? — прошептал Соларион.

Каррас решил, что выяснить это можно лишь одним способом. Он сосредоточил внимание в глубине живота и начал декламировать литанию Зрения за пределами Зрения, которой в первые годы в библиарии его научил бывший командир Ацио Коргат. Невидимые Солариону под толщей шлема, обычно темно-красные глаза Карраса загорелись неземным белым пламенем. На лбу у него появилась рана. Капля крови скатилась к основанию узкого острого носа. Каррас чуть приоткрыл душу опасной силе внутри себя, и рана медленно растворилась в

ответ, демонстрируя физическое воплощение его внутреннего глаза.

Каррас почувствовал, как сознание выходит из тела. Он направил его глубже в помещение, поднял над спинами орков и посмотрел на них сверху.

В центре металлического пола находилась глубокая впадина, заполненная отвратительными и фантастическими существами всевозможных цветов. Над огромными ртами, усеянными острыми зубами, виднелись крошечные красные глазки.

— Это кормовой зал, — передал Каррас своей команде по каналу. — Там в центре яма со сквизами.

Пока его проецированное сознание наблюдало, зеленокожие на краю ямы протыкали мягкую плоть своих жертв палками, обмотанными колючей проволокой, затем поднимали кровоточащих и орущих сквизов в воздух, прежде чем дотянуться до них, снять с крючков и сожрать.

— Они заняты, — сказал Каррас, — но нам придется найти обходной путь.

— Зашли меня туга, Ученый, — прозвучал сзади голос Восса. — Я их всех за жарю, прежде чем они поймут, что на них напали. Призрак может меня подстраховать.

— По твоему приказу, Ученый, — горячо отозвался Зиг.

Призрак. Сифер Зиг. Когда на нем не было шлема, о причине такой клички можно было легко догадаться. Подобно Каррасу и всем братьям из соответствующих орден, Зиг стал жертвой неисправного меланохромного имплантата, небольшой мутации в древнем и во всем остальном достойном геносемени. Кожа у него и у командира истребительной команды была белой, как фарфор. Но в то время как Каррас обладал кроваво-красными глазами и бесцветными волосами настоящего альбиноса, глаза Зига были чернее угля, а волосы такие же темные.

— Отставить, — сказал Каррас. — Найдем обходной путь.

Он вытолкнул астральную проекцию дальше в комнату, отчаянно пытаясь

найти способ, который не потревожит врага, но выбора не оставалось. Только обратив сознание выше, он увидел то, что искал.

--- Возле потолка есть переход, --- сообщил он. --- Выглядит непрочным, весь проржавел, но если будем идти по одному --- выдержит.

Его перебил резкий ледяной голос:

--- Альфа «Когтя», подготовиться к получению схем. Начинаю передачу.

Каррас вернул сознание обратно в тело, и его светящийся третий глаз закрылся, оставив на коже легчайший шрам. С помощью обычного зрения Каррас изучил дисплей собственного шлема и увидел, как загружаются последние проценты файла со схемами. После завершения передачи он отдал теленативскую команду, и шлем отобразил схему в виде мерцающего зеленого рисунка прямо на роговице левого глаза.

Он знал, что остальные видят то же самое.

--- Согласно этим схемам, --- сказал

он, -- для доступа есть встроенная в стену лестница возле второго перекрестка, который мы прошли. Вернемся к нему. Из коридора выше есть доступ к проходу.

-- Если он еще остался, -- ответил Соларион. -- Орки могли его закрыть.

-- И если мы пойдем назад, то потеряем время, -- пробурчал Восс.

-- Меньше времени, чем заберет у нас перестрелка, -- возразил Раут. Его резкий скрипящий голос стал еще более жестким из-за искажения звука в коммуникаторе. -- Для таких требуется время и место, но не сейчас.

-- Наблюдатель прав, -- неохотно согласился Зиг. Хотя с Раутом редко соглашался.

-- Я тебе уже говорил, -- предупредил Раут, -- не называй меня так.

-- Прав, не прав, -- перебил их Каррас, -- мы здесь не голосуем. Я отдал приказ. Угел.

Каррас перешел мост над кормовой ятой орков последним. Тени здесь были густыми, и пока противники Астартес

ничего не заметили, хотя иногда казалось, что старое железо вот-вот не выдержит, особенно под огромным весом Восса, его огнеметом и большими запасами взрывчатки и прометия в рюкзаке.

С таким весом Имперского Кулака и его груза Каррас решил отправить его через мост первым. Восс перебрался на грузовую сторону, но настоящим чудом оказалось то, что орки не заметили снопа красных искр, брызгавшего на них.

«Хорошо, что мы не взяли с собой старого Хирона», — подумал Каррас.

Шестой участник «Когтя» не вышел бы из ангара захвата: коридоры на этом корабле были слишком узкими для могучего костодесантника. Вместо этого Сигма приказал устрашающему гредноуту, который ранее служил в ордене Плакальчиков, а теперь стал постоянным членом команды, остаться на корабле Редторна «Святой Неварр». Это привело к паре стычек: Хирон обладал взрывным характером.

Каррас прошел путь, сантиметр за сантиметром, вдоль скрипучей

металлической решетки, надежно пристегнув болтер к магнитному держателю на правом бедре, а силовой меч — в ножнах на левом. На массивное плечо он повесил криокейс — Сигма настоял, чтобы они взяли его с собой. Каррас проклинал его приказ, но оставить кейс не мог. Он добавлял еще двадцать килограммов к и без того немалому весу начальника отряда, но этот груз был самым важным для миссии. Выбора не оставалось.

Глядя вперед, Каррас видел, как замкнул наблюдает Раут из конца прохода. О чем думал Экзорцист? Каррас даже не догадывался. Ему никогда не удавалось понять таинственного Астартес. Похоже, что Раута вообще не коснулся варп. Он просто не простатривался. Даже его броня, его болтер — и те резонировали в варпе сильнее, чем он. И эту аномалию Раут обсуждать не хотел.

Впрочем, между ними никогда не было теплых чувств. Каррас понимал это и сожалел. Время от времени он пытался найти к Рауту подход, обратиться к нему

но каждый раз Райт его отвергал. Экзорцист был недостижимым, отстраненным и, похоже, собирался оставаться таким и далее.

Когда Каррас сделал очередной шаг, крикейс на ретне внезапно рванулся вперед, переместив центр тяжести костодесантника и угрожая ему потерей равновесия. Каррас удержался на ногах, но от приложенного усилия мост треснул, от него оторвался кусок ржавого металла и улетел вниз.

Каррас замер, надеясь, что орки этого не заметят. Но один из них оказался внимательнее остальных.

Он был на краю ямы и тыкал толстого сквига своей палкой, обмотанной колючей проволокой, когда кусок металла ударил его по голове. Орк тут же прервался и стал внимательно всматриваться в тени наверху, подозрительно щурясь на высокий неосвещенный потолок.

Каррас тоже вперил в него взгляд, мысленно приказывая ему отвернуться. Однако читать мысли и контролировать

их — совсем разные способности, и последний костюмодесантник не обладал. В итоге орк отвлекся от наблюдения не по воле Карраса, а по вине склонной натуре зеленокожих.

Другие орки вокруг, которым не терпелось поживиться, начали дергаться палку. Одному удалось ее схватить, и наблюдающий орк вдруг оказался без возможности поест. Он тут же влез в жестокую драку с отобравшим у него палку и теми, кто находился рядом. Орки, толпившиеся за ним, рванули вперед и толкнули его в яму со сквизами.

Каррас увидел, как сквизы набросились на злополучного орка, вонзая глинные зубы в его плоть и отрывая огромные кровавые куски. Пищевая цепочка вывернулась наизнанку. Орки вокруг ямы стеялись, скакали и тыкали в утирающего товарища палками.

Каррас не остановился, чтобы понаблюдать за этим зрелищем. Он двигался осторожно, проклиная черный кейс, который теперь плотно прижимал рукой к боку. Командир присоединился к

отряды в устье туннеля с гальней стороны прохода, и они пошли вперед, забираясь все глубже в недра корабля. Соларион шагнул первым вместе с Зигот. Восс оставался посередине. Раут и Каррас замыкали колонну.

— Ум бы техобслуживание тут провести, — устехаясь, сказал Каррас Рауту.

Экзорцист ничего не ответил.

Сравнивая схему «Негаса» от Сигмы с тем, что он видел по дороге, Каррас скоро понял, что орки, по сути, не меняли интерьер корабля, разве что покрыли стены грубо наталеванными символами, испражнялись где попало, оставляли мертвые тела гнить там, где те свалились, и в целом сделали корабль непригодным для обитания кого угодно, кроме собственной проклятой расы. Из сломанных водопроводов вырастала угрожающая плесень. Обветшалые электрические кабели искрили и шипели на всех, кто проходил мимо.

Каравл Смерти, а точнее, Соларион

прикончил несколько орков, пока отряд
пробирался вглубь корабля. Большая часть
жертв была гретчинами, выполнявшими
поручения хозяев. Их Ультрамарин убивал
тихо и засовывал маленькие тела под
трубы или в темные ниши. Всего дважды
истребительная команда натолкнулась на
орков-воинов, и оба раза те заранее заявили
о своем присутствии громким ревом и
болтовней. Каррас видел, что Воссу и Зигу
не терпится ввязаться в бой, но отряд
было очень важно оставаться
незамеченным. Он, Раут и Соларион
ликвидировали врага зарядами типа
«агское пламя», позволяющими убивать
быстро и тихо, одним выстрелом.

--- Дошел до точки «Агриус», ---
отчитался идущий впереди Соларион. ---
Ксеносов нет.

--- Хорошо, заходи, --- приказал
Каррас. --- Проверь углы и выходы.

Истребительная команда поспешила
вперед, выйдя из черноты коридора к
квадратной шахте в сотни метров
высотой, со старыми металлическими
стенами в пятнах и потеках от

ржавчины. Вдоль стен под всеми возможными углами тянулись толстые кабели, из многих шел пар или капала ледяная охлаждающая. На одинаковом расстоянии друг от друга находились сломанные лестницы и ржавые переходы, каждый из которых вел к открытой двери. А посередине левую стену почти до самого верха разрубала шахта лифта.

Здесь сразу пришлось разделиться. Из этой камеры можно было добраться до любого уровня корабля. Восс и Зигу следовало отправиться вниз по металлической лестнице, а остальным — наверх.

— Удачи с этой штукой, — сказал Восс, кивая на шахту лифта.

Ее явно создали орки — выглядела она как тесиво из скрепленных кусков металла. Стальной пол, створчатая дверь и большой рычаг, который толкают вперед, чтобы ехать вверх, или тянут на себя, если нужно попасть вниз, были залеплены кровью.

Что случилось с предыдущим лифтом, оставалось непонятным.

Каррас нахмурился, посмотрев на лифт и сравнив его с тем, что видел на схеме.

--- Нам придется забраться на максимальную высоту, --- сообщил он Рауту и Солариону, указав на потолок далеко вверху. --- Видите вон эту площадку? Оттуда мы можем попасть в коридор, ведущий к командному отсеку. Призрак, Отни, у вас свои цели. --- Он проверил оставшееся для миссии время в уголке экрана визора. --- Сорок три минуты, --- сообщил он. --- По возможности избегайте стычек. И оставайтесь на связи.

--- Поняли, Ученый, --- ответил Восс.

Каррас посмотрел на него с осуждением. Он чувствовал, что Имперскому Кулаку не терпится вступить в битву с того самого момента, как они зашли на механическое чудовище. Как и большинство Имперских Кулаков, когда Восс ввязывался в драку, он оставался в боевом режиме, пока враг не оказывался утерян. Иногда Восс был упрямым до идиотизма, но у него не отнять разносторонности. Оружие,

транспорт, взрывчатка... Восс справлялся со всем.

--- Призрак, --- сказал Каррас. --- Проконтролируй, чтобы он вернулся сюда по графику.

--- Даже если придется его вырубить и тащить на себе? --- ответил Зиг.

--- Можешь попробовать, --- хмыкнул Восс, улыбаясь внутри шлема. Он нашел общий язык с десантником Гвардии Ворона сразу же после знакомства. Из-за этого Каррас ил иногда завидовал.

--- Пошли, --- скотанговал Восс, и они двинулись вперед, исчезнув в лестничном проеме справа. Их шаги отдавались вибрацией решетки под ногами Карраса.

--- Нас всего трое, --- заметил Соларион.

--- Если к нам будет благосклонен Император, --- ответил ему Каррас, --- больше и не понадобится.

Он направился к лифту, отогнул дверь в сторону и зашел. Когда к нему присоединились остальные, он добавил:

--- Если кто-то из вас знает молитвы Механикус, сейчас самое время. Раут, вези

нас наверх.

Экзорцист толкнул рычаг управления вперед, и тот подался с пронзительным металлическим скрипом. Лебедка высоко вверх начала вращаться. Сперва медленно, а затем с нарастающей скоростью стали отгаляться нижние уровни корабля. Мимо проносились трубы и площадки, затем просвистели противовес. Пол клетки трещал и стонал под ногами Астартес, унося их выше и выше. Кабель с агрегатом наверху начали издавать подозрительные звуки, но поездка оказалась короткой — меньше минуты, за что Каррас мысленно поблагодарил Императора.

Когда они были уже почти наверху шахты, Раут отпустил рычаг управления, и лифт затедел ход, издавая тот же душераздирающий звук, с которым начал движение.

Каррас услышал, как Соларион ругается.

--- Какие-то проблемы, брат? --- спросил он.

--- Нам повезло, если весь этот чертов

корабль не знает, где мы сейчас, ---
огрызнулся Ультратарин. --- Проклятый
кусок орочьего барахла.

Лифт остановился на уровне самой
верхней площадки, и Соларион почти
вырвал створчатую дверь из пазов,
открывая ее, а выйдя из лифта,
автоматически зафиксировал положение.

Шаткая стальная платформа вела в
двух направлениях. Слева она
заканчивалась тремя еле освещенными
проходами в коридоры, справа --- крутой
металлической лестницей, давno
требовавшей ремонта.

Каррас взглянул на схему.

--- А теперь плохие новости, --- сказал
он.

Остальные трачно посмотрели на
лестницу.

--- Она нас не выдержит, --- сказал
Раут. --- Не выдержит всех вместе.

Некоторые металлические ступеньки
полностью проржавели, оставив бреши до
метра шириной. Другие были согнуты,
скручены, наполовину оторваны от
основания, будто на них приземлялось что-

то тяжелое.

--- Рассредоточивается, ---
скотандовал Каррас. --- Держимся ближе к
стене. Шагает как можно легче. Времени
обсуждать нет.

Они пошли: Соларион --- первым,
Каррас --- в середине, Раут ---
замыкающим. Каррас внимательно
смотрел на ведущего, четко отмечая, куда
тот ставит ногу. Ультратарин двигался
с уверенностью и скоростью, которой
позавидовали бы многие. Если бы на него
чуть больше повлиял варн, Каррас мог бы
подозревать в нем наличие
экстрасенсорного восприятия, но на самом
деле это просто сказывалось отличное
обучение магистра скаутов Телиона.

Однако, преодолев половину лестницы,
Соларион вдруг поднял руку и прошипел:
--- Стой!

Раут и Каррас тут же затерли.
Лестница жалобно заскрипела под ними.

--- Ксеносы, прямо впереди. В
двадцати метрах. Трое больших.

Ни Раут, ни Каррас их не видели ---
им мешал крутой уклон лестницы.

--- Можешь с ними разобраться? ---
спросил Каррас.

--- Не один, --- ответил Соларион. ---
Первый стоит в дверном проходе и не
совсем на линии огня. Случиться может
что угодно. Если он выстрелит --- ладно.
Но он может поднять тревогу, как только
я уложу остальных. Лучше мы втроем
прикончим всех сразу --- если у вас
получится подойти сюда тихо.

Вызов в словах Солариона, не говоря
уже про его тон, было сложно не заметить.
Каррас поднял ногу и аккуратно поставил
ее на следующую ступеньку. Затем
медленно переставил вес. Послышался
скрежет.

--- Я сказал тихо, --- прошипел
Соларион.

--- Я слышал, черт возьми, ---
огрызнулся Каррас. Он молча проклинал
криокейс у себя на плече. Ему мешал его
дополнительный вес и перемещающийся
центр тяжести, так же как на переходе
над ямой сквизов. Но что Каррас мог
сделать? --- Раут, --- сказал он, --- пройди
мимо меня. Не трогай эту ступеньку.

Стань слева от Солариона. Постарайся занять хорошую позицию по отношению к орку в дверях. Соларион, открывай огонь по сигналу Раута. С остальными двутя придется разбираться тебе.

--- Понял, --- пробормотал Раут.

Медленно и осторожно Экзорцист вышел из-за спины Карраса и продолжал подниматься как можно тише. Хлопья ржавчины падали с обратной стороны лестницы, как красный снег.

Едва Раут обогнул Карраса и был всего лишь в метре от него, ступенька под тяжестью костюмесаантика вылетела с громким треском. Раут провалился в открытое пространство --- под ним не оставалось ничего, кроме двухсот метров свободного падения и смертельно твердого пола внизу.

Каррас двигался на одних инстинктах, с почти сверхъестественной скоростью. Резко вытянув руку, он успел поймать Раута как раз вовремя, схватив левое запястье Экзорциста так крепко, что едва не сломал его.

Орки повернули головы к внезапному

источнику шума и потопали к верхней части лестницы, подняв перед собой огромные стабберы.

--- Клянусь кровью Жиллимана! ---
воскликнул Соларион.

И открыл огонь.

Первый из орков свалился с отстреленной черепной коробкой.

Каррас пытался втолкнуть Раута обратно на лестницу, но металлическая ступенька у него под ногами, вынужденная держать вес обоих Астартес, начала выползать из пазов.

--- Быстрее, псайкер, --- выдохнул Раут, --- или погибнем оба.

--- Не дождешься, --- проворчал Каррас.

Вложив в движение всю силу, он подтянул Раута как можно выше, чтобы Экзорцист мог ухватиться за лестницу и снова на нее забраться.

Едва поднявшись на ноги, Раут выдохнул:

--- Спасибо, Каррас... но когда-нибудь ты можешь пожалеть о том, что меня спас.

Каррас сердито посмотрел на него из-

под шлем:

--- Ты можешь и не считать меня своим братом, но как минимум ты член команды. Но если ты в следующий раз с таким презрением назовешь меня псайкером, то сам об этом пожалеешь. Понял?

Раунт устоялся на него, а затем кивнул:

--- Договорились.

Каррас прошел мимо него, переступив через широкий проем, а затем остановился возле Солариона. Впереди на площадке он увидел два орочьих тела в луже ихора, вытекающего из серьезных ран.

Когда он посмотрел на них, на корабле завыли сирены.

Соларион повернулся к командиру.

--- Говорил же Сигме --- пусть поставит меня главным! --- прошипел он. --- Черт побери, Каррас!

--- Заткнись! --- рявкнул тот и взглянул на дисплейный счетчик. --- Осталось тридцать три минуты. Они знают, что мы здесь. Сейчас начнется настоящая бойня, но мы не можем

позволить им задержать нас. Оба — за
тной. Пошли!

Не сказав больше ни слова, трое
Астартес зашагали по верхней платформе
в коридор, в котором исчез третий орк.
Они старались достигнуть основной цели,
прежде чем их накроет вся орда.

— А так пытались по-тихому, да,
брат? — сказал Зиг, прикрывая Восс
сзади.

Оглушающий вой с переливами
наполнил воздух. В стенных фиксаторах
начали вращаться красные лампочки.

Восс проворчал что-то в ответ. Он
сосредоточился на своем задании,
скрючившись возле охлаждающих клапанов
огромного плазменного реактора корабля —
источника питания для основных
реактивных двигателей.

Шум в реакторном помещении
оглушал и без орочьих сирен, и никто из
рабочих команд не заметил двух
десантников из Караула Смерти, пока не
стало слишком поздно. Зиг просто
разорвал их, прежде чем у них появился

шанс броситься врассыпную. Но теперь, когда прозвучала сирена, орки начнут вооружаться и заполнять внешние коридоры -- и каждое отродье будет стремиться к убийству.

-- Готово, -- сказал Восс, поднимаясь с колен. Достал тяжелый огнемёт с пола и отвернулся. -- Остальным займется Ученый с командой.

Связаться с ними Восс не мог, во всяком случае отсюда. Они находились очень близко к реактору, причем изрядно прохуdivшись, и он заполнял все основные коммуникационные каналы истребительного отряда статическим электричеством.

Зиг подошел к толстой стальной двери реакторного помещения, приоткрыл ее и выглянул наружу.

-- Тут становится жарко, -- сообщил он. -- Куча подозрительных сволочей, но они почти ничего не видят -- мы же вырубili им свет. Что скажешь, брат? Готов обрызгать стены кровью врага?

Восс улыбнулся внутри шлема. Он нажал на зажигание тяжелого огнемёта, и

перед соплом вспыхнул яркий голубой огонек.

--- Всегда, --- сказал он, становясь рядом с бойцом Гвардии Ворона.

Оба товарища рванули в коридор, выкрикивая имена притархов как боевые кличи.

--- Нас загнали в угол, --- прошипел Раут, когда стена за ним грозила от порохового стаббера и пистолета.

Затряслись трубы. Землю усыпали осколки металла. Каррас, Раут и Соларион помчались вперед как можно быстрее, как только был подан сигнал тревоги. Но теперь их окружили на перекрестке. На пятачке, где соединялись три широких коридора, со всех сторон появлялись толпы ревущих орков.

Вооружившись ножом, Соларион уже перерезал несколько осветительных кабелей вместе с десятком других, которые были нужны Трон знает для чего. Но многие орки захватили с собой инфракрасные очки, не говоря уже об оружии и броне повышенной мощности.

Каррас уже сражался с таким отродьем — чем-то вроде орочьих отрядов коммандос, намного хитрее и смертоноснее, чем обычные силачи-болваны. Их инфракрасные линзы сияли, как глаза демонов, пока они наступали ближе и ближе, тщательно сохраняя прикрытие.

Каррас и костогесантники Караула Смерти столкнулись с силой, превосходящей их по численности минимум в двадцать раз, и эта пропорция будет увеличиваться, если они не прорвутся дальше.

— Приказывай, Каррас, — проворчал Соларион, когда его правый наплечник принял прямой удар. Орочий снаряд оставил уродливую царапину на бело-голубом знаке оргена. — Мы принимаем на себя слишком много огня. Прикрытие тут неважное.

Думать Каррасу приходилось быстро. Дымовая завеса не поможет. Если орочьи очки работают по тепловым ориентирам, зеленокожие все равно все увидят. Зажигательные стесы или осколочные гранаты убьют изрядное количество орков

и не дадут наступать остальным, но из угла костюмодесантникам вырваться все равно не удастся.

--- Берем «Новы», --- сказал он. --- По моему сигналу --- одна в каждый коридор. Короткие броски. Прикрывайте визоры. Только «Новы» сгетонируют --- будем прорываться. Занимаю позицию. Понятно?

--- На старте, Каррас, --- отозвался Соларион, кивнув.

--- Ждем сигнала, --- ответил Райт.

Каррас вытащил гранату «Нова» из сетки, прикрепленной у пояса. Остальные сделали то же. Он выдернул чеку, закинул руку назад и крикнул:

--- Давай!

Сквозь темноту пролетели и с грохотом упали на пол три маленьких черных цилиндра. Охваченные волнением перестрелки, орки не заметили их.

--- Глаза! --- скотанговал Каррас и прикрыл визор рукой.

Один за другим прозвучали три оглушающих выстрела --- громче орочьих ружей. За ними немедленно последовали вопли, заполнившие затхлый сырой воздух в

коридорах. Каррас посмотрел наверх и увидел, как орки катаются в темноте, прижатая к лицам огромные руки с толстыми пальцами. Они врезались в стены, позабыв об оружии.

Гранаты «Нова» обычно использовались для зачистки больших помещений, но они хорошо работали в темном замкнутом пространстве. В стандартный набор Астартес их не включали, но Караул Смерти считался элитой, лучшими из лучших, и имел доступ к таким ресурсам, которыми мало кто мог похвастаться. Интенсивная вспышка от гранат, яркая, как фосфор, перегружала зрительные рецепторы — и механические, и биологические. В большинстве случаев слепота проходила спустя некоторое время, но Каррас готов был поспорить, что инфракрасные очки орков только усилят сияние.

И их роговицы сгорят.

— За мной! — рявкнул он и ринулся из угла.

Он двигался как в тумане и мчался к врагу, на ходу цепляя болтер к магнитным

креплением на бегре и вынимая из ножен свой верный силовой меч Арквеланн.

Раут и Соларион бежали за ним, но на расстоянии -- чтобы не слишком рисковать. Укус Арквеланна предвещал верную смерть, когда клинок сиял от неземной энергии. И теперь это сияние начало проявляться -- лезвие испускало холодный, неестественный свет.

Каррас бросился в гущу зеленокожих, описывая огромные дуги клинком, укладывая грязных ксеносов разрубленными нагвое, с отсеченными конечностями. Скоро коридор заполнили испускавшие пар тела. Орки, оставшиеся позади, продолжали невидяще тыкаться в разные стороны, нападая друг на друга от слепого отчаяния.

-- Проход очищен, -- выдохнул Каррас. -- Бежим.

Он спрятал Арквеланн в ножны и потчался вперед. Его шаги гудели по металлической палубе. Крюкейс болтался за спиной, но Каррас не обращал на него внимания. Внутри шлема снова закрывался третий глаз. Опасные

энергии, дававшие ему силу, отступали
под его командами и подавлялись
мантрами, которые сохраняли
жизнедеятельности в безопасности.

В коммуникаторе слышался голос
инквизитора:

--- Альфа, это Сигма. Отвечайте.

--- Слышу вас, Сигма, --- отозвался
Каррас на бегу.

--- Где вы сейчас?

--- Подходим к точке «Барриус». Через
минуту будем.

--- Вы отстаёте, Альфа. Пожалуй,
пора готовить свидетельства о смерти
для ваших оргенов.

--- Черт бы вас побрал, инквизитор!
Мы успеем. Если это все, что вы хотели
сказать...

--- Соларион должен оставить вас на
«Барриусе». У меня для него другое
задание.

--- Нет, --- отрезал Каррас. --- У нас
будет уже сильное сопротивление. Он мне
нужен.

--- Караул Смерти, мои приказы не
обсуждаются. Согласно отчетам разведки,

на правом борту корабля находится большой ангар с истребителями. Там сильная утечка топлива. Дайте Солариону вашу взрывчатку. Я хочу, чтобы он взорвал этот ангар, пока вы с Раутом идете к мосту. Если все будет хорошо, эта диверсия поможет вам очистить путь к отступлению. Если нет, начинайте толиться о чуже.

--- Пусть взрывными делами займется Раут, --- сказал Каррас, пытаясь проверить свои предчувствия.

--- Нет, --- ответил Сигма. --- Соларион лучше знаком с оперативной работой в одиночку.

Каррас удивился, почему Сигма так настаивает, чтобы на задание шел Соларион. Раут почти никогда не упускал Карраса из виду. Так было с самого начала их знакомства. Поэтому неудивительно, что Зиг окрестил его Наблюдателем. Неужели Сигма всему причиной? Каррас не был в этом уверен. Но инквизитор прав насчет самостоятельности Солариона, и командир «Когтя» это знал.

--- Хорошо, передам Солариону новые

распоряжения.

— Нет, — ответил Сизма. — Я сделаю это сам. Вы с Раутом должны спешить к рубке управления. Скорее всего, у вас пропадет связь, когда вы приблизитесь к цели. Уверен, вы уже почувствовали огромную силу этого существа. И я хочу, чтобы его ликвидировали, Альфа. Не подведите меня.

— Разве я когда-нибудь... — начал Каррас, но Сизма уже отключился. По взгляду на бегущего Солариона было件 понятно, что инквизитор дает ему новые распоряжения.

На следующем перекрестке, точке «Барриус», они втроем встретили еще одну толпу орков. Но скорость, с которой двигался Каррас и его люди, застала зеленокожих врасплох. У Карраса даже не нашлось времени зарядить клинок психической энергией до того, как он оказался среди них, нанося удары. Аркветанн обладал смертельной остротой даже без силы илматериума, и орки падали в потоках крови. С обеих сторон кашляли болтеры — Соларион и Раут

создавали ему огневое прикрытие, и скоро перекресток был забит зеленым мясом, бьющимся в конвульсиях.

Каррас повернулся к Рауту:

--- Дай Солариону осколочные и зажигательные гранаты, --- скотандовал он, доставая собственные из сетки на поясе. --- Но оставь два подрывных заряда. Они нам понадобятся.

Соларион взял гранаты, быстро прикрепил их к поясу и на прощание сказал:

--- Удачной охоты, братья.

Каррас кивнул:

--- Встретился у шахты лифта. Кто пропадет туда первым, будет удерживать ее, пока не доберутся остальные. Оставляйте канал открытым. Если на нашем конце связь пропадет больше чем на десять минут, не тратьте зря время. Встретьтесь с Воссом и Зигом и идите в ангар захвата.

Соларион стукнул кулаком по грудной броне, прощаясь, и ушел.

Каррас кивнул Рауту:

--- Пошли.

И они побежали вместе к передней

секции корабля, а Соларион скрылся в темноте, направляясь в противоположную сторону.

--- Утри! --- зашипел Зиг, когда очередной огромный зеленокожий свалился на пол.

Его тело было разрезано от глотки до паха. Но он снова начал двигаться. Инстинкты, такие же острые, как толстые когти, подсказали костогесантнику отступить как раз вовремя, чтобы избежать удара гигантского цепного топора, который разрубил бы его пополам. Размахивавший топором орк заревел от негодования, когда лезвие вонзилось в металлический пол и высекло из него сноп оранжевых искр. Чудовище попыталось схватить Зига свободной рукой, но тот отразил атаку, проскользнул ближе и вонзил правый набор когтей прямо под выступающую челюсть существа. Кончики глиняных и тонких лезвий прошли через верхушку черепа. Орк стоял и трясся --- буквально утирал стоя.

Зиг отступил, вытащив когти из его

челюсти, и увидел, как тело упало рядом с остальными.

Он жадно оглянулся вокруг в ожидании нового противника --- но его не было. Они с Воссом находились в окружении мертвых ксеносов. Имперский Кулак уже опустил тяжелый огнемет. Он стоял, восхищаясь собственной работой --- кучкой дымящихся черных тел. Оба костюмиста пробились обратно к точке «Агриус». Воздух в помещении пропитался запахом пролитой крови и горелой плоти.

Зиг посмотрел на платформу наверху и отметил:

--- Других не видно.

Восс подошел к нему:

--- Здесь уже намного меньше статических помех. Ученый, это Омни. Если слышишь меня, ответь.

Ничего не произошло. Восс собрался было попробовать снова, когда библиарий из ордена Призраков Смерти наконец отозвался:

--- Я слышу тебя, Омни. Сейчас не лучшее время.

Голос Карраса звучал напряженно, будто он боролся за жизнь.

--- Мы закончили с реактором, --- отчитался Восс. --- Вернулись на точку «Агриус». Нужна помощь?

Произнося это, Восс автоматически взглянул на отсчет времени миссии.

Плохо. Оставалось двадцать семь минут.

--- Будьте на позиции, --- сквозь зубы ответил Каррас. --- Нам нужно держать этот участок безопасным для отхода. Мы с Раутом...

Связь отрезало посреди предложения. На краткий миг Восс с Зигот подумали, что командир истребительной команды получил удар, а может, и вовсе убит. Но их страхи рассеялись, когда в канале прозвучал вздох облегчения и голос Карраса:

--- Черт, ну и сильные же эти сволочи. Призрак, тебе бы понравилось. Слушайте, братья, мы с Раутом снаружи командной рубки. Время заканчивается. Если мы не успеет к точке «Агриус» за следующие двенадцать минут, я хочу, чтобы все

остальные вышли из боя. И не пропустите
извлечение. Понятно?

Восс нахмурился. От слов «вышли из
боя» ему захотелось что-то расколотить.
В его оргене они считались чуть ли не
ругательством. Но он знал, что Каррас
прав. Смерть здесь мало чем пригодится.

--- Да поможет тебе Император,
Ученый! --- сказал он.

--- За Терру и Трон! --- ответил
Каррас и отключился.

Зиг беспокойно скреб когтями ---
плохая привычка, которая проявлялась от
излишка адреналина и отсутствия выхода
для него.

--- Черт, --- пробормотал он, --- я не
буду просто так стоять, пока остальные
борются за жизнь.

Он указал на металлическую
платформу высоко над ним, где Каррас и
остальные вышли из лифта.

--- Этот кусок баракла наверняка
можно как-то дотащить сюда. Мы поедем
на нем и...

Его перебил грохот тяжелых,
подбитых железом ботинок, доносившийся

со всех сторон. Звук отражался в камере из десятка коридоров.

--- Пожалуй, нам будет не до того, брат, --- мрачно заметил Восс.

Раунт переступил через тело огромного орка-охранника, которого только что убил, стряхнул кровь чудовища из ложбинки на коротком мече и вложил оружие в ножны на боку. Вокруг правого наплечника образовалось небольшое углубление. Части знака ордена не хватало --- ее отрезали в бою. Теперь у демонского черепа оставался только один рог. Другой наплечник, украшенный черепом, костями и инквизиторской буквой J Караула Смерти, был обломан по краям и поцарапан, но серьезно не пострадал.

--- Это самый большой, которого я убил собственноручно, --- пробормотал Экзорцист, скорее, для себя.

Тот, которого только что прикончил Каррас, был не меньше, но член ордена Призраков Смерти не обращал на него внимания. Он стоял, прижимая руку к массивной стальной двери, покрытой

орочьими письменами. Вокруг него мерцали светящиеся дуги неземной энергии.

--- Тут слишком много псайкеров, --- сказал он. --- Чувствую, что на этом уровне не меньше тридцати. Наша цель --- на верхней палубе. И она знает, что мы здесь.

Раут кивнул, но ничего не сказал. Мы? Нет. Каррас не прав. Раут отлично знал, что цель не могла почувствовать его. Как и любой псайкер. Это побочный эффект неописуемых ужасов, которые он перенес во время процесса отбора и обучения в оргене. Тренировочные программы научили его ненавидеть всех псайкеров и тех ужасных демонов, которых их силы иногда выпускали в Галактику.

Частота обращений Лиандро Карраса к империуму отбрасывала Раута. Неужели библиарий не понимал, какой огромной опасности подвергает собственную душу? Или он просто дурак, переполненный высокомерием, которое пророчит будущую катастрофу. Демоны варна ликовали, видя безрассудство таких людей.

Конечно, именно потому Раута и призывали в Караул Смерти. Инквизитор так и не сказал об этом прямо, но причина наверняка в его особенности. Какую бы загадочность ни напускал на себя Сигма, он явно не дурак. Кто, как не Экзорцист, присмотрит за Каррасом? Даже могучие Серые Рыцари, из семени которых возник Орген Раута, вряд ли справились бы лучше с этим заданием.

--- Дыл, --- сказал Каррас. --- Как только ты прорвется --- запускаем дымовые гранаты. Не оставляй их на потом. Используем все, что есть. Заходим, стреляя из болтеров. Убери глушители, они уже не нужны. Пусть они услышат шум от наших орудий. Как только нижний этаж очистится, мы выберемся по боковой лестнице и пройдем в командную рубку. Ты налево, я направо. Цель наверх.

--- А охранники? --- спросил Раута. Вслед за Каррасом он начал откручивать глушитель от дула болтера.

--- Не слышу их. Если и есть, психический резонанс их просто вымывает. Невероятно.

Оба Астартес положили глушители в карманы сетки. Раут прикрепил прямоугольный заряд к шву между двойными дверьми. Экзорцист только собирался отойти, как Каррас сказал ему:

--- Нет, брат. Нам понадобятся два. Эти двери крепче, чем ты думаешь.

Раут пристроил еще один заряд как раз под первым, а потом они с Каррасом встали по бокам проема и прижались спинами к стене, одновременно проверив обоймы в болтерах. Раут вставил свежую обойму. Каррас вытащил дымовую гранату из сетки и кивнул:

--- Давай!

Раут нажал на крошечный detonator в руке, и весь коридор сотрясся от оглушающего взрыва, затмевающего шум любой артиллерии. Тяжелые двери влетели прямо в комнату, поранив орков, стоявших ближе всего к месту взрыва.

--- Дым! --- приказал Каррас, кидая первую гранату.

Раут отбросил detonator и сделал то же самое. Две, три, четыре гранаты запрыгали по командному мостику на

минимальном расстоянии, чтобы не
дублировать взрывы. За две секунды вся
палуба покрылась густым серым облаком.
Команда орков, едва различая собственные
руки, запаниковала. Но для Астартес
бдительность оставалась отличной. Они
зашли в комнату, стреляя из болтеров.
Каждый ствол издавал зловещие звуки, и
зеленокожие падали там же, где стояли.

Даром не был потрачен ни один заряд.
Каждый нашел свою цель, каждый был
направлен в голову и убивал мгновенно. За
время, которое понадобилось бы для трех
вздохов, нижний уровень командного
мостика был очищен от врагов.

— Вперед! — крикнул Каррас,
устраиваясь к лестнице.

Теперь дым начал подниматься и
рассеиваться.

Раут ринулся по лестнице у левой
стены.

Но ни один из костомодесантников не
оказался готов к тому, что увидит
наверху.

Соларион вырвался из устья коридора

и потчался по металлической платформе по направлению к лифту. Он тяжело дышал, и ручейки красной крови текли из дыр, пробитых в броне корпуса и правой руки — каждое отверстие размером с виноградину. Если бы он мог остановиться, раны бы тут же затянулись, но для этого не было времени. Его обычно дремлющее второе сердце теперь билось вместе с первым, вытывая молочную кислоту из мышц, помогая Астартес двигаться дальше. Отставая всего на секунду, из того же коридора за ним отчаянно торопилась огромная толпа вооруженных орков с тяжелыми пистолетами и клинками. Под их весом грожала платформа.

Соларион не оборачивался. Прямо перед ним заканчивалась верхняя часть платформы. За ней — проржавевшая лестница, которая почти стоила Рэму жизни. Пробираться по этой лестнице не было времени.

Он заторопился и прыгнул прямо над ней.

Это был великолепный прыжок. На

мгновение показалось, что он летит. Затем Соларион прошел верхнюю точку своего прыжка, и искусственная сила тяжести на корабле потянула его к полу. Космодесантник с грохотом приземлился на нижнюю часть платформы. Острая боль изглати прошила нервы в ногах, но Соларион проигнорировал ее и повернулся, держа наготове болтер.

Орки последовали его примеру, прыгая с верхней платформы, надеясь приземлиться прямо рядом с ним и разорвать его на куски. Но их подвела недостаточная ловкость. Первый ряд рухнул на шаткую лестницу примерно в двух третях пути от цели. Ступеньки треснули и оторвались, отправляя неуклюжих орков в смертельное падение. Воздух наполнился воем, но остальные не поняли, в чем дело, пока не стало слишком поздно. Они тоже прыгали с края платформы, гора желанием убийства. Ступенька за ступенькой рушилась под очередным прыгуном, и скоро от лестницы почти ничего не осталось.

Теперь металлические платформы,

которые раньше соединяли ступени, разделяла пропасть шириной около тридцати метров. Выжившие орки увидели, что не смогут дальше преследовать костогесантника. Они заметались по краю верхней платформы, яростно крича и пытаясь достать Солариона его выстрелами из тяжеловесных пистолетов.

--- Орконаг какой-то, --- ожил сердитый голос в канале. --- Во имя Дорна, что тут происходит?

Поглядывая одним глазом на мечущихся орков, Соларион переместился к краю платформы. Как только он дошел до искривленных поручней, то глянул за край, на стальной пол в двухстах метрах от него. Сгустки прометиевого огня освещали идущую там битву. Восс и Зиг, спинами друг к другу на расстоянии примерно пяти метров между ними, отбивались от нападения орков со всех сторон. Пол вокруг был завален мертвыми телами.

--- Это Соларион, --- ответил Ультратарин. --- Нужна помощь, братья?

— Пророк? — переспросил Зиг между
стертельными ударами когтей. — Где
Ученый и Наблюдатель?

— Они не отзывались? — удивился
Соларион.

— У них пропала связь, как только они
зашли в командную рубку. Сигма об этом
предупреждал. Но время заканчивается.
Можешь дойти до них?

— Невозможно, — ответил Соларион. —
Лестницы больше нет. Я не могу туда
подняться.

— Тогда молись за них, — сказал Восс.
Соларион проверил отсчет времени
задания. Он помнил приказы Карраса. Еще
четыре минуты. После этого ему
придется признать, что они мертвы. Он
спустится на лифте и вместе с
остальными будет пробиваться к ангару.

Снаряд из орочьего пистолета
крикошетил от металлической
платформы и стукнулся о его нагрудник.
Его силы было недостаточно, чтобы
пробить керамит, это не снаряды из
стабберов, которые он принял в ближнем
бою, но внимание Солариона вернулось к

оркам. Он как раз собрался открыть ответный огонь и зачистить верхнюю платформу в ожидании возвращения Карраса и Раута, когда огромной силы взрыв сотряс воздух и отдался мощной вибрацией в металле под его ногами.

--- Это не мой, --- сказал Восс.

--- Это мой, --- ответил Соларион. --- Я заминировал топливный выход в ангаре истребителей. Если нам повезет, большинство зеленокожих отойдут туда, думая, что там проходит основная битва. Это может дать нашим братьям немного времени.

Хронометраж задания показывал восемнадцать минут и сорок секунд. Соларион наблюдал за отсчетом. Тридцать девять секунд. Тридцать восемь. Тридцать семь.

«Ну же, Каррас! --- подумал он. --- Что ты там делаешь, во имя Терры?»

Каррас едва успел оценить огромные размеры охранников-близнецов Балтазога Кровожадины, прежде чем началась жаркая атака. Они наверняка были

самыми большими орками, которых он
видел, даже крупнее охранников у двери,
убитых им и Раутом. Зеленокожие
размахивали двуручными боевыми
толотками так, будто те вовсе ничего не
весили. В обычных обстоятельствах орки
такого размера и силы оказались бы
великими военачальниками, но этим
гвоим не повезло. Они стали рабами силы
куда более могучей, чем просто
физическая. Они были безмозглыми
куклами, служившими более смертельной
силе, а кукольник сидел в десяти метрах
от них на странном механическом троне в
самом центре командной рубки корабля.
Кровожадщина!

Всего лишь за миг, за долю секунды
Каррас оценил внешность противника.

Даже для орка военачальник-псайкер
выглядел отвратительно. Голова,
мстатами сильно распухшая, усеяна
огромными шишками с выпиравшими
венами. Лоб украшен огромными
окровавленными металлическими
пробками, крепко вбитыми в кость черепа.
Косое, деформированное лицо зверя

напотинало отражение в кривом зеркале: черты очень мелкие с одной стороны и увеличенные до абсурда — с другой. С отвисающей челюсти капала слюна, ее нити висели между клыками.

На нем была роба, сделанная из плоскотов выделанной человеческой кожи, сшитых с помощью кишков, а между коленями висели три гниющие головы, прикрепленные к поясу заплетенными в косу глиняными волосами. Каррас понял, что это головы убитых женщин — возможно, жен человеческого лорда или вождя племени, которого зарезал зверь во время рейда. Орки славились любовью к таким отвратительным трофеям.

Трон зверя выглядел так же странно: масса пружин, зубцов и клапанов, двигавшихся без какой-либо определенной цели. Толстые клубки проволоки соединяли его с беспорядочно разбросанными большими загадочными машинами, скрипевшими, гудевшими и испускавшими болезненный зеленый свет. Как только Каррас охватил все это взором, он почувствовал, как злость и ненависть

накрывают его, подобно шторлѣ.

Казалось, бѣгто существо, выглядевшее как чудовищное отклонение, кощунственно пародирѣет самого бѣсстертного Императора.

Оба костюгесантника открыли огонь одновременно, горя желанием сразить охранников и пристѣупить к выполнению главной задачи. Болтеры трещали, плюясь смертельным градом, но почему-то каждая очередь пролетала по воздуху, не причиняя противникам никакого вреда.

— Он их прикрывает! — крикнул Каррас. — Доставай меч!

Он снял с плеча криокейс, выхватил Аркветанн из ножен и пропустил сквозь себя силу имматериума, сосредотачивая ее в древней кристаллической матрице, впаянной в клинок.

— Ко мне, вонючий ксенос! — заревел он гигантскому зверю перед ним.

Огромный молот охранника засвистел в воздухе, а затем поменял направление со скоростью, которая казалась невозможной. Каррас едва успел отступить в сторону. Оружие задело его

левый наплечник — в воздух взлетели искры, а руку пронзила боль. Толстому стальному полу пришлось хуже: молот оставил в нем дыру размером с человеческую голову.

Каррас услышал, как справа Райт исторг боевой клич, начав борьбу со своим противником и едва уклонившись от бокового удара, который срезал бы ему голову. По сравнению с молотом врага короткий меч Экзорциста выглядел изгнущим.

Кровожадность стеялся, наслаждаясь битвой не на жизнь, а на смерть, которая разыгрывалась прямо перед ним будто специально ради развлечения. Чем больше он гоготал, тем сильнее мерцал и извивался вокруг него зеленый свет. Каррас ощущал, как резонанс этой силы сбивает его ориентацию. Воздух был до краев заряжен силой. Он почувствовал, как внутри восстает его собственная, готовая схлестнуться с вражеской. И только ее он мог направить в силовой меч. Клинок уже шел от смертельной энергии, рассекая воздух.

«Этот порыв опасен, — предупредил он самого себя. — Я должен держать его под контролем».

Каррас автоматически начал читать мантры, которыми его научил магистр Коргатус, но усилия, что он затратил на удержание равновесия, стоили ему момента, когда он мог убить противника одним ударом. А охранник-орк своего шанса не упустил и врезал Каррасу прямо по правому плечу молотом, разбив знак Караула Смерти и сшибая костогесантника с ног.

От удара Каррас врезался прямо в противника Раута, и они оба свалились на металлический пол. Шлем Карраса сорвался с головы и куда-то укатился. В сплетении дерущихся тел костогесантника и орков Раут увидел проем. Он ринулся туда, вонзая короткий меч прямо по груди зверя, поглубже, разрезая сердце орка надвое. Без сомнения он повернулся к оставшемуся охраннику, а Каррас освободился от хватки мертвого гиганта и снова вскочил на ноги.

Последний охранник действовал

быстро. Раут удачно избегал свистящего наг головой молота, но колющие и режущие удары его короткого меча почти не оказывали действия. Когда же к нему присоединился Каррас и орку пришлось отбиваться от атаки с двух сторон, ситуация наконец начала складываться в пользу костогесантников. Балтазог Кровожадгина перестал стаяться. Он оглушающе заревел от злости, когда Раут и Каррас ударили с противоположных углов и пробили сердце и легкие зеленокожего.

Тот упал на пол и с грохотом уронил огромный молот. В ранах кипела кровь.

Кровожадгина ринулся вперед со своего трона. С пальцев у него срывались зеленые молнии. Каррас почувствовал, как энергия Вааагх! лижет его доспехи в поисках трещин, через которые может сжечь его плоть и развезть душу. Вместе с Раутом, подняв клинки, они кинулись на врага.

Но только они шагнули вперед, чтобы начать поединок, как огромный поток энергии вырвался из протянутых рук орка

и подбросил Раута в воздух. Каррас
уклонился и покатился в сторону, но
услышал, как РAUT тяжело приземлился
на нижнем уровне моста.

--- РAUT! --- крикнул он в вокс. ---
Отвечай!

Но тот не откликнулся. Радиосвязь
здесь была бесполезна. И возможно, РAUT
уже мертв.

Каррас почувствовал, как
увеличившаяся сила орка давит на него со
всех сторон, и теперь увидел ее источник.
За механическим треном Кровожадины,
за грязным и забрызганным кровью окном
из толстого стекла находились сотни,
нет, тысячи орков, пристегнутые к
вертикальным столбам, похожим на
операционные столы. Верхние части
черепов были удалены, и от обнаженных
мозгов к ядру системы, вырабатывающей
энергию, шло множество проводов и
трубок.

--- Клянусь Золотым Треном, ---
прошептал Каррас, --- не удивляюсь, что
Сигме нужна твоя уродливая голова.

Сколько оставалось времени до взрыва

реакторов корабля? Без шлема он не мог сказать точно. Хватит ли, чтобы убить этого монстра? Может быть. Но теперь, один на один, что он сможет противопоставить этому существу?

Только если возьмет побольше опасной силы, что есть у него в распоряжении. Придется доверять учению мастера. Мантры его обезопасят. Должны. Он открыл себя варпу немого сильнее, устанавливая канал, мысленно сосредотачиваясь на нем.

Кровожадгуна шагнул вперед, чтобы сразиться с ним, и обе силы столкнулись с апокалиптической яростью.

Даррион Раут не был мертв. Обжигающая сила психического взрыва от военачальника орков могла бы убить человека поменьше, вырвать из тела душу и оставить его безжизненным куском мяса. Но Раут был не из таких. Секретные обряды его ордена и страдания, которые он пережил, чтобы завоевать в нем место, уберегли его от такой судьбы. И хотя он сломал много костей, сверхчеловеческая

физиология уже сращивала их, снова делала их целыми и сильными. Внутреннее кровоотечение тоже скоро должно было остановиться.

Но времени полностью прийти в себя не оставалось, если он еще хотел выполнить задание.

Застонав от боли, Раут перекатился на бок, встал на колени и начал искать свой короткий меч, но тщетно. А болтер висел пристегнутым на ремне. Раут вытащил его, вставил новую обойму, зарядил ее и с трудом поднялся на ноги. Он кашлянул и почувствовал во рту вкус крови. Посмотрев наверх, туда, откуда его сбросило, он увидел, как над ним разгорается и пульсирует неестественный свет, от которого дрожал воздух вокруг.

«Каррас еще жив, — подумал Раут. — Он еще борется».

Пытаясь отвлечься от боли в ногах, он побежал к лестнице справа и с древней молитаней силы на устах рванул наверх, чтобы присоединиться к битве.

Каррас проигрывал. Он чувствовал

это. Балтазоз Кровожадгуна
погнмывался из огромного силового
резерва. Энергия Вааагх! которую он
оттуда забирал, казалась бесконечной. Она
лилась в него из мозгов затмученных орков,
подключенных к его безумной системе.

Каррас вырвался, пытаясь отбить
еще одну волну зеленого огня. Она изгибалась
палубу вокруг. Только плиты у него пог
ногами, повалившие в блестящий пузырь,
который Каррас пытался удерживать
вокруг себя, оставались целыми.

Его щит держался, но из последних
сил, и ему уже не хватало энергии, чтобы
атаковать самоту. Что было еще хуже,
пока орк все увереннее завоевывал свои
позиции, Каррасу приходилось разрешать
все большему потоку варна проходить
сквозь себя. В голове звучала какофония
голосов, болтавших и шептавших на
кощунственных -- он знал -- языках. Именно
этого момента боялись все библиари --
когда сила, которую они укротили,
угрожала поглотить их, когда
пользователь становился использованным,
а хозяин -- работ. Голоса стали заглушать

его собственный. Еще немного — и его душа окажется потеряна навечно, вырвана из него и брошена в водоворот. За владение его смертным телом будут бороться демоны.

Правильно ли убивать орка ценой собственной бессмертной души? Может, просто уронить щит и умереть, чтобы в материальную вселенную не попало что-то намного хуже Кровожаддины?

Каррас едва слышал эти вопросы у себя в голове. Их заглушало множество других голосов. Похоже, Балтазоз Кровожаддина почувствовал, что его час настал. Он приблизился, волоча за собой кабели от металлических затычек в изуродованном черепе.

Каррас упал на одно колено, выдерживая атаку на тело и душу. Но защитный пузырь растворялся. Оставались считанные секунды. Так или иначе, но он был обречен.

Кровожаддина уже почти нависал над ним, продолжая пускать зеленые молнии из одной руки, а другой доставая глиняный изогнутый клинок. Его глаза горели.

Каррас осел, почти не в состоянии удерживать себя, тяжело опираясь на меч, который ему дал ментор.

«Я Лиандро Каррас, — пытался говорить он. — Библиарий. Из Караула Смерти. Космогесантник. Император не даст мне погибнуть».

Но внутренний голос был слаб. Кровожадgina остановился всего в двух метрах от Карраса. Психическая атака пробила щит космогесантника. Кодиций почувствовал, как кожа на руках горит и трескается. Безумной болью отозвались нервы.

Один голос в голове начал преобладать над другими. Был ли это голос демона, готового забрать его тело? Он оказался таким громким и ясным, что чудилось, будто он находится в воздухе вокруг.

— Вставай, Каррас! — рявкнул он. — Вперед!

Библиарий неожиданно понял, что голос говорит на высоком готике.

Перед глазами темнело, несмотря на зеленый огонь вокруг, но Каррас заметил

двигание где-то справа. Крадущаяся темная фигура появилась будто из ниоткуда с оружием наготове. В ней было что-то знакомое, на левом плече знак — череп с одним поблескивающим красным глазом. Раум!

Болтер Экзорциста выплюнул поток снарядов, заставивший Балтазога Кровожадгину повернуться и защищаться, концентрируя всю психическую энергию, чтобы остановить поток смертельных выстрелов.

Каррас действовал, не отвлекаясь на мысли. Он двигался на рефлексах, отточенных десятилетиями ежедневных изнурительных тренировочных ритуалов. Как только безжалостная атака Кровожадгины прекратилась, Астартес рванулся вверх, вкладывая всю силу в горизонтальный взмах силовым мечом. Энергия варпа, которой он пытался руководить, захлестнула его и устремилась потоком в кристаллическую матрицу клинка, когда острейшее лезвие вонзилось в толстую зеленую шею орка.

У монстра даже не было времени

крикнуть. Тело и голова разлетелись в разные стороны, зеленый свет погас, а верхний мост внезапно покрылся горячей корочьей кровью.

Каррас упал на колени и закричал, уронив Аркветанн. Его битва еще не закончилась.

Теперь ему оставалось отвоевать собственную душу.

Раут слишком хорошо видел, что время пришло. Он знал, что рано или поздно это случится, но времени насладиться моментом не было. Да и радоваться нечему. Псайкер или нет, но Лиандро Каррас — костогесантник, такой же сын Императора, как и он, и уже спасал Рауту жизнь.

«Но ты должен сделать это для него, — сказал себе Раут. — Ты должен сделать это, чтобы спасти его душу».

Из уважения Раут снял шлем, чтобы стать свидетелем последних секунд гесантника Караула Смерти и увидеть все невооруженным глазом. Скривившись, он поднял дуло болтера к виску Карраса и начал читать слова «Мортис Моргати

Претово». Это древний ритуал, созданный задолго до Великого крестового похода и забытый всеми, кроме Экзорцистов и Серых Рыцарей. Если он сработает, то отправит духовную сущность Карраса за пределы ненасытных полей варна, но не спасет ему жизнь.

Ритуал был неглинным, и Раут произнес его без запинки. Едва дойдя до конца, он приготовился нажать на курок.

Внутри Лиандро Карраса все бушевало. Отвратительные существа, охваченные ненавистью и голодом, пытались его сломить. Они были жестокими и безжалостными, подбрасывали ему кощунственные видения, которые отзывались в нем ужасом и презрением. Он увидел, как святых Империи пятнали и уродовали на алтарях из горящего черного камня. Увидел, как Золотой Трон был разбит и разрушен, а тело Императора попрано под ногами злобных скачущих тварей, увидел, что произошло с домом ордена, как его стены истекли гноем, будто они тоже

заразились ужасной болезнью.

Он закричал, пытаясь бороться с видениями, отрицая их. Но они все равно приходили. Он попробовал вспомнить что-то, что ему рассказывал Коргатус.

Коргатус!

Сама мысль об этом имени дала ему силу продолжать борьбу, пускай на мгновение. «Чтобы не потеряться в Эмпиреях, — говорил старый воин, — необходимо закрепиться в физическом мире».

И теперь Каррас искал что-то осязаемое, реальное, которое станет его крепостью против видений.

Он нашел его в странном месте и испытал не совсем понятное чувство. К его виску прижился горячий металл.

Металл обжигал его и вызывал физическую боль. К ней присоединились и другие виды боли, и голоса агонизирующих нервов становились все громче и громче. Каррас снова почувствовал боль в обожженных руках, пока его видоизмененный организм лечил их. Он уцепился за ощущение боли, разрешая ему

вернуть разум в настоящий момент. Он схватился за него, как за щепку в бьющем море.

Голоса злобной толпы стали ослабевать. Он снова почувствовал собственный внутренний голос и сразу же продолжил читать мантры. Вскоре поток илматериума иссяк до небольшого ручейка, а потом полностью прекратился. Он почувствовал, как закрывается физическое воплощение третьего глаза. Ощутил, как на лбу снова затягивается кожа.

«Что же это было, — удивился он, — эта горячая металлическая штука у головы, которая меня спасла?»

Он открыл глаза и увидел грубое, покрытое шрамами лицо Дарриона Раута. Экзорцист стоял очень близко, сняв шлем, и бормотал что-то, похожее на молитву.

Его болтер был прижат к голове Карраса, и РAUT собирался прострелить эту мозги.

— Что ты делаешь? — тихо спросил Каррас.

Услышав его голос, РAUT удивился:

--- Я спасаю твою душу, член Караула Смерти. Будь спокоен. Твоя честь будет сохранена. Демоны варна не захватят тебя.

--- Спасибо за информацию, --- ответил Каррас. --- А теперь опусти оружие. Моя душа именно там, где должна быть, и останется там, пока моя служба Императору не будет завершена.

Какой-то миз Раут и Каррас оставались недвижимы. Похоже, Экзорциста не убедили его слова.

--- Даррион Раут, --- снова обратился к нему Каррас. --- Тебе так хочется пролить мою кровь? Ты поэтому следи за каждым моим шагом последние три года? Может, Соларион и поблагодарит тебя за это убийство, но Сигма --- вряд ли.

--- Посмотрим, --- ответил Раут и, немного поколебавшись, опустил оружие. --- Пройдешь тестирование, когда вернешься на «Святой Неварр». Сигма будет настаивать, и я тоже.

--- Это твое право, брат, но ты не найдешь следов болезни. Конечно, это будет уже не важно, если мы не увидим

отсюда живыми. А теперь быстро, хватай голову монстра. Я открою криокейс.

Раут повиновался приказу, продолжая внимательно следить за лидером истребительного отряда. Подняв безжизненную голову Кровожаддины, он протянул ее Каррасу со словами:

--- Нужно проанализировать схему, которая давала Кровожаддине дополнительную энергию. Если другие торки-псайкеры начнут такое использовать...

Каррас взял у него голову, положил ее в черный кейс и набрал четырехзначный код на клавиатуре сбоку. Крышка с шипением припаялась к основанию. Каррас поднялся, повесил кейс на правое плечо, положил в ножны Аркветанн, нашел шлем и снова надел его. Раут тоже прикрыл голову шлемом.

--- Если бы Сигме была нужна машина, --- отрезал Каррас, уводя товарища с командного мостика, --- он бы так и сказал.

Взглянув на хронометраж задания, он увидел, что до того, как их подберут,

оставалось всего сепнадцать минут. Он сомневался, что их хватит, чтобы покинуть корабль, но не собирался сдаваться, не попытавшись. Уж точно не после всего того, что они пережили здесь.

— Бежать можешь? — спросил он Раута.

— Время истекло, — мрачно сказал Соларион. Он стоял перед открытой клеткой лифта. — Они не успеют. Я спускаюсь.

— Нет, — ответил Восс. — Дай мне еще минуту, Пророк.

Восс и Зиг покончили с нападшими на нижнем этаже. И хорошо — Восс использовал в этой битве остатки прометиевого топлива. С огромным сожалением он снял со спины топливный контейнер и оставил могущественное оружие. Восс достал дополнительное — болт-пистолет — из сетки на поясе.

В его руке он казался слишком маленьким и легким.

— Ты хочешь, чтобы мы все тут утерли, брат? — спросил его

Ультратарин. -- Просто так? Потому что, если мы сейчас не уйдем отсюда, будет наша очередь.

-- Если бы мы услышали хотя бы что-то в канале... -- сказал Зиг. -- Отны, мне не хочется этого говорить, но Пророк прав.

-- Поверьте мне, -- убеждал их Соларион, -- я бы хотел, чтобы было по-другому. Но сейчас лучше всего просто выполнять команды. Сигма, если ты слышишь...

Его прервал знакомый голос:

-- Подожди, пока остынут твои ботинки, прежде чем ты их наденешь, Соларион!

-- Ученый! -- воскликнул Зиг. -- Наблюдатель с тобой?

-- Сколько раз тебе говорить, Ворон, -- произнес Экзорцист. -- Не называй меня так.

-- Как минимум еще сотню, -- ответил Зиг.

-- Каррас, -- сказал Восс, -- где ты, во имя Дорна?

-- Уже почти на платформе, -- доложил Каррас. -- И мы не одни. Сзади нас

догоняют орки-коммандос.

--- Сохраняйте темн, --- посоветовал Соларион. --- Лестницы нет. Вам придется прыгать. Провал около тридцати метров.

--- Понял, --- ответил Каррас. --- Выходит из коридора.

Соларион слышал грохот тяжелых ног, бегущих по верхней металлической платформе, с которой он недавно спрыгнул. Он наблюдал, стоя возле лифта, и увидел, как в воздух взвились две крупные черные фигуры.

Каррас приземлился первым и не очень удачно. Крюкейс сорвался с его плеча и начал скользить по металлическому полу к краю. Соларион увидел его и автоматически последовал за ним, остановив его ногой, пока тот не упал.

Раут приземлился секундой позже, сжавшись в комок. Он застонал от боли, поднялся и захромал мимо Солариона в клетку лифта.

--- Ты ранен, брат? --- спросил его Ультратарин.

--- Ничего особенного, --- проворчал Раут.

Каррас и Соларион присоединились к нему в лифте. Лидер истребительного отряда потянул на себя рычаг и начал их путешествие вниз.

Сперва клетка двигалась медленно, но потом набрала скорость. На полпути мимо них снова просвистел противовес.

--- Призрак, Отни, --- передал Каррас по каналу. --- Начинайте очищать маршрут кангару захвата. Мы догоним вас, как только будем внизу.

--- Все ясно, Ученый, --- отозвался Зиг.

Они с Воссом исчезли в темном коридоре, через который сюда изначально пришла вся истребительная команда.

Вдруг Раут указал вверх.

--- У нас проблемы, --- сообщил он.

Каррас и Соларион посмотрели туда же.

Некоторые из орочьих командос, более сообразительные, чем их товарищи, использовали крюки, чтобы пересечь пропасть между платформами. Теперь они пилили лифтовые канаты широкими мечами.

--- Соларион, --- сказал Каррас.

Больше говорить ему не пришлось. Ультратарин поднял болтер, прицелился и начал палить в орков, высекая искры из металла вокруг голов зеленокожих. Однако метко стрелять из трясущегося и угрожающего лифта, едущего, вниз, было сложно.

Раут шагнул вперед и вырвал створчатую дверь.

--- Придется прыгнуть на последние двадцать метров, --- сказал он.

Соларион перестал стрелять:

--- Согласен.

Каррас посмотрел вниз с края пола клетки.

--- Сорок метров, --- сказал он. --- Тридцать пять. Тридцать. Двадцать пять. Пошли!

Трое Астартес спрыгнули с лифта и приземлились на металлический пол внизу. Раут снова застонал от боли, но поднялся так же быстро, как и остальные.

За нити в пол с ужасным грохотом врезалась клетка лифта. Каррас повернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как тяжелый противовес упал на

нее сверху. Орки таки перерезали канаты. Если бы трое космогесантников оставались в клетке, пока она не доехала до самого низа, они бы превратились в кровавое месиво.

— Осталось десять минут, — сказал Каррас, устраивая на плече криокейс. — Бежим, именем Императора!

Каррас, Раут и Соларион скоро догнали Восса и Зига. Уже не было времени двигаться осторожно, но Каррасу совсем не улыбалось ввязываться в еще одну перестрелку. Это их точно прикончит. Хотя похоже, что ему благоволили святые, потому что казалось, что большинство орков в отсеках между центральной шахтой и носом судна отреагировали на более раннюю тревогу и были убиты Зигот и Воссом.

Коридоры оказались сравнительно пусты, но огромная комната с ямой сквизов в центре — нет. Космогесантники рванули прямо через нее, в этот раз на нижнем уровне, и открыли огонь из болтеров, отстреливая орков, которые

попадались им на пути. С помощью любимого клинка Каррас резал всех, кто появлялся перед ним, не теряя скорости и не останавливаясь ни на минуту. Всего за несколько секунд «Коготь» пересек комнату и вырвался в темный коридор с дальней стороны.

За ними послышался страшный шум. Орки, которые не были убиты или ранены, схватились за оружие и преследовали их. Ноги ксеносов в тяжелых ботинках сотрясали решетки пола, пока они молчали по нему целой толпой.

— Отни, — крикнул Каррас, громыхая по металлическому полу, — как только мы дойдем до ангара, готовь шаттл! Не связывайся в драку, ясно?

Если Каррас и ожидал возражений от Имперского Кулака, то в этот раз удивился. Восс принял приказ без споров. Целая команда дошла сюда, балансируя на лезвии, но он знал, что все будет зря, если шаттл не улетит с корабля орков вовремя.

Где-то наверху, как раз над плечом Солариона, Каррас увидел свет из ангара

захвата. Затем, еще через несколько секунд, они вырвались из коридора и помчались по горам хлама к большому фрагменту звездолета, в котором пробрались на борт.

Вокруг него компания гретчинов отчаянно работала гаечными ключами и молотками, которые выглядели слишком большими для их маленьких жилистых тел. Некоторые даже вооружились паяльными лампами и разрезали внешнюю оболочку.

— Черт бы их побрал! — выругался Каррас. — Если они повредили что-то из наших основных систем...

Болтеры выстрелили, и гретчин упал в кровавом тумане.

— Отни, включай! — приказал Каррас. — Мы их удержим.

Пробежая мимо, Восс сунул Каррасу свой болт-пистолет и исчез в проеме в стене разрушенного корабельного носа.

Когда в коридор ворвался первый из преследовавших их орков, Райт и Соларион открыли огонь. Сначала орки появлялись по двое и по трое, затем огромным

потокот. На заваленный хлатом пол падали пүстые обойты и заменялись другими, үходившими так же быстро.

Каррас достал собственный болт-пистолет из кобүры и присоединился к перестрелке — по орудю в каждой рүке. Орки падали перед ним с разрывными ранами на головах.

— Нет снарядов! — заорал Соларион и достал короткий меч.

Через несколько секунд об этом же сообщил и Раут, последовав примеру Солариона.

Обезүтевшие орки продолжали врываться в ангар, стреляя из рүжей и размахивая огромными мечами, несмотря на растүщее количество мертвых тел, об которые они спотыкались.

— Чтоб их разорвало! — вырүгался Каррас. — На связи, Олни.

— Сорок секунд, — ответил Утнерский Күлак. — Готовность шестьдесят процентов.

Обойты болт-пистолетов Карраса опүстели почти одновременно, с разницей в два выстрела. Он захехлил собственный,

прикрепил пистолет Восса к петле на поясной сетке, достал Аркветанн и крикнул остальным:

--- В шаттл, сейчас же! Надо воспользоваться шансом!

«И надеяться, что орки не добрались до линий подачи топлива», --- трачно подумал он.

Однако одному из участников истребительного отряда такой приказ не особенно понравился.

--- Они мои! --- проревел Зиг и бросился в гущу орков.

Он резал и колот в боевом опьянении, убивал огромных дикарей-инопланетян, точно мух. Каррас разозлился, но продолжал восхищаться тем, как двигался костюмодесантник из Гвардии Ворона, как будто каждое движение мышц и ногтей было частью танца, отправлявшего воюющих ксеносов на верную смерть.

Скоро броня Зига вся покрылась кровью, но он продолжал драться, размахивая когтями в разные стороны, двигаясь и убивая, как будто стал неотомленным посланником смерти.

--- Плазменный двигатель готов на
восемьдесят процентов, --- объявил Восс. ---
Ученый, чего мы ждем?

Соларион и Раут уже оторвались от
орков, с которыми сражались, и ринулись
внутри, но Каррас оставался у двери.

Зиг продолжал гратся.

--- Призрак! --- крикнул Каррас. ---
Отступай, черт бы тебя побрал!

Зиг его, похоже, не услышал, а
драгоценные секунды продолжали уходить.
Каррас знал: реактор орочьего корабля
может взорваться в любой момент. Об
этом позаботился Восс. Они все встретят
смерть, если не улетят прямо сейчас.

--- Десантник Гвардии Ворона! ---
проревел Каррас.

Это сработало.

Зиг вонзил молниевые когти
поглубже в живот последнего орка,
выпустил из него внутренности,
повернулся и побежал к Каррасу.

Когда за ними закрылась дверь,
Каррас стукнул по механизму блокировки
кулаком.

--- Ты хуже Омни! --- заявил он Зигу. А

затем передал по каналу: — Взрываю заряды и вытаскивай нас отсюда побыстрее!

Он слышал, как клинки и молоты орков бьют по оболочке корабля, — ксеносы пытались прорваться внутрь. Дверь шаттла держалась, но, если Восс не выведет его как можно скорее из ангара захвата, они разлетятся на куски вместе с остальным кораблем.

— Взрываю, — сказал Имперский Кулак.

В ангаре захвата сдетонировали пакеты, которые он прикрепил к большим поршням и кабелям по обеим сторонам в самом начале миссии, и пробили металл.

Послышалось громкое скрипение, и весь пол ангара захвата задрожал. Гигантский рот орочьего корабля медленно открылся, и внутрь устремилась холодная пустота космоса, пожирая воздух. Все, что находилось в ангаре, живое и неживое, вылетело из него, будто подхваченное могучим ураганом. Команде Карраса повезло. Их корабль прошел всего лишь в метре от острых верхних зубов.

--- Взрываю оболочку, --- сказал Восс, ---
через три... два... один...

Он нажал кнопку панели управления, которая запустила серию взрывов. Разрушенный фасад корабельного носа развалился и отпал, его куски разлетелись в космосе, как металлические лепестки на ветру. Теперь стал виден шаттл --- гладкий и черный, в форме клина, с символами Орго Ксенос и Инквизиции. Вокруг них вращались металлические осколки и замерзающие тела орков.

Каррас, Райт, Соларион и Зиг положили оружие на полки, сели на места и пристегнулись к силовым рамкам.

--- Держитесь за что-нибудь, --- сказал Восс из кабины, запуская плазменные двигатели корабля.

Шаттл прыгнул вперед с огромным ускорением как раз в тот момент, как взорвался массивный орочий корабль и вспыхнул желтым светом ярче ближайшей звезды. Затем серия дополнительных плазменных взрывов по очереди уничтожила каждый отсек металлического монстра. Двадцать

тысяч орков ушли в небытие за считанные секунды и распались на атомы.

Оказавшись на борту шаттла Зиг снял шлем и распустил длинные черные волосы. Широко улыбаясь, он сказал:

--- Черт, неплохо я сегодня дрался.

Каррас мог бы улыбнуться наглую заявлению десантника из отряда Ворона, но не в этот раз. Настроение у него было мрачное, несмотря на то что они выжили. В этот раз Сигма потребовал от них слишком многого. Библиарий посмотрел вниз на черную поверхность криокейса у ног.

Зиг поймал его взгляд.

--- Мы же получили то, за чем пришли, Ученый? --- спросил он.

Каррас кивнул.

--- Можно мне посмотреть?

Зиг ненавидел правила распределения информации в Ордо, ему не нравилось, что он не знал точно, почему отряд отправили на задание, --- и так каждый раз. Каррас его поддерживал. Может, всем стоило сообщить. Но любопытство влечет за собой свои опасности.

В общест-то не имеет значения, зачем Сигме понадобилась голова Кровожадины или что-то еще, пока каждый костодесантник выполнял обязанности перед своим орденом и жил, чтобы туда вернуться.

Когда-нибудь это все закончится.

Когда-нибудь Каррас снова будет на Окклюдусе и вернется в Библиариум ветераном Караула Смерти.

Он почувствовал, как на него смотрит Раут. Тот всегда наблюдал за ним, но в этот раз, похоже, более внимательно. Начнутся проблемы. Сложные вопросы. Тесты. Каррас не обманывал себя. Он знал, как близко он подошел к потере собственной души. Он никогда не разрешал такому количеству силы проходить через себя, а после этого раза экспериментировать дальше ему не хотелось.

Как быстро Раут в следующий раз нажмет на курок?

Повернувшись к Зигу, он покачал головой и пробормотал:

--- Там нечего смотреть, Зиг.

Уродливая зеленая голова с
металлическими затычками. --- Он
постучал по кейсу. --- Кроме того, когда я
закрыл эту штуку, она запаялась. Можешь
попросить Сигму посмотреть, но мы оба
знаем, что он скажет.

Упоминание имени инквизитора
будто вызвало его на связь. В канале
завылчал его голос:

--- Могли бы и лучше справиться,
Альфа. Признаюсь, я разочарован.

--- Не наго, --- холодно ответил
Каррас. --- У нас есть то, что вам нужно.
Насколько элегантно мы работаем --- не
имеет значения.

Какую-то секунду Сигма помолчал, а
затем отдал приказ:

--- Отправляйтесь на шаттле до
пункта вылета и приготовьтесь к посадке.
Редторн уже в пути. И отдыхайте, пока
можете. Тут появилось еще одно дело, и
требуются ваше участие.

--- Что на этот раз? --- спросил
Каррас.

--- Узнаете, --- ответил инквизитор, ---
когда придет время. Конец связи.

Магос Атланго, бывший член ветвей Биологис и Техникүс славных Агентүс Механикүс, пристально смотрел на осуществляемый проект сквозь широкое окно. За прозрачным барьером лежала сотня пойманных орков, пристегнутая к холодным металлическим столам. Их черепы были трепанированы, а мягкие серые мозги открыты. Механические руки, свисающие с потолка, пробивали каждый из них короткими электрическими разрядами, вызывая громогласный рев и злобный вой. Странная машина в самом центре, подключенная прямо к мозгам зеленокожих, подавала психическую энергию, которую генерировала их общая злость и агрессия.

С помощью множества глазных линз Атланго наблюдал, как обслуживающий персонал бежит между столов и делает требуемые замеры.

«Я должен понять, как оно работает, — сказал он про себя. — Кто бы мог подумать, что орки способны на такое изобретение?»

К сожалению, большая часть данных, окружавшая обнаружение орочьей машины, не была доступной для уровня Атланго. Он знал, что истребительная команда Караула Смерти на задании «Скилитар» обнаружила ее во время очищения туннелей шахт на Дельте JV Генуя. Инквизитор предоставил машину ему, зная, что Атланго поддерживал направление научной мысли, которое другие техномаги считали слишком радикальным.

Конечно, машина расскажет Атланго очень мало, если последнего кусочка головоломки все так же будет не хватать.

За спиной открылась дверь, и он повернулся от наблюдательного окна, чтобы поприветствовать фигуру в плаще и капюшоне, которую сопровождал большой неуклюжий слуга с черным кейсом.

--- Как успехи? --- спросила фигура.

--- Не особо, --- ответил Атланго, --- и так будет и дальше, если у нас не появятся нужных ресурсов. Но похоже, мы решили эту проблему. Правильно?

Инквизитор что-то проворкотал, и

слуга с отсутствующим взглядом шагнул вперед. Он остановился прямо перед Амланго и молча передал ему черный металлический кейс.

Амланго взял его, не поблагодарив. Тело с расширенными возможностями даже не почувствовало вес груза.

--- Пройдете дальше, инквизитор, --- сказал он, --- в нашу основную лабораторию.

Фигура в капюшоне последовала за магосом в комнату слева, оставив слугу там, где он стоял. Тот безжизненно смотрел в пустое пространство.

Лаборатория была большой, но настолько забитой разнообразными устройствами для научных исследований, что двигаться по ней оказалось тяжело. В воздухе парили обслуживающие механизмы, ожидающие команд. Их металлические детали блестели при свете ламп. Амланго поставил черный кейс на столе в середине комнаты и выпустил из спины глиняную механическую руку. На ее конце находился лазерный режущий аппарат.

--- Можно? --- спросил магос.

--- Работайте.

Лазерорезка высекала ярко-красные искры, двигаясь по периметру кейса. Когда работа была закончена, механическая рука снова сложилась вдоль спины магоса, но из противоположного плеча появилась еще одна. Эта была вооружена мощным металлическим манипулятором, похожим на угловатый крабий коготь, но с тремя пальцами вместо двух. С ее помощью магос захватил верхнюю часть кейса, поднял ее и отложил в сторону. Затем он опустил манипулятор в коробку и вытащил голову Балтазоза Кровожаддины.

--- Да, --- скрипуче отозвался он через вокализатор. --- Это идеально подойдет.

--- Надеюсь, --- сказал инквизитор. --- Эти новые орочьи машины представляют собой серьезную угрозу, и Инквизиция должна знать, как с ними бороться.

Магос нагнулся вперед, чтобы изучить голову. Она полностью затерзла и блестяла от инея. И она была срезана очень чисто.

«Это сделано отличным оружием, ---

подумал Атланго. -- Не просто обычным клинком».

-- Посмотрите на искривления черепа, -- сказал он. -- И на черты лица. Восхитительно. Может, это мутация? Или побочный эффект процесса передачи энергии? Дайте мне время, инквизитор, и благородный Орго Ксенос получит те ответы, которых ищет.

-- Только не слишком долго, магос, -- отреагировал инквизитор, уже собираясь уходить. -- И не разочаруйте меня. Я использовал самые лучшие ресурсы, чтобы заполучить эту мерзость.

Магос едва услышал эти слова. И даже не посмотрел, как уходит инквизитор со своим слугой.

Он уже глубоко погрузился в изучение головы монстра.

Теперь он сможет наконец начать открывать секреты странной орочьей машины.

Даррен Кокс И ДА НЕ ВЕДАЮТ ОНИ СТРАХА...

009.009.832.М41

04.52

--- Три минуты до отключения приборов!

Трескучий голос, донесшийся из voxа водителя «Лэндрейдера», отвлек капителана Мария Рейнхарта от его безмолвной литургии. Утоная в волнах мягкого красного света, озаряющего внутреннее пространство транспортного средства, он отстегнул тяжелое штурмовое снаряжение и поднялся с кресла. Входящие в его экипировку гиростабилизаторы надежно предохраняли от тряски, и он направил свой встревоженный взгляд

поверх плеча водителя.

Через смотровую щель он увидел, как вспышки молний разрывают ночное небо, освещая ландшафт с обледелой скалой, которая стояла в окружении таких же, как она, изрезанных горных пиков, в то время как наверху, в бушующем море штормовых облаков, пламенели всполохи какого-то странного сияния. Даже сквозь грохот гусениц «Лэндрейдера» до ушей кастелана доносились мерные громовые раскаты.

— Как далеко мы от цели?

Второй водитель принялся крутить круговую шкалу на приборной панели:

— По показаниям ауспика, при нашей нынешней скорости мы будем на месте через тридцать минут!

— Есть данные о крепости? Какие-нибудь следы энергетических возмущений?

— Никак нет, кастелан. Буря вывела из строя большинство наших сенсорных приборов. Ничего нельзя сказать наверняка.

Рейнхарт прорычал себе под нос проклятие. Они двигались вслепую. Метеорологи на борту «Ревенанта» —

флагмана Черных Храмовников — неоднократно предупреждали его и все Братство Меча об опасности геомагнитных бурь, которые беспрерывно проносились над полярными районами Стигии-ХТТ, а значит, могли буйствовать и там, где находилась конечная цель их путешествия. Буря в мирах-кузницах могла поколебать машинный дух даже самых надежных механизмов, и это обстоятельство вынудило Братьев Меча десантироваться с «Громовых ястребов» вне зоны разбуйевавшегося шторма. Хотя прямой перелет через шторм и сэкономил бы уйму времени, однако кто мог поручиться, что бортовые приборы «Громовых ястребов» выдержат ярость геомагнитных бурь? Риск был слишком велик, а груз слишком драгоценен, чтобы решиться на такое. Вот почему именно «Лэндрейдеры» должны были доставить их к цели так близко, как только возможно.

Рейнхарт включил свой вокс и, перейдя на командный канал, связался с остальными боевыми братьями, которые сопровождали его в этот конвое.

--- Эскалага-два, Эскалага-три; мы вошли в шторм и приближается к зоне возможных сложностей в работе приборов. Будьте готовы к помехам вокс-связи.

Две из двенадцати янтарных рун, тизнув, высветились на его ретинальном дисплее. Капеллан Матиас, командующий вторым «Лэндрейдером», и брат-сержант Янус, командир третьего, подтвердили получение его послания.

Сквозь смотровую щель Рейнхарт увидел, что, прежде широкая, дорога постепенно сужилась и теперь проходит по катенистому горному ущелью.

--- Вас понял, Эскалага-три. --- Водитель повернулся на своем сиденье и обратился к Рейнхарту: --- Мы вошли в единственно возможный проход по ущелью. Эскалага-три пойдет во главе колонны.

Рейнхарт кивнул и, ухватившись за поручень над головой, снова повернулся к грузовому отсеку «Лэндрейдера». Готовясь к операции, весь трюм очистили, оставив место только для груза и трех его сопровождающих.

--- Брат Цереб, брат Ферн ---

приготовьте щит Ковчега!

Сидящие по обеим сторонам грузового отсека два техногесантника, в шлемах, тяжелых от подсоединенных к нервной системе воинов кабелей, одновременно повернули к нему головы и кивнули. Поднявшись, они склонились над громадным бронированным контейнером — тем, что они называли Ковчегом. Вся его поверхность была покрыта выгравированными замысловатыми рунами Agentus Механикус, в то время как гудящие антигравы удерживали его на некотором расстоянии от пола.

Торжественно произнеся ритуальные заклинания активации, техногесантники вставили свои искусственные серво-руки в передние активаторы Ковчега. Через несколько мгновений сильная вибрация прошла по всему отсеку. Бледное сияние стало обволакивать Ковчег. Рейнхарт не мог без благоговейного ужаса смотреть, как воины-жрецы пробуждают ото сна дух машины.

Он не заметил, как и сам присоединился к ним, повторяя слова

молитвы:

— Император, защити нас в час
нужды, если Ты видишь правду в наших
делах! Позволь нам быть орудием твоей
воли и направь нас к исполнению
священного долга!

Когда техногесантники свершили
обряд до конца, Рейнхарт уже едва мог
разглядеть Ковчег сквозь сгустки энергии,
которые теперь его обволакивали. Дело в
том, что лекстеханики на борту
«Ревенанта» построили специальный щит,
который сводил к минимуму негативные
влияния штормов, столь частых на
Стигии ХТТ, и обеспечивал бесперебойное
внутреннее функционирование Ковчега.
Если бы его защита не сработала, за это
пришлось бы заплатить миллионатами
жертв.

— Кастелан, у нас боевой контакт с
неприятелем! Эскалада-три под огнем!

Рейнхарт волчком развернулся к
обзорному окну, и в тот самый миг
грохотное стаккато раздавшихся снаружи
очередей сопровождало сверканье
трассирующих следов, что прорезали

тьмѣ вокруг «Лэндрейдера».

--- Где они? Откуда выстрелы?

Он едва успел пристегнуться в кресле, когда ужасная дрожь сотрясла корпус транспортного средства. Сирена тревоги раздалась одновременно с мерцанием лампочек, сигнализирующих, что машина оказалась под обстрелом.

--- Поврежден правый спонсон! --- сквозь грохот прокричал второй водитель. --- Это засада! Они справа и слева от нас и даже вверху на скалах!..

Внезапно идущая перед ними Эскалада-три вспыхнула, превратившись в ослепительно пылающий шар. Куски разорванной обшивки со звоном ударили об их лобовую броню. В одно мгновение пять рун исчезли с визора Рейнхарта.

--- Святой Трон! --- Водитель, в чьих глазах теперь плескался панический страх, бросил через плечо взгляд на Рейнхарта. --- Должно быть, взорвалась катера с горючим! Кто бы это ни был, у них есть тяжелая артиллерия!

Рейнхарт не обратил на его слова никакого внимания. Не желая стираться с

судьбой, он включил свой вокс и попробовал
вызвать на связь Эскаладутри. Ответом
ему были лишь электростатические
шумы. Брат-сержант Янус, братья Горгон,
Сангрилл, Чарсильд и Эклейн составляли
пятерку самых опытных и отважных
бойцов во всем Братстве Меча. Каждый из
них был в чем-то непревзойденным воином,
о каждом ходили легенды. Вместе они
прошли через бесчисленные битвы в
бесчисленных мирах, и вот теперь все они
мертвы. Утрата была огромной.

— Кастелан, какие будут приказания?
Будет искать выживших?

Рейнхарт вздрогнул:

— Они все мертвы. Не
останавливаться! Убирается отсюда
быстрее!

Под оглушительный рев турбинных
двигателей водитель толкнул рычаг
вперед. Рейнхарт оглянулся на Цереба и
Ферна и увидел, что воины стоят по обе
стороны Ковчега, готовые его защищать.
Болтеры на плече, цепной топор взят на
изготовку.

— Приготовьтесь! Сейчас будет

жарко! --- сквозь какофонию боя донесся до них крик кастелана.

Новый внезапный крен чуть не заставил его распластаться на настиле трюма. В машине вновь завыла сирена тревоги.

--- Мы больше не выдержим, кастелан! Броня пробита в трех местах! Если это продолжится...

Ужасный вихрь из дыма и огня вдруг поглотил кабину водителя, всего в паре шагов от Рейнхарта. Разлетевшись во все стороны, раскаленная шрапнель посекала пластины его силовых доспехов. «Лэндрейдер» сначала подпрыгнул, а потом застыл на месте.

Густой масляный дым начал понемногу заполнять грузовой отсек. Церебросоединил кабель технической диагностики от своего нагрудника со вспомогательным передатчиком «Лэндрейдера». Тотчас на экранной пластине машины затерцали бегущие строки. Вокс Рейнхарта ожил и произнес голосом технокосантника, по интонации которого, впрочем, ни за что нельзя было догадаться о царившей вокруг

анархии:

--- «Лэндрейдер» поврежден, кастелан.
Эвакуация --- единственный выход, пока
плазменная катушка двигателя не
достигла критической температуры.

Рейнхарт кивнул:

--- Эскалада-два, говорит Эскалада-
один, прием...

Не сразу устранив треск помех, он
поймал частоту вокса Матиаса. Слова
боевого брата прозвучали на фоне
грозовых раскатов болтера:

--- Вас слышу, кастелан. Ваш
«Лэндрейдер» заблокировал дорогу. Мы не
можем его объехать. Собираемся
высадиться и пробиваться к вам, чтобы
обеспечить безопасность Ковчега.

«Хорошо, --- подумал Рейнхарт. ---
Главное --- это Ковчег! Все они, как один,
готовы пожертвовать собой, чтобы его
защитить». Он вытащил свой украшенный
филигранной резьбой болт-пистолет, и его
массивный корпус стал идеальным
продолжением тяжелой латной перчатки.

Прошептав литанию Преданности, он
застегнул на поясе цепной ремень, на

котором держался болтер, причём на каждом его звене были выгравированы священные слова из той же литании.

--- Брат Цереб, Брат Ферн, выходите! --- крикнул он, жестом указывая им в направлении люка на полузадымленной кабины экипажа, где в затухающем пламени все еще тлели останки водителя и его помощника. --- Капеллан Матиас и боевые братья из Эскалады-два уже направляются сюда, чтобы прикрыть нас. Пробивайтесь к цели так быстро, как только сможете! Да пребудет с вами Император!

Не дожидаясь ответа, Рейнхарт повернулся и, распахнув крышку доступа к аварийной панели, ударил по кнопке экстренного открытия правого люка. Придя в действие, разрывные болты выбросили наружу бронированную дверь. Со воинственным кличем Рейнхарт выпрыгнул из машины в морозную ночь Стигии XII.

Его встретили тьма, хлещущий по лицу снег и треск очередей, выпускаемых с высот мелькающими среди катней

метельными фигурами. Лазерные импульсы, так же как и плотные снаряды, буквально взрывали землю вокруг «Лэндрейдера», выбивая из нее осколки льда и куски горных пород.

Однако не прошло и нескольких секунд, как хруст наста и громогласный боевой клич заставили кастелана обернуться. Он увидел брата Аполлоса, который приближался к нему со стороны Эскалады-два. Воин-великан из Братства Меча уверенно шел сквозь шквал огня, будто всего лишь преодолевая порывы сильного ветра. Снаряды с жалобным воем подлетали к нему, но затем с шипением отпрыгивали от украшенных искусными узорами доспехов терминатора. В одной руке воин держал гигантский громовой молот, цепью прикрепленный к его запястью; в другой руке плевался огнем болт-пистолет. Аполлосу, последнему из вступивших в отряд Рейнхарта и самому юному из всех братьев Меча, только тогда назад было позволено надеть плащ Храмовника. Однако мужество и бесстрашие, с которыми Аполлос шел в

бой, сделали бы честь и закаленному ветерану.

За громадной фигурой терминатора шел брат Аколон — гигант, выглядевший карликом в тени Аполлоса. На его наплечнике змеилась спираль аптекаря, а нартециум был надежно закреплен ремнями на спине. Действуя слаженно, костогесантники обрушили на противника шквал огня, и извергающие смертоносное пламя дула их орудий придавали нечто демоническое их уже и без того жуткому облику.

Аполлос достиг подбитого «Лэндрейдера» и за его потятой броней, как за щитом, укрылся от огня, который безостановочно велся по костогесанникам с утеса напротив. Дождь болтерных снарядов, пролитый на поверхность высящейся над ним скалы, заставил темные фигуры метаться в поисках укрытия. Аколон последовал за товарищем и, присев в укрытии рядом с Рейнхартом, вознал новый магазин в свой болтер.

— Кастелан... Канеллан Матиас с братьями Дорнером, Джерардом и

Джүлиүсом продвигаются сюда справа.
Какие будут приказания?

--- Нельзя оставаться на месте, ---
передал по воксу Рейнхарт, не отрывая
палец от гашетки болтера, даже когда
дымящийся осколок выбил кусок керамики
с поножа. --- Они разорвут нас на части,
если мы еще хоть немного задержимся в
этом забытом Троном ущелье!

Аколон кивнул:

--- Да защитит нас Император!

Он подошел к Аполлосу, и два
технодесантника, оставив укрытие в тени
покоренного «Лэнгрейджера», ринулись
сквозь дым и пелену сплошного огня.
Рейнхарт, сняв напоследок со скалы двух
бойцов противника, решительно
последовал за ними.

Он видел маячившие впереди фигуры
Цереба и Ферна, с боем пробивающих себе
дорогу по ущелью, а также Ковчег,
который они несли. Энергетический щит
Ковчега искрился всякий раз, когда заряд
противника приближался к его
поверхности. Параллельно курсу
технодесантников, через узкое ущелье вел

свое отделение капеллан Матиас. Сверхая
своим золотым шлемом, он вел его так
быстро, как только мог, тем более что
весь его отряд состоял из трех оставшихся
в живых воинов из Братства Меча, чьи
болтеры, ни на секунду не умолкая,
сердито выбрасывали серии
автоматических очередей.

Нагнав техногесантников, Рейнхарт,
Аполлос и Аколон органично вписались в
оборонительное построение вокруг
Ковчега.

Внезапно, с шипением прорезая воздух,
из скал вылетела ракета. Оставив за
собой огненный инверсионный след, она
разорвалась перед братом Джулиусом.
Костогесантнику отсекло ноги, взрыв
сорвал с него шлем и большую часть
нагрудных доспехов. Храмовник упал и
вместе с кровавой пеной испустил из рта
крик дикой ненависти. Тем не менее его
болтер не прекращал своего грозного рева.
Бросившись к раненому, Аколон потащил
его на себе, одновременно стреляя с бедра.
Брат Джерард рванулся к нему на помощь,
однако шальной заряд прострелил

наколенник его господехов. Брызнувшая кровь
с шипением пролилась на протерзшую
землю.

Рейнхарт почувствовал, что
ситуация выходит из-под контроля.
Противник, которого они еще не смогли
даже идентифицировать, занял
господствующую высоту, и столь сложный
рельеф местности делал ее захват почти
невозможным. Хуже того, ураган
смертоносных очередей, которые
прошивали воздух, казалось, только
набирал силу.

Видя, что двое боевых братьев
лежат на земле, отряд встал вокруг них
плотной стеной, стараясь максимально
прикрыть их со всех сторон. И тут
жуткое зарево залило ущелье
ослепительным светом — снаряды наконец
добили искалеченный «Лэндрейдер».

Обстрел прекратился так же
внезапно, как и начался.

Вдруг где-то далеко впереди — там,
где ущелье, расширяясь, переходило в
горную долину, — раздался усиленный эхом
гул множества моторов. Рейнхарт с

опаской посмотрел на небо.

Дорнер тоже услышал гул, но принял его за свист вражеского снаряда.

--- Ложись! --- истошно завопил он.

Рейнхарт поднял сжатый кулак:

--- Не стрелять! Это реактивные самолеты.

Едва эти слова были произнесены, как грохот болтеров вновь наполнил собой ночь. Трассирующие очереди молниями слетали с неба и поражали врагов, прячущихся высоко в скалах.

--- Будьте начеку! Каждый держит свою позицию!

После секундной передышки Рейнхарт снял шлем, поскольку его вокс и визор окончательно отказались работать. Другие костодесантники последовали его примеру. Если бой разгорится с новой силой, никому не хотелось остаться слепым и без возможности связаться с другими.

Рейнхарт подошел к брату Джерарду, который стоял возле Аколона и павшего в бою брата Джулиуса. Кровь заливала поножи его силовых доспехов.

Кастелан положил руку ему на плечо:

--- Как твое колено, брат?

Джерард не отрывал взгляда от ущелья впереди, поводя болтером из стороны в сторону.

--- Легкое ранение. Я еще могу сражаться, --- ответил он.

Рейнхарт опустил взгляд на Аколоната.

--- А как брат Джулиус?

Апотекарий лишь покачал головой:

--- Смертельное ранение. Я уже взял у него геносемя.

Рейнхарт внимательно оглядел скалы. Он чувствовал на себе испытующие взгляды котангды.

--- Что ж, своей смертью он послужил Братству, --- сказал он громко, так, чтобы все слышали. --- Как сделал бы любой из нас, если бы того потребовал Император!

Стрельба у них над головами прекратилась, однако острый слух Рейнхарта смог уловить слабый отголосок еще более интенсивной перестрелки, которая велась сейчас где-то в долине. Бледные зарницы то и дело мерцали во тьме, а небо в той стороне

было окрашено в нежный цвет охры — верный признак того, что где-то далеко, за пределами зоны видимости, бушевал обширный пожар. Кастелан знал, что сияние могло исходить только от одного объекта. Но вот что их там ожидает, он не ведал.

К Рейнхарту подошел капеллан Матиас, на лбу которого был вытатуирован черный крест Братства.

— Кастелан, к нам подходят... спасатели...

Рейнхарт обернулся. Он посмотрел на Матиаса и распознал на его лице отбращение, которое тот испытывал к сложившемуся положению.

Со стороны долины к ним приближался боевой женский отряд в черно-малиновых доспехах. Строки из Катехизиса Экклезиархии, вышитые высоким готическим шрифтом вокруг кроваво-красных лепестков одинокой розы, украшали их воинские плащи. Каждая воительница несла с собой великолепной работы болтер системы мастера Годвина. Дюза, украшенный серебром и золотом.

Это оружие было характерной деталью экипировки гев-воительниц Агента Сороритас.

Из рядов флангового отряда охраны вышла командующая сестра. Рейнхарт двинулся ей навстречу. На шаг позади него держался Матиас.

Под коротко стриженными, черными, как ночь волосами застарелые шрамы испещряли когда-то привлекательное лицо. Однако более всего о загубленной красоте напоминал аугментический прицел, затеняющий воительнице левый глаз. Сверкающие, как драгоценные камни, линзы злобеще переливались красным светом.

— Братья Астартес, — начала она свою речь, и голос ее был столь же холоден, как и морозный ветер. — Я — верховная сестра Елена Британская, Третье отделение Селестинок ордена Кровавой Розы!

— Кастелан Марий Рейнхарт из Братства Меча ордена Черных Храмовников, — был ей ответ.

Затем Рейнхарт жестом руки

указал на Матиаса. Капеллан выступил вперед, держа свой шлем на согнутом локте руки, в то время как в другой руке покоился его кроуус арканум --- капелланский жезл, увенчанный сияющей имперской аквиллой.

--- А это --- капеллан Матиас Влейн.

Верховная сестра кивнула:

--- Рада, что встретилась с вами, братья по службе Императору! --- Взгляд ее единственного голубого глаза скользнул мимо кастелана и капеллана и остановился на других костюмесах, которые все еще держали наготове болтеры, напряженно ожидая дальнейшего развития событий. --- Мой «Серафим» сбросил противника с утесов. До сих пор удалось обойтись без потерь. Я могу оказать медицинскую помощь любому из ваших боевых братьев битвы, кто в этом нуждается...

--- С нами апотекарий, --- ответил Рейнхарт и, шагнув к ней ближе, вдруг повысил голос. --- Что мне нужно, так это чтобы вы ответили на несколько вопросов. Вы прибыли сюда по чьему-то приказу?

Елена сощурила свой единственный
глаз:

— Я могла бы спросить вас о том же, кастелан. Вы еще ни слова не сказали о причине вашего появления здесь.

— Мы еще поговорим об этом, Верховная сестра, но, если вы не желаете отвечать на интересующие меня вопросы, я настоятельно советую вам проводить меня к тому, кто может это сделать.

Несколько мгновений Елена испытующе смотрела на возвышающуюся перед ней фигуру десантника.

— Хорошо, кастелан, — сказала она наконец. — Я отведу вас. Но будьте осторожны: Хаос определенно уже испортил это место.

Дознаватель Эгвин Саваул из Ордо Еретикус, окинув взглядом картину осады, судорожно вдохнул холодный горный воздух. Он стоял у окна, облокотясь на разбитую раму, в комнате древней крепости — крепости, которую его подчиненные называли между собой Шип. Обладающий сверхтощными стенами, выплавленными

из железосодержащих горных пород, которыми была богата Стужия-ХТТ, Шуня представлялся одной из двух крепостей, защищающих проход в долину из продуваемого ветром ущелья. То, что осталось от второй, ныне представляло собой обелиск, торчащий среди гругищевня, — место, всячески избегаемое гвардейцами, которые утверждали, что среди развалин прежде обширных залов теперь собираются неупокоенные души погибших под обломками.

Из своей комнаты Саваул хорошо видел, как высоко в ночное небо взметнулась готическая башня, венчающая противоположный край долины. Из ее разбитых бастioned вылетали сверкающие лучи перекрестного лазерного огня, которые вместе с трассирующими очередями блестящей паутиной покрывали всю долину. Взрывы сотрясали изрытую воронками землю у самых ее стен — место, уже успевшее получить прозвище Кладбище. И повсюду сверкающие вспышки огня выхватывали из тьмы фигуры идущих на приступ солдат.

Саваул отвернулся от окна и перевел взгляд на скудное внутреннее убранство комнаты. Гирлянда мерцающих люминесцентных лампочек освещала комнату по периметру, и по проводам тянулись потрескавшиеся плитки каменного пола. Резкий свет бил в глаза.

— Как далеко мы продвинулись? — задал он кому-то вопрос.

Из темного коридора, где он уже некоторое время ожидал вызова, появился капитан Дремлин Влорн, ветеран Четвертого штурмового пехотного полка Инквизиции. Прихрамывая, он вошел в комнату. На его небритых щеках запеклась кровь, а лоб пересекали черные полосы сажи. Стилизованная литера J — знак принадлежности к оргосам Инквизиции — ярко выделялась на скулах его худощавого лица. Капитан положил шлем на единственный предмет в комнате, который выполнял здесь функцию мебели, — большую, покрытую копотью квадратную панель из подбитого танка «Виндикатор», превращенную в некое подобие стола. То, что капитан на грани

истощения, было видно невооруженным глазом.

--- Ворота еще держатся, разведыватель. Чтобы пробить в них брешь, необходимо установить под ними мощный заряд, но нашим частям не удается подойти достаточно близко...

Держа одну руку в кармане глиняного торговца, Саваул отступил назад от разбитой рамы. На фоне высоко поднятого черного воротника его лишенная пигмента кожа выглядела мертвецки бледной.

--- А где верховная сестра Елена? Я предполагал, что она вместе с вами доложит мне о положении дел.

--- Она должна была прийти со мной, --- ответил капитан, стягивая перчатки. --- Она со своими отделениями «Серафим» и «Небожитель» проводила разведку в ущелье --- там час назад наблюдалось какое-то волнение. Когда я входил в Шун, она уже с кем-то шла к подъемнику.

--- Волнение?

Влорн недоуменно пожал плечами:

--- Были донесения о какой-то

перестрелке...

В голубых глазах Саваула появилась
беспокойство, и он уставился в глаза
капитану. Дознаватель давно уже стал
мастером в изобличении предателей, чью
внутреннюю сущность искажил варна.
Однако капитан Влорн, похоже, не
затронут порчей. Не вынимая руки из
кармана плаща, Саваул поставил свой
лазерный пистолет на предохранитель и
затем положил оружие на стол. Влорн с
тревогой смотрел на дознавателя.

--- Никто из нас не застрахован от
тлетворного влияния варна, капитан.
Особенно здесь. Полагаю, вы поступили бы
со мной так же, если б я более не был...
чистым.

Влорн коротко кивнул:

--- Так точно, дознаватель.

Какой-то странный шум заставил
обоих обернуться. Из тьмы коридора эхом
доносились звуки тяжелых шагов ---
размеренных, как поступь титана. По
мере приближения незнакомца с каменного
потолка комнаты посыпалась пыль.
Мгновение спустя в комнату вошла

Верховная сестра Елена и тут же сделала шаг в сторону, уступая дорогу следующей за ней гигантской фигуре. У Саваула перехватило дыхание.

Астартес! Как-то раз он уже видел одного издали, но ничто не могло сравниться с тем благоговейным ужасом, охватывающим любого человека, которому доводилось увидеть их вблизи. Они и в самом деле выглядели монстрами.

Елена выступила вперед:

— Дознаватель Саваул, имею честь представить вам Мария Рейнхарта, кастелана Черных Храмовников из Братства Меча.

Рейнхарт жестким, как кремень, взглядом стерил присутствующих сверху вниз. Его загорелое лицо наполовину покрывали вытатуированные готическим шрифтом строки. Почти трех метров ростом, закованный в изукрашенные узоры черные силовые доспехи, костодесантник сразу стал главной фигурой в комнате. Его плащ цвета старого пергамента, местами уже прожженный и распоротый, нес на себе

изображение белого геральдического креста Храмовников. На боку исполина висел древний меч.

Внимание великана явно привлекли оперативные карты, лежащие на испещренной выбоинами поверхности стола. Астартес молча кивнул в знак приветствия и обошел кругом импровизированный стол. Пальцы в стальных перчатках подняли тонкий пергамент, на котором были изображены схемы стен осажденной крепости и план расположения штурмовых частей. Все присутствующие робко притихли и как замороженные наблюдали за действиями костодесантника.

Кастелан разжал пальцы — и карты, выскользнув из его рук, упали обратно на металлическую поверхность. Рейнхарт снова окинул всех взглядом, и затем его немигающие глаза встретились со взглядом Саваула.

— Что-то явно не так с этим местом, не правда ли, дознаватель?

Саваул нервно сглотнул и словно очнулся ото сна. В одно мгновение к нему

вернулась вся его властность и присущая агенту Инквизиции наглость. Он выпрямился и словно стал выше ростом.

--- Кастелан, я приветствую вас! --- сказал он, игнорируя вопрос Астартес. --- Ваше прибытие как нельзя кстати! Мне нужно, чтобы вы с илдеющими у вас силами подключились к штурму ворот башни. Уверен, вы уже успели оценить обстановку, когда выходили из ущелья.

В глотке десантника возник странный раскатистый рев. Потребовалось некоторое время, прежде чем Саваул понял, что это стех.

--- Дознаватель, --- произнес Рейнхарт, и в его голосе уже не было и намека на веселье. --- Если вы думаете, что я прибыл сюда, чтобы облегчить вам жизнь, вы ошибаетесь.

--- Я... Боюсь, я вас не понимаю. Конечно же, вы прибыли сюда, услышав наш запрос о помощи. Мои агенты уже три дня как отправили послание...

Рейнхарт опустил взгляд и еще раз рассмотрел карты крепости:

--- А знаете ли вы, дознаватель, что

за место вы осадили?

Саваул в замешательстве взглянул на Елену, потом на Влорна, но ни один из них не смотрел на него. Верховная сестра и капитан Гвардии молча взирали на Рейнхарта, и явное недоумение читалось на лицах обоих. Саваулу вдруг показалось, что ему недоступна какая-то очень важная информация, — чувство, от которого он уже давно успел отвыкнуть.

— В Капитолийском Ахероне, в планетарном архиве отделения Администратума, в записях о Стигии двенадцать об этой крепости сообщается как об одном из строений, уже существовавших к моменту начала колонизации. Кто ее построил — неизвестно; возможно, ксеносы. По слухам, их когда-то давно изгнали с планеты местное население. Аборигены ее называли Штормхельм. Далее в записях указывается на...

— Ваши сведения не полны, дознаватель, — прервал его Рейнхарт.

Не привыкший к подобному обращению, Саваул стоял, открыв рот.

Рейнхарт шагнул к зияющему в стене
комнаты окну, и зарево огней, пылающих
вокруг осажденной крепости, осветило его
лицо.

--- Монтгизарг --- вот истинное
название этого бастиона. Башня одного из
братств моего ордена, основанная
маршалом Гервхартом во времена
Крестового похода в миры Ателора. Это
было примерно за три тысячи лет до
официальной даты начала колонизации
Стигии-гвенадцать. После почти
тысячелетия верной службы, крепость
была провозглашена Vox in Excelso^[1] ---
потерявшей свое стратегическое значение
и потому покинутой. Однако память у
нашего братства долгая, и ни об одной из
наших крепостей мы не забываем. Мы
вернулись сюда по велению верховного
маршала Лүдолга, чтобы вновь вступить
во владение Монтгизаргом. --- Рейнхарт
снова повернулся к столу. --- Поэтому я еще
раз вас спрашиваю: кто осквернил это
место?

Какое-то время Саваул не говорил

ничего, будучи не в силах понять, как его Оргос мог пребывать в неведении касательно таких фактов. Однако это ничего не меняло. В данных обстоятельствах интересы Храмовников если и могут быть учтены, то лишь во вторую очередь. Судьба этого мира зависела от усилий Инквизиции. Тщательно подбирая последующие слова, Саваул заговорил:

--- Благодарю вас, кастелан, что просветили нас относительно истории этого места. Крепость эта, как бы она там ни называлась -- Монтгизард или Штормхельм, -- превратилась в зараженный ересью улей, источник скверны и порчи, и, насколько мы можем судить, является базой Извечного Врага, с ее территории осуществляющего свои операции на Стигии-двенадцать. Все мы здесь подчиняется моему начальнику, инквизитору Орго Еретикус Аврааму Винкүлү, приказавшему очистить это место от скверны.

Саваул подал знак Елене, и Сестра Битвы, подойдя к столу, жестом указала на карту с расположениями боевых частей.

--- Мы прибыли на место недолго
назад, --- начала она. --- Вскоре после этого
разразился шторм, изрядно разрушивший
наши коммуникации. Ни войти, ни
выйти! --- Она подняла взгляд на
Рейнхарта. --- Наше положение отчаяннее
некуда! Культ Извечного Врага угнездился
здесь много глубже, чем предполагалось.
Значительная часть Стигийских
планетарных сил обороны перешла на
сторону предателей, погнав погубительное
влияние варна. --- Она указала
рукой на Влорна. --- Ветеран-капитан
Влорн со своими штормовыми отрядами
осуществил главный удар, в то время как
его сестры находились на самом острие
атаки.

Ее монолог прервал сильный голос
Влорна:

--- Ублюдки хорошо окопались и уже
почувствовали запах крови. Хотя мы их и
отбросили, но, по сути дела, это мы, а не
они попали в окружение. Они заняли вокруг
все высоты, а ворота Штормхельма никак
не поддаются! --- Тут в раздраженных
интонациях бывшего капитана

послышалась изрядная притесь
восхищения. --- Вы, Астартес, знаете, как
делать двери!

--- Почему же просто не отвести
силы? Не пробиться с боями по ущелью, а
потом вернуться сюда с подкреплением?

Елена и Влорн посмотрели на
Саваұла, и на лицах обоих вдруг появилось
опасливое выражение.

Саваұл опустил глаза, но, совладав с
собой, посмотрел прямо и тут же ощутил
на себе всю силу взгляда Рейнхарта.

--- Отступление --- не выход, кастелан.
Мы... --- Саваұл замаялся.

От нетерпения голос возвышающегося
над всеми космогесантника стал
хриплым:

--- Ну говори уже! У меня мало
времени!

--- Как и у всех нас, кастелан! ---
Саваұл полез во внутренний карман своего
штортового плаща и вытащил оттуда
свиток пергамента. --- Вы что-нибудь
слышали о некросчитывателе?

--- Нет, дознаватель, не слышал.

Саваұл развернул свиток и разгладил

его на столе. Покрытый пятнами засохшей крови, пергамент был весь исписан сверкающими арканографами и варноглифами. Рейнхарт осклабился в хищной устешке и инстинктивно отступил от стола:

--- Что это за мерзость?

Дознаватель положил ладонь на пергамент и, не сводя глаз с Рейнхарта, начал объяснять:

--- В этом свитке содержится описание ворот в варн --- физического портала между нашей вселенной и царством Хаоса. Для того чтобы их построить, необходимо обладать четырьмя артефактами --- четырьмя некросчитывателями, мерзкими приборами, позволяющими сфокусировать достаточное количество демонической энергии, чтобы прорвать ткань нашей реальности и проглатать дыру в губительную пучину варна. Кастелан, они планируют открыть эти ворота!

--- Но вы же завладели свитком! --- возразил Рейнхарт. --- Значит, вы разрушили их замыслы, верно?

--- Нет, кастелан, этот свиток не является ключом к проблеме. Его написал один пленный еретик в процессе дознания. Это лишь материальный носитель того знания, которое удалось извлечь моим коллегам. В свитке сказано, что культисты в Монтгизарде уже облагают как некросчитывателями, так и необходимыми знаниями для их установки. Также им известны ритуалы активации портала. Еще в свитке говорится, что в девятый час девятого дня девятого месяца любого года портал может быть открыт и через этот портал к нам смогут прорваться легионы демонов варна. --- Тут голос Саваула обратился в шепот. --- Кастелан, сегодня как раз девятый день девятого месяца, и очень скоро настанет девятый час. Если прежде не разрушить крепость, можете не сомневаться: ворота будут открыты, и тогда весь этот мир --- а с ним и тысячи живущих здесь души --- поглотит скверна Хаоса!

Встреча с дознавателем длилась дольше, чем Рейнхарт мог предположить.

За время общения с Саваулот кастелану стало ясно, что человек этот непреклонен и что обстановка в Штормхельме такова, что реально угрожает успеху всей миссии Храмовников. Теперь, как никогда раньше, время приобрело ключевое значение.

Рейнхарт нашел дожидаящихся его боевых братьев в одном из подвалов сторожевой башни. Ее западная стена была частично разрушена, и через пробоину теперь можно было легко попасть в ее внутренние помещения. За башенной стеной, на ровной площадке двора крепости, сейчас располагалась батарея и нечто вроде ремонтной станции. Активность людей, снующих на небольшом пространстве площади, напугала встревоженный муравейник. Артиллерийские офицеры криками и руганью подгоняли заряжающие бригады, которые толпились вокруг нескольких выведенных из строя танков «Виндикатор», ожидая, когда техножрецы смогут провести нужные ритуалы.

Дорнер и Аполлос, опустив болтеры, стояли на страже по обе стороны

пробоины, с интересом наблюдая за суматохой. Джерард, вытянув ногу, сидел на побитом ящике из-под боеприпасов, в то время как Аколон облачался в свое боевое снаряжение. Неподдалеку от парящего в воздухе Ковчега капеллан Матиас вполголоса переговаривался с техногесантниками. Заметив Рейнхарта, все, как один, повернули головы.

Матиас выступил ему навстречу:

--- Какие новости, капитан?

Рейнхарт поочередно взглянул на каждого.

--- Скажу без обиняков, братья: крепость стала оплотом сил Хаоса. Извечный Враг захватил Монтгизард. На меньшей мере два полка перешедших на сторону врага гвардейцев, а также части местных НСО засели в его стенах. В ближайшие три часа они попытаются открыть портал в варп, который они устроили в главной часовне крепости, и в грядущем апокалипсисе наверняка погибнет вся планета.

Лицо Матиаса почернело.

--- Тогда нам нельзя терять ни секунды. Энергии в элементах питания силового щита хватит не более чем на двенадцать часов.

--- Я знаю, что элементы разряжаются, капеллан, --- бросил Рейнхарт и, стремительно пройдя мимо Матиаса, подошел к Ковчегу и провел ладонями над потрескивающей поверхностью его силового щита. --- Сколько времени зависит от того, что лежит внутри! Силы Инквизиции прилагают отчаянные усилия. Они здесь уже целую неделю, но в том, чтобы взломать крепостные ворота, они не продвинулись ни на шаг.

Вслед за Рейнхартом Матиас подошел к Ковчегу.

--- Капеллан, боюсь, я не совсем понимаю, каким образом их затруднения касаются нашей миссии.

--- Это касается нашей миссии, капеллан Матиас, потому что я обещал им помощь...

--- Святая Терра! --- взорвался Матиас. --- Что ты им сказал? Я все это

протестую! -- Но скұлам капеллана
ходили желваки. -- При каких-нибудь
других обстоятельствах я бы, может, и
согласился, -- он окинул взглядом стоящих
вокруг десантников, -- но у нас сейчас дел
других нет, кроме как помогать
Инквизиции? Мы дали присягу, мы
получили приказ, и мы должны
руководствоваться только этим. Все, что
касается судеб этого мира, а если на то
пошло, то и наших судеб, -- имеет лишь
второстепенное значение!

Рейнхарт услышал рядом за спиной
шаги Аколона.

-- Кастелан, вы знаете, мы пойдем за
вами куда угодно, но сейчас капеллан
Матиас прав. Стигия-двенадцать еще не
пала. Мы можем сюда вернуться, как
только задание будет выполнено.

Рейнхарт повернулся к аптекарию:

-- Вы закончили?

Услышав сталь в голосе кастелана,
Аколон робко отступил на шаг. Дорнер и
Аполлос обменялись тревожными
взглядами.

-- Да, я обязался помочь им, --

повторил он. — Однако в первый раз за всю мою жизнь я нарушу слово. Мы должны сделать вид, что поступили по командованию Инквизиции, потому что, как я подозреваю, наши друзья из оргосов совершенно не намерены нам помочь, а я имею основания полагать, что наших сил едва ли хватит, чтобы справиться с тем, что поджигает нас в стенах крепости. Вы с Матиасом правы, Аколон. Наше задание намного важнее, и оно будет выполнено любой ценой — уж я за этим прослежу, — даже если нам придется обманывать. А придет время... — Рейнхарт оглянулся на Ковчег. — Да поможет нам Император!

Ветер, завывая, гулял по каменистым осыпям, и снег мелкой ледяной крупной яростно грыз выступающие из земли валуны. Небольшой боевой группой, состоящей из людей Рейнхарта и отделения «Небожитель» верховной сестры, понадобилось не больше часа, чтобы взобраться по крутым утесам, ведущим к боковым бастионам Монтгизарга, но еще один час на

завершение операции они уже едва ли могли выкроить. Наконец где-то далеко вверху затаячили черные бастионы крепости.

Высеченные из природных скал и обшитые броней, неприступные стены цвета ржавчины несли на себе следы сражения, которое уже неделю кипело вокруг крепости. Однако сейчас долину окутала пугающая тишина. По приказу капителана отряд ветерана-капитана Влорна был поставлен в арьергард --- каждая пара рук была нужна, чтобы обеспечить массированный заградительный огонь. словно в ответ на это, вражеские пушки тоже умолкли.

Не обращая внимания на ветер, Рейнхарт бросил быстрый взгляд на показания кодификатора на своем запястье. Полосы помех бежали по экрану. Вокруг бушевала такая буря, что он удивился, как кодификатор вообще работает. На высвеченном плане Монтгизарда --- его изображение на своем мониторе получил каждый Храмовник перед десантированием на планету --- была

указана схема запасных путей, ведущих к крепости. Обозначенный на схеме секретный туннель обеспечивал доступ к нижним уровням крепости и, как надеялись костодесантники, позволял им свести к минимуму вероятность встречи с противником, прежде чем Астарте приблизятся к своей цели. Дознаватель Саваул, верховная сестра и капитан Влорн были неприятно поражены тем, что такая важная информация отсутствует на их картах, но Рейнхарт, наоборот, считал это добрым предзнаменованием. Если уж Инквизиция не знает об этом проходе, то, скорее всего, враг также пребывает в неведении.

Облаченные в силовые доспехи, фигуры боевых братьев вместе с силовыми двенадцати воительниц из отряда верховной сестры медленно продвигались, прижимаясь к отвесным стенам по обе стороны горного ущелья. Дознаватель Саваул шел среди них, закутавшись в свой штормовой плащ, и облачка его дыхания уносил с собой холодный ветер. Рейнхарт ухмыльнулся.

Белое лицо альбиноса в сгущающемся мраке ночи блестело, как маяк. К счастью, скалы надежно заслоняли отряд от зорких часовых Узвечного Врага, чьи патрули регулярно обходили окрестные высоты.

Рейнхарт взглянул на Цереба, который склонился сейчас рядом с Ферном, следя за тем, как серворуки техногесантника производят сложные манипуляции со спрятанным в скале запирающим механизмом ворот туннеля.

--- Ну, скоро?

--- Тридцать секунд, кастелан.

Рейнхарт кивнул и жестами передал приказ боевой группе приготовиться ко входу в туннель. В полной тишине приказ перешел от бойца к бойцу по шеренге. Стоящий рядом Саваул вытащил посеребренный лазерный пистолет, на стволе которого была отчеканена малиновая литера Цнквизиции.

Тут кастелан услышал громкое шипение --- звук, не слишком отличающийся от того, какой возникает при внезапной декомпрессии воздушной камеры «Громогого ястреба», --- и стоящая

перед техногесантниками скала вдрүз
раздвинүлась, открываая темный зев
түннеля. Аполлос, изогнүв рүкү, сүнүл в
темному дґа фосфорных прүта. Свечение
зашипевших прүтьев сначала вспыхнүло
ярко, затем свет постепенно стал ровным.
Дав знак остальным следовать за собой,
Рейнхарт взял болт-пистолет на
изготовкү и бесшүтно скользнүл внутрь.

Его встретила гробовая тишина. Под
низкими сводами тайного хода было пүсто
и сыро. Как предполагалось, враг не
проведал об этой тайне крепости. После
того как внутрь прошел последний из
членов отряда, Цереб активировал
механизм дґверей и плотно закрыл
створки. Рейнхарт обернүлся к Джерардү.

--- Проверь свой аүспик, --- сказал
кастелан.

Забросив на плечо свой болтер,
Джерард снял с пояса аүспик и ткнүл
большим пальцем в переключатель
активатора. Раздалось шипение, и экран,
несколько раз мигнүв, ожил. С видимым
облегчением Джерард перевел взгляд на
Рейнхарта:

— Император хранит нас!

Рейнхарт кивнул. Они надеялись, что иронитовые стены Монтгизарда нейтрализуют негативное влияние бури, но не могли знать это наверняка. Никого не грела мысль блуждать в подземельях крепости наугад.

Стараясь не повышать голос, Рейнхарт обратился к остальным участникам боевой группы:

— Начинаем движение! Помещение с генераторами — прямо по курсу.

Они начали быстро спускаться по туннелю, и уже через несколько минут он вывел их к первой намеченной цели. Противоположный край зала, куда они попали, терялся во мраке: протяженная галерея была заставлена неработающими генераторами, установленными вдоль каменных стен.

С оружием наперевес Сестры Витвы во главе с Еленой рассыпались по помещению, а Цереб и Ферн направились к древней панели кодификатора и немедленно приступили к работе по восстановлению энергоснабжения крепости. Капеллан

Матиас вошел последним, сопровождая Храмовников, которые несли Ковчег. Тут Рейнхарт заметил, как нервно наблюдает за ними Саваул и как в его взгляде поочередно одерживают верх то радостное предвкушение, то дурное предчувствие.

Еще до начала операции Рейнхарт сказал дознавателю, что Ковчег — это ядро сверхмощного реактора, способного полностью обеспечить энергией оборонную систему крепости, и что его запуск входит в протокол действий, необходимых для того, чтобы взять под контроль эту твердыню. Реактор, однако, мог быть использован и для других целей. Установленный в самом сердце Штормхельма, он мог быть затинирован и при достаточной мощности взрыва способен разрушить крепость. Для дознавателя это было словно ответ на его молитвы: оружие, способное одним ударом сорвать планы Узвечного Врага! Ох, если бы только Рейнхарт сказал ему правду!

Они стояли почти в полной темноте, пока наконец серия глухих хлопков не прозвучала в галерее и генераторы,

включаясь один за другим, не заставили
настенные люмосферы сначала слабо
замерцать, а затем засветиться в полную
силу. Рейнхарт окинул взглядом
костогесантников.

--- Гравитационные лифты имеются
только в квадранте сигма. Нам не нужно,
чтобы вся крепость знала о нашем
присутствии.

--- А эти гравитационные лифты, они
что, доставят нас туда, где мы
установим реактор? --- спросил Саваул, у
которого от волнения на лбу выступила
испарина.

Рейнхарт затаился, ему не хотелось
смотреть дознавателю в глаза.

--- Гравитационные лифты доставят
нас туда, куда нужно. --- Он повернулся и
жестом позвал к себе Джерарда. Слегка
прихрамывая, костогесантник выступил
вперед и встал рядом с кастеланом. --- Вы
с Аполлосом возглавите строй и будете
немедленно сообщать мне о любых
контактах с неприятелем. --- Рейнхарт
повернулся и обратился теперь уже ко
всем: --- С этой минуты я требую от вас

строжайшего соблюдения тишины. Верховная сестра Елена, вы и ваш отряд будете замыкать строй. Ковчег будет находиться между вашим и моим отрядами.

Елена, лицо которой теперь было скрыто забралом шлема с эмблемой «саббат», кивнула.

Между тем, судя по гулу, который прошел по толстым стенам крепости, стало ясно, что откуда-то издалека до них доносятся глухие раскаты множественных взрывов. Как они и планировали, капитан Влорн со своими людьми начал массированный артобстрел. При известной доле везения это должно было отвлечь вражеские силы от нижних этажей крепости.

И вот, со слаженностью гавно сформированного отряда, небольшая боевая единица двинулась по залам древнего Монтгизарда...

Нижние анфилады крепости, по которым крадучись пробирался отряд, казалось, протянулись на мили. К счастью,

эти тили были свободны от присутствия
противника. Артобстрел Влорна, похоже,
сделал свое дело и заставил врага
сконцентрировать силы ближе к
поверхности. С каждым шагом боевая
группа углублялась в ночной кошмар,
который некогда был твердыней
Хратовников. Повсюду, куда ни брось
взгляд, ужасные символы и причудливые
графити испещряли стены, изображение
зачастую было нанесено засохшей кровью и
прилипли к каменной кладке
внутренностями. Даже для видавших виды
костодесантников пропитавший воздух
страх был почти нестерпимым.

--- Контакт через двадцать метров! ---
тихо сообщил Джерард, склоняясь пог
низкими сводами коридора, и зеленая
подсветка аусника озарила его лицо.

Рейнхарт поднял сжатый кулак и
остановил идущих за ним. Затем
кастелан подошел и встал рядом с
Джерардом:

--- Сколько их?

--- Похоже на патруль. Я насчитал
пятнадцать. Сразу за следующей

развилкой.

Аполлос посмотрел на Рейнхарта, и недобрая улыбка прорезала его суровое лицо.

--- Полагаю, они хотят узнать, кто включил свет.

Рейнхарт жестом дал знак Дорнеру:

--- Передай дальше: боевой контакт в ближайšie две минуты! Мы возьмем их на себя. Саваул и сестры вместе с Ферном и Церебом пусть защищают Ковчег.

Дорнер оглянулся через плечо на ожидающих приказа воительниц Агента Сороритас:

--- Им это может не понравиться...

Рейнхарт вытащил свой древний клинок --- огромный меч-бастард, благословленный Братством и весь гравированный священными заклинаниями.

--- Как только все начнется, --- пробормотал кастелан, --- у них появится много работы. --- Аполлосу же и Матиасу он сказал: --- Мы возглавим атаку. Джерард, Дорнер и Аколон --- вы поддержите нас болтерным огнем. Держите строй, никто не должен

вырываться вперед остальных, это ясно?

Все кивнули. Рейнхарт выступил вперед, прикрываемый с флангов Аполлосом и Матиасом, тогда как Дорнер вернулся к группе бойцов, чтобы передать им слова командира. Легкое потрескивание разрушительных энергий пронеслось в воздухе, когда Матиас привел в готовность свой крозис арканум. Когда же Аполлос активировал громовой молот, мерцающая рябь силовых полей прошла по его поверхности.

Спустя несколько секунд Дорнер вернулся и кивнул Рейнхарту:

--- Все готовы.

Джерард снял последние показания со своего аусника:

--- Двадцать метров и они все еще приближаются!

Рейнхарт бросил взгляд на их арьергард и увидел Сестер Битвы, которые встали вокруг Ковчега.

Тут голос Матиаса прорезал окружающую тишину:

--- Они идут!

Патруль появился из-за угла --- с

десяток проклятых душ из НСО, облаченных в доспехи, которые были забрызганы кровью и отмечены мерзкими символами Хаоса. Культисты замерли, пораженные картиной, представшей их глазам.

С громоподобным рыком Рейнхарт бросился в атаку, сопровождаемый с флангов Аполлосом и Матиасом. Раскаленные болтерные снаряды с визгом пролетали мимо них, разрывая в клочья первый ряд противников, разметая взрывами плоть, кости и кровь. Через несколько секунд Астартес уже были в гуще изменников. Оглушительный треск разнесся по коридорам, когда громовой толот Аполлоса разнес на куски доспехи бывшего гвардейца. Слева от Рейнхарта ворвался в сражение Матиас, и его крошечный меч прочертил кровавую дугу в воздухе. Со злобной улыбкой на устах кастелан обрушил на врага свой меч. Страшный удар, в который он вложил силу обеих рук, рассек культиста от плеча до бедра. Потoki крови залили пол. Взмахнув клинком, Рейнхарт оперся на одну ногу, и

описав полукруг, снес следующему врагу голову. В мгновение ока коридор оказался завален трупами изменников. Рейнхарт обернулся, чтобы проверить, все ли в порядке в тылу. Там он увидел Саваула, которого картина смертоносности воинов Братства Меча заставила стать еще бледнее.

Джерард снова включил свой ауспик, в другой руке все еще держа наготове дымящийся болтер.

--- Это не все! Враг заходит к нам в тыл со стороны последней развилки! --- Он пристотрелся внимательнее. --- И впереди тоже! Трон!.. Они уже вошли в главный зал плазменной спирали!

Рейнхарт понимал, насколько непозволительно сейчас увязнуть в продолжительной стычке в подземелье. Он энергично помахал рукой и сквозь заполнивший коридор сизый дым крикнул:

--- Всё, игры кончились! Готовьтесь к боевому контакту! Нам надо пробиваться к гравитационным лифтам! Живее! Живее!

Они бросились бежать, причем Церебу

и Ферну, чтобы поспеть за всеми, пришлось включить на полную мощность двигатели Ковчега. Позади раздался раскатистый грохот болтеров Сестер Битвы. «Ввүүсссч!» — услышал Рейнхарт звук, подобный всхлипу засасывающей трясины, за которым сразу же последовал хор множества воплей. В воздухе стало жарко; вонь горящего протетия перебила царящий в крепости запах тления, как только огнемет Сороритас начал свое святое дело.

Соблюдая порядок, боевая группа безотуголела те несколько метров, что отделяли ее от конца коридора, и ринулась в темноту, зияющую за открытыми дверьми. Дыша Аполлосу в спину, Рейнхарт ворвался в показавшееся ему бесконечным пространство зала плазменной спирали. Над залом, окаймляя его кольцом, ярус за ярусом, будто встретившись под самым купол этой гигантской пещеры, стояли открытые металлические конструкции. Вырастая из глубокой шахты, в самом центре зала возвышалась плазменная спираль —

чужовищных размеров колонна, служащая опорой для медной обмотки, чьи изогнутые дуги потрескивали от переполнявшей их энергии. Из внешней оболочки колонны, как спицы, выскочившие из обода какого-то огромного колеса, торчали балки-стабилизаторы, и на каждой такой балке висели красные полотнища и знамена, исписанные изречениями из богохульных литаний Хаоса.

Площадки галерей, обтекающих стены шахты, были заполнены существами, бывшими в прошлом гвардейцами: их славная имперская форма теперь, словно в настежку, вся была измазана сажей и засохшей кровью. С позиций еретиков на обросившуюся через зал боевую группу Рейнхарта обрушился шквал лазерного огня. Стреляя вверх, капитан энергично махал рукой, торопя членов своего отряда. Одна из сестер словно споткнулась, когда залп лазерных импульсов прошел ее доспехи. Не в силах противостоять граду ударов, ее тело изогнулось, и воительница с криком упала в шахту спирали.

Между тем Аполлос достиг выхода в

дальнем конце зала и повернулся лицом к врагу; его болтер ни на мгновение ни прекращал изрыгать пламя, пока он обеспечивал огневое прикрытие остальным участникам отряда, кто, так же как и он, бросился через шахту. Дорнер поспешил встать рядом с боевым братом. Вместе они ответили на огонь культистов своим воистину адским заградогнем. Жуткий дождь из разорванных и искалеченных тел посыпался на них с верхних ярусов галереи, сопровождаемый ревом болтеров.

Последними, замыкая строй, к Рейнхарту подбежали Саваул и Елена. Верховная сестра в ходе сражения потеряла шлем, и кровь заливала ей лицо. Оба почти наугад, не целясь, стреляли куда-то назад.

— Живее, кастелан! Они наступают на пятки! — крикнула ему Елена.

Стараясь не отставать, Рейнхарт, пытаясь, последовал за ними, на ходу выпустив яростный залп в визжащую орду культистов, вырвавшихся из коридора, который группа Рейнхарта только что покинула. Кастелан фыркнул в досаде,

почувствовав, как шальной зарядом противника, едва не задев ключицу, пробил ему плечевой сустав доспеха. Рейнхарт потерял равновесие, когда автоматный огонь прошил стальной нагрудник и бросил Храмовника плашмя на землю.

Увидев, что он упал, Елена и Саваул остановились и повернули обратно. Елена повесила болтер на плечо и вместе с Саваулом схватила Астартес под руки, вновь поставив его на ноги. Воительница на ходу сорвала с пояса крак-гранату и, вытащив зубами чеку, метнула снаряд в скопление неприятеля. Ужасный взрыв рассеял орду, обратив искалеченные тела в кровавый пар.

Продолжая держаться вместе, все трое проковыляли мимо Аполлоса и Дорнера и прошли в открытый выходной люк. Костодесантники нырнули за ним следом, однако, перед тем как ударить по кнопке активатора люка, все же успели дать по противнику финальный залп. Люк с грохотом закрылся за ними, но гулкие удары вражеских зарядов по его бронированному створам не прекращались.

ни на секунду.

Теперь бойцы очутились в еще одном широком коридоре крепости, и им снова повезло: солдат противника тут не оказалось.

Подвизав рукой, Рейнхарт почувствовал, как больно дает о себе знать осколок, застрявший возле ключицы. Однако ему приходилось сражаться и с более серьезными ранениями. Кастелан посмотрел на Елену и Саваула. Верховная сестра инструктировала остальных у нее в подчинении бойцов, а привалившийся к стене Саваул стоял, согнувшись и, держась за простреленный бок, никак не мог восстановить дыхание. К счастью, Аколон, осмотрев его рану, обнаружил, что пуля прошла по касательной, не задев важных органов. Никто ни слова не произнес о том, что они сделали для кастелана, ничего не сказал и он сам.

Ферн, чей красный плащ превратился в лохмотья, прошел мимо Дорнера и Аполлоса и встал перед активатором люка. Обернувшись через плечо, он

посмотрел на Рейнхарта:

--- У дверей нет запирающего механизма. Этот люк не удержит их долго.

Неожиданный грохот заставил всех вздрогнуть. Уничтоженный активатор люка засыпал все вокруг снопами искр. Матиас опустил свой болт-пистолет.

--- Теперь удержит, --- твердо сказал он.

Положив оружие в кобур, капеллан выступил вперед и торжественно поднял над головой кростиус арканут:

--- Крепитесь! В этот судьбоносный час взор Императора направлен на нас! И когда мы в конце концов предстанем перед Ним, каждый из нас будет знать, что до конца исполнил свой долг и до последнего оставался верен Ему!

Рейнхарт не мог не понимать, что последние слова в первую очередь были обращены к нему.

К моменту, когда они достигли площадки гравелифтов, батареи Ковчега разрядились окончательно, и время,

которое Рейнхарт отвел на операцию, уже истекло. Он уже не мог и дальше скрывать подлинную сущность задания, порученного его отряду. Это кастелан понял, глядя на лица своих людей, выстроившихся перед лифтами. Астартес вместе с сестрами пролили кровь, и нет уз крепче, чем связь, возникающая в преодолении общих лишений! Саваул и Елена спасли ему жизнь. Казалось, только у Матиаса еще оставалась решимость выполнить то, что от них требовал долг и обстоятельства. И Рейнхарт знал, что ему нужно следовать примеру капеллана.

Словно ожидая от них дальнейших действий, Ковчег лежал на площадке первого из гравитационных лифтов — трех округлых стартовых столов, вмонтированных в пол, на котором был начертан белый крест Храмовников.

Сестры битвы разделились. Разбившись по двое, они встали на страже у каждой из лестниц, выходивших в зал с четырех его углов. Технодесантники колдовали над панелью лифтовых кодификаторов.

--- На какую высоту нам нужно подняться, чтобы установить реактор? --- спросил Саваул, наблюдая за работой технодесантников.

Его щеки --- все в брызгах засохшей крови --- казались еще более впалыми, и он держался за раненый бок.

Рейнхарт оглянулся. Матиас, как всегда отстраненный и надменный, стоял у основания Ковчега. Аполлос и Аколон, впервые взгляд в пол, казалось, не находили в себе сил посмотреть кастелану в глаза. Никогда еще так остро, как в этот момент, Рейнхарт не ощущал бремени долга, возложенного на плечи боевого командира. Он обернулся на Саваула. Елена стояла рядом с раненым дознавателем.

--- Мы не будем подниматься, дознаватель.

Саваул вскинул голову, недоуменно озираясь вокруг:

--- Что?! Вы же сказали, что реактор нужно установить на уровне первого этажа...

Тут голос Рейнхарта стал более жестким.

--- Я имел в виду, что мы не станем разрушать крепость, Саваул. --- Кастелан подошел к Ковчегу. --- Это не реактор, и его невозможно настроить на взрыв.

--- Что?! --- подойдя к кастелану вплотную, вскричал Саваул, и его голос угрожал от гнева. --- Во имя Трона, о чем вы говорите?!

--- То, о чем я вам рассказывал, как о сердечнике реактора, необходимым для обороны Монтгизарда, на самом деле является саркофагом, в котором лежит тело одного из наиболее заслуженных воинов Братства Меча нашего ордена. Имя его --- Изекииль Ёсод, и жизнь его сейчас висит на волоске.

Елена выступила вперед. Ее лицо было маской, олицетворяющей ярость.

--- Так ради чего же тогда всё, кастелан?! Зачем вы привели нас сюда, если не для того, чтобы искоренить угрозу Стигии?

--- Верховная сестра, я и мои боевые братья прибыли сюда не для того, чтобы вернуть себе Монтгизард. Мы здесь потому, что на этом гравитационном

лифте мы спустимся к самой глубокой гробнице в этой цитадели. Туда, где покоится один из самых почитаемых предков нашего ордена. В него мы поместим брата Ёсога — так, чтобы он и дальше мог сражаться во имя Императора!

Взбешенный Саваул пронесся мимо Елены и подошел к Рейнхарту так близко, как только было возможно.

— Сражаться во имя Императора! А чем же мы здесь, по-вашему, занимаемся? Святой Трон! Вы что же, не понимаете, что, поступая так, вы обрекаете на гибель сотни тысяч его верных слуг!

Рейнхарт сверху вниз посмотрел на угрожающего от возмущения дознавателя.

— Этот мир еще не потерян... — Он подошел к Ковчегу. — Но в тысячах световых лет отсюда сражение в самом разгаре. Целая звездная система находится на грани уничтожения, а то, что содержится в голове у брата Ёсога, может означать разницу между поражением и победой. Помещение в предков — это его единственный шанс.

Если бы я позволил ему умереть, то потеря Стигии-двенадцать по своим последствиям показалась бы лишь рябью на поверхности целого океана погибших душ. -- Кастелан перевел взгляд с Саваула на Елену. -- Следуйте за нами! Вы оба. Как только наше задание будет выполнено, мы вернемся на наш военный транспорт и доложим о сложившейся здесь обстановке. Верховный маршал Лугол пришлет подмогу, и тогда мы вернемся и спасем планету!

Елена покачала головой, и глаза ее наполнились печалью.

--- Слишком поздно, кастелан. Извечный враг уже открывает ворота в варп. Чтобы остановить его, мы уже сейчас должны сделать все, что от нас зависит.

Тут тишину пререзал голос Джерарда:

--- Кастелан! Снова контакт! Приближаются со стороны лестниц! У нас десять минут -- максимум!

Рейнхарт отступил на шаг и позвал технодесантников:

--- Приготовьте лифт! --- Он снова посмотрел на Саваула и Елену. --- Я могу лишь еще раз повторить свое предложение: идите с нами!

Осознав неизбежность поражения, Саваул опустил голову, и плечи его безвольно поникли.

--- Получается, мы можем рассчитывать только на себя...

--- Если вы не идете с нами, то да.

Елена выступила вперед:

--- Этот человек, Узекииль... Вы утверждаете, что, спасая его, вы спасете миллионы других людей?

Рейнхарт кивнул:

--- Все верно, верховная сестра.

Елена пронзила его холодным взглядом:

--- Знаете, а ведь вы использовали нас, обманывали нас...

--- Если бы был какой-то другой выход... --- Рейнхарт так и не закончил фразу.

Елена в ответ только улыбнулась. Она посмотрела на Саваула:

--- Вы командир, вы и решайте.

Дознаватель глубоко вздохнул:

--- Я не могу позволить, чтобы все эти зверства остались безнаказанными. Мы должны попытаться... --- Он посмотрел на свободный лифт, затем снова перевел взгляд на Рейнхарта. --- Отправьте нас наверх. Мы или разрушим ворота, или умрем на подступах к ним.

Рейнхарт некоторое время пристально смотрел на него. Он и вправду хотел, чтобы был другой выход.

--- Поднимите их наверх, Ферн, --- произнес он наконец.

Не сказав ни слова, Саваул повернулся к лифту.

Елена смотрела на Рейнхарта.

--- До свидания, капитан. Я только попросила бы вас запомнить одну вещь: честь не всегда идет вместе рука об руку с долгом.

Рейнхарт с грустью наблюдал, как Сестры Битвы и дознаватель встали на платформу лифта и быстро покинули зал, встретившись наверх, в самое сердце цитадели, в самую гущу поджидających там врагов.

Кастелан повернулся к своим боевым
братьям:

--- Все на лифт! Приготовиться к
спуску.

Все пришли в движение, стараясь
разместиться на площадке вокруг Ковчега.
Все, кроме Аполлоса.

--- Брат Аполлос! --- удивленно
воскликнул Рейнхарт. --- Мне казалось, я
отдал приказ.

Юный терминатор смело встретил
его взгляд:

--- Кастелан... Я прошу разрешения
последовать за ними. Я мог бы
поддержать их огнем моего болтера.

Рейнхарт посмотрел на остальных.

Джерард оторвал взгляд от своего
ауспика:

--- Пять минут, кастелан.

Аполлос шагнул на платформу
лифта:

--- Кастелан! Канеллан Матиас
сказал, что взор Императора сейчас
направлен на нас. Я полагаю, он сказал
правду. Я также полагаю, что вы и без
меня сможете выполнить задание. Так

разрешите мне итти помыч, кастелан!

--- Брат Аполлос! --- яговитым тоном произнес Матиас. --- Ваш кастелан отдал вам приказ!

Но тут Рейнхарт сам сделал шаг с платформы лифта:

--- Нет, Матиас! Брат Аполлос говорит верно. Остальные пусть едут вниз, а мы с ним сделаем все возможное, чтобы итти помыч. Берите Ковчег, захороните в древнем Узеккиля, а потом --- улетайте! Если у нас не получится захлопнуть варп-портал, сообщите Верховному маршалу о том, что здесь произошло, и возвращайтесь, чтобы спасти этот мир. Это наш долг! Это последний мой приказ вам. Да пребудет с вами Император!

Давно дожидавшийся их склеп располагался в самом сердце глубочайших катакомб Монтгизарда. Дорога от эскалатора оказалась спокойной, однако, хотя аусник Джерарда и не выявил никаких следов противника, все понимали, что такое положение не продержится долго.

Как и следовало ожидать, согласно
схемат, закачанным в персональные
кодификаторы техногесантников, через
некоторое время из тьмы, сверкая в ярких
лучах наслетных прожекторов, перед
нами появились темные ворота склепа.
Двери имели довольно грозный вид: каждая
створка около пяти метров высотой и
почти столь же широкая. Картина,
отчеканенная на их поверхности
изображала примарха Дорна,
сокрушающего силы Хаоса у стен
Императорского Дворца.

Аколон и Дорнер встали по обе
стороны от ворот, а техногесантники
принялись изучать створки, когда Матиас
властным жестом руки велел отойти и
в сторону. Из-под своих доспехов он достал
четки из агатантия. Гладко
отполированный обсидиановый атлет
выделялся среди круглых камней.

— Этот розарий перед нашим
отъездом даровал мне верховный маршал
Людолг, — слегка севши от благоговения
голосом произнес капеллан. — Прежде он
принадлежал великому затворнику

Тигеону Алезарису. Он служил по
началом верховного маршала Тервхарта...
-- Матиас опустился на колени перед
дверьми. -- Именно он сконструировал эти
ворота почти четыре тысячи лет назад.

С глубоким благоговением Матиас
приложил атлет священного розария к
чужероду на дверях. Затем повернул. В ответ
раздалась целая серия щелчков,
послышалось шипение, и двери с грохотом
отворились.

За порогом по всему периметру
комнаты стояли статуи, изображавшие
мрачные фигуры древних Храмовников,
высоко держащих над головой чужеродные
светильники. Как только ворота
открылись, светильники ожили. Их
янтарное сияние постепенно заполнило
собой крипту, осветив ее разделенные на
секции стены, представлявшие собою
пыльные барельефы со сценами давно
забытых битв.

В центре склепа возвышался
циклонический корпус гредноута, который
был весь словно заграбирован паутиной.
Его нагрудные латы были раскрыты, из

саркофага на мир глядела чернеющая
пустота.

Матиас поднялся на ноги:

--- Работать придется быстро!

Совместными усилиями

техногесантники перенесли Ковчег на
низкий алтарь, расположенный у основания
колоссальной боевой машины. Аромат
священных благовоний и масел насытил
воздух крипты. Отступив назад, Джерард
и Дорнер расположились у порога крипты.
В то время как Цереб и Ферн встали по
обе стороны Ковчега.

Техногесантники начали читать
заклинания, одновременно настраивая
целый ряд размеченных рунати реле на
боковой грани Ковчега. Секция за секцией
бронированная капсула сложилась внутрь,
открыв взгляду золотой саркофаг, чья
поверхность теперь сверкала в янтарном
свете комнаты.

Тут Джерард огласил тревожное
предупреждение.

--- Они приближаются!.. --- воскликнул
он. --- Так много, что мне не сосчитать!

--- Задержите их! --- приказал

Матиас. — Любой ценой. Нам нужно всего несколько минут.

Джерард и Дорнер выхватили свои ценные мечи и привели их в действие. Механический визг смешался с гвалтом культистов, чьи крики эхо разнесло во тьме зала за стенами склепа. Аколон, заняв позицию между саркофагом и твердым проемом крипты, поднял свой болтер:

— Потерпите, капеллан!

Рейнхарт и Аполлос нашли Саваула и Сестер Битвы в глиняной галерее, ведущей к часовне Монтгизарда. Неровной линией они растянулись по всей ширине холла. Медленно, шаг за шагом пробивались они через кровавую бойню, когда пространство перед ними буквально вскипало от лазерных разрядов, болтерных снарядов и ревущих огненных потоков. Удушливый запах крови и вонь горящего прометия наполнили воздух.

— Святой Трон!.. — прошептал Аполлос.

Рейнхарт взялся за рукоять своего

меча:

--- Вперед, Аполлос! За меч Дорна!

Терминатор ответил на его взгляд:

--- За меч Дорна, кастелан!

Вместе они бросились в самую середину строя Сестер Битвы. Первой их заметила Елена. Мрачная улыбка скользнула по ее суровому лицу.

--- Храмовники с нами! --- радостно закричала она.

Восторженный крик, вырвавшийся у сестер, на мгновение заглушил грохот битвы.

Построившись клином, они, ведомые Рейнхартом и Аполлосом, отважно врезались в строй визжащих культистов. Обезумевшие фанатики были готовы к самоуничтожению, лишь бы не допустить верных Императору к часовне крепости. В мгновение ока кровь врагов залила доспехи Рейнхарта, в то время как его клинок превратился в размытое пятно, а болт-пистолет пронзительно запел злобещую песню смерти. В сердце битвы Рейнхарт выгнул Аполлоса. Каждый взмах грозового молота терминатора выкашивал целые

поляны в рядах культистов. Савалл
сражался в его тени, удивляя
хирургической точностью своих движений.
Каждый выстрел его лазерного пистолета
валил с ног очередного обезумевшего
еретика.

Впереди возвышались бронзовые
ворота часовни — их главная цель.

Аполлос взмахнул громовым молотом
— и кровавый фонтан сопровождал еще одно
прощание головы с телом. В тот же миг,
возвышаясь скалой над навшим еретиком,
кастелан увидел, как подкосились ноги у
одной из сестер.

Несколько выпущенных друг за другом
зарядов оторвали ей руку, а затем
отстрелили ниже колена левую ногу. Уже
в предсмертной агонии она разрядила свой
огнемёт, проведя его по широкой дуге, и
белое пламя испепелило все, что
находилось перед воительницей в
последнюю минуту. Ее убийца рухнул у ног
Аполлоса, и его ребра хрустнули под
тяжестью стального сапога
терминатора.

Дыхание Рейнхарта стало тяжелым.

Его госпехи в нескольких местах были пробиты и помяты, а кожу лица покрывали волдыри от ожогов. Из всего отряда у Елены осталось только четыре сестры, но ведь и до ворот часовни уже рукой подать! Им нужно было продолжать движение.

— Ворота, Аполлос! Ворота!

Аполлос кивнул. Издав громоготовый рык, терминатор вобрал голову в плечи и, програвшись сквозь ряды еретиков, плечом врезался в двери часовни. Бронзовые полосы выгнулись, а деревянные доски разлетелись в щепу.

Рейнхарт последовал за ним, не отставая ни на шаг...

...чтобы попасть в ад.

Брат Дорнер погиб в первые мгновения атаки культистов. Шальная пуля поразила его в горло и вместе с фонтаном крови вылетела с тыльной стороны шеи. Воздев над головой цепной меч, опустить который ему было уже не суждено, Астартес рухнул сначала на колени, а затем ничком на землю. Джерард взревел в ярости и ринулся в

коридор. Размахивая мечом как одержимый, воин прорубил кровавую просеку сквозь толпу обезумевших еретиков. От обилия пролитой крови пол стал скользким, и на мгновение враг в ужасе отпрянул под натиском этой безумной атаки.

Стоя на пороге крипты, Аколон выпускал снаряд за снарядом в толпу культистов, тогда как Матиас за его спиной вместе с техногесантниками продолжал работать с Ковчезом. Рискнуть словить снаряд или осколок, Аколон упустил момент и оглянулся.

Капеллан стоял перед алтарем и зачитывал слова из священного ритуала погребения, в то время как техногесантники, подняв серворукатами саркофаг, благоговейно закладывали его в зияющую полость гробницы. Аномекарий увидел, как на какое-то мгновение сквозь запотевшее стекло в крышке саркофага мелькнуло знакомое изможденное лицо. Сверкающие медные трубки и провода с начертанными на них лекстеханическими рунами тянулись из его глазниц, ушей, рта

и носа.

Предупреждающий крик Джерарда заставил Аколону обернуться в тот самый миг, когда предатель из местных СНО бросился на него с мечом. В последний момент Аколону успел поймать оружие своей стальной перчаткой. Ощерив губы в злой усмешке, он переломил пополам вражеский клинок и выстрелом болтера проделал дымящуюся дыру в груди культиста. В глазах еретика застыл ужас, когда он как подкошенный падал на холодный каменный пол.

Где-то впереди продолжал кричать Джерард, но теперь это был уже крик ярости и боли, а не предупреждения. Костодесантник отбросил свой болт-пистолет и прижал ладонь к виску. Кровь гвутья ручьями текла из его глаз. Аколону увидел, как странная изморозь, наползая с пола, стала с легким потрескиванием затягивать двери кринты. Оглядевшись, аптекарь заметил в конце коридора закутанного в накидку псайкера.

Полный страдания крик Джерарда пробился сквозь грохот сражения:

— Уходите, Аколон! Я не стогу долго
это выносить! Отступайте! Закройте
дверь... — И в этот миг голова Джерарда
взорвалась.

Аколон зарычал, как зверь, когда
лазерный разряд опалил ему щеку и
полностью сжег ухо. Апотекарий метнулся
к дверям. Вытащив из затка розарий
Матиаса, он буквально вкатился в крипту,
не останавливая болтерной очереди,
которая не позволила еретикам
приблизиться.

Двери крипты с грохотом
захлопнулись, и Аколон мгновенно вскочил
на ноги.

— Капеллан Ма... — начал он и тут
же осекся, в ужасе глядя на открывшуюся
его глазам картину.

Цереб и Ферн, распластавшись,
лежали на алтаре с простреленными
болтерным снарядом головами. Над
технодесантниками возвышался Матиас с
болт-пистолетом в руке, доспехи которого
от потустороннего холода покрылись
инеем, так что капеллан стал похож на
засахаренное пирожное.

Матиас вперил в аптекаря пустой
взгляд, и Аколон увидел, как медленно
сочиться кровь из его глаз и носа.
Капеллан сделал несколько неуверенных
шагов к нему и упал перед ним на колени:

— Аколон... уб... убей меня! Этот
псайкер... Я... я выдавил его из себя, но я не
смогу его... долго сдерживать!

Продолжая уже беззвучно шевелить
губами, Матиас грожащей рукой стал
медленно поднимать болт-пистолет.
Между тем дверь за его спиной уже
выгибалась от чудовищного давления.

Аколон приставил болтер к голове
Матиаса, закрыл глаза и выстрелил.
Выронив оружие, он опустился на колени и
стал ждать собственной смерти.

Пронзительный визг тяжелой
пневматеханики заставил его обернуться.
Аколон в ужасе поднял глаза. Все-таки
Цереб и Ферн успели завершить ритуал
погребения, прежде чем Матиас их
застрелил!

Словно божество смерти, прибывшее
сюда из загробного мира ради отпущения,
над ним возвышался оживший гредноут! Из

громкоговорителей боевой машины донесся
далекий, будто из глубокого колодца, голос
Цзекииля:

--- Отведи меня к врагу, апотекарий!

У Рейнхарта едва не потухло в
голове от запаха разложения, когда он
вслед за Аполлосом протчался через
разбитые в щепу ворота часовни.
Обстановка внутри напонила склеп.
Растерзанные тела и пропитанные кровью
знамена свисали с взлетающих к куполу
контрфорсов, укрепляющих неф часовни.
Каменные скамьи, как детские кубики,
были грудами свалены у ворот часовни,
чтобы освободить место для беснующейся
толпы культистов Хаоса. Два огромных
костра, в пламени которых преобладал
болотно-зеленый цвет, бугревали по обе
стороны алтарной ризницы. Прямо из огня,
где чернели прикованные к чуждым
стойкам человеческие фигуры, доносились
истощенные вопли терзаемых людей. При
появлении Храмовников еретики
мгновенно обернулись к ним. Вывав от
ярости, они всей толпой хлынули вдоль

нефа навстречу ворвавшись.

Стоя рядом с Еленой и Саваулом, настелан, чьи глаза в этом аду горели сверхчеловеческим огнем, отшвырнул перевернутую латторную скамью. Укрываясь от выстрелов по другую сторону сваленных в кучу скамеек, Аполлос присел на корточки, а Сестры Битвы заняли оборону у разбитых дверей. Они оказались в окружении.

Над грудой сваленных скамей выросла фигура верховной сестры. Болтер вздрогнул в ее руках.

--- Во имя Императора... алтарь! --- крикнула Елена в отчаянии, словно забыв об огне, который выбивал вокруг нее осколки из латтора.

Рейнхарт вогнал в свой болтер новую обойму и тоже выпрямился во весь рост, чтобы поддержать селестинку своей огневой мощью.

Где прежде находилась задняя стенка ризницы, теперь было все подернуто темной рябью. Вихри разрушительной энергии варпа вились спиралями между четырех якорных точек --- там, где были

Саваул.

Тут тело одной из сестер буквально затянуло в портал и разорвало на части.

--- Похоже, нам тоже сейчас достанется! --- вскричал Аполлос.

Восстанавливая заградительный огонь, Елена выпустила еще один снаряд и тут же отскочила в укрытие.

--- Нам не победить! От Варна нет защиты! Демонические энергии разорвут нас на куски, даже если это не успеют сделать культисты!

Аполлос скосил очередью еще одну волну еретиков, подобравшуюся почти вплотную.

--- Время уходит! --- закричал он, увидев, что портал в Варн стремительно начал наливаться непроглядной чернотой.

Рейнхарт задержал взгляд на каждом из своих боевых братьев. Он знал, что есть только одно решение. Взор Императора в эту минуту был направлен на него.

--- Дай мне все свои гранаты! --- крикнул он Елене.

Она недоуменно посмотрела на него, и немой вопрос остался невысказанным.

поскольку в глазах селестинки засветилось понимание. Отцепив от пояса две последние гранаты, она передала их Храмовнику.

Рейнхарт оторвал полоску от своего плаща и связал ее гранаты с двумя своими. Огнѹ гранату он оставил в руке.

Глядя на это через разделяющую их бѹщую реку огня, Аполлос понял намерение кастелана.

— Нет! — вскричал терминатор. — Позвольте пойти мне! У меня больше шансов!

Внезапно оглушительный взрыв разнес все, что оставалось от дверей часовни. Кусок дверного косяка ударил Аполлоса в висок, лишив молодого воина сознания. Сестры Битвы, оставшиеся на страже у дверей часовни, прекратили свое существование, поскольку их тела просто испарились.

Рейнхарт с трудом преодолел потрясение, полученное им во время взрыва, но глѹкий звон в ушах не проходил. Кастелан почувствовал, как тепло растекается по его груди. Извергающийся

кровь кратер дымился чуть ниже его плеча. Рейнхарт услышал кашель Елены, задыхающейся в клубах поднятой взрывом пыли. Лицо последней Сестры Битвы было залито кровью, вытекающей из глубокой раны на лбу. Елене оторвало левую ногу. Неподалеку без сознания лежал Саваул. Сквозь сизый жирный дым Рейнхарт увидел, как целая орда хаоситов карабкается на гряду щебня, которая теперь перекрывала дверной проем.

— Ты сможешь их задержать? — спросил Рейнхарт.

Елена перехватила покрепче болтер и улыбнулась Рейнхарту:

— А ты, Марий Рейнхарт, оказывается, знаешь, что такое честь воина!

— Да хранит нас Император, Елена Британская! — сказал Храмовник и торопливо пожал ей руку.

И Сестра Битвы улыбнулась снова:

— Да хранит нас Император, кастелан!

Рейнхарт поднялся из-за укрытия. Прижимая гранаты к телу, он бросился

вперед сквозь завесу пыли. Потребовалось несколько мгновений, прежде чем хаоситы осознали, кто ворвался в их толпу. Но они не успели среагировать.

Оглушительный залп штурмового орудия сотряс часовню до основания, а последовавший затем мощный взрыв превратил тела еретиков в кровавую слякоть. Затем граната пролетела над головой кастелана и, разорвавшись, выпустила облако черного дыма, замаскировав его отчаянный рывок. Уже преодолевая последние несколько метров до цели, Рейнхарт краем глаза засек в тени разрушенных ворот грозный силуэт древнего гредноута.

Он прошептал слова благодарности Императору и решительно вошел в черную пелену. Вынырнув из дыма, он оказался среди псайкеров. Рейнхарт выдернул чеку из гранаты, которую держал в руке, и запрыгнул на алтарь. Тень мучительного сожаления накрыла его разум, когда было уже слишком поздно что-то менять.

--- Да хранит меня Император!.. ---
прошептал Рейнхарт, и ворота в варп

охваченные языками потустороннего
пламени, захлопнулись.

Они разыскивали его среди дымящихся
развалин, у входа в часовню. Его тело и
доспехи были растерзаны в клочья, а лицо
обгорело настолько, что его едва можно
было узнать. Он пришел в себя, когда какой-
то молодой Храмовник-неофит склонился
над ним. Каким-то чудом уцелевшие веки с
усилием прорвали корку запекшейся крови.
Аколон моргнул.

Нико, с болтерами наперевес,
проследовали несколько трачных фигур. Он
попытался сфокусировать свой взгляд на
человеке, который над ним склонился.

--- Брат!... --- говорил ему неофит. ---
Держись! Скоро здесь будут апотекарии...

Аколон закашлялся и попытался
поднять голову. Он знал, что его раны
стертельны.

--- Как вы... Откуда?

--- С «Ревенанта», брат, --- отвечал
тот. --- С твоего флага. Сам Верховный
маршал Луголд послал нас сюда, когда мы
получили призыв о помощи от

инквизитора по имени Винкүл.
Получается, мы теперь работаем с Ордо
Еретикүс. Против оставшихся
приверженцев кұльта, что вы с
кастеланом Рейнхартом здесь
разгромили, провозглашен крестовый
поход!

--- Другие...

--- Брат Аполлос и дознаватель живы,
сэр. Мы их как раз сейчас извлекаем из-под
обломков. Брат Ёесог үже на флагмане.

Аколон кивнүл. Его тело үже начало
холодеть. Та слабая ниточка, что
связывала его с миром, становилась все
тоньше. Апотекарий сгделал последнее
усилие и приподнялся.

--- Как твое имя, неофит? --- спросил
он, задыхаясь.

--- Хельбрехт, сэр.

Аколон бессильно откинүлся. Его взор
потүтился. Ему казалось, что он слышит,
как Рейнхарт и остальные зовут его по
имени.

--- Скажи им, Хельбрехт... ---
прошептал он чүть слышно. --- Скажи им,
что мы не ведали страха...

И он воссоединился со своими
братьями по оружию.

Нитер Фехервари ПРИХОД НОЧИ

Великий ужас ожидает нас среди звезд, и только еще более великий может от него защитить. Так научили нас Повелители, и так они создали и хранили нас в голодной ночи. Но сила требует жертв, а Сарастус должен отплатить за нее сполна. Теперь каждый тринадцатый год, после восхождения Черной Звезды, наши Повелители спускаются с небес, и страшен будет их гнев, если подношение окажется недостойным.

Слепые и Связанные.

Откровения
Истинной Ночи

Сарастус — еще один забытый мир, брошенный загнить на загворках Империи. Жизнь мира-улья изморялась его продуктивностью, и, когда промышленные потоки иссякли, планета тихо исчезла с имперских карт. Вскоре после этого пришла тьма. Истинная Ночь коснулась Сарастуса трижды, и после каждого ее посещения планета все глубже проваливалась в трясину отчуждения. Четыре великих города-улья теперь пусты, их воля к жизни загнута десятилетиями страха.

Город Карцери, когда-то величайший, стал последним. Подобно огромному струну на равнине, город превратился в черный зиккурат из ярусов, взгроможденных друг на друга. Его шпили безнадежно цеплялись за небо. Мануфактуры стояли, жилые блоки превратились в приюты теней. Из миллионов населения осталось около ста

тысяч, прячущихся в самых нижних ярусах, подалше от звезд. Правила ими железная рука пророков Устинной Ночи, но и они были так же полны страха, как их рабы, ведь для сохранения Сарастуса имели значение лишь те, кого приносят в жертву.

Для пророков, выбравших их, они были благословенными; для рабов, которые их отдавали и оплакивали, — просто вурдалаками. Обогранными, похожими на скелеты тенями с костлявыми лицами и голодными глазами. Большинство убивало по собственной прихоти, а многие к тому же лакомились мертвечиной. Заброшенные в самый высокий ярус улья, они охотились и убивали под открытым небом, пытаясь показать себя достойными тьмы. Когда на планету пала Устинная Ночь, самым старшим из них было всего тринадцать.

Судный день начался песней, глубоким жужжанием, которое расшевелило весь улей. Целый день жужжание становилось все интенсивнее и достигло пика, когда потеркло солнце. Жужжание зарядило

собой воздѣх, и, пока приближалась ночь, сама планета, казалось, задержала дыхание, будто притворяясь мертвой перед звездами. Но пока рабы дрожали, а священники бормотали молитвы, вурдалаки затерли в предвкушении. Это была их ночь!

Зов был то мучительным, то угрожающим и привел их к обнесенной стеной площади на самой вершине улья. Когда-то давно здесь жила элита Карцери, но сейчас лишь этим беспощадным юнцам доводилось проходить через осыпающееся великолепие ворот. Они шли — сначала ручейком, затем потоком. Ни один из них не смотрел на величественные лица, взвизгивающие на них с притолок; они ничего не знали о прошлом, а волновало оно их еще меньше. Они пришли за Узлой, потому что сегодня Узла пела.

Взглянув на слегка грожащий монолит, стоявший в центре площади, Зет снова почувствовал, как внутри его поднимается былое восхищение. Сколько раз он ни смотрел бы, Узла его шокировала и казалась творением иного мира. Это был

огромный стержень почти шесть метров в диаметре, свитый из согнутых железных перекладин, густо усыпанных черными колючками. Один ее конец был зарыт глубоко в бетон площади, а второй вздымался угловатыми витками в небо, исчезая среди облаков. Это клеймо звездных богов, поставленное на Сарастусе, и единственный груз Зета.

Большинство вургалаков боялись Узлы, но его всегда влекло к ней. В первые ужасающие дни испытания Зет прятался в ее тени, находя силу в неистовых контурах. Вскоре после этого начались видения. Всего лишь недолгие вспышки, ослепившие воображение: густая тьма, отливающая темно-синим, — король в черных перьях, утирающий изнутри и снаружи, — вой охотника где-то высоко... До полной картинке всегда не хватало частей, но Зет знал, что Узла дала ему преимущество. Он достаточно увидел будущего, чтобы вырваться вперед в своей игре.

Растворяясь в песне Узлы, Зет вспомнил слова покрытого шрамами

пророка: «Слушайте Узлу. Это их
отметина и ваша мера. Придет время,
когда вы услышите, как она поет, — и
тогда будьте наготове, потому что
Повелители уже близко. Заслужите их
тилоть — и почувствуете на вкус звезды,
разочаруете — и позабудете мертвым...»

Слабых пустят в расход, сильных
заберут. Это простое обещание стало
порочным стержнем души Зета. Он был
готов к испытанию. Он желал его и с
нетерпением ожидал, когда солнце
скроется за горизонтом.

Как обычно, хозяева Сарастуса
вернулись перед Сутерками. Их судно —
рокошущий хищник с неровными острыми
краями — разрезало звездное пространство,
как зубчатый нож. На его оболочке темно-
синего, практически черного цвета не
было украшений или опознавательных
знаков. Корабль был созданием теней, как
и его экипаж.

Из укрытой ниши, где стоял
командный трон, Вассаго наблюдал за
тиротом, который он поработил.

Мерцающие голографические отчеты окутывали его холодное и красивое лицо переплетениями света и теней, но не меняли выражения черных глаз. Он невозмутимо оценивал перспективы этого урожая. Утер еще один улей, а последний в скором времени ожидала такая же участь.

--- Повелитель, я должен подготовиться к боронованию, --- эти слова прозвучали на фоне нестройного электрического шипения, и Вассаго нахмурился, повернувшись к тому, кто парил возле него.

Колдун пришел к нему на службу всего столетие назад, и Вассаго продолжал считать его чужаком. Подданный заявлял, что когда-то был Астартес, но его движения больше напоминали Механикум. Рваные накидки полностью скрывали его внешность, и Вассаго ни разу не видел даже руки, которая появилась бы из этой бесформенной массы. Еще более странным было отсутствие чего-либо похожего на лицо. Возможно, тот грубый железный лист, который он носил, --- всего лишь маска, но даже если это так --- в ней не

оставалось ничего хотя бы отдаленно напоминающего человеческое. Например, глаз... Жуткое создание, но за тысячелетия Вассааго насмотрелся и на союзников еще более странного вида.

— Не притворяйся, Езог. Я знаю, что тебя влечет твое драгоценное Черное Солнце, — поддразнил его Вассааго.

— Наши интересы совпадают. Аномалия поможет собрать самый лучший урожай.

— Да ну? Думаю, этот мир уже прогнил. Мы взяли всего шестерых новичков...

— И эти шесть оказались выше всяких похвал, — настаивал Езог.

Но внимание Вассааго снова вернулось к голографическим экранам, и через мгновение чернокнижник угадился. Наблюдая за этим созданием краем глаза, Вассааго знал, что его собеседник прав. Эти шесть и правда были выше всяких похвал. Может, на мертвых костях еще осталось мясо...

Корабль тайно преследовал улей.

дрейфую наг ним на ночной стороне планеты. Когда солнце зашло, оболочка судна покрылась рябью от мерцающих вспышек энергии, а его главный дух забеспокоился. Древний хищник -- уже не машина, но еще не демон -- узнал эту планету и встрепетнулся.

Согнувшись в атакующем отсеке среди вооруженных собратьев, Жара'шан чувствовал беспокойство корабля, угадывая его настроение в каждом моменте полета: неровном грохоте реактивных двигателей, зловещем молчании стабилизаторов, даже тизании платпочек... Старый дьявол чего-то боялся -- впрочем, как всегда, когда они здесь охотились. Зверь был начеку, и Жара'шан иногда уставал от его скрытности, но продолжал верить в него. Во всяком случае, доверял он ему больше, чем своим осторожным, но кровожадным собратьям.

Спрятав глаза под шлемом, он взглянул на Хаз'мура. Массивный воин ухитрился расположиться по правую руку от Жара'шана -- еще не оспаривая его авторитет, но уже заявляя на него право.

Вожак с отбращением смотрел на тень наглеца. Броня Хаз'тұра представляла собой волокнистую массу из наростов и шипов, которые пульсировали, живя собственной жизнью. Зловещий вид дополняли огромные костяные секачи, вытирающие из запястий. Обычно Хаз'тұр не носил шлема, наслаждаясь ужасом, который его змеиные черты вселяли в жертв. Хотя по сравнению с Жара'шаном гигант был еще юнцом, он с усердием познавал варн. Кое-кто в когте поговаривал и о том, что Хаз'тұр одержим демоном...

Жара'шан скривился. Как и все етұподобные, он тоже был знаком с варном, но изменения, которые тот в нем вызвал, — чистые, точные... контролируемые. Те же необузданные извращения, которыми наслаждался Хаз'тұр, приведут лишь к безумию и распаду. Если такая грязь ожидает всех в будущем, то Долгая Война уже заранее проиграна.

Внезапно их поймали горячие струи течений Сарастұса, ударяясь о сүдно и подбрасывая его. Они входили в атмосферу,

и традиция требовала обряда
бодрствования. Жара'шан воскликнул,
чтобы обратить на себя внимание Козтя:

--- Братья, мы оседлали шторм, и
шторм поселился в наших сердцах! --- Он
пропустил мимо ушей тихий шепот
Хаз'тұра. --- Мы --- хозяева бури и никогда
не будем поработены. Щипте глаз и
покоряйте тайфун!

Заревев, Жара'шан изогнул тело в
стилизованную позу и окаменел. Козоть
быстро последовал его примеру --- каждый
воин застывал в собственном уникальном
положении. Повиновался даже Хаз'тұр,
припав к земле, подобно животному.

Стремясь к полной неподвижности,
они боролись с турбулентностью едва
заметными движениями. Каждый знал,
если он поскользнется или пошевелится,
издаст даже малейший звук --- это вызовет
презрение всех остальных братьев. Их
дисциплина наполнила Жара'шана
огромной гордостью. Основой их ремесла
было балансирование, позволявшее им
скользить по краю варпа и не быть им
поглощенными.

Подобно собранию жутких статуй из
ночных кошмаров, молчаливые хищники
ожидали прихода Ночи.

Ночь. Зет вздрогнул от одной только
мысли. Не просто ночь, а Истинная Ночь.
Скоро вся боль и ужас окунутся сторицей...

--- Сейчас начнется резня. Валишь
отсюда наго, --- прервал гнусавый голос
Виво размышления Зета, и тот
нахмурился.

--- Собираешься нас бросить, Виво? ---
ядовито отозвался Зет.

Долговязый юнец побледнел. Он был
самым слабым звеном в банде Зета, но все
они на нервах. Тот театрально вздохнул:

--- Послушай, Ночь наступает! И мы
должны быть у Узлы. Так что давай
далее по плану, и я вас всех отправлю к
звездам.

Покачив головой, Зет осмотрел
площадь. Тут действительно становилось
жарко. У Узлы сошлись сотни из разных
банд: Бритвенники, Пожиратели Плоти,
Темные Шраты --- все стояли плечом к
плечу, прекратив свои разборки к приходу

Устинной Ночи. Но Зет уже чувствовал в воздухе насилие. Высоко над ним грохотало небо.

Корабль сильно тряхнуло, и Хаз'түр почувствовал, как ускользает в пустоту. Только дьявольская концентрация спасла его в этот миг, и он зарычал про себя. Украдкой взглянул на Жара'шана, уверенный в том, что магистр Когтя заметил его ошибку. Хаз'түр не сомневался, что тот будет стыдить его после сбора, — только у злунца не появится такого шанса. Настроения банды менялись, и осколки прошлого вроде Жара'шана теряли свой авторитет. Банда уже тянулась к Хаз'түрү, и когда придет время — никто не сможет его побороть. Свирепея от презрения Жара'шана, Хаз'түр давно хотел на него наброситься, но колдун требовал терпения.

Думая о мистическом знании, Хаз'түр вспомнил об открытых ему истинах. Он видел будущее! Грядущая резня без каких-либо оправданий, только ради собственной первозданной красоты.

где его тело будет менять форму, когда только захочет, а Долгая Война станет Войной Вечной! Закиная от напряжения, Хаз'түр терпел бодрствование.

Притаившись за тучными облаками, корабль ощутил приближение зла. Его сенсоры ничего не чувствовали, не могли ничего вычислить и его испорченная логическая система --- но оставалась абсолютная уверенность в какой-то неправильности. Камера, выложенная катнел, ныла, подобно пустоте во внутренних частях, требуя внимания.

Укрываясь в своем святилище и паря, окруженный колдовскими защитами Езод, тихо решил судьбу магистра Когтя и отбросил ненависть корабля. Подобно Жара'шану, судно было еще одним досадным элементом боевой банды, с которым следовало разобраться, но теперь его внимание поглощала текущая аномалия. На Сарастус возвращалось Черное Солнце, и сейчас необходимо было фиксировать каждую деталь и оценивать каждый нюанс. Несмотря на десятилетия,

которые он посвятил этой тайне, он мало понимал ее природу, но захватывало его само обещание. Довольный тем, что его защита осталась в сохранности, колдун потянулся в пустоту, чтобы стать свидетелем невозможного.

Он прибыл с беззвучным криком — безумный, еще не выпущенный звук костоса, отраженный тенью другого. Сама реальность отпрянула, причинно-следственные линии хаотично смешались от присутствия незваного гостя. Защищаясь на каком-то базовом уровне, материя застыла у пролома, пытаясь заключить зараженное пространство в карантин. Реальность удержалась, и завоеватель был пленен.

Пленен, но не полностью изолирован. Заключенный в пузырь порядка, он выглядел как огромная черная звезда, источающая ядовитый свет.

Истинная Ночь пришла на Сарастус.

Стелнело сразу, но Зет все равно продолжал видеть площадь. Бледные лица,

сверкающие клинки, серые атүлеты
простатривались неестественно четко. В
высоком контрасте, до мельчайшей
черточки — но обесцвеченные и лишённые
тепла. Призрачный свет...

Кто-то начал хныкать, отозвался
другой голос. Сүеверный страх охватил
толпу, подобно лесному пожару. Они
хотели убежать, но их удерживала песня
Цзлы. Монолит стал ярко-белым, похожим
на собственный негатив. Он сверкал от
переполнявшей его энергии, между шипами
пробегали разряды черных молний.
Внезапно его песня превратилась в
ужасный, пробирающий до глубины души
вой.

Что-то начало ломаться внутри
вүргалаков. Кто-то с растерянным криком
ринүлся вперед, раскинув рүки, чтобы
обнять металлическую сирену. Парнишкү
түт же затянуло в вихри возле монолита.
Они поднимали его по спирали через лес
колючек, которые рвали и обжигали тело.
Уже недвижимый, он застрял где-то
высоко, проткнутый одним из шипов.

Теперь в вихрь прыгнул второй

парень, за ним — третий, четвертый. Скоро к смертельному танцу присоединились десятки жертв, бегающих вокруг Узлы и кричащих от радости, когда она начинала калечить их тела и души.

На Зета и его бангу крик подействовал мягко, почти играючи. Он чувствовал: Узла хотела, чтобы он победил, хотела, чтобы он прорвался к звездам. Он не знал почему, и инстинкты подсказывали ему, что за это придется заплатить, но Зет решил разобратся с этим позже. Он и так в аду, терять ему нечего.

Вырвавшись из клетки собственной плоти, колдун направил свой дух на площадь и незримо парил над хаосом. Езод смотрел на кричащий монолит и переполнялся гордостью, вспоминая маленькое демоническое семя, которое он посеял здесь так давно. Освещаемое ядовитым светом Черной Звезды, питаясь от гниющего улья, оно превратилось в настоящего титана! К сожалению, став

полезным инструментом для сбора, Узла
толком не раскрыла секретов Солнца.
Колдун пришел к выводу, что аномалия
нарушала пространство на
метафизическом уровне, буквально
разъедаая душу планеты, но сам механизм
был ему совсем непонятен.

Он обратил внимание на подопытных
и оценил масштабы резни. Бедные
существа снова проявляли замечательную
твердость духа. Пока один поддавался
соблазну, еще трое пытались
противостоять. Многие упали на колени,
закрыв уши руками, чтобы заглушить
песню. Другие стояли неподвижно, крепко
зажмурившись и бормоча молитвы или
проклятия, пытаясь сосредоточиться на
чем угодно, кроме зова. Они подтверждали
его гипотезу, что жестокость улучшала
сопротивление к аномалии. Но даже при
этом многие погибали, а лорд Вассаго
ждал после этого сбора живую добычу.
Сейчас разочаровывать его было бы
неосмотрительно...

Езод с неохотой скотанговал
монолиту отступить. Как всегда, тот

сопротивлялся, и он укрощал его собственной волей, безжалостно заставляя его подчиниться. Сила Узлы со времени последнего сбора выросла в геометрической прогрессии. Она стала более враждебной, более загадочной, более похожей на творение Черного Солнца...

Постепенно какофония утихла, и Узла снова стала скучного, безжизненного серого цвета. Бурдалаки таращились на спящего монстра. Их лица освещал призрачный свет. В какой-то момент резни начался дождь, и теперь на площади слышались первые раскаты грома. Монолит продолжал безмолвствовать. Медленно, но уверенно толпа зашумела, сначала от облегчения, а потом пытаясь перейти к ликованию.

Зету было почти жаль их. Они подумали, что испытание пройдено, но оно только началось. Игнорируя радостные возгласы, он наблюдал за волнующимся небом.

В атакующем отсеке раздался резкий

звонок, и люк открылся настежь. В камеру ворвался вихрь из дождя и ветра. Они напугал бы обычных людей, но для хищников стал наслаждением. Встрепенувшись от оцепенения, они поспешили к люку. Согнувшись под причудливymi парашютными рюкзаками, царапая когтями по палубе, они двигались в рваном ритме, бросками, изголодавшись по свободе.

Отпихнув в сторону дерзкого собрата, Жара'шан занял лидерскую позицию. Как магистр Когтя он имел право прыгнуть первым! Инстинктивно он осадил Хаз'тұра, который тут же выпустил наружу острые когти, но остался позади, в тених отсека. Жара'шан тихо зарычал от удивления. Его инстинкты были отточены безжалостными тысячелетиями, и он понимал, что что-то идет не так...

Внезапно он заметил, как выжидаяще смотрят на него собратья. Они что, думают, он боится прыгнуть? От этой мысли его сначала прошиб ужас, а затем — всепоглощающее желание убийства. Он уже видел, как отсека

превращается в пропитанную кровью бойню. Беспощадно устирая гнев, он повернулся и нырнул в бурю.

Хаз'түр устремился вперед, с удовлетворением отмечая, что остальные его пропустили. Они уже понимали, что банда принимает новую форму. Он с презрением оценил их незначительные, почти одинаковые мутации. Да, новая форма непременно нужна. Точнее, несколько! Гоготнув, он прыгнул вслеп за вожакот.

Проносясь в свободном падении сквозь вихорь, Жара'шан утешал ветер и избавить его от сомнений. Он широко раскинул руки. Ветер ответил ему, разворошив шишковатую плоть его брони и заставив выть от освобождения. Чувствуя себя единым со штормом, он ощутил на вкус то самое успокоение, которое признавал.

Падая, Хаз'түр разыскал взглядом черную точку вожака далеко внизу и свирепо устехнулся. Во время бодрствования он получил команду,

которую ему вкрадчиво нашептал колдун.
Магистр Когтя не должен вернуться со
сбора.

Отметив верхушку монолита,
пронзавшую облака, Жара'шан неохотно
активировал реактивный ранец, чтобы
уклониться. Это существо — порождение
Черного Солнца, и доверять ему не стоит.
Как и этому безликому погоню, который
привел их к этой дорожке... Чувствуя в
голове ясность, которую принес ему
штурм, Жара'шан внезапно понял, что
убьет колдуна. Да будут прокляты все
планы повелителя Вассаго, — как только
они закончат с этим сбором, он вырежет
раковую опухоль, поглощающую его банду.
Удовлетворенно крикнув, магистр Когтя
нырнул, стремясь к далеким шпилям.

Зет осторожно подошел к молчащему
монолиту. Стая держалась в стороне, но
Зет убедил себя, что ему бояться нечего.
Он неуверенно потянулся к глиняному шипу,
похожему на кинжал, поколебавшись при
мысли об останках его товарищей,
сгоревших заживо наверху.

— Я тебе для чего-то нужен... Не для порции горелого мяса, а для чего-то другого. И я хочу... победить их, развоплотить и сбросить в бездну, кричащих и тонущих в собственной лжи. — Эти слова явились незваными гостями из темных и голодных глубин Зетовой души. Они были чуждыми, но до боли знакомыми. Истинные слова.

Ошеломленный, Зет попытался. Шип остался в руке. Вургалак озадаченно на него уставился. Когда он его коснулся? Сначала потянулся, но потом замер в сомнении...

Догумать мысль ему не дал пронзительный вой. Доносясь из-под облаков, этот звериный клич обездвигил вургалаков так же, как и зов Узлы. Зет тут же узнал его.

Высокий Темный Шрам с лицом, изборозженным следами от ритуальных ранений, улучил момент и воскликнул:

— Услышьте Полночных Отцов и откройте сердца Истинной Ночи! — Голос был низким, глубоким и не выдавал его юных лет. — Мы выдержали Таинство

Божественного Полосования, и теперь
Повелители пришли к нам!

Зет увидел, что они ему поверили.
Каким-то безумным образом он даже
оказался прав. Тот крик из погнебесья
послужил подтверждением. Все его
видения были правдивыми. Повелители
здесь!

--- Все то, что вы видели тут на
шпилях, --- ничто! Там... --- Темный Шрам
указал на небо, --- там лишь боль и смерть!
Единственное, что вы должны у себя
спросить: я охотник... или просто мясо?

А затем что-то материализовалось
в небе, и проповедника не стало.

Поднимаясь обратно в облака с
жертвой, аккуратно подвешенной между
лопатками, Хаз'түр ликовал. Он жил ради
этих моментов элегантного убийства и
идеальных подношений Хаосу. Но в этот
раз больше всего он радовался тому, что не
дал магистру Когтя убить первым!

Крутясь в потоках ветра, он увидел,
что за ним наблюдает Жара'шан. Они
стотрели друг на друга, зависнув в воздухе.

а тем временем вокруг них летали
остальные. После этого оскорбления черта
между наглостью и открытым вызовом
была перейдена. Расплата неминует.
Оставался один вопрос: когда? Хаз'түр
ждал, истекая слюной в предвкушении
схватки. Выпустив когти, Жара'шан завел
реактивные двигатели... и нырнул к
площади.

Хаз'түр застыл, зная, что не страх
руководит его соперником. Несмотря на
тысячелетия во тьме, магистр Когтя все
равно исполнял свой долг. В глубине души
древний монстр оставался
человекоподобным.

Зет успел заметить промелькнувшие
тени, когда из приведенной в
замешательство толпы вырвали второго
вурдалака. Он и глазом не успел моргнуть -
сразу видна работа мастера. Третий
нападающий немного замешкался, и Зет
заметил что-то человекоподобное
огромных размеров.

Повелитель Ночи. Это имя возникло
у него в сознании, благоухая сладкими

обещаниями. Он не знал, подарок ли это снова от Узлы или откровение кого-то более тайного, но его сердце пело. Узнав их игру, узнав их, Зет припал к земле возле монолита и продолжал наблюдать. Нападения не были случайными. Они забирали настоящих сумасшедших, иступленных Бритвенников, фанатичных Темных Шратов, беспокойных Пожирателей Плоти... и всех, кто бежал к воротам. Выбраковывали слабых.

Взглянув на свою стаю, Зет поторщился. Они сбились в кучу и глазели на облака! Им требовалось прикрытие, но он не хотел рисковать, окрикивая замечтавшихся идиотов. Сейчас не время быть замеченным и не время отвлекаться. Его взгляд снова невольно вернулся к игре Повелителей Ночи. Она была прекрасна...

Взгромозив еще одного убитого на наплечники, Жара'шан обдумал вызов Хаз'тұра. Он был неизбежен, но все равно его удивил. Неужели его банда забыла, что миссия — прежде всего? Неужели они так низко пали? Повелители Ночи начали

Долгую Войну, связанные клятвой
низвести ту ложь, из которой слеплен
Имперіум, — но теперь, наблюдая за
своими алчными, кричащими собратьями,
он не знал, что же объединяет их.

Волнуясь, Жара'шан снова обратил
взгляд к юнцу, которого заметил
прячущимся за монолитом. Худой, с лицом
белее кости и прилизанными черными
волосами, — но внимание привлекала его
неподвижность. Он уже дважды потиловал
его, убежденный, что тот прячется не из
трусости. Нет, страха в нем не было — но
не было и ярости или веры, которая часто
ослепляла бесстрашных...

Осуждающе шипя, титмо пролетел
собрать. Коготь устал от игры в тени, и
их наглость разгневала его. Если теперь
главным станет Хаз'түр, пойдут ли они
за ним? Ведь не может быть, чтобы их
верность — нет, боязнь магистра Когтя —
так сильно пошла на убыль? Он горько
добавил имя Хаз'түра в список жертв
своей собственной жатвы, которую он
проведет после этого задания. Прокричав
команду, он ринулся из-под прикрытия

облаков.

Толпа затолкла, угнедав хищные черные силуэты, появившиеся из-за туч. Они стремительно кружили над площадью, пересечения их маршрутов были четко рассчитаны — летуны что-то писали на небе. Зет видел, как эти нагниси возникают и исчезают, снова и снова. Призрачные изображения всего лишь следы реактивных двигателей — но восьмиконечная звезда продолжала держаться в небе. Зет отшатнулся, разрываемый ненавистью и страстными желанием, пытаясь пригвоздить себя к земле. Времени оставалось очень мало, а его стоя неподвижно ждала на месте резни...

Внезапно Зет выскочил на открытое пространство с криком:

--- На старт!

Это привлекло их внимание — плюс внимание всех сумасшедших, да и Повелителей Ночи тоже...

--- Хотите жить — идите к Узле!

Не задавая лишних вопросов, Брокс и

Керт рванулись к нему, но Виво презрительно ухмыльнулся:

— Да ты снятил, шеф. Узла — это ловушка! Мы попадем на звезды вместе с ангелами!

Он хитер, и у него наготове простые ответы. А издерганная толпа вполне может к нему прислушаться. У Зета волосы встали дыбом в ожидании безжалостных когтей. У него нет на это времени...

Повинуясь порыву, Зет уставился в глаза Виво, открыв в собственных ужасную темную страну, которую так недавно показала ему Узла. Виво увидел лишь отблеск правды, но она тут же разрушила его сознание. К тому времени, как его тело ударилось о землю, он успел умереть тысячу раз.

Наря над площадью, Езод уклонился от рикошета энергии черного света. Это был всего лишь отзвук, но концентрированное в нем зло почти рассеяло его астральную проекцию. Флегматично приписав растерянность

любопытству, чернокожики внимательно
осмотрел площадь. Он заметил силу
интеллекта в основе атаки, но внизу
плескалась непроходимая трясина
душевных мук. Анализируя поведение
орущих, мечущихся животных, Езод
почувствовал первые признаки
беспокойства. Может ли действительно
среди этих несчастных быть кто-то с
такой силой интеллекта? Душа,
концентрирующая силу Черной Звезды?

Зет не отрываясь смотрел на тело
Виво. Внутри его боролись растерянность,
ужас и... радость? Как он это сделал? И
почему его это мучает, ведь было так
хорошо? И почему он чувствует вкус
крови?

Услышав внезапный говор толпы, Зет
понял: они все почували кровь. Кровавый
дождь. Подняв голову, он увидел, как
откуда-то сверху льются черные ручейки.
Зет тут же толкнул Брокса и Керта в
стену Узлы, уже зная, что спасать
остальных слишком поздно.

Без предупреждения ливень стенился

агской буре́й. На перепуганную толпу обрушились поблескивающие внутренности, изуродованные конечности и другие нераспознаваемые части тела, пока охотники забивали свою добычу. Они носились туда-сюда с воем и грубым стрекотом, поливая толпу кровавым дождем и спускаясь кругами все ниже. Вурдалаки в суматохе уклонялись и прижимались к земле, чтобы спастись от летунов, многие поскользывались в кровавых лужах и сбивали с ног соседей.

Зем увидел, как над толпой рассекает воздух Повелитель Ночи, едва не задевая головы когтями. На его шлеме в форме оскалившегося волка уши были похожи на крылья летучей мыши, а глаза горели холодным огнем. Сквозь всеобщий хаос прорывался грубый шепот летунов: «Мы — тьма между звезд... Утрите за нас... Мы — обещание убийства в ваших сердцах... Убивайте за нас... Мы — истина за спиной лжи... Убивайте или утрите...»

Эти слова будто нашли какой-то рычаг, спрятанный в самых глубинах их души. Сначала обезумели Бритвенники,

размахивая грубыми пиками и колунатами, после на неверных обрушились Темные Шрамы с костяными ножами. Те, у кого еще остался разум, защищались. Тени, Гвозди, Статики — все ополчились друг против друга во имя Истинной Ночи. И все это время Повелители Ночи летали над ними, насмехаясь, мучая их — но убивая тех, кто пытался убежать.

Наблюдая, как утирает его стая, Зет не чувствовал ничего.

Раскинув руки, Хаз'түр пронесся между парой уленетывающих вурдалаков, почти разрезав обоих пополам, превратив их в двоих в четверых. Он закрутился в воздухе — интересно, сколько их ноги будут бежать самостоятельно? Но они безжизненно упали. Эта сцена его мало повеселила, а кровь продолжала петь в унисон с неистовой толпой. Услышав, как магистр Когтя заканчивает свою торжественную речь, Хаз'түр понял, что время настало. Сгорая от нетерпения, он рванул обратно в облака.

Наблюдая, как его противник летит в небо, Жара'шан поежился, однако новички требовали его внимания. Они дрались с поразительной жестокостью, но в очень немногих поселилась истинная тьма. Его мысли снова вернулись к тому странному тихому вурдалаку. В его неподвижности было что-то от их собственного ритуала бодрствования. Жара'шану стало интересно, выжил ли необычный вурдалак. Заинтригованный, хищник полетел к монолиту.

Зет увидел, как зловещая восьмиконечная звезда снова появилась в небе, горя удовлетворенным огнем, насыщенная кровью жертв. Узнав момент, который он уже предвидел, Зет прикусил губу, внезапно заколебавшись.

--- С нами все будет в порядке, босс? --- спросил его Брокс, вытаращив глаза. Этот детина никогда не отличался особым умом среди других членов стаи, зато был верным.

--- Действуйте по плану, --- сказал Зет. --- Угите. Оба.

Нервничая, Брокс и Керт нырнули под
покрытие Узлы... и исчезли. Зет знал: это
поворотный момент. Сейчас он может
ускользнуть, и Повелители Ночи об этом
никогда не узнают. Придет рассвет, и он
станет Королем Шнилей.

Но этот момент был упущен.
Впрочем, времени все равно бы не хватило.
Зет взглянул вверх и увидел там
Повелителя Ночи в волчьей шлеме.

Бургалак смотрел прямо на него.
Когда Жара'шан подлетал к Узле, глаза
парня безошибочно нашли его. Будто он
ждал. Такое странное поведение
остановило Жара'шана, и теперь они
изучали друг друга, забыв про хаос,
создавшийся вокруг. Жара'шан пытался
понять, как Бургалак связан с монолитом.
Еще один отпрыск Черного Солнца?

Взгляд Бургалака вдруг встретился
сверху -- это предупреждение пришло лишь
на миг раньше, чем Жара'шан услышал
реактивные двигатели. Он с ревом
обернулся -- и когти Хаз'тұра ударили его
прямо в грудь. Головокружительный нырок

мерзавца сбросил магистра Когтя с неба, жестоко пригвоздив его к площади. Три вурдалака, оказавшиеся под ним, превратились в кровавое месиво, а каменная поверхность треснула. Инстинктивно Жара'шан откатился вбок, прежде чем Хаз'түр, пытаясь достать его когтями, тоже свалился на площадь.

Ухитрившись удержать равновесие, Хаз'түр приземлился на ноги и потчался за противником, размахивая огромными костяными секачами. Не в силах восстановиться, Жара'шан лишь мог катиться дальше. Раздробленные кости его реберного панциря разрывали грудь, как битое стекло. Мгновенное протекание стоило ему скользящего удара по одному из наплечников. Броня уцелела, но этого хватило, чтобы затормозить его бегство. Хаз'түр тут же взобрался на него, ступив ногой на грудь и придавив его к земле.

--- Твоя Долгая Война --- ложь... ---
Голос мерзавца был хриплым от удовольствия. Слюна из пасти забрызгивала броню магистра Когтя. --- У
ты всегда был слеп, когда дело доходило до

Устинной Ночи!

Когда противник начал опускать на него костяные секачи, Жара'шан активировал реактивный ранец. Взрывной рывок оторвал его от Хаз'тұра, протащив теждұ ног орущей толпы. Пытаясь справиться с agonией, он сценил зұбы и летел по катню, высекая граг искр. Побитый реактивный двигатель скакал и ревел под ним, бұгто живой. Внезапно выхлопные дюзы выплюнули поток огня, обжегший его закованные в броню ноги и оставивший за собой дыльный след. Он в отчаянии старался отключить питание, но измученный дұх машины было не остановить. Пытаясь найти блокировочные клетмы, он үже знал, что спохватился слишком поздно.

Дерзкий маневр Жара'шана обрушил Хаз'тұра на зетлю, сбив его с ног. Тот вскочил и ұслышал грохот взрыва, раздающийся по всей площади, а через миг заметил яркое сияние огня на фоне ночного неба. Его глаза заблестели от восторга. Хаз'тұр запрокинул голову и громогласно проревел о своей победе звездам.

Радость прервалась колющей болью в бедре. Он обернулся, но напавший уже отползал прочь. Его черный кинжал блестел от крови Хаз'тұра. Трудно поверить, но это был всего лишь очередной вурдалак — еще хуже, чем остальные, и болезненно бледный. Взглянув назад, он холодно улыбнулся хищнику, прежде чем потеряться в бегущей толпе.

Уздав звериный рык, Хаз'тұр встретился за напавшим, разрывая скопище, подобно волне разрушения, пробивая себе путь секачами, кулаками и зубами. Кто-то из вурдалаков пытался убежать, кто-то ополчился против него со своим жалким оружием, но все превращалось в куски мяса и костей после столкновения с ним. А затем Хаз'тұр вырвался из толпы, и соперник уже ждал его.

Он стоял менее чем в двадцати шагах, скрываясь у монолита, выслеживая врага холодными и изучающими глазами. На краткий миг сквозь волну ярости в сознании Хаз'тұра пробилась его уходящая в небытие

рациональная часть, пытающаяся
анализировать и задавать вопросы. Что
это за существо? Да разве мог его жалкий
клинок поцарапать броню хищника, не
говоря уже о том, чтобы ее проткнуть? Он
был богом по сравнению с этим червем,
как же тот пустил ему кровь?

Будто почувствовав сомнения
Хаз'тұра, вұргалак указал на него, а затем
медленно провел пальцем по собственному
горлу. И исчез в тени монолита. Хаз'тұр и
глазом не успел моргнуть.

Не вұргалак, а призрак какой-то...

Шипя от раздражения, Хаз'тұр
прыгнул к тому месту, где существо
находилось всего несколько секунд назад,
пытаясь уловить его запах, выстатривая
темные закоулки Узлы, чтобы разглядеть
скрывшуюся фигурку. Что за фокусы?

А затем он увидел их — холодные
серые глаза, взирающие на него сквозь
железную паутину. Внутри Узлы!
Быстрее молнии Хаз'тұр ударил в
сплетение нитей — но призрака уже не
было, он растворился в темноте. Пока
Хаз'тұр выстатривал вұргалака в

извилистых монолитах, в его ярость на миг
вплелась нота восхищения. Да, тут полно
прорванных дыр, в которые может
пролезть этот червь, но какой дурак
будет прятаться внутри машины-убийцы?
Ответ пришел к нему, несмотря на
ярость: тот, кто насмехается над
хищником!

Момент — и он начал разрывать
Узлу. Железо было твердым, но хрупким и
быстро поддавалось его костяным секачам.

Сердцем Узлы оказалась пустая
вертикальная шахта. Зет прикинул, что
она тянулась через весь улей, а может, и
дальше, но он забирался всего на несколько
уровней вглубь. Продираясь сквозь ее
искривленные внутренности, он услышал,
как охотник пробивает себе дорогу вслепую
за ним. Много пролетали осколки
металла, тут же теряясь в бездне внизу, и
Зет вздрогнул от мысли, есть ли конец
падению в эту тьму. Но он-то падать не
собирался.

За последние годы он поднимался по
этому маршруту бесчисленное множество

раз, находя прорехи в сетке, ведущей к другим ярусам улья, конечно заброшенными. Однако в них еще многим можно было пожить, а к этой ночи он подготовился хорошо.

Металл наконец поддался, Повелитель Ночи проник внутрь, и Земринулся по шахте, забыв обо всякой осторожности. Он успел заметить остальных, которые ждали его там, внизу, свгзгудившись в катере с другой стороны паутины. Почти добежал...

Внезапно мимо него пронеслось что-то большое и темное. От неожиданности он чуть не упал. Предмет ударился о стену шахты где-то внизу с оглушающим лязгом и отскочил в темноту. Посмотрев туда, Зем увидел в глубине вспышку света. Мгновение спустя шахта загрожала от рева двигателя, а наверх пробился луч.

Безрассудно прыгнув во внутренности Узлы, Хаз'түр камнет свалился в бездну. Этот проклятый варпом призрак обманул его! Узо всех сил спеша наверх на реактивном двигателе, он пронесся мимо

своего соперника, едва разминувшись с ним, когда тот проскользнул еще в одну дыру. Охваченный яростью, Хаз'түр вернулся к ней и превратился в ком из шипов. Включив двигатели на полную мощность, хищник бросился на железный барьер.

Грохот проникновения раздался в бронированной коридоре, но бегущие вурдалаки не оглядывались. Мерцающие светосферы — не единственное, что они оставили в туннелях. Многие и многие годы они превращали это место в смертельную ловушку, и один неверный шаг мог убить их точно так же, как и когти охотника.

Прыгая по почти невидимой проволоке, Зет почувствовал, как его охватывает паника. Он планировал сильнее оторваться от своего соперника, но на такую физическую силу не рассчитывал. Внезапно все годы планирования и поисков показались ненужными, но он продолжал держаться за обещание Узлы. Он доберется до звезд...

Хаз'түр камнем устремился вниз, прорвав паутину и врезавшись в стену всего в тридцати шагах от начала маршрута. От удара раскрошился камень и затряслось все помещение. Хищник с ревом вылетел из образовавшегося кратера, осыпаясь градом осколков, и ухитрился приземлиться на лапы. Быстро, по-птичьи двигая головой, он оценивал территорию. Низкий потолок, серые стены, испещренные трубами, проходы со всех сторон... Значит, не ярус, а служебный уровень для обеспечения жизнедеятельности улья. Этот лабиринт узких туннелей и захлупленных комнат даст преимущество его добыче и совсем не годится для его собственных размеров. Смысленный талыш.

Но он их уже почувал. Их трое, и они близко. Не в силах прыгнуть, не то что летать в замкнутом пространстве, он понесся к выходу... и земля уходила у него из-под ног. Заработали сверхчеловеческие рефлексy, он зацепился за самый край пропасти и выскочил, подброшенный реактивной струей. Взглянув вниз, он

зарычал, увидев гнездо шин, торчащих из мрака. Ловушка? Его кератитовая броня раскрошила бы несчастные шины, как спички, но сама идея возмutilа Хаз'тұра. Они что, собирались охотиться на него?

После этого ловушки попадались часто. Неустовый бег Хаз'тұра порождал новое нападение на каждом повороте туннелей. В основном это были вариации на огни и те же темы, грубо замаскированные ямы, падающие потолки или пружинные капканы, выпускавшие шины или вращающиеся перекладины. Иногда попадалось и что-то уникальное вроде ливня из кислоты или потрепанного лазистолета — но все это были неуклюжие изрушки ребенка, изображающего войну. Сначала инстинкты заставляли Хаз'тұра избегать ловушек, но скоро он с упоением топтал их, стаясь, когда шины разбивались о его броню, и браво пиная отлетающие куски.

К тому времени, когда добыча появилась в поле зрения, настроение у него значительно улучшилось, и ему хотелось продлить охоту. На расстоянии тридцати

шагов он начал гразнить их
душераздирающим стоном, заставив
обернуться одного из трех. Через несколько
мгновений этот дурак напоролся на
ловушку из гвоздей. Пробегая тимо,
Хаз'түр обезглавил орущего беднягу, едва
взмахнув рукой. Как и следовало ожидать,
это был не тот призрак. Нет, тот
призрак хитер, но его жизнь висит на
волоске глиной всего двадцать шагов...

Весь в поту, с бешено бьющимся
сердцем, Зет знал, что надолго их не
хватит. Даже поскользнувшийся Керт не
задержал охотника. Когда этот дурак
проткнул сам себя, нечто темное внутри
Зета порадовалось, отчаянно цепляясь за
что угодно, чтобы отвлечь от себя
эти когти, только это несколько не
помогло. Теперь тень смотрела
голодными глазами на Брокса, пытаясь
повернуть угол и сбросить его со счетов...

Зет уже задыхался, а вурдалак,
бегущий рядом с ним, дышал спокойно.
Брокс — недалекий, но сильный. И очень
верный. Этот идиот мог бы убежать

Вперед давалым-давно, но все равно оставался с Зетом плечом к плечу, несмотря на того дьявола, что уже дышал ему в затылок.

Пожертвуй дураком! Парализуй его! Эта мысль протчалась в мозгу Зета и шокировала его своей жестокой логикой. Что еще хуже: он знал, что может это сделать. Просто потянуться своим сознанием и сжать. Это так легко и разумно! Но Брокс — последний из его стаи...

Они завернули за угол, и Зет увидел, что их цель перед ними. Игра окончена! Уже так близко, но и охотник настигает...

Сделай это!

И они ворвались в старый склад генератора, продираясь через наваленные железные бочки, стремясь к открытому люку на гальбей стороне. Но тут сердце Зета упало. Они не смогут запереть взрывную дверь вовремя! Когда они окажутся снаружи склада, им придется повернуться и потянуть ее, чтобы закрыть. А это займет драгоценные секунды, которых у них уже

нет... а если бы кто-то толкнул ее изнутри...

Зет взглянул на Брокса, и холодное существо внутри его зашевелилось.

Сейчас!

Притчавшись к складу, Хаз'түр үбигел, как более крупное животное внезапно повернулось к призраку и бросило его в туннель. Порадовавшись их стычке, он рванул вперед. Его острый нюх почувствовал прометий. Прометий? Он ощутил, как под ним порвалась натянутая проволока.

Уходя на неверных ногах подальше от склада, Зет обернулся и үбигел Брокса. Выражение лица у большого вүргалака было спокойным и пустым. Затем крышка люка захлопнулась, а взрыв прозвучал на миг позже. Он выгнул цельнометаллический люк и сбил Зета с ног. Сжавшись в комок, он еще долго лежал во тьме, пока зетля не перестала угрожать. В голове кружились две мысли, борясь за его душу: «Я не делал этого... Я это сделал...»

Хаз'түр очнулся от невероятной боли. Каждый вдох отзывался у него в груди россыпью разбитого стекла, а ноздри вздрагивали от страда горелой плоти. Оставшийся глаз сфокусировался на лабиринте трещин на потолке. Эти переплетения бетонных фрагментов что-то значили... Кроме того, у него не двигалась шея, да и все остальное. Едва дергались лишь когти на левой ноге. Этот призрак... Призрак убил его. Тот самый призрак, что сейчас глядел на него сверху вниз холодными серыми глазами. Он наклонился над ним — и за серыми проскользнула тьма, теперь хищник смотрел в два маленьких черных солнца. На кратчайший миг Хаз'түра охватил страх — а затем опустилась тьма.

Когда Зет выбрался из Узлы, на небе появились полосы красного света, в котором купалась вся площадь. Куда ни глянь, везде лежали тела: Бритвенники, Пожиратели Плоти, Темные Шраты — все похожие друг на друга, уравненные

смертью. Выжившие испуганно сгрудились в кучу, почти такие же побитые и окровавленные, как мертвые. Их лица были неподвижны — они пребывали в шоке от того, что остались живы.

Хищники тоже находились здесь, затершие и молчаливые — будто окаменели от лучей солнца прямо там, где стояли, и превратились в темные статуи. Их вожак в волчьем шлеме лежал среди них. Его броня превратилась в оплавленное месиво, а сгорбленная поза говорила о мучительной боли — но он был жив. Это хорошо, подумал Зет. Ему среди них понадобятся союзники.

Его взгляд нашел другого — того, который решит его судьбу. Над мертвыми молча парило существо без лица, оборванные края его мантии почти не касались земли. Будто призрачная птица-падальщик, видящая стысл в кровавой бойне. Возле нее так же молча шел гигант в броне. Подол его соболиного плаща промок от крови растоптанных тел.

Колдун и Повелитель. Снова слова

просто появились в мозгу Зета — вместе с пониманием, что к этим древним порождениям кошмаров лучше не приближаться. Они подойдут к нему сами, когда настанет время. Зет ждал, вперив взгляд в землю, занятнанную кровью. И наконец они пришли.

— Неужто мы выгавили из этого тира все до капли? — раздался сухой шепот Повелителя. — Забрали все... и это мелкое создание пережило жатву?

Колдун не ответил, но Зет внезапно почувствовал, как тот потянулся к нему щупальцами собственной воли...

Проникал к нему в душу... Пробивал все стены, словно бумагу... Подталкивал его к самому краю...

В отчаянии Зет взмахнул своим жертвенным подношением:

— Убийство... убийство за Истинную Ночь!

С его руки свисали кровавые ошметки разорванного лица Хаз'тұра.

Повелитель остановил психическую атаку едва заметным жестом и наклонился вперед. Обескровленные, но

красивые черты его лица походили на высеченные из мрамора, но испещренные тенями. Глаза же были безжизненного черного цвета.

--- Говоришь, ты убил хищника? --- В голосе не слышалось злости. Только невозможно древняя горечь, от которой почему-то становилось еще хуже. Если ответ будет хоть на волос дальше от идеального --- его ничто не спасет.

--- Он был... слаб, повелитель, --- выдохнул Зет, ожидая смерти.

Под губительным взглядом мгновения превращались в трагичную вечность. А потом древний кивнул:

--- Да. Слабость --- единственный грех, который презирает эта Галактика. --- Повелитель повернулся к колдуну. --- Берем его.

--- Это опасно. --- Слова прорывались через электрическое шипение.

--- Надеюсь, колдун. --- В бесцветном голосе слегка угадывалась ирония.

--- Лорд Вассаго, его сущность запятнана... элементом, влияние которого я не могу оценить.

Зет приглушил волну ненависти к этому мерзавцу без лица. Тот явно тоже почувствовал на себе касание Узлы и боялся -- боялся той силы, которой он станет...

-- Мы все заняты, Езод. -- Зет чуть не поторщился от желчи в голосе Бассааго. -- Именно поэтому мы должны идти дальше.

-- Лорд, он непредсказуем, -- настаивал Езод.

-- Увидим, -- ответил Бассааго, отвернувшись от обоих.

«Увидим», -- пообещала Узла.

Аарон Дембски-Боуген

ОДНА НЕНАВИСТЬ

Я будущее нашего ордена.

Мои повелители и наставники часто мне это говорят. Они говорят, что я и те, кто со мной, держат в своих руках душу ордена. Мы носим черное, мы --- бьющееся сердце возрожденного братства.

Наша обязанность --- помнить. Мы призваны помнить традиции, которые появились до того, как наш орден оказался на грани исчезновения.

Меня зовут Арго. В ордене, где осталось так немного священных реликвий, я превыше других братьев благословлен орудиями войны в моем владении.

Моя броня родилась одновременно с Императором и с тех пор хранилась,

восстанавливалась и улучшалась поколениями воинов, рабов и слуг. Мой болтер ревел на полях сражений времен Ереси Хоруса. Окрашенные в красный цвет руки тридцати семи космогесантников Астартес несли его с той минуты, когда он был создан. Каждое из их имен выгравировано на темном металле оружия, так же как и названия тех миров, что забрали их жизни. Глазные прорезы моего шлема видели десять тысяч войн и стали свидетелями гибели миллиона врагов рода человеческого.

На моей шее подарок Экклезиархии Священной Терры: символ аквилы, бесценный и наделенный защитными секретами почти забытой технологии. Мои доспехи черны, потому что я — сама смерть. Мой шлем — череп каждого человека, погибшего на полях сражений легиона за десять тысячелетий существования его основания.

И даже более того. Мое лицо — победная уśmieшка утирающего Императора.

Почему же мне выпала такая

ответственность? Почему я ношу черный цвет?

Потому что я ненавижу. Я ненавижу больше, чем мои братья, и ненависть моя чернее, глубже и чище.

Одна ненависть возвышается над остальными. Одна ненависть пылает в нашей крови и изрыгается из стволов пятисот болтеров, когда мы плечом к плечу идем в бой. У ненависти много имен: зеленокожие, орки, кины.

Для нас они — просто «враг».

Мы — Багровые Кулаки, рука, несущая щит Дорна. Мы были на грани исчезновения и выжили там, где другие превратились бы в никчемные воспоминания. Наша ненависть ведет нас через звезды в бесконечном служении Трону.

И теперь она привела нас на Сайрэл.

Сайрэл. Одиноким шариком, вращающийся вокруг крошечного солнца на самом краю Сегментума Темнестус.

Единственное небесное дитя красной звезды, утирающей уже тысячелетия.

Здешнему солнцу суждено угасать еще
тысячи лет до своей неизбежной кончины —
но пока планета, которую оно согревало,
могла принести немалую пользу
Империи.

На аграрном Сайрэле большую часть
суши занимали плодородные поля и
пастбища. Великие океаны также
служили нуждам Империи. Под их
темной поверхностью скрывались
гидропонные установки с город размером,
которые пожинали съедобные богатства
глубин.

Как у планеты у Сайрэла была лишь
одна колоссальная цель — экспорт
гигантского количества провианта для
ближайших миров, не одаренных столь
щедрой природой. Сайрэл кормил три
тира-уля, от шпилей двorcов до
нищенских трупов, несколько имперских
военных флотов и полки Имперской
Гвардии, ведущие крестовые походы в
этот регионе.

Из костоса Сайрэл выглядел зелено-
голубым шаром, вынырнувшим из
наследственной памяти человечества.

так, будто художник пытался изобразить Старую Землю в ее древние нечестивые дни. Однако облик планеты может сильно измениться за год.

--- Кулаки вернулись.

Лорд-генерал Ульвиран взглянул на майора Дэйса, который принес эту новость. Обладатель костлявого лица, льдистых голубых глаз и орлиного носа, лорд-генерал был словно создан для того, чтобы бросать убийственные взгляды на подчиненных, имеющих глупость его разочаровывать. Сейчас он награждал подобным взглядом Дэйса. Пристиревший майор отвернулся.

Тяжелый боевой корабль не шевелился уже несколько минут. Его посадочные опоры и двигатели еще выпускали последние шипящие струи пара, снижая давление для длительной стоянки. С полуполночно-синего борта этого чудовища среди кораблей на ожидающую толпу гвардейцев уставился выгравированный символ: сжатый кулак, насыщенно-красный, как хорошее вино.

Передний пандус корабля выдвинулся.

словно распахнулся гигантский рот. Ульвиран подумал — как и всегда, когда он видел «Грозовых ястребов» костодесанта, — об огромной стальной хищной птице. Когда пандус опустился, как раз под иллюминатором рубки, птица издала рев терзаемой гидравлики.

— Я насчитал четверых, — сказал майор Дэйс, уже второй раз за сегодняшний день констатируя очевидное.

Четыре закованные в броню фигуры, каждая на голову выше обычного человека, тяжело протопали вниз по гремящему трапу.

— Только четверых, — добавил майор секундой позже.

Ульвиран с удовольствием бы его пристрелил, если бы нашел подходящий предлог. Не обязательно даже хороший, хватило бы просто легального. На поле боя Дэйс был незаменим, но на штабном совещании коллеги-офицеры легко обошлись бы без его тупых замечаний.

Костодесантники и не подумали подходить к гвардейцам. Они замерли неподвижно, как статуи. Чудовищные

болтеры подняты на уровень украшенных орлами нагрудников. Ульвиран оценил положение. Космогесантники вернулись, и было не время толпиться вокруг, отвесив челюсти. Контроль. Ситуация требовала контроля. Может быть, еще удастся спасти хоть немного достоинства. Конечно, прибытие космогесанта не могло не радовать, но Ульвиран отлично помнил каждое слово в официальном послании, которое он направил Кантору, главе ордена Багровых Кулаков. Мольба — вот единственное подходящее определение. Он умолял о помощи, и вот спасители вновь пожаловали. Ульвиран был не из тех людей, которые просят о помощи. Необходимость сделать это бесила его уже в ту минуту, когда он диктовал свое отчаянное письмо.

Ульвиран шагнул вперед, чтобы приветствовать гигантов, затерших в тени своего птицеобразного корабля. Он постарался скрыть раздражение, когда заметил, что турели тяжелых болтеров на крыльях «Грозового ястреба» поворачиваются, держа на прицеле

лагерь, — так, словно выискивают угрозу даже среди имперских войск. Неужели Кулаки считают, что гвардейцы не в силах обезопасить собственный базовый лагерь? В эту минуту, спасители они или нет, лорд-генерал ненавидел их проклятое высокомерие.

— Добро пожаловать обратно, — сказал он первому из костогесантников, который, без сомнения, командовал этим небольшим отрядом.

Воин взглянул на лорда-генерала. Его шлем с оскалившимся забралом склонился вниз, изучая человека. Так близко, не более чем на расстоянии вытянутой руки от огромных воинов, у Ульвирана зубы светили от низкого гудения их силовой брони. Вой энергии был скорее осязаемым, чем слышимым. От него слезились глаза и вставали дыбом волоски на затылке. Лорд-генерал сглотнул слюну, когда костогесантник вскинул руки в знамении аквилы — бронированные перчатки воина соединились в приветственном жесте и стукнули о нагрудник. Даже от мельчайшего движения сустава силовой

брони испускали приглушенный
механический рык.

Ульвиран отсалютовал в ответ. Шея
генерала разболелась, оттого что
приходилось загибать голову. Он невольно
вздрогнул, когда костодесантник
заговорил.

— Со всем уважением. — Голос был
потрескивающим, искаженным
динамикой рычанием, намного более
низким, чем речь обычного человека. — Но
почему вы обращаетесь ко мне?

Ульвиран не ожидал ни такой
непочтительности, ни такой
бесцеремонности. В конце концов, он был
лордом-генералом. От его тактических
решений зависела жизнь и смерть планет.

Генерал пристально оглядел доспехи
воина. Броня была темно-синей, как
беззвездное небо полночи, с ярко-красной
отделкой в некоторых местах — в
основном на сжатом кулаке, украшавшем
наплечник костодесантника. Второй
наплечник был обернут свитком,
содержавшим слова присяги и
непостижимой чести Астартес. Свиток

слезка шевелился на ветру. С толстой
цепи, переделанной в патронташ, свисали
деформированные крупные черепя. Они
постукивали друг о друга, когда
костогесантник двигался. Судя по мощным
нижним челюстям и жесткой костной
структуре, это были черепя орков. При
жизни они принадлежали очень большому
оркам, вероятно вождям их скотского
племени. После смерти — превратились во
впечатляющие трофеи.

Этот гесантник явно был главным.
Никто из остальных не мог похвастаться
такими внушительными сувенирами.

— Я обратился к вам, поскольку считал,
что вы командир.

Генерал заговорил с интонацией
взрослого, обращающегося к ребенку,
которую его собственные люди нашли бы
одновременно дикой и стихотворной, если
бы могли слышать разговор. Будоражающее
ощущение власти над этими великанами
заставило сердце генерала биться чаще.
Он, конечно же, не намерен терпеть
непочтительность.

— Я, по-вашему, похож на брата-

капитана? --- спросил десантник, и
Ульвиран задумался, действительно ли
динамики превращают голос воина в рык,
или он настолько низкий от природы.

В ответ на вопрос Ульвиран кивнул.
Он твердо решил не дать себя запугать.

--- На мой взгляд, да.

--- Но это не так. --- Тут
костогесантник посмотрел на своих
товарищей. --- Пока нет, во всяком случае.

Ульвиран уловил что-то на самой
границе слышимости: серию тихих щелчков,
раздающихся из-под шлемов Астартес. Он
заклучил, и вполне правильно, что они
перестекивались по закрытому голосовому
каналу.

Костогесантник, щеголяющий
черепами, цепями и свитками, в деталях
описывающими его многочисленные победы,
кивнул на одного из товарищей:

--- Он --- сержант.

Ульвиран повернулся лицом к другому
костогесаннику, который носил тогу
цвета крови, падающую складками поверх
его силовой брони. Лорд-генерал вновь
отсалютовал. Однако, прежде чем он успел

что-то сказать, сержант покачал головой.

--- Нет, лорд-генерал, --- произнес Астартес. В его голосе звякнул тот же металл, что и у первого. --- Ко мне вы тоже не должны обращаться.

Ульвиран почувствовал, что его терпение сейчас лопнет.

--- Тогда к кому же?

Воин в тоге кивнул в направлении «Грозового ястреба», откуда как раз спускался еще один новоприбывший --- в угольно-черной броне. Даже не зная многого о технологиях Астартес, Ульвиран понял, что темные доспехи были древними, созданными века назад --- возможно, что и тысячелетия. Блеск алых глазных линз на шлеме в форме ухмыляющегося черепа придал костогесантнику демоническое выражение, когда Астартес поворачивал голову вправо и влево, изучая место высадки.

Ульвиран сглотнул, не осознавая, что его адатово яблоко ходит ходуном, выдавая волнение.

«Трон! --- подумал он. --- Капеллан».

Костогесантник в красной тоге

слезка поклонился лорд-генералу:

--- Обращайтесь к нему.

Они обсуждали ситуацию с Сайрэлом конфиденциально. Капеллан двигался вокруг большого стола, на котором была разложена карта. Здесь, в командной рубке лорд-генерала на борту его личного сверхтяжелого танка «Неукротимая воля», человек и Астартес могли говорить, не опасаясь, что их услышат другие.

--- Мы вручили вам этот мир четыре месяца назад.

От этих слов у лорд-генерала кровь похолодела в жилах. Слова, без сомнения, были оскорблением, пусть и бесспорной истиной.

--- Обстоятельства меняются, брат-капеллан.

И они изменились. Орочьи подкрепления шли волна за волной, затопляя западное полушарие зеленым приливом. Победа Улперуэма, достигнутая четыре месяца назад в основном благодаря хирургически точным ударам Багровых Кулаков, превратилась в

приятное воспоминание и в фантазии о том, чем бы все могло обернуться. Имперская Гвардия с тех пор лишь отступала.

Голос капеллана сопровождался рычанием, как будто звучал в слишком низкой для слов октаве.

— Вы теряете Сайрэл, — сказал костогесантник.

Его лицо-черепа уставилось с другого конца комнаты на человека.

— Не вижу смысла отрицать, — прозвучал ответ генерала. — Могу поспорить, что я вижу это куда отчетливее, чем вы, поскольку наблюдал за развитием обстановки все последние месяцы.

Ульвиран смотрел, как капеллан поднимает руки к шлему и освобождает крепления на воротах успеха. Крепления отстегнулись со змеиным шипением уходящего воздуха. Астартес снял шлем-черепа, благоговейно подержал его в руках, а затем положил на стол. Теперь, когда шлем был отсоединен от питания брони, его кровавые глаза потускнели, но все еще

гневно взирали на генерала с немым обвинением.

— Я здесь не для того, чтобы отчитывать вас, лорд-генерал.

Услышав настоящий голос воителя, Ульвиран улыбнулся. Голос был глубоким и звучным, но в то же время в нем слышалась мягкость. Капеллану, по прикидке генерала, было около тридцати — хотя с Астартес почти невозможно сказать наверняка. Генерал даже не был уверен, старели ли они вообще; он всегда принимал как аксиому то, что возраст костодесантника определяется по количеству шрамов на его теле и по нагнисям, выгравированным на его оружии.

Если бы этому Астартес позволили вырасти среди нормальных людей, его сочли бы красивым. Даже будучи продуктом интенсивной генетической трансформации с подросткового возраста, капеллан обладал своеобразной привлекательностью. Почти на две головы выше обычного человека, с фигурой и массой тела, соответствующими росту, он все же ухитрялся сохранять что-то

несомненно человеческое в темных голубых
глазах и в суховатой полуулыбке.

Он сразу же понравился лорд-генералу.
С Ульвираном, считавшим себя тонким
знатоком людской природы, это случилось
нечасто.

--- Брат-капеллан...

--- Арго, --- перебил костюмодесантник. ---

Меня зовут Арго.

--- Как вам будет угодно. Я хотел
спросить, Арго, каким образом вы так
быстро откликнулись на нашу... --- он не
желал произносить слово «просьба», --- на
наш запрос о подкреплении?

Арго встретил пристальный взгляд
генерала. Полуулыбка покинула лицо воина,
и глаза его сузились. Тишина, которая
последовала за вопросом генерала,
становилась неловкой.

--- Просто повезло, --- в конце концов
ответил капеллан, и улыбка появилась
вновь. --- Мы были близко к этой системе.

--- Понятно. Вы огни?

Капеллан поднял руки в жесте
благословения. Одна перчатка была такой
же черной, как и весь доспех воина, вторая,

левая, --- кроваво-красной в соответствии с традициями ордена.

--- Я привел с собой братьев отделения «Деметриан» из Пятой боевой роты.

--- Вы и еще четверо. Никого больше?

--- Рабы ордена и сервиторы, ответственные за обслуживание нашего «Ястреба».

--- Но не костогесантники.

Это было утверждение, а не вопрос.

--- Как вы сказали, --- капеллан отвесил неглубокий, но искренний поклон, --- «не костогесантники»?

Ульвиран был заметно смущен.

--- Как бы я ни был благодарен Трону и магистру ордена за любую помощь, которую могут предоставить Кулаки --- в особенности так быстро, --- я надеялся на... более впечатляющую поддержку.

--- Надежда --- первый шаг на пути к разочарованию. Четыре месяца назад мы сломали хребет врагу на этой планете. Полагаю, вы полните дату?

--- Полню. Мои люди все еще говорят об этом. Они называют те события Ночью отщепенца.

— Очень уместно. Мы выбили у врагов почву из-под ног, лорд-генерал. Мы пустили им кровь, разбили их армии по всему миру. Я участвовал в осаде Канторского дворца. Я входил в ударную группу, которая разрушила дворец, и я присутствовал при том, как среди развалин брат Утрих из Пятой снес голову вождю Голгоррагу. Мы вернулись, лорд-генерал, и я смиренно полагаю, что вы должны быть благодарны даже за эту скромную помощь, которую может предложить одно отделение нашего ордена.

— Я благодарен вам и великому магистру.

— Вот и хорошо. Если мой тон показался вам чересчур жестким, прошу прощения. Теперь давайте обсудим стратегию.

Рукой в красной перчатке капеллан указал на самую большую из разложенных на столе карт.

— Южный Шпиль. Столица, если я не ошибаюсь.

— Не ошибаетесь.

--- И согласно разведданным, которые «Ястреб» снял при выходе на орбиту, город и Канторский дворец в его центре опять находятся в руках врага.

--- Совершенно верно.

Голубые глаза Арго впились в лицо Ульвирана, и в них не было ни капли сочувствия.

--- Итак, когда ты его вернем?

Эхо шагов Арго раскатывалось в трюме «Грозового ястреба». Звенящая по ступень отражалась от металлических поверхностей хранившихся там механизмов. Рабы ордена, одетые в темно-синие одежды, расступались и салютовали при его приближении. Арго кивал каждому по отдельности и благословлял всех совокупно. Прислужники благодарили его и возвращались к своим обязанностям: осмотру корабля и подготовке техники. Взгляд Арго скользнул по тяжелому, землекопному оборудованию, законсервированному в трюме, и настроение у него резко ухудшилось.

Отделение Деметриана упражнялось.

Арго услышал их загого до того, как двинулся. Поднимаясь по лестнице на следующую палубу, Астартес толкнул дверь в кают-компанию — помещение, в котором костогесантники проводили время в полете, пристегнутые к креслам. В небольшом проходе между двойными рядами сидений пара бойцов в полной боевой экипировке затеяла дуэль.

Сложно было найти двух менее похожих воинов. Утрих — в броне, покрытой свитками с перечнями его деяний, с сувенирами из костей убитых врагов и с черепами семи орков, болтавшимися на цепи, — двинулся с разрушительной силой урагана. Удары кулаками, локтями, ногами, головой сыпались попеременно взмахами его короткого меча.

Его противник, Тома, воплощал в себе чистую экономию движений. Там, где ярость Утриха соперничала с его искусством, движения Тома были выверены до мельчайших деталей. Его боевыми рефлексами управлял быстрый, как молния, разум. Его клинок перемещался из защитной в атакующую позицию одним

серебристым размытым движением и
останавливался при каждом выпаде с
пугающей точностью: идеальный баланс и
идеальная реакция. При этом Тома не
уступал противнику ни сантиметра.

--- Сейчас я тебя измотаю,
Караульный Смерти, --- поддел его Утрих.

Клинки их гладиусов вновь
скрестились, и два шлема впились друг в
друга взглядом с расстояния не более
полуметра.

Тома ничего не ответил. На
полированном металле его единственного
наплечника был выгравирован
стилизованный символ Священной
Инквизиции. Тома всегда сражался молча.
Его трехлетняя, недавно закончившаяся
служба в Карауле Смерти Ордо Ксенос
этого не изменила.

Арго кашлянул, и бой прервался.
Отступив друг от друга, Утрих и Тома
вложили клинки в ножны. Утрих
отсалютовал противнику, приложив к
сердцу левый сжатый кулак:

--- Я тебя достал, Караульный.

--- Кто б сомневался, герой.

Голос Тома был совершенно
бесстрастным, когда он отсалютовал в
ответ.

--- Говорю, достал.

--- В тот день, когда ты меня
достанешь, Император вскочит с трона и
пропляшет всю ночь напролет.

Брат-сержант Деметриан заткнул
и обоим рты, стукнув кулаком о
железную стенку.

--- Какие новости, брат-капеллан? ---
спросил сержант.

Арго снял шлем и одарил собравшихся
полуулыбкой:

--- Они полагают, что мы явились
сюда в ответ на их просьбу о помощи.

Отделение уставилось на капеллана в
ожидании дальнейших объяснений. Он
сумел их заинтриговать.

--- Ты не сказал и правды, --- заметил
Деметриан.

Карта сражений в сотнях звездных
систем отпечаталась шрамами на лице
ветерана. Обе его перчатки были
багровыми: он служил в Крестоносной роте
рядом с лучшими из лучших, и его

наколенник украшал гордый крест Черных Храмовников. Деклатский крестовый поход, в котором Храмовники и Кулаки стесались ряды, чтобы биться вместе, стал одним из славнейших для обоих орденов. Деметриан был там. Список заслуг сержанта был выгравирован на золотой доске в цитадели ордена на их планете Ринн.

Арго кивнул:

— Я подумал, что лучше сохранить видимость сотрудничества. Правда может вызвать враждебность с их стороны.

— Неудивительно. — Деметриан говорил коротко и по делу, как и всегда.

— План остается тем же?

— Мы пробиваемся к Канторскому дворцу. Затем выполняем нашу миссию. Я видел карты Южного Шпиля и расположение войск противника. Новый вождь возглавил орков на дальнем конце города, а сам город заполнен разрозненными бандами. Гвардейцы готовы к последнему штурму.

— Какие у противника силы?

--- Тысячи в городе, десятки тысяч на окраине, в ставке вождя.

--- Нравится мне такой расклад, --- сказал Утрих. В его голосе, несмотря на шлеп, все уловили улыбку.

Арго покачал головой:

--- Мы не сможем победить без участия Гвардии.

Теперь заговорил Тома. Устроившись в одном из кресел, он тщательно разбирал и чистил священный болтер, полученный от Орго Ксенос во время его службы в истребительной команде Инквизиции.

--- А гвардейцы смогут победить без нас?

Арго пожал плечами:

--- У нас есть приказ.

--- Что произойдет, когда мы уйдем? --- настаивал Тома.

--- Император хранит их, --- ответил Капеллан.

Череп на броне Утриха стукнули друг о друга, когда он обернулся.

--- Итак, мы собираемся сбежать с войны, которую Империям проигрывает? Мне не нравится мысль о бегстве от

скотов.

--- Дельно подмечено, но магистр Кантор ясно дал нам понять, каковы его приоритеты, --- сказал Арго. --- А на вас я налагаю епитимью за пренебрежение к врагу, брат Утрих.

Многие из Багровых Кулаков не стеснялись называть зеленокожих «скотами». На Ринне, тоже являвшейся аграрной планетой, одно из названий ксеносов --- кины --- было сленговым словечком для обозначения крупного рогатого скота.

--- Есть, брат-капеллан, --- прорычал Утрих.

--- Ненавидьте нелюдей, разуме нечистых и превыше всего славьте Императора. Но всегда уважайте противника.

--- Так точно, брат-капеллан.

Утриху хотелось, чтобы Арго перестал тыкать ему в лицо строчками из литаний. Однако он лишь склонил голову. Он знал, что извиняться бесстыденно.

--- Когда ты выдвигается? --- вмешался

Деметриан.

--- Завтра ночью гвардейцы начинают наступление, --- сказал Арго, сжав в красной перчатке золотого имперского орла. --- У нас ты выступаем вместе с ними.

Рассвет застал Арго в полном боевом вооружении в рубке «Ястреба». Он сидел в одном из командирских кресел, положив руки на колени, и смотрел в иллюминатор. Капеллан не спал этой ночью. Он был космогсантником. Астартес почти не нуждаются в сне.

Тома вошел, когда капеллан размышлял о предстоящей битве. Молчаливый воин оказался ценным приобретением для отряда, и Арго, который был более чем на сотню лет младше Караульного Смерти, всегда приветствовал его присутствие. Он подозревал, что в самом скором времени капитан Пятой направит Тома на повышение в Крестоносную Роту или назначит его командиром отделения.

--- Еще один рассвет, брат-капеллан. --- Тома опустился в кресло рядом с Арго.

Свой шлем он держал в руках.

Арго заметил, что служба в истребительной команде состарила воина. Новые шрамы, пусть и побледневшие после обработки, но все еще заметные, изрезали щеку и висок костюмодесантника.

--- Кислотные ожоги, --- заметил Арго, указав на них черной перчаткой. --- В Карауле Смерти ты не бездельничал.

--- Не могу об этом говорить, --- ответил Тома с каменной физиономией.

--- Не можешь или не хочешь? --- спросил Арго, хотя уже знал ответ.

--- И то и другое.

--- Орго Ксенос хранит свои секреты?

--- Да.

Тома прототал в голове туманные воспоминания --- не более чем отголоски, --- и выражение его лица сделалось задумчивым. Клятвы были принесены, даны обещания, а воспоминания вырваны из разума теленатически усиленной медитацией и грубо зачищены тайными машинами оргена.

В первый раз Арго увидел, как маска соскальзывает с лица его товарища. Это

оказалось захватывающим зрелищем.

--- Сегодня мы идем на войну, ---
проговорил капеллан. --- Мы лишь малая
часть боевой мощи Пятой роты, и все же
мы --- Пятая. Мы были выкованы в огне
битвы. И все же я чувствую, что на твоей
душе есть какое-то бремя, брат.

Тома кивнул. Поэтому он и пришел.

--- Это Вейн.

Брат-апотекарий Вейн находился в
тесном медицинском отсеке «Ястреба».
Аптекариум представлял собой
маленькое помещение с операционным
столом и полками с диагностическим
оборудованием, прикрепленными к стенам
маленькой комнаточки. Уже готовый к
сегодняшнему бою, медик облачился в
доспехи. За одним исключением: он пока не
надел шлем. Шлем с белым наличником,
который выдавал в Вейне аптекаря,
лежал на хирургическом столе и оказался
первым, что заметил вступивший в
комнату Арго. Вторым был сам Вейн,
который отлаживал датчики на своем
наручном нартециуме. Пока Арго

наблюдал, несколько хирургических изл и
скальпелей скользнули в громозвонкий
тедблок на предплечье Вейна.

Наконец Вейн обернулся на звук
гудящей силовой брони, хотя его
искусственно обостренные чувства должны
были зарегистрировать появление
капеллана задолго до того, как тот вошел
в комнату.

--- Арго, --- негромко поприветствовал
он брата.

--- Вейн, --- кивнул в ответ капеллан.

Атмосфера между ними была
напряженной. С семью годами раньше они,
тогда еще новобранцы, вместе служили в
скаутском отделении сержанта
Нохлитана. Семь лет прошло с финальных
испытаний Астартес, на которых Арго
выбрал черный, а Вейн белый цвет.

Капеллан и апотекарий, вышедшие из
одного скаутского отделения. Сержант
Нохлитан, который, как и Деметриан,
успел с честью послужить в Крестоносной
роде среди элиты ордена, был отмечен
лично великим магистром Кантором за
успехи в обучении новобранцев.

Поскольку орден все еще находился на трудном этапе восстановления, лучшие из Багровых Кулаков часто получали задание тренировать послушников. Не было ничего позорного в том, чтобы оставить службу в Первой роте и возглавить скаутское отделение. Сержант Нохлитан стал одним из самых уважаемых инструкторов.

Если не считать нескольких шрамов, Арго за прошедшее время не изменился. Об аптекарии этого нельзя было сказать. Половину лица Вейна заменила маска из холодной гладкой стали, повторявшая его черты. Несмотря на искусство мастера, эта выдающаяся работа была свидетельством ужасной раны, которая едва не стоила Вейну жизни.

Левый глазной протез Вейна, линза, сделанная из синтетического алого кристалла, зажужжала в сферической глазнице, когда аптекарий сфокусировал взгляд на капеллане.

--- Хорошо выглядишь, --- заметил он.

Арго не ответил. Не сводя глаз с хромающего вокруг хирургического стола аптекаря, он изучал остальные части

этого реконструированного тела.

Вейна изуродовало демоническое пламя. Это случилось во время Очищения Чиаро двутя месяцами раньше.

Вскоре после победы на Сайрэле и разрушения Канторского дворца Багровые Кулаки на несколько недель погрузились в варн, чтобы достичь Чиаро и ответить на просьбу о помощи от губернатора планеты. Мутантные культы

распространялись среди выродившихся промышленных секторов этого мира. Чтобы решить проблему, нужна была полномасштабная зачистка, и местные силы обороны с этим не справлялись.

Кулаки не подвели. Операция заняла месяц, и не обошлось без жертв, но их долг был выполнен. Остальные войска по воле магистра Кантора вернулись на Мир Ринна. Арго и отделение «Деметриан» отправились на Сайрэл на борту крейсера поддержки «Бдительный».

Путешествие обратно на Сайрэл было спокойным. На борту остались лишь костодесантники, не считая аптекаря из Пятой роты, — тот должен был

ухаживать за Вейном и заменить его в случае, если бы младший коллега скончался.

Вейн терпел жесточайшую боль, пока сервиторы и потенциальный стенищик реконструировали его тело. Молодой аптекарь почти наверняка должен был умереть, учитывая большую площадь ожогов и то, что они поначалу не поддавались заживлению. В этом случае Вейн лишился бы одаренного лекаря, и как раз тогда, когда Кулакам во что бы то ни стало требовалось восстановить и поддержать их боевую мощь. Смерть Вейна оказалась бы настоящей потерей.

От плеча и до кончиков пальцев его левую руку заменял протез. Имплантат был подсоединен к бионическим секциям позвоночника Вейна и к ключице. Тонкий слух Арго мог уловить чуть слышное шипение механизма даже на фоне постоянного гула их силовой брони. Как и левая рука, левая нога от бедра и до ступни тоже была биопротезом. Вейн еще не опробовал свои новые имплантаты в бою, и, хотя Арго искренне сомневался, что

нормальный человек заметит что-то необычное в походке или позе апотекария, обостренные чувства Астартес регистрировали легкую заминку при каждом шаге апотекария. Хромоту.

Хромота была временной, скоро имплантаты полностью встроятся в тело Вейна и синхронизируются с его биоритмами. Для увеличения устойчивости нога заканчивалась широкой клешней: крест из черного металла, прикрепленный к бронированному голеностопному суставу и тяжелой мускулатуре бионической икры и голени.

--- Твое отношение начинает создавать напряженность в команде, --- начал Арго. --- Мне сообщили, что ты впал в уныние.

Вейн скорчил гримасу. Его искусственный глаз зажужжал в глазнице, пытаясь соответствовать выражению лица.

--- Брат-сержант Деметриан ничего мне не говорил.

--- Тебя спасли, потому что ты представляешь ценность для ордена. Тебя

уважают за твой профессионализм. С какой стати тебе переживать из-за ран, которые зарастают даже во время нашего разговора?

Вейн угрюмо наблюдал за тем, как его багровая левая перчатка несколько раз подряд разжалась и сжалась. Это была спротезированная рука, и чувствительность возвращалась медленно.

--- Всю жизнь я тренировался в своем собственном теле. Теперь мне предстоит играть в чужом.

--- Это все еще твое тело.

--- Пока нет. К нему надо приспособиться.

--- Приспособишься. О чем говорить.

--- Ты не понимаешь? Это не попытка привлечь внимание, Арго. Прежде я был совершенным, созданным по образу и подобию Императора, в соответствии с его древними и самыми священными замыслами.

--- И сейчас так.

--- Нет. Я подделка. Симуляция. --- Он неловко сжал ладонь своего биопротеза в кулак. --- Я лучшая имитация, на которую

ты способен. Но я больше не совершенен.

--- Наши братья из ордена Железных Рук поспорили бы с таким диагнозом.

Вейн фыркнүл.

--- Эти полугохлые рабы Механикум? Они воют со всей резвостью беззубого старикашки.

--- Если ты скатишься до оскорбления наших братских орденов, мое терпение лопнет.

--- Я говорю лишь о том, что я не из Железных Рук. Я не хочу быть какой-то полуживой пародией на костодесантника.

--- Все образуется.

Арго шагнул вперед, взял в руки шлем Вейна и встоптрелся в белый наличник.

--- Если даже и так, пока что я лишь обуза для братьев.

Арго протянул шлем своему товарищу и покачал головой:

--- Не понимаю твоей щепетильности. Только смерть освобождает нас от обязанностей. Мы --- Кулаки. Мы --- рука, несущая щит Дорна. Мы не скулим и не бежим от битвы из-за страха, боли или тревог о том, что может произойти. Мы

сражается и утирает потому, что рождены сражаться и утирать.

Вейн принял шлем и безрадостно улыбнулся половиной лица.

— Что тебя так рассмешило?

— Ты слеп, Арго. Может, ты и удержишь дух нашего ордена, но я храню его тело. Я собираю генное семя павших, и я возвращаю раненых в бой. Так что послушай меня, брат. Я не боюсь ничего, кроме того, что погведу товарищей. Я сейчас не в лучшей форме, и я еще не свыкся с ранами, которые скрывают эти доспехи. Вот причина моего дурного настроения.

— Ты сам себе противоречишь. Ты боишься погвести братьев, потому что не сможешь пока что сражаться в полную силу. Вейн, ты приносишь братьям ненужного больше вреда своей отстраненностью и той горечью, которая сочится из каждого твоего слова. Ты подрываешь их веру в тебя и уверенность друг в друге.

Воротник доспеха Арго мигнул единственной вспышкой. Капеллан напряг

шею, активирүя бүсинү переговорного
устройства, прикрепленную к его горлу и
управляющую колебания голосовых связок.

--- Брат-капеллан Арго. Говорите.

--- Брат-капеллан, --- это был голос
лорд-генерала Ульвирана, --- у меня есть
просьба к вам и вашим бойцам.

--- Я скоро к вам пойдү, --- сказал
Арго и оборвал связь.

Молчание вновь повисло между Арго
и Вейном.

--- Я учтү твои слова, --- в конце
концов согласился Вейн. --- Я больше не
позволю своей меланхолии отравлять
настроение всему отделению.

--- Это все, чего я требүю.

Арго уже повернулся к выходу.

--- Я помню те времена, когда ты не
мог бы потребовать от меня такого, Арго.
Я помню те времена, когда я не дал бы
тебе повода.

Кулаки вступили в бой еще до ночного
наступления гвардейцев. По просьбе
Ульвирана, Арго и Деметриан привели
отделение к развалинам западного

сектора города.

В минуты, предшествующие началу операции, Арго собрал бойцов в тени их «Астреба». Десятки гвардейцев по всему лагерю оглядывались на костогесантников, позабыв о деле и таращась на проводимый Астартес ритуал. Кулаки не обращали на них внимания.

Своим гладиусом Арго рассек лагонь левой руки каждого воина. По очереди они прижимали окровавленные руки к нагруднику стоящего рядом бойца.

Илтрих положил руку на рельеф серебряного орла, украшавший нагрудник Тома. Клетки Ларратана в крови костогесантника быстро образовали корку, закрыв разрез, но лагонь Илтриха успела оставить темный развод на имперском символе на груди Тома.

— Моя жизнь за тебя, — сказал Илтрих, перед тем как убрать руку и закрепить свой шлем.

Тома был следующим. Он прижал окровавленную лагонь к нагруднику Вейна.

— Моя жизнь за тебя, — произнес ветеран Караула Смерти и нагел

собственный шлем.

Вейн выдал улыбку. Ему пришлось провести ритуал единственной оставшейся живой рукой, правой вместо левой, и он проделал это гордо.

Когда пришла очередь капеллана, Арго возложил руку на доспех Деметриана. Обычай требовал, чтобы исполняющий обязанности капеллана почтил командующего офицера.

--- Моя жизнь за тебя, --- сказал Арго.

Секундой позже он погрузился в поток аудио- и видеосигналов своего боевого шлема. На дисплеях глазных линз проматывались данные о жизненных показателях отделения, коммуникационные руны, список голосовых каналов, выбор параметров зрения, температурные и атмосферные показатели и целый кластер информации, относящейся к функциям его силовой брони.

Все эти данные сводились к одному.

--- Готов, --- передал он отделению, движением глаз возвращая большинству экранов прозрачность.

--- Готовы, --- откликнулись
остальные.

Астартес пришли в движение. Без
впрыжку заставлял рычаг сочленения
их силовой брони. Ряды гвардейцев
раздались перед навигационным
костюмом.

С помеченными кровью имперскими
орлами Багровые Кулаки отправились на
войну.

Это произошло три часа назад.
Кулаки подъехали к границе города на
гвардейском БМН «Хитера» и оттуда
направились к западному сектору. Это
была разведывательная вылазка, и лорд-
генерал Ульвиран рассчитывал на быстрое
продвижение. Согласно предварительным
разведданным, сопротивление на этом
участке прогнозировалось минимальным.
Только ближе к центру города оно могло
усилиться.

Разведданные оказались неверными.

Арго присел на корточки среди руин
здания Административа. Здесь сотни
полуграмотных рабов тратили жизнь на

то, чтобы заносить в когитаторы
накопленные данные об экспорте с Сайрэла.
Прижавшись к стене, полубрúшившейся
несколько месяцев назад после обстрела
имперского «Василиска», капеллан сидел
непо动жно. Он прислушивался к гудению
собственной силовой брони и к дыханию
нескольких противников, затаившихся
в близости.

Бродячие банды зеленокожих
захватили эту часть города. Отделение
сержанта Деметриана давно оставило
«Хилеру», предпочитая красться между
руин и зачищать дорогу для ночного
наступления гвардейцев.

Топот ксеносов раздался ближе, за
углом. Они переговаривались на своем
гортанном скотском наречии. Рот
капеллана наполнился кислотной слюной.
Их чуждость вызывала у него отвращение.

Он услышал, как твари затолчали и
принялись принохиваться. Ксеносы
зарычали. Без сомнения, они уловили его
запах. Кровь быстрее побежала по жилам
капеллана. Он крепче сжал в одной руке
свой гладиус, а в другой — болтер.

На поясе Арго висел дезактивированный крозиус арканум, символ его полномочий в оргене. Увенчанная черным набалдашником в форме выточенного из адамантия орла булава была грозным оружием, когда ее окружало потрескивающее силовое поле. Крозиус Арго некогда принадлежал знаменосцу Аменту, одному из первых капелланов Багровых Кулаков. Он основал орген десять тысячелетий назад, после того как притарх разделил легионы Имперских Кулаков. На рукоятке из темного металла глиной в локоть была выгравирована надпись на высоком готическом языке: «Погибель Изменника».

Арго читил древний крозиус, к которому даже после семи лет все еще не привык. Против такой тразы, как зеленокожие, вполне хватит и его гладиуса. Он не позволил бы грязной крови убогих ксеносов запятнать благородное оружие, уцелевшее со времен Великого крестового похода.

Первая из насторожившихся тварей вынырнула из-за угла. В руках ксеноса был

огромный обломок, по-видимому служивший зеленокожему винтовкой. Арго вскочил на ноги. Сверхчеловеческие рефлексy Астартес еще больше обострила силовая броня. Прежде чем орк успел издать хотя бы звук, он уже рухнул навзничь с торчащим из глазницы гладиусом.

Арго выдернул меч и шагнул за угол, чтобы встретить остальных лицом к лицу. Его болтер рывнул, посылая в зеленую плоть детонирующие снаряды. Одиннадцать. Пока системы доспехов проводили корректировку целей, визор шлема обрисовал светящейся линией контур каждой массивной фигуры. Но одиннадцать врагов — слишком много даже для Астартес. Поддавшись минутному гневу, Арго проклял себя за то, что не прислушивался к звукам их дыхания и не попытался их сосчитать, прежде чем вступить в схватку. Это стало его ошибкой. Он действовал в порыве ярости, и ярость приведет его к гибели.

Звероподобные твари неслись к нему, не обращая внимания на выстрелы. В

кулаках они сжимали зазубренные топоры, собранные из деталей автомашин и промышленных станков. Болтер Арго срезал трех орков. Система наведения его ишлема выискивала слабые места в самотельной броне бестий.

— Вы остелились существовать в Галактике, принадлежащей человечеству!

Болтер Арго выпустил последний заряд, который разнес орку череп. Капеллан пристегнул оружие магнитными захватами к бедру и выкинул вперед кулак, разтожив лоб ближайшему ксеносу:

— Утрите! Утрите, зная, что Багровые Кулаки очистят звезды от вашей заразы!

В ответ ударили топоры, но Арго увильнул в сторону. Шаг назад, и он оказался рядом с первым убитым. Капеллан поднял свой гладиус. Поток черного ихора стекали по лезвию, и Астартес довольно хмыкнул под своей маской-черепом:

— Давай, инопланетная тразь! Я Арго, сын Рогала Дорна, и я — ваша смерть!

Толпа орков ринулась на него, и Арго

встретил их с именем примарха на устах.

--- Давай налево!

Слова прозвучали по его голосовому каналу, и Арго мгновенно повиновался, бросившись на землю и перекатившись в облаке пыли. Он вскочил на ноги с мечом в руке как раз в тот момент, когда говоривший присоединился к побойцу.

Полуденное солнце сверкнуло на железном наплечнике Тома, атаковавшего орков сзади. Его болтер изрыгнул поток зарядов, которые взрывались при ударе и выбрасывали фонтаны прозрачной кипящей жидкости. Пока одной рукой Астартес стрелял, вторая погрузила гладиус в горло ближайшего орка. Тома провернул клинок в ране, отчего голова океноса частично отделилась от плеч. Четыре орка бросились прочь. Чудовищно токсичная кислота, содержащаяся в зарядах болтера Тома, пересилила даже орчью устойчивость к боли. Кислота пожирала их плоть, как священный огонь.

Все это произошло прежде, чем оба сердца Арго успели отмерить два удара.

Последние двое орков вступили в бой с

Күлакати и погибли быстро и бесславно. Первому Тома вознал меч в грудь, разбил торгу ударом головы и в упор выстрелил из болтера в висок. Когда разрывной заряд выполнил свою священную миссию, череп орка разлетелся кровавыми брызгами. Сытавшиеся во все стороны куски плоти и кости шинели, разъедаемые мутагенной кислотой из санкционированных Унквизицией боеприпасов Тома.

Арго схватился со вторым орком. Его перчатки сжали горло твари, которая обломала ногти, царапая силовую броню капеллана. Он швырнул забывающего зеленокожего на землю и придавил сверху. Тяжелая броня вышибла дух из орка. Руки капеллана дрожали от напряжения, пока он душил тварь.

--- Сдохни!

Орк беззвучно взревел, красные глаза полыхнули яростью. Астартес устехнулся той же устешкой, которой скалился его шлем, и нагнулся к самой морде твари. Из динамиков шлема донесся его шепот:

--- Я ненавижу тебя.

Тома стоял в стороне, перезаряжая

болтер и оглядывая развалины в поисках новых противников. Маска-черепа Арго прижалась ко лбу задыхающегося врага. Орочий пот оставил темные разводы на лицевой пластине цвета кости.

--- Эта Галактика принадлежит Императору.

Капеллан что было сил сжал пальцы. Позвоночник твари от давления затрепетал и переломился.

--- Галактика Человечества. Наша галактика. Осознай это, пока твоя ничего не стоящая жизнь подходит к концу.

--- Брат-капеллан, --- проговорил Тома.

Слова доносились до Арго издалека. Он выронил мертвую тварь и поднялся на ноги, наслаждаясь горячим и горьким вкусом меди на языке. В конце концов, ярость не прикончила его --- зато он положил немало врагов.

--- Брат-капеллан, --- повторил Тома.

--- Что?

Арго отстегнул свой болтер и принялся его перезаряжать, обратившись с подходящей литанией к машинному духу.

Была секунда, когда Арго мог бы

поклаться, что Тома что-то скажет и упрекнет за то, что капеллан позволил ярости взять над ним верх и швырнуть его в опрометчивый бой. Несмотря на несоответствие традициям и субординации, Арго принял бы упрек от такого воина, как Тома.

Тома ничего не сказал, но между ними повисло многозначительное молчание.

--- Доложите обстановку, --- сказал Арго, чтобы нарушить тишину.

--- Улрих и Вейн сообщают, что их сектор зачищен. Брат-сержант Деметриан говорит то же самое.

--- Сопротивление?

--- Вейн и Деметриан характеризуют его как «упорное».

--- А Улрих?

--- Он предпочел слово «волнующее».

Арго кивнул. У него почти закончились боеприпасы, и капеллан знал, что у остальных дела обстоят не лучше.

--- Приготовьтесь к отходу.

Пока Тома передавал приказ Арго остальным, молодой капеллан оглядел

лежащий в руинах город. Небольшой по имперским стандартам --- большие поселения на аграрных мирах были редкостью.

На другом конце Южного Шпиля новый вождь поджигал их с основными войсками. А в сердце города располагались развалины Канторского дворца --- истинная цель Кулаков, кишащая врагами.

Кровь Арго вскипела, и он выругался под маской. Он хотел продолжить наступление. Дворец находился не более чем в паре часов отсюда, но сопротивление разрозненных орочьих группировок оказалось слишком сильным. С еще одним отделением костодесантников --- всего на пять человек больше --- он рискнул бы. Но сейчас это было равносильно самоубийству.

--- Что это за шум? --- спросил Тома.

Арго поправил свой болтер. Он тоже слышал звук. Барабаны. Музыка первобытных, эхом разносящаяся по городу, словно сердцебиение разгневанного бога.

--- Это предупреждение.

Имперская Гвардия начала

наступление этой ночью, и погода испортилась --- как будто небеса не одобряли людских намерений.

«Василиски» расчищали дорогу, каждый час беспощадно обстреливая противника. Ульвиран был вполне доволен этим спотыкающимся продвижением. Он часто приостанавливал наступление, чтобы отдать приказ об очередном залпе, подготовка к которому занимала вечность. Пока артиллерия бомбардировала город, он размышлял над картами и голодисплеями в командном отсеке своего «Гибельного клинка».

Ядро ударных сил составляли остатки Рагитирских полков: Третьего стрелкового, Седьмого ополченского и Девятого бронетанкового. Рагитирцев называли Призраками из-за того, что их родной мир многократно заменял состав целых полков из-за тяжелых потерь в боях против орков в Сегментум Темнестус. Возрождение на краю гибели было хорошо знакомо Багровым Кулакам, и в течение прошедших столетий они не раз успешно сражались рядом с солдатами Рагитира.

Сотни гвардейцев, облаченных в металлические-серые униформы Призраков Радигира, маршировали рядом с греющими «Часовыми» в авангарде наступления. Фланги охраняли танки типа «Летан Русс» десятка различных модификаций. Но масштабом производства тяжелой техники Радигир мог практически считаться миром-кузницей. Ни один полк Призраков не испытывал недостатка в бронетанковой поддержке.

Основная часть сил Ульвирана следовала за авангардом: шесть тысяч человек, включая отряд штурмовиков из его церемониальной гвардии. Эти сопровождали танк командующего на восьми черных «Хитерах».

За ними шла артиллерия: «Грифоны» и «Василиски» — с пушками, ожидающими того момента, пока Ульвиран в очередной раз не отдаст приказ об остановке и начале артобстрела.

И замыкал колонну арьергард, состоящий из отрядов ветеранов, вспомогательных сил, медицинских

транспорт и грузовиков снабжения.

«Ястреб» костогесантников остался в базовом лагере на границе города, готовый к вызову. Некоторое время, до тех пор пока Арго не отдал им приказ рассредоточиться, отделение сержанта Деметриана шло в авангарде наступления, как убийственное острие победоносного клинка Империи. В секучих струях дождя и завывающем урагане, который небеса обрушили на злосчастную имперскую армию, битва за возврат Южного Шпиля началась. Вскоре Кулаки растворились в ночи, оставив Арго одного.

Майор Дэйс, который присутствовал в командном отсеке сверхтяжелого танка в тот момент, когда Арго рапортовал о разведывательной вылазке, не смог удержаться от искушения связаться сейчас с капелланом по голосовому каналу. Доспех Арго отсекал шум дождя, барабнящего по его керамитовой броне. Капеллан напряг горло, активировав звякнувшую бусину переговорного устройства.

--- Брат-капеллан Арго. Говорите.

--- Это майор Дэйс из Призраков.

Арго улыбнулся при звуке этого голоса. Процесс, который сформировал из него костодесантника, наградил его почти абсолютной памятью. Большинство имперских офицеров, сотрудничавших с Астартес, были в курсе, что костодесантники обладают сверхъестественной способностью мгновенно вспоминать все.

--- Мы встречались? --- спросил Арго со своей полуулыбкой.

Он не позволил веселости проникнуть в голос. Это дало желаемый эффект: перья Дэйса возмущенно встопорились.

--- Не вижу предсказанного вами сопротивления, брат-капеллан. Пока все тихо, не так ли?

--- Я все еще слышу барабаны, --- заметил Арго.

И он действительно слышал их: отдаленный гул, придающий ритм грозовым раскатам.

--- Я --- нет, --- ответил Дэйс.

--- Вы комфортно укрылись внутри танка, майор. --- Арго оборвал связь и произнес, ни к кому не обращаясь: --- И вы ---

только человек.

Кулаки сражались с зеленокожими в течение всей своей ненормально долгой жизни. Ульвиран, хотя и сам не раз встречался с орочьими ордами, склонен был доверять словам Арго о том, что барабаны гремят в знак вызова Имперским войскам. Новый вождь -- да будет проклято его черное сердце -- знал, что враг на подходе, и барабаны войны показывали, что он приветствует грядущее кровопролитие. Сейчас их рокот поглотил шторм. Только Астартес еще могли слышать барабаны, и даже их обостренные чувства с трудом различали этот грохот за ревом грозы.

-- Ульвиран -- всем частям, -- прозвучал голос генерала. -- Окончаться для бомбардировки. Обстрел начать через тридцать минут.

Арго подавился проклятием. Медленно, слишком медленно. Его мысли занимал «Ястреб», оставшийся в лагере и набитый землекопным оборудованием.

-- Брат-капеллан?

Коммуникационная рупка, вспыхнувшая на его красноватом дисплее,

принадлежала, к счастью, не Дэйсу. Приборы зафиксировали, что Утрих находится почти в километре впереди.

--- Как проходит разведка, брат Утрих?

--- Командир, --- ответил Утрих, негромко и четко выговаривая слова, --- я нашел скотов.

--- Я тоже, сэр.

Это был Вейн, в километре к западу.

--- Контакт, --- передал Деметриан.

Его местоположение регистрировалось в южном направлении.

Арго оглянулся через плечо на колонну водянисто-серых танков, с корпусов которых потоками стекал дождь.

--- Количество? --- спросил он остальных по общему каналу связи отделения.

Погода влияла на качество передачи, скрывая голоса за шипением и треском помех.

--- Я насчитал больше тысячи, --- сказал Вейн. --- Возможно, две.

--- То же самое, --- добавил Деметриан.

--- У меня больше. Намного больше.

Голос Утриха звучал так, будто он выскочил извне себя от радости. Впрочем, наверняка так оно и было.

--- Второе больше, я уверен. Если у Тома то же самое, --- добавил Утрих, --- мы серьезно вляпались.

Караульного Смерти отправили к югу, чтобы он прочесывал местность далеко за арьергардом.

Переговорное устройство снова затрещало.

--- Брат-капеллан, прием.

Оставшуюся часть сообщения Тома заглушил радостный хохот Утриха.

С холодным чувством обреченности Арго связался с лорд-генералом.

Ульвиран подчинился без колебаний. Он проигнорировал нить Дэйса и собрал колонну во все еще продвигавшееся защитное построение. Надо отдать ему должное, это заняло меньше получаса --- не столь уж простая задача для тысяч людей и сотен единиц бронетехники. Организационные способности Ульвиран считал своей сильнейшей чертой. Организованная армия --- победоносная

артия. Чем быстрее выполняются приказы, тем меньше гибнет людей. Ульвирану понравилась эта простая математика, и он хотел применять ее на деле.

--- Артобстрел, --- передал ему Арго, --- не дает никакого эффекта. Вождь собрал значительные силы в городе, а та организация, что впереди, отступает, чтобы заманить нас в ловушку.

Ульвиран яростно уставился на голографическое изображение города, спроецированное на большой стол. Сверхтяжелый танк генерала грелся, продвигаясь вперед.

--- Мы окружены.

--- Будем окружены, если остановимся сейчас, лорд-генерал. Клеши сожмутся в тот момент, когда мы встанем. Если мы подождем и прорвемся к Канторскому дворцу, то сможем вступить в бой с их передовыми частями до того, как петля затянется на нашей шее.

Ульвирану понравилось это предложение. Превратить ловушку в плацдарм для атаки.

--- Ударим быстро и мощно и

приготовимся отразить атаку остальных частей, когда основные силы врага будут уничтожены.

Это звучало хорошо. Звучало правильно. Но...

--- Я целиком полагаюсь на ваше суждение, брат-капеллан.

--- Отлично, --- ответил костогесантник и оборвал связь.

--- Канторский дворец? --- спросил по голосовому каналу Деметриан.

--- Да. Отделение, сосредоточиться. Мы отправляемся за своим призом.

Канторский дворец был резиденцией губернатора планеты и некогда представлял собой шедевр готической архитектуры --- скелетообразные формы и величественная мрачность, присущая всем имперским сооружениям.

Сейчас там, где вокруг центрального бастиона высились зубчатые стены и островерхие башни, остались лишь развалины и груды щебня. Предыдущий корочий вождь считал дворец своим логовом, до тех пор пока Багровые Кулаки

не разубедили его в этом четыре месяца
назад. Аргументы космогесантников
воплотились в отряде санеров, проникших
в здание и стерших его с лица земли. Но
даже после этого гигантский орк,
закованный в примитивную силовую броню,
выжил и ухитрился выкарабкаться из-под
дымящихся руин.

Илтрих сражался с вождем в каменном
массиве и после долгой и кровопролитной
боязни отсек его голову. Он носил череп
вождя Голгоррага на своем пантронаше,
выделив ему почетное место на груди.

Войска орков под командованием
нового безымянного вождя, по-видимому,
избрали для решительного сражения
прежнее место. Оно должно было стать
наковальней, на которой имперские силы
будут раздавлены нападшими с флангов
вражескими подкреплениями.

Армия Ульвирана не побрела покорно
к назначенной ей судьбе. Важно было
выгадать время, и Призраки собрались,
чтобы встретить превосходящие силы
противника. Люди ехали на корпусах
машин. В течение часа Гвардия хлынула в

район центральной площади, где из земли торчали кости Канторского двorca.

Бронированный кулак Призраков врезался в рассеянные шеренги зеленокожих. Щебень полился дождем там, где яростно ревели танковые пушки, и стаккато тяжелых болтеров перекликалось с громом основной артиллерии. У орков не было укреплений. Они двинулись в контратаку против танковой колонны и наткнулись на стену гвардейцев, следовавших за техникой. Лазерный огонь вспорол ночь, и его вспышки осветили поля боя, как лучи алого дьявольского рассвета.

Дождь хлестал по рядам гвардейцев в зимней униформе, стрелявших организованными шеренгами, а рев валившей навстречу орочьей орды заглушал раскаты грома.

В имперских хрониках эта битва стала известна как Ночь Топора, когда полки Рагумира на Сайрэле были уничтожены противостоявшими им ордами ксеносов. Потери достигли сорока шести процентов. Это полностью

исключило возможность запланированной атаки морг-генералом Ульвираном на главные силы вождя, все еще выжидающего в своем логове на другом конце города. Гвардия оказалась обескровлена и разбита, и, хотя тысячи пережили атаку, их точно бы не хватило для того, чтобы штурмовать лагерь ороczego предводителя. Единственная слабая надежда имперцев на выживание на умирающей оркати планете — уничтожить вождя и посеять хаос в рядах противника — была потеряна. Превратив засаду в площадку для наступления, гвардия лишь отложила собственную гибель, но не избежала ее.

Однако, если говорить о Багровых Кулаках, Ночь Топора не стала для них решающим моментом войны на Сайрэле. Она даже не была внесена в их свитки почета, несмотря на богатый урожай орочьих жизней, собранный Деметрианом из Пятой.

Кулаки, совершенно автономные, как и полагалось космогосанникам, выполняли собственную священную миссию.

Это стало очевидно следующим утром, когда разбитые остатки Гвардии покидали сцену побоища.

Сектор превратился в мешанину окровавленных кусков тел и грязи. Трупы тысяч орков и людей были разбросаны по выжженному городскому кварталу площадью около квадратного километра. Воздух пульсировал от рева двигателей, часто перетежавшегося криками раненых — тех, которых пытались спасти медики, и тех, что утирали незаметными среди воцарившегося здесь гибельного хаоса.

Арго расхаживал среди мертвецов. Его гладиус обрывал жизнь тех орков, что еще дышали. Занимаясь своей кровавой работой, он прислушивался к голосовому каналу генерала и мысленно регистрировал понесенные гвардией потери. Он знал, что гвардейцы наверняка будут уничтожены, если продолжат наступление на логово орочьего вождя, и та же участь ждет их, если армия вождя начнет за ними охоту. На мгновение он пожалел Гвардию. Призраки всегда были

храбрыми солдатами, не отступавшими
перед лицом неприятеля. Было обидно,
что им суждено сгинуть вот так,
совершенно бессмысленно.

Но к тому времени Кулаки давно
покинут эту планету.

Когда Арго приблизился к краю
колоссального нагромождения обломков,
составлявшего кости Канторского дворца,
он активировал передатчик и послал тот
сигнал, что ему не терпелось отправить с
элемента прибытия. Вспышка
подтверждение была единственным
ответом, который он получил и который
ему требовался.

Отделение Деметриана
расположилось неподалеку от
сверхтяжелого танка лорд-генерала и
возносило почести своему оружию, читая
ежедневные молитвы. Там они и
оставались, не обращая внимания на
окружающих гвардейцев, пока в небе не
забыли турбины.

— Какого черта эта штука здесь
делает? — спросил лорд-генерал у майора
Дэйса.

Оба они, задрав головы, смотрели на темную тень, которая с ревом заходила на посадку. Офицеры покинули прохладную тень танка и подошли к костогесантникам. За спинами Астарте «Астреб» приземлился в столбе пыли и выкинул посадочные опоры.

--- Вы уходите? --- Ульвиран потребовал от Арго ответа, перекрикивая рев затихающих двигателей.

--- Нет.

--- Тогда что?..

--- Подвиньтесь в сторону, лорд-генерал, --- сказал капеллан. --- Нам нужно место для оборудования. И если вы любезно уберете свой танк, мы будем крайне благодарны.

Дэйс, низенький и упитанный, как и все представители его планеты, вытянулся во весь свой невеликий рост:

--- Мы выдвигается через час. Вы не сможете сделать... то, что собираетесь.

--- Нет, --- сказал Арго. --- Смогу. --- Его маска-черепа воззрилась на толстяка. --- Если вы попытаетесь меня остановить, я вас убью.

К чести Дэйса, он ловко сделал вид, что рычание из динамиков его нисколько не трогает.

— У нас приказы от командования Сегментума, и Багровые Кулаки обязаны им подчиниться.

— Это забавная идея, — улыбнулся Арго, зная, что люди не увидят выражения его лица. — Тешьтесь этой фантазией, пока убираетесь у нас с дороги.

Ульвиран выглядел так, словно ему в брюхо всадили нож. В немом изумлении он смотрел, как сервиторы и рабы выгружают из «Ястреба» портативное промышленное оборудование.

— Если вы не отодвинетесь в сторону, — сказал Арго, старательно изображая терпение, — то «Ястребы», направляющиеся сюда с орбиты с остальным оборудованием, раздавят при посадке ваш танк.

— Оборудование? — возмущенно возопил Дэйс. — Для чего?

Ответил ему Ульвиран, который заметил бұры и ковши экскаваторов среди выгружаемой техники:

--- Расконки...

Генерал сторщился от мысленного усилия.

Арго удостоил офицеров поклоном:

--- Да. Расконки. А теперь, пожалуйста, отойдите.

Побежденные и запутавшиеся, два человека отступили. Дэйс был красен и возмущенно скалился, а генерал выглядел подавленным и угрюмо отдавал нужные распоряжения, чтобы расчистить площадь для посадки кораблей.

Когда за несколько минут до конца назначенного часа гвардейцы ушли, среди руин Канторского дворца возвышались три «Ястреба». Из каждого выгружались сервиторы, рабы и техника.

Утрих кивнул в том направлении, куда удалялась гвардейская колонна:

--- Они идут на запад.

--- Тогда они утрут достойно, --- рявкнул капеллан и разрубил ладоною воздух, отдавая приказ о начале работ.

Буры врезались в камень, ковши принялись отгребать щебень в сторону, и рабы ордена Багровых Кулаков приступили

и раскопкам.

Три дня прошло, прежде чем они обнаружили свою первую находку.

К этому времени гвардия подошла к самой окраине Южного Шпиля. Гвардейцам оставалось лишь несколько часов до последнего столкновения с вождями зеленокожих и его армией. Кулаки в Канторском дворце молча восхищались решением Призраков умереть, атаковав врага, а не отступить и погибнуть в их собранном на скорую руку лагере.

Три дня миновало с того момента, как гвардейцы ушли. Три дня, перетекаемых оборонительными боями и мелкими стычками в дневные и ночные часы. Хотя этот район был очищен от орков, разрозненные банды гикарей все еще пытались атаковать позиции Багровых Кулаков. Каждое из нападений ревущих и завывающих ордов разбивалось о шквальный огонь тяжелых болтеров с «Ястребов» и об упорное сопротивление Кулаков, которые днем и ночью бессонно охраняли периметр.

Вечером третьего дня, когда тусклое солнце опустилось за горизонт, один из рабов вскрикнул. Он что-то обнаружил, и костодесантники побежали к нему.

Первый мальчик был мертв.

Его скаутская броня и тело остались практически неповрежденными. Вейн извлек труп из каменной могилы и со всем должным уважением опустил на землю перед первым «Ястребом». После того как осмотр был закончен, Арго подошел чтобы провести обряд Благословенного Отпущения. Он опустился на колени рядом с мальчиком, прижал разрезанную ладонь к его лбу и оставил кровавый развод, который смешался с грязью на пыльном лице ребенка:

--- Послушник Фразель.

Вейн проконсультировался со своим нартециумом, вводя данные с клавиатуры и считывая показания.

--- Возраст тринадцать лет, начальная стадия имплантации.

--- Почти нет признаков разложения, -- негромко заметил Арго.

--- Нет. Кровь и пробы ткани указывают на то, что он умер три или четыре дня назад. Я бы предположил: за день до того, как мы прибыли.

--- Четыре месяца, --- прошептал Арго, окинув взглядом руины. --- Он пробыл под развалинами четыре месяца, и мы опоздали лишь на три дня. Это...

--- Что?

Вейн захлопнул свой нартециум и очистил дисплеи. Хирургические инструменты втянулись обратно в медблок.

--- Это... несправедливо, --- закончил Арго.

Он знал, как глупо звучат его слова.

--- Если бы он был полностью человеком, --- сказал Вейн, --- то умер бы в первые две недели. Голод. Жажда. Травма. Чудо, что его имплантаты позволили ему прожить так долго. Почти шестнадцать недель, Арго. Это само по себе достойно упоминания в свитках славы.

До сегодняшнего дня они избегали обсуждать шансы на успешное завершение миссии. Это было задание того сорта, от

которого не ждешь почестей.

--- Шестнадцать недель...

Арго закрыл глаза, но линзы его шлема продолжали смотреть на Вейна немигающим взглядом.

--- Даже без анабиозной мембраны, --- Вейн стучал по клавишам на браслете нартециума, --- наша физиология позволяет замедлить метаболизм и практически остановить многие биологические процессы. Предположение, что Астартес из генетической линии Розала Дорна способен оставаться в живых так долго, не выходит за рамки вероятности.

Арго кивнул. Полностью сформировавшийся костогесантник может выжить, в принципе может выжить. Но это не наверняка. Капеллан оглянулся через плечо туда, где лежало тело послушника.

--- Кыны! --- рывнул передатчик. --- Скоты на южном периметре!

Арго и Вейн уже сорвались с места.

--- Я опять налагаю на вас епитимью, Утрих.

--- Да, брат-капеллан. Непременно
выполню ее после того, как мы прикончим
этих сүкиных детей. Им отчего-то не
понравились мои трофеи.

Второе тело обнаружили двүтя
часами позже в пятидесяти метрах от
первого. Это был иссохший труп, глубоко в
процессе түтификации. У Вейна несколько
минүт ушло на то, чтобы
идентифицировать его как послүшника
Амагона, пятнадцати лет, вторая стадия
имплантации.

--- Этот мертв үже многие месяцы, ---
сказал Вейн.

Не было нүжды үказывать на
раздавленные ребра тальчика и
оторваннүю правүю ногү. Обломки
скаүтской брони еще покрывали
обезвоженный труп.

--- Он погиб, когда обрушился дворец.

Капеллан проводил над Амагоном
погребальный обряд, когда обнаружен был
первый выживший.

--- Арго, --- в переговорном үстройстве
треснүл возбүжденный голос Вейна, ---

кровь примарха, Арго, иди сюда!

Арго сжал зубы:

--- Минуту, пожалуйста.

Он прижал разрезанную лапоть к черепу мертвеца:

--- Арго, сейчас же!

Капеллан заставил свое сдвоенное сердце биться медленнее, подавил нетерпение и закончил обряд. Это вопрос традиции. Это было важно. Мертвые требовали уважения за принесенную ими жертву. Прошла, казалось, вечность, прежде чем Арго смог подняться на ноги и подойти туда, где Вейн и Деметриан помогли выжившему выбраться из кучи щебня.

Система наведения в шлеме мгновенно очертила фигуру. Сработал предохранитель. На сетчатке Арго вспыхнул рунный символ. Выявлено генное семя. Отказ наводиться на цель.

Человек был худ, как скелет, и ноги его грожали. Линзы равнодушно проецировали изображение стахивающей на призрак фигуры, и поначалу Арго обратил внимание лишь на чуть

теплящиеся жизненные показатели, высветившиеся под именем человека. Капеллан не поверил бы, что кто бы то ни было, пусть даже Астартес, способен выжить на такой стадии истощения.

Арго прочел имя за секунду до того, как Вейн и Деметриан повели человека достаточно близко, чтобы капеллан смог его узнать. Со вставшими глазами и щеками, казавшийся скорее мертвым, чем живым, пожилой Астартес ухмыльнулся при виде Арго. Капеллан не мог не заметить сходства этого истощенного лица со своим собственным шлемом-черепом.

— Кого вы там откопали? — прокричал в передатчике Улрих.

Он был недоволен тем, что пропустил момент находки.

Арго попытался ответить, но языку не повиновался. Вместо капеллана отозвался Вейн:

— Нохлитан. Мы нашли сержанта Нохлитана.

Похожий на скелет сержант, тренировавший Арго и Вейна в одном

подготовительном отряде, продолжал улыбаться и разглядывать внушительные формы черной силовой брони Арго.

--- Привет, мальчик, --- произнес Нохлитан. Голос его оказался сильным, несмотря на хрип и на дрожь в ногах. --- Вы не слишком-то торопились.

--- Мы... Мы не знали...

--- Да уж, с таким красноречием только в капелланы. --- Сержант поперхнулся и закашлялся с сухим, свистящим звуком. На губах его выступила кровь. --- А теперь перестаньте паяльаться, как идиоты, и вытащите остальных моих ребят.

Трое из них выжили. Трое из десяти.

Этого было достаточно, чтобы оправдать задание. Даже более чем достаточно. Единственный спасенный послушник ордена оправдал бы риск. Они продержались в руинах четыре месяца, и каждый выглядел изможденным скелетом, чьи жизненные показатели едва-едва тизали на дисплее нартециума Вейна. Нохлитан был единственным, кто мог

говорить. Двое послушников в разбитой броне представляли собой сплетение иссохших конечностей. Оба едва дышали, выныривая из забвения и вновь в него погружаясь.

Отделение оказалось затурованным в своем склепе с момента обрушения дворца. Подготовительное отделение Нохлитана сражалось на подземных этажах, когда заряд сдетонировал, и не смогло выбраться из пораженной зоны.

Семеро мертвых. Трое живых. Маленькая, но радостная победа, вырванная из челюстей катастрофы.

Пока сервиторы грузили оборудование и рабы готовили «Ястреб» к взлету на орбиту, Арго сидел рядом с Нохлитаном в тесном медицинском отсеке. Вейн занимался двумя послушниками, каждый из которых был не старше шестнадцати.

--- Священная глань Дорна, --- пробормотал Нохлитан, в упор глядя на капеллана серыми глазами. --- Что произошло с Вейном?

--- Демон.

--- Этот дедон мертв?

--- Конечно мертв.

--- Да, разумеется. Видишь вон того?

--- Нохлитан слабо махнул в сторону ближайших к нему носилок. --- Это послушник Зефарай.

Зефарай хрипел в дыхательную маску, закрывавшую половину его лица. Участки ткани на его шее и висках были воспалены, вены вздувались зигзагами толщи.

Арго наблюдал за затрудненным дыханием подростка. Зефарай был кандидатом в эпистолярии от своего отделения. Библиариум ордена отметил его мощный теленатический дар.

--- Магистр ордена Кантор воздаст ему величайшие почести за содеянное, --- сказал капеллан.

--- Еще бы он не воздал. Это почти убил его, понимаешь? Днем и ночью кричать в варп и надеяться, что один из библиариев услышит его... Нас засыпало рядом. Он бормотал и шептал, говорил о том, как должен пройти сквозь сотню раздумов, чтобы найти один-единственный,

которому можно довериться на таком огромном расстоянии.

Арго не знал, что сказать. То, что сделал Зефарай, было теленатическим свершением невероятной силы. Когда один из эпистоляриев оргена сообщил о слабости, но настойчивом контакте, этого хватило высшим эшелонам оргена. Немедленно была организована спасательная операция.

— Его ждут великие дела, — ухмыльнулся Нохлитан. — Ты нашел мой болтер, мальчик?

Болтер Нохлитана они не обнаружили, и сержант смог прочесть это по лицу Арго.

— Что ж, — Нохлитан откинулся на носилках, подключенных к путанице трубок и проводов, — я буду скучать по нему. Это было славное оружие. Славное оружие. Я прикончил патриарха генокрадов из этого болтера. Начисто снес ему башку.

— Через несколько минут мы взлетаем. «Бдительный» ждет на орбите. Когда погрузился на борт и выйдет из гравитационного поля Сайрэла, мы

поспешил прямо к Ринну.

Нохлитан снова выпрямился. Тело сержанта сотрясала дрожь, он тратил последние силы, чтобы прямо заглянуть в глаза Арго.

— Ты говорил мне, что воины Радигитра все еще здесь. Все еще двинутся навстречу новому вождю.

— Да. Если наши начальные экстраполяции верны, они вступят в бой сегодня после полудня.

— Ты бросишь Призраков? Мальчик, что с тобой?

— Пожалуйста, не называйте меня мальчиком, сэр. Магистр ордена Кантор...

— Моего старого приятеля Педро Кантора — да снизойдет на него благословение — здесь нет. Но ты здесь. Убоимая священной глани Дорна, ты хочешь однажды предстать перед Императором, зная, что бежал от этого боя?

— Шансы... слишком ничтожны. Все, чего мы достигли, будет напрасным, если мы погибнем в этой битве.

Нохлитан вцепился в нарукавники Арго, сжав гладкий черный кератин в

угрожающей тонкопалой клешне:

--- Ты --- будущее этого ордена. ---
Серые глаза сержанта потемнели, как
грозовое небо. --- Ты определяешь тот путь,
по которому однажды пойдут послушники..

Арго встал, позволив руке наставника
соскользнуть со своего предплечья, и
покинул комнату, не вымолвив ни слова.

«Ястреб» с визгом разрезал ночное
небо. Его двигатели вертикального взлета
заработали, когда он завис в четырехстах
метрах над землей. Болтеры на кончиках
крыльев нацелились вниз и изрыгнули
сплошной поток зарядов. Сервиторы,
обслуживающие орудия, не должны были
даже целиться. Нельзя было промахнуться
по кипящей внизу орде: море зеленых шкур
и бряцающего оружия, окружавшее все
уменьшающееся серое кольцо.

Последний рубеж Призраков.

Через минуту орудия затолчали.
Автоматические зарядные устройства все
еще работали, но огонь прекратился. На
земле бронедивизионы Радуги
продолжали свое наступление против

захвативших городские руины орков. Ульвиран смотрел на боевой корабль Багровых Кулаков, зависший вне зоны поражения вражеской артиллерии.

--- Это Кулаки, --- сказал Дэйс, и Ульвиран про себя улыбнулся вопиющей очевидности этого наблюдения.

«Славный старина Дэйс. Не найдешь человека лучше, чтобы умереть рядом с ним».

--- Мы неплохо поработали, Дэйс. Мы почти достали этого ублюдка-вожжа, правда?

--- Да, сэр.

Майор все еще смотрел в небо, безразличный к кипящему вокруг сражению.

--- И что же именно делают Кулаки? --- спросил лорд-генерал. --- Глаза у меня уже не те, что прежде...

--- Они...

Глазные дисплеи Арго во время нападения отсчитывали высоту. В их красноватом зрительном поле земля приближалась с угрожающей скоростью.

Капеллан крепче сжал свой меч и болтер, движением глаз включив реактивный двигатель в ранце. Тяжелый ранец для прыжков выпустил струю пламени, замедлив падение, и все же капеллан приземлился с сокрушительным ударом, опередив остальных.

Оказавшись на ногах, он уже бежал, и его оружие пело. Он разил мечом налево и направо и непрерывно стрелял из болтера, защищая вокруг себя площадку в центре бурлящего орочьего прилива.

Томас приземлился следующим и повторил смертельную пляску Арго. Затем Деметриан, затем Вейн. Утрих, к его дикой ярости, оказался последним. Другие, кружась и убивая, слышали его проклятия: «Вы начали без меня!»

В двадцати метрах впереди, среди океана корчащихся орочьих туч, легко узнаваемый в краденой броне, которая раздула его до размеров гредноута костодесантников, бесновался вождь зеленокожих.

Утрих приземлился и расчехлил болтер, пробиваясь к твари.

--- Он мой! --- просигналил Утрих
остальным. --- Этот череп достанется
мне!

«Погибель изменника», сжатую в двух
бронированных перчатках, черной и
красной, омывали сверкающие волны
энергии. Древняя булава одним взмахом
сокрушила трех орков, бросив на землю их
изломанные, все еще бьющиеся в
конвульсиях от силового удара тела.

--- Нет! --- Арго на мгновение прервал
литанию Ненависти и втянул воздух,
чтобы ответить Утриху и следующему за
ним отделению. --- Скотский лорд --- мой!

notes

Аллюзия на знаменитую папскую буллу, провозгласившую упразднение ордена рыцарей-тамплиеров.